

Л.М. ИВШИН

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ УДМУРТСКОЙ ГРАФИКИ И ОРФОГРАФИИ В XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Дж/дж Жж Кк Пп Дд Ъ
Дз/дз Зз Ё ё Рр Чч М
Вв Ее Ии Дл Сс Шш Ээ
Гг ê î Мм Тт Ъ Юю
Gg € и Нн Уу ъе Юю
Дд, іо, Јј Оо Ув/ув Ыы

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
УДМУРТСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Л. М. ИВШИН

**СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ
УДМУРТСКОЙ ГРАФИКИ И ОРФОГРАФИИ
В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА**

Екатеринбург–Ижевск
2010

УДК 811.511.131
ББК 81.2(2Рос=Удм)-8
И25

Научный редактор
доктор филологических наук *В. К. Кельмаков*

Рецензенты:
доктор филологических наук *Е. А. Цыпанов*,
доктор филологических наук *А. Ф. Шутков*

Ившин Л. М.

И25 Становление и развитие удмуртской графики и орфографии в XVIII – первой половине XIX века. Екатеринбург–Ижевск: УрО РАН, 2010. 236 с.: вкл.

ISBN 978-5-7691-2135-7

В книге содержится историко-лингвистическая и палеографическая интерпретация рукописных и печатных памятников письменности удмуртского языка XVIII – первой половины XIX века. Рассмотрены динамика развития удмуртской графики и орфографии указанного периода, диалектные и лексические особенности письменных документов, дана характеристика акцентуационной системы. Материалы некоторых источников вводятся в научный оборот впервые.

Монография адресована широкому кругу читателей: студентам, работникам науки, образования, печати и всем, кто интересуется вопросами истории удмуртского языка и письменности. Представляет большой интерес для специалистов в области финно-угорской филологии.

ISBN 978-5-7691-2135-7

© Л. М. Ившин, 2010
© Удмуртский институт истории,
языка и литературы УрО РАН, 2010

ПРЕДИСЛОВИЕ

В последнее время среди лингвистов возобновился интерес к вопросам истории возникновения и развития письменности и литературного языка. Исследование этих недостаточно разработанных разделов удмуртского языковедения, как известно, требует широкого вовлечения в научный оборот рукописных и опубликованных памятников, которые для многих языков, в том числе удмуртского, являются одним из важнейших источников, воссоздающих более или менее полную картину состояния языка на определенном этапе его развития.

Письменность – величайшее достояние любого народа. У одних она существует с древнейших времен, у других – относительно недавно. Ее генезис непосредственно связан с вопросами графики и орфографии. Сложение и функционирование графики, как и возникновение самой письменности, тесно связано с историей народа, с теми конкретно-историческими и социально-политическими условиями, которые складываются в процессе национального движения. Важную роль в развитии письменности играло культурно-экономическое влияние соседних народов, их религии, благодаря которой письменность переходила от одного народа к другому. Факт возникновения письменности вместе с приходом той или иной религии, в нашем случае христианства, стал исторической аксиомой для многих народов.

Несмотря на то, что изучение ранних письменных документов по удмуртскому языку по своей значимости должно было бы быть одним из центральных вопросов удмуртского языкознания, до настоящего времени оно оставалось фрагментарным. Если графика памятников письменности в какой-то мере рассматривалась попутно с их диалектными и лексическими особенностями, то орфография исследовалась крайне недостаточно. Объективная картина становления современной удмуртской графики и орфографии может быть достигнута лишь при аналитическом исследовании каждого из изданий на удмуртском языке. Если этого не сделать,

небольшие работы, основанные на анализе графических особенностей отдельных книг, заранее будут обречены на неполноту и фрагментарность. Из-за отсутствия специальных работ, посвященных изучению становления и развития графической и орфографической систем удмуртского языка дореволюционного периода, вне поля зрения лингвистов оставались сведения, необходимые для исследования его лексической системы. Динамику становления удмуртского алфавита и обозначения различными буквами специфических звуков невозможно изучить попутно в работах на другую либо общую тему, потому что дореволюционных изданий насчитывается относительно много.

Цель нашей работы – описание удмуртской графической и орфографической систем XVIII – первой половины XIX века, а также историко-лингвистическая и палеографическая интерпретация письменных памятников удмуртского языка почти двухвековой давности. Цель обусловила решение следующих важных задач:

- 1) раскрытие исторических причин и описание условий появления удмуртских письменных памятников (первоначально на латинице, затем на основе кириллической графической системы);
- 2) выявление в меру возможностей рукописных памятников XVIII – первой половины XIX века по удмуртскому языку;
- 3) глубокий графический анализ каждого письменного памятника и установление принципов правописания в них;
- 4) исследование развития удмуртской графики и орфографии;
- 5) анализ диалектных (на уровне фонетики и морфологии) и лексических особенностей памятников.

Основная часть анализируемого материала извлечена из разных печатных и рукописных источников. В работе мы также опираемся на материалы, представленные в трудах ученых, ранее изучавших письменные памятники удмуртского языка, а именно: Т. И. Тепляшиной, В. И. Алатырева, В. М. Вахрушева, И. В. Тараканова, Ш. Чуча, Б. И. Каракулова, В. К. Кельмакова и др. Широко использованы материалы рукописных удмуртско-русских и русско-удмуртских словарей, хранящихся в научно-отраслевом архиве Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН (ф. РФ, оп. 2-Н, д. 624; ф. РФ, оп. 2-Н, д. 659). Источниками исследования явились также рукописные словари по удмуртскому языку, имеющиеся в фондах архивов и библиотек России. Так, в Национальном Архиве Республики Татарстан автором выявлен и изучен пятиязычный рукописный словарь, составленный в 1833 году (ф. 10, оп. 5, д. 886).

Принципы подачи и расположения материала в работе следующие:

1) названия памятников в целях экономии места даются в сокращенном виде, полные наименования источников приводятся в конце работы;

2) все примеры, используемые в качестве иллюстративного материала, даются в соответствии с орфографией первоисточников; все надстрочные знаки приводятся в строгом соответствии с оригиналом, т. е. фактический материал приводится с той точностью, какая необходима для палеографического и лингвистического анализа;

3) из рукописных или печатных словарей в качестве иллюстраций даются лишь списки отдельных слов. Фактический материал, извлеченный из текстовых памятников, приводится в виде отдельных предложений, в которых необходимое для графического, орфографического, диалектного или лексического анализа слово (часть слова) или выражение выделяется полужирным шрифтом.

* * *

Хотелось бы надеяться, что предлагаемая книга будет полезной для специалистов, занимающихся исторической лексикологией и диалектологией, проблемами палеографического описания древних памятников, для преподавателей, аспирантов и студентов историко-филологических факультетов, учителей школ и педучилищ, а также для всех, кто интересуется удмуртским языком.

Автор приносит глубокую благодарность кафедре общего и финно-угорского языкознания Удмуртского государственного университета, лингвистам отдела филологических исследований Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН, а также рецензентам – докторам филологических наук, профессорам Е. А. Цыпанову и А. Ф. Шутову. Искренне хочется выразить глубокую признательность своему научному руководителю и редактору доктору филологических наук, профессору В. К. Кельмакову.

В в е д е н и е

0.1. Предпосылки появления памятников удмуртской письменности

В масштабах мировой истории XVIII век был временем нарастающего конфликта между феодально-абсолютистским строем и зарождающейся буржуазией. В странах Европы, особенно во Франции, стоявшей на переднем крае общественного развития, развернулось мощное революционное движение, известное под названием Просвещения. Постепенно оно охватило всю Европу, в том числе Россию. Для последней эта эпоха была необычайно противоречивым временем. В области экономики наблюдалась острая борьба между старыми, феодальными, способами производства и новыми, капиталистическими ростками в промышленности. С подъемом экономики, рост которой «прежде всего стимулировала сама абсолютная монархия» [Майер 1975: 28], получило толчок культурное развитие страны. В сложившейся обстановке (быстрое экономическое развитие страны, обострение классовых противоречий) государство нуждалось в более образованных кадрах, на которые можно было бы возложить функции государственного управления, образования, накопления научных знаний. В стране были основаны Петербургская Академия наук (1725 год) и Московский университет (1755 год) (см. также [Кельмаков 2001а: 9; 2001б: 15]). В течение XVIII века Академия наук снаряжала и отправляла в Поволжье, на Урал и в Сибирь целый ряд экспедиций. В истории науки это время иногда называют «веком великих экспедиций» [Токарев 1966: 82]. Ни в одной стране ни в XVIII веке, ни позже научные экспедиции не достигали такого огромного размаха, как в России. По не полным подсчетам, за одно XVIII столетие было проведено 50 экспедиций, участникам которых предписывалось изучение не только быта, обычаев, истории народов России, но и сбор материала об их языках. Так, в инструкции, данному Г. Ф. Миллеру, имеется следующий пункт: «об языке каждого народа надобно сделать несколько примеров...: переводы господней молитвы, числа, существительные, употребительнейшие имена...» [Токарев 1966: 83].

Во все эти процессы в определенной степени была втянута и территория Поволжья и Приуралья, Удмуртское Прикамье в том числе. Зарождение и развертывание в России капиталистических отношений сопровождалось не только увеличением численности мануфактур, усилением эксплуатации крестьян и рабочих, но и такими явлениями, как развитие науки и образования с целью подготовки грамотных людей, способных управлять современным капиталистическим производством, что имело положительные последствия и для периферии, в том числе Удмуртского края.

Таким образом, появление первых удмуртских письменных памятников, а вместе с тем и создание удмуртской письменности было вызвано, в первую очередь, политикой культурного развития страны: намерением изучать окраинные территории России, населяющие их народы, их быт и языки.

До недавнего времени историю исследований удмуртского языка было принято начинать со списка слов Филиппа Йоганна фон Страленберга в 29 слов [История Удмуртии I: 212; Тепляшина 1965а: 25–29], приведенных в его знаменитом произведении «Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia, In so weit solches Das ganze Russische Reich mit Siberien und den grossen Tataren in sich begreiffet...» [Strahlenberg 1730], которое было издано в Стокгольме на немецком языке в 1730 году. В книге имеется таблица «Harmonia linguarum. Tabula polyglotta» (см. стр. 156), в которой приведен материал из разных языков, дифференцируемых на 6 отдельных классов. Первый класс содержит финно-угорские языки, в том числе удмуртский.

По новейшим данным, наиболее ранние памятники письменности на удмуртском языке датируются 1726 годом [Новлянская 1970: 147–148; Напольских 1998: 153; 2001: 8–9; Каракулов 2006; Ившин 2008а: 57]. Первый рукописный словарь, содержащий более 350 удмуртских слов, принадлежит перу данцигского врача Д. Г. Мессершмидта – первого ученого-путешественника по Сибири. В 1719 году он был направлен для изучения природных ресурсов, истории и этнографии Сибири. В течение семилетнего путешествия (1720–1726 гг.) исследователь собрал богатый материал различного характера по народам Поволжья и Сибири, в том числе по удмуртам.

В 1733–1742 гг. была организована Камчатская экспедиция, среди участников которой были крупные ученые того времени Г. Ф. Миллер и Й. Э. Фишер. Им предстояло описать верования, быт, физические данные различных народов, населяющих Россию.

В 1768 году по воле императрицы Екатерины II и Академии наук была снаряжена другая экспедиция, в которой участвовали П.-С. Паллас, П. Фальк

и другие ученые. В числе собранных ими богатейших материалов имеются списки удмуртских слов. Лексические материалы этой экспедиции легли в основу крупнейшего лингвистического труда той эпохи под названием «Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею всевысочайшей особы», в котором обозначены 273 понятия на двухстах языках Европы и Азии. В книге под номером 65 представлены и удмуртские слова. Известно, что главным редактором первого издания словаря [СПб, 1787; 1789] был П.-С. Паллас [Грот 1877: 429]. Составление этого лексикографического труда получило характер государственного предприятия, и не случайно словник был разослан во все административные и епархиальные центры России. Таким образом, периферийные языки, до сих пор малоизвестные или вовсе неизвестные научному миру, стали фигурировать наравне с распространенными языками. Наиболее ценным является то, что составители словаря продолжили характерную для их века лингвистическую традицию собирания слов по многим языкам. Сохранились рукописные словники отдельных языков и диалектов, предназначенные для этого лексикографического труда. Их значение бесценно для историко-лингвистических исследований и изучения письменных памятников [ОФУЯ I: 61].

Таким образом, одной из причин появления рукописных словарей и тематических словников удмуртского языка XVIII столетия является идея составления «Словаря всех языков и наречий...» под редакцией П.-С. Палласа.

В истории России XVIII век примечателен не только своими великими преобразованиями, но и мрачными политическими коллизиями русского самодержавия, проявившимися, в первую очередь, в деятельности церкви по христианизации нерусских народностей, которая на первых порах проводилась посредством насилия и принуждения, жестоких преследований инаковерующих. В 1740 году был издан именной указ государя о создании Новокрещенской конторы. Этим указом увеличивалась ассигнация на миссионерское дело, разрешались разнообразные меры по его улучшению. Для того, чтобы иноверцы охотнее принимали святое крещение, указ оставил для новокрещенных льготы в платеже податей и отбывании рекрутской повинности, установленные еще в прежнее время (указы от 1720, 1721, 1722 и 1735 гг.). При этом, согласно документу, указывался другой источник для пополнения недоимок: «Теперь уплата податей и поставка рекрут за новокрещенных возлагалась на некрещенных» [Луппов 1999: 142].

Подобно другим инородцам, принимавшим крещение, удмурты приписывались сначала к старорусским приходам. Идея образования исключительно удмуртских приходов в Казанской епархии возникла лишь в конце 1740-х годов. С 1749 по 1760-е гг. для удмуртов было основано уже 13 приходов [Луппов 1999: 150]. В открывавшихся новокрещенских удмуртских приходах на средства государственной казны строились церкви.

Русское духовенство и правительство стали уделять внимание вопросам обучения новокрещенных в школах и подготовке квалифицированных миссионеров из их среды. В связи с этим перед миссионерами встала проблема овладения языком народа, среди которого они работали. Не случайно митрополит Вениамин Пуцек-Григорович, переведенный в 1762 году из Санкт-Петербурга в Казанскую епархию, изучал инородческие языки Поволжья. Неудачный опыт прошлого заставил пересмотреть методы обучения нерусских детей в школах, натолкнул на мысль о необходимости преподавания учащимся на их родном языке. С этой целью перед миссионерами была поставлена задача составления учебных пособий, словарей и грамматик. Учитывая необходимость использования родного языка в школьном обучении, правительство в 1775 году разрешило напечатать первую удмуртскую грамматику под названием «Сочинения принадлежащая къ грамматикѣ вотскаго языка» [Сочинения 1775]. По мнению некоторых ученых, ее автором является В. Пуцек-Григорович, которому оказали существенную помощь ученики-удмурты Казанской новокрещенской школы и духовной семинарии.

В XIX веке политика Русского правительства и Святейшего Синода была направлена на укрепление и развитие христианской религии и христианской культуры среди нерусского населения России. Для достижения этой цели «создавались небольшие словарики и учебные пособия» [Кузнецова 2000: 97], по указу правительства на языки инородцев переводилась клерикальная литература, издавались богослужебные книги. Так, в 1803 году на удмуртский язык были переведены «Отче наш», «Богородицы Дево радуйся», «Символ веры», десятослов и краткий катехизис [Ильминский 1885: 356; Каракулов 2006: 124–125], в 1819–1821 гг. – Евангелие от Матфея на елабужский диалект и Евангелие от Марка на глазовское наречие [Каракулов 2006: 126–127]. Переводы Евангелий вышли из печати в 1847 году. Надо признать, что в процессе христианизации был накоплен большой опыт переводческой деятельности, а в переводах текстов Евангелий и Азбуках, изданных в 1847 году в Казани, выработана основа для удмуртского литературного языка.

Во второй половине XIX века с открытием Переводческой комиссии братства св. Гурия количество переводных и иных изданий существенно увеличивается. Для детей удмуртов стали издаваться различные буквари ([Блиновъ: 1867; 1872; Букварь 1875; Букварь 1882 и др.]), составляться грамматики и словари.

Появление некоторых рукописных лексикографических работ можно объяснить энтузиазмом отдельных грамотных людей того времени. К памятникам такого рода относится, в частности, «Свод некоторых слов русских, пермяцких, зырянских, вотяцких и чувашских» [1833], подготовленный служащим Ф. А. Волеговым.

Итак, возникновение письменных памятников удмуртского языка было обусловлено следующими факторами:

- 1) политикой культурного развития страны;
- 2) идеей составления «Сравнительного словаря всех языков и наречий...» П.-С. Палласа;
- 3) деятельностью миссионеров и христианской церкви;
- 4) интересом к лексикографической работе отдельных грамотных людей.

0.2. Из истории изучения и выявления ранних памятников удмуртской письменности

Ранние памятники удмуртской письменности, как печатные, так и рукописные, до сих пор не подвергались всестороннему лингвистическому анализу. Отдельные сведения о них, встречающиеся в литературе, не могут удовлетворить возросшего за последние годы теоретического и практического интереса к удмуртским письменным памятникам. Их изучение представляет собой одну из важнейших задач языковедческой деятельности. Без подробного изучения начального этапа развития письменности трудно решать и проблемы современного литературного языка. Нельзя не согласиться с мнением известного марийского лингвиста Ф. И. Гордеева о том, что «без должного учета лексики памятников письменности не может быть раскрыто историческое развитие словарного состава языка» [Гордеев 1985: 13].

Лингвистическому анализу 10 памятников удмуртской письменности XVIII века разного объема и характера (списков слов, словарей и грамматик удмуртского языка) посвящена книга Т. И. Тепляшиной «Па-

мятники удмуртской письменности XVIII века» [1965a]. В нее вошли лексические материалы по удмуртскому языку, собранные учеными-путешественниками Ф. Й. Страленбергом, Г. Ф. Миллером, Й. Э. Фишером, П.-С. Палласом, которые при правлении Петра I и Екатерины II были направлены в Поволжье, Сибирь и Дальний Восток для исследования природных богатств, истории, этнографии, а также языковых данных народов, проживающих в этих регионах. В книге приводится анализ первой грамматики удмуртского языка [Сочинения 1775], рукописной грамматики М. Могилына [Могилинь 1786], удмуртского перевода молитвы «Отче наш» и двух удмуртских стихотворений, даны сведения об их объеме, месте хранения, дате создания; исследованы графические, фонетические, морфологические и лексические особенности каждого памятника, определена принадлежность его к тому или иному диалекту удмуртского языка.

Если опубликованные памятники письменности в какой-то мере нашли отражение в научной литературе, то рукописная лексикография, например, первой трети XIX столетия, до настоящего времени оставалась вне поля зрения лингвистов.

Отдельные исследователи ограничиваются краткой аннотацией некоторых ранних памятников удмуртского языка (см. напр.: В. И. Лыткин и Т. И. Тепляшина [ГСУЯ 1962: 52–55; 1976: 115–121]; Т. И. Тепляшина [1965a: 61]; В. И. Алатырев [1970: 4–5, 11]; И. В. Тараканов [1971: 82–85; 1992: 118–120; 1998: 330–338]; В. М. Вахрушев [1988: 8–14]; Б. И. Каракулов [1991: 115–118]; О. А. Сергеев [1997: 152]; О. П. Аксенова [2000: 16]; В. К. Кельмаков [2001a: 10–14; 2001b: 102–114; 2002b: 19–21] и др.).

Работы других ученых посвящены лингвистической характеристике какого-либо одного памятника удмуртской письменности, в частности:

1) языковых данных данцигского врача-путешественника Д. Г. Мессершмидта – В. В. Напольских [1998: 146–156; 2001]; Л. М. Ившина [2008a: 57–64];

2) списка слов Ф. Й. Страленберга – В. В. Напольских [2002: 33–49]; В. К. Кельмакова [2008: 14–15];

3) Вокабуляра Й. Э. Фишера – Ш. Чуча [Csúcs 1983: 311–320; 1984: 63–80]; Л. М. Ившина [2010: 86–94];

4) первой грамматики удмуртского языка – И. В. Тараканова [1959: 149–166; 1965: 229–230]; В. И. Алатырева [1975a: 3–15; 1975b: 1–16; 1976: 21–23; 1977: 208–215]; В. М. Вахрушева [1975: 3–23; 1976: 36–43]; В. М. Вахрушева и В. Н. Денисова [СУЯ 1992: 114]; Е. Б. Беловой [2002: 99–100];

5) рукописного удмуртско-русского словаря З. Кротова – Т. И. Тепляшиной [1971: 129–139; 1973: 224–226; 1995: VII–XX], Л. М. Ившина [1998: 140–145];

6) первых переводов Евангелий на удмуртский язык и Азбук на глазовском и сарапульском наречиях удмуртского языка – Б. И. Каракулова [1987а: 103–107; 1987б: 184–191; 1997: 3–8; 2000: 467–469]; В. М. Вахрушева и В. Н. Денисова [СУЯ 1992: 114–115], А. Ф. Шутова [1997: 215–217], Л. М. Ившина [2001: 99–103; 2002а: 153–158; 2003а: 5–12; 2003б: 5–10; 2005г: 118–121], В. К. Кельмакова [2004: 537–546; 2007: 17–24; 2008: 49–106] и др.

Отдельные сведения и поверхностная лингвистическая интерпретация ранних памятников письменности удмуртского языка содержатся в трудах таких исследователей, как В. К. Кельмаков [1992а: 55–60; 1992б: 25; 2008: 13–28], Б. И. Каракулов [1994: 313–315; 2006: 118–132], О. А. Сергеев [2002: 22, 30, 43, 46, 47], И. В. Тараканов [1998: 330–338]. Хотя вышеуказанные работы не содержат глубокой характеристики письменных памятников, это совсем не означает, что их авторы ограничились лишь перечислением названий словарей; исследователи в той или иной мере подвергли их языковому анализу.

Некоторые орфографические особенности Евангелия от Матфея на сарапульском наречии нашли отражение в работе «Очерки истории удмуртского литературного языка» [Кельмаков 2008: 97–105].

Обзор вышеперечисленных работ позволяет констатировать, что памятники удмуртской письменности XVIII – первой половины XIX века исследователями изучены пока недостаточно. Авторы, специально или попутно рассматривая ранние издания на удмуртском языке, ограничивались краткой аннотацией или акцентировали свое внимание на их диалектных и графических особенностях. В отдельных изданиях, к примеру, в учебном пособии для студентов «Лексикология современного удмуртского языка» в разделе «Словари, изданные в XIX веке» [Тараканов 1992: 120–123], о рукописных лексикографических работах и вовсе не упоминается.

С усилением интереса к историческим процессам эволюции удмуртской письменности исследователи, в том числе историки, этнографы и фольклористы, в своих работах все чаще стали обращаться к материалам ранних письменных памятников, в том числе рукописных. Они дают возможность ознакомиться с состоянием удмуртского языка, материальной и духовной культуры удмуртов полутора-двухвековой давности.

Глава первая

ПАМЯТНИКИ УДМУРТСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XVIII ВЕКА, НАПИСАННЫЕ НА ОСНОВЕ ЛАТИНИЦЫ

Для исследования истории, культуры и языка любого народа чрезвычайно важное значение имеет, с одной стороны, появление первых письменных сведений о нем, с другой, начало его научного изучения. Удмурты поздно попали на страницы письменных источников: первое упоминание о Вотяцкой земле, подвластной казанскому хану, в русском летописном рассказе о походе Ивана III на Казань в 1469 году не имело продолжения в течение нескольких десятилетий. Только с 1520-х годов удмурты (отяки, затем вотяки) более или менее регулярно начинают фигурировать на страницах русских документов [Сысоева 1967: 302–303]. Но началом систематического исследовательского интереса к удмуртам можно считать XVIII век. Именно к этому времени относятся записки и сочинения пленных офицеров шведской армии, совершивших после Полтавской битвы путешествия по России, и первые научные описания страны, созданные учеными Императорской Санкт-Петербургской Академии наук. Фактически именно в этих источниках появляются первые развернутые описания удмуртов, их традиционной культуры и списки слов удмуртского языка. В этот период в политической и культурной жизни России отмечается заметное оживление. Растущие экономические потребности страны выдвигают новые задачи, для решения которых правительство предпринимает целый ряд мер, например, создание Российской Академии наук, которая приступает к изучению окраинных земель Русского государства. Возникает интерес к языкам и этнографии народностей, населяющих огромные просторы России. В поле зрения исследователей и путешественников попадают и удмурты со своим языком и богатой духовной культурой. В первой половине XVIII века в различных этнографических и географических описаниях появляются отдельные удмуртские слова, записанные на основе латинской графики.

1.1. Письмо и письменность. Графика. Орфография

Под письмом в широком смысле слова понимается система условных материальных знаков, с помощью которых обеспечивается общение людей, не ограниченное рамками пространства и времени. Оно возникает из потребности человека что-то сообщить в такой ситуации, когда этого нельзя сделать при помощи звуков или жестов. Письмо представляет собой вид языкового кода, позволяющего переводить акустический сигнал в оптический. Признание письма одним из видов кода явствует из того, что «в теории кодов набор их элементов получил наименование алфавита, а сами элементы часто называют буквами» [Зиндер 1987: 43].

Понятие «письменность» в литературе трактуется как: «1) совокупность письменных памятников какой-либо эпохи и 2) система графических знаков, употребляемых для фиксации речи на письме» [Розенталь, Теленкова 2000: 323]; совокупность письменных памятников (рукописных и печатных произведений, документов) определенного народа в какой-либо исторический период его развития. Письменностью также называют систему графических знаков, используемых для фиксации звучащей речи [Стариченок 2008: 438–439]. Таким образом, письменность в нашем понимании – это совокупность письменных средств общения, включающих понятия системы графики, алфавита и орфографии (письмо) конкретного языка, или же древние (ранние) письменные памятники.

С понятиями «письмо» и «письменность» тесно связана наука грамматология, возникшая в 50-е годы XX века, которая изучает письменность, историю возникновения, развития и становления письма. Этот термин получил известное распространение в значении «теории письма», но смысловое наполнение его у разных авторов различно. Так, одни ученые в круг вопросов грамматологии включали историю, теорию и психологию письма, почерковедение, палеографию, эпиграфику и другие отрасли знания, ранее существовавшие в качестве самостоятельных и не связанных друг с другом научных дисциплин (см., напр., [Кондратов 1969: 4]); другие считали, что предметом исследования грамматологии является письменный язык (см.: [Волков 1973: 334]). По мнению Т. А. Амировой [1977: 45–46; 1985: 18], данную область знаний предпочтительнее было бы обозначить термином «графическая лингвистика», поскольку она отражает существо предмета исследования – систему письменного языка и подчеркивает важность установления связи письменного языка со звуковым языком. В графическую лингвистику

входят такие лингвистические дисциплины, как палеография, графика орфография и графемика.

Палеография – это историко-филологическая дисциплина, занимающаяся исследованием и описанием разнообразных внешних признаков рукописных памятников (на глиняных плитках, камне, кости, папирусе, лотосе пальмовых листьях, бересте, пергаменте, бумаге): знаков письменности (их формы, типов), писчего материала, водяных и других специфических знаков, штемпелей, фирменных и производственных знаков, особенностей оформления переплета, формата документов и т. п. с целью определения их авторства, места и времени написания [Стариченок 2008: 417].

Главное место в палеографических исследованиях занимают проблемы эволюции букв и оформления рукописей. Эта наука тщательно исследует также закономерности появления, употребления или исчезновения отдельных знаков. Наиболее успешно палеографический метод применяется для установления времени возникновения письменных памятников. Гораздо менее полно и точно с его помощью удается определить место их возникновения.

Графика – раздел языкознания, изучающий письменные знаки, а также соотношения между буквами и звуками. Графикой также называют совокупность всех письменных знаков языка [Стариченок 2008: 144]. Иными словами, графика изучает начертательные средства передачи речи: буквы и их звуковые значения, а также другие знаки. Кроме букв (условных знаков, обозначающих звуки речи), к средствам графики относятся знаки препинания (точка, восклицательный и вопросительный знаки, запятая, точка с запятой, дефис, тире, двоеточие, многоточие, скобки, кавычки), разные приемы сокращения слов и т. д.

В настоящее время большинство языков мира имеют звуковое или алфавитное письмо, когда знаки-буквы обозначают звуки языка. В одних языках большинство букв точно соответствует фонемам речи, в других – меньше, однако и те, и другие считаются звуковыми.

Буквы располагаются в определенном порядке – алфавите. Алфавит – это система письменных знаков, передающих звуковой облик слов языка посредством символов, изображающих отдельные звуковые элементы [ЛЭС 1990: 29]. Например, русский алфавит состоит из 33 букв, каждая из которых имеет свое название. Удмуртская графика и ее алфавит разработаны на основе русской графики и алфавита. В удмуртском языке использованы все 33 буквы русского алфавита и дополнительно введены диакритизированные буквы й, ö (для гласных звуков) и ж, э, ч (для соглас-

ных звуков – аффрикат). Таким образом, в удмуртском алфавите насчитывается 38 букв: 12 гласных, 24 согласных и 2 (ъ, ь) безгласных.

Удмуртская графика, как и русская, построена в основном на фонематическом принципе, т.е. буквы передают фонему. Но она учитывает и слоговой принцип, когда одна буква употребляется для обозначения слога. Буквы удмуртского алфавита делятся на однозначные и двузначные. Однозначные всегда обозначают один звук, одну фонему: гласные а, о, ö, у, ы, э, согласные б, в, г, ж и т. д. Двузначные буквы обозначают два разных звука или один звук, но только после определенных букв. Таким образом, они одновременно выполняют две функции – основную (показывают соответствующие фонемы) и второстепенную (обозначают мягкость или твердость предшествующей согласной). В этом случае действуют фонематический и слоговой принципы. Двузначными являются гласные е, ё, и, ю, я и согласные д, з, л, н, с, т, й [СУЯ 1992: 90–91].

Если графика устанавливает набор графических знаков и соотносит их со звуковыми значениями, то орфография определяет обязательные правила и нормы сочетания этих графем в морфемах и словах.

Орфография (греч. *orthographia*, от *orthós* 'правильный', *gráphō* 'пишу') – система общепринятых правил, регулирующих одинаковое, нормативное написание слов и морфем. В буквальном смысле слово *орфография* означает 'правописание', т. е. правильное (соответствующее нормам) написание и включает правила передачи буквами фонемного состава слова, правила о слитном, раздельном и дефисном написаниях, употреблении прописных и строчных букв, переносе слов и графических сокращениях [Стариченок 2008: 398].

Основу любой орфографии составляют правила передачи звуков в составе слов и морфем. Принципы, на которых построены правила передачи фонем графическими знаками, являются определяющими для всей орфографии. Принципы же орфографии – это «руководящие идеи (или руководящие установки) для пишущего при выборе написания (в тех случаях, где пишущий имеет возможность выбирать)» [Иванова 1977: 4].

В русской орфографии, по мнению одних исследователей, функционируют три основных принципа: морфологический, который является ведущим, фонетический и традиционный [Кайдалова, Калинина 1983: 4–5], по мнению других – четыре: морфологический, фонетический, традиционный и дифференцирующий [Стариченок 2008: 398]. Удмуртская орфография построена в основном на фонемно-слоговом и морфологическом, или фонемно-морфологическом принципах. Кроме того, встреча-

ются отступления от них – фонетические, условные (или традиционные), дифференцирующие написания, которые связаны или с фонетическими факторами, или с определенными условиями [СУЯ 1992: 102; Ушаков 1982: 32].

Графемика (греч. *graphē* 'линия, начертание') – научная дисциплина, раздел грамматики, объектом исследования которого являются графемы [Стариченок 2008: 143]. Другими словами она может быть определена как раздел графической лингвистики, как наука о различительных графических элементах письменного языка, их отношениях, функциях и системах [Амирова 1977: 66]. Графемика занимается, в первую очередь, вопросом о функциональной нагрузке выделяемых ею графических единиц (графем). Именно функциональная нагрузка графем, передача в той или иной форме лингвистически релевантных значений делает их лингвистическими единицами. Поэтому основной задачей графемного анализа считается выделение на базе анализа текстов репертуара графем, установление их вариантов и системных связей, а также выявление функциональной значимости элементов графемной системы. Графемика в виду своего внимания к системно-функциональному аспекту графических единиц в большей мере, чем палеография, графика и орфография, использует метод структурного анализа.

Графемы – это минимальные единицы графической системы языка, которые (в зависимости от стиля письма, места их в слове или предложении) выступают в различных вариантах. Большинство исследователей не отождествляют графему с буквой, поскольку при совпадении класса букв и графем, по их мнению, учитывается только форма, но не функция (см., напр.: Амирова [1977: 97], Солнцев [1971: 223; 1985: 3]). Графема обычно имеет несколько форм выражения: строчная, заглавная, печатная, рукописная, курсивная и др. К графемам относятся также единицы, не входящие в класс букв: знаки препинания, цифры, пробел, абзац и т. д. Буквы, входящие в состав лигатур, тоже не являются самостоятельными графемами. Графемами в этом случае считаются лишь сами лигатуры, а не составляющие их части.

1.2. Возникновение удмуртской письменности

Согласно этнографическим данным, удмурты с давних времен пользовались определенными знаками – тамгами, которыми обозначалась принадлежность тех или иных предметов определенным родам и семьям.

О наличии у удмуртов таких знаков мы находим упоминания в преданиях. Так, например, в одном из преданий, записанном во второй половине XIX века в деревне Гулеково Глазовского уезда Вятской губернии Б. Гавриловым [1880: 150–151], говорится о существовании у удмуртского народа в древнее время своей книги, которую они сами же сжигают, чтобы та не попала в руки представителей христианской церкви. Какая была эта книга, какие знаки в ней были использованы – на сегодняшний день остается загадкой.

Когда же возникла удмуртская письменность?

По мнению М. Г. Атаманова, первым памятником удмуртской письменности является исторический документ 1557 года под названием «Жалованная грамота того же князя удмуртам Сырьянской волости Слободского уезда от 25 февраля 1557 года о предоставлении им за принятие христианства трехлетней льготы в платеже податей и отбывании натуральных повинностей с освобождением их на это время от суда вятских наместников, слободских волостителей, их тиунов и о передаче всех судебных дел на рассмотрение выбранных ими двух жителей города Слободского» [Атаманов 1999: 78]. В нем были перечислены имена глав 17 удмуртских семей, 5 из которых (*Изнек, Муи, Ожмек, Чужсек и Юмиан*) образованы от удмуртских слов путем прибавления аффиксов или без таковых. На наш взгляд, считать этот документ памятником письменности было бы не совсем корректно, поскольку сомнительно, насколько приемлемо угадывать в именах и фамилиях удмуртские слова.

Авторы первого тома «Истории Удмуртии» [I: 212] считают, что «первые попытки фиксации удмуртских слов кириллицей были сделаны в 20-е годы XVIII века Ф. Й. Страленбергом». Действительно, до недавнего времени возникновение удмуртской письменности связывали с именем Ф. Й. Страленберга, но в его книге «Историческое и географическое описание северной и восточной частей Европы и Азии», написанной на немецком языке, удмуртские слова были записаны не с помощью кириллицы, а латиницы.

Венгерский ученый П. Домокош в своей монографии «История удмуртской литературы» [1993: 133] начало удмуртской письменности датирует 1769 годом – временем опубликования первого стихотворения на удмуртском языке в честь приезда в Казань императрицы Екатерины II.

Многие исследователи зарождение удмуртской письменности связывают с изданием в 1775 году грамматики удмуртского языка под названием «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка»: «Появле-

ние грамматики 1775 года ознаменовало собой не только возникновение письменности...» [Пономарев 1976: 6]; «выход в свет «Сочинений, принадлежащих к грамматике вотского языка» – это начало удмуртского языкознания, начало удмуртской письменности» [Алатырев 1976: 21]; «началом удмуртской письменности мы считаем 1775 год – год издания «Сочинений, принадлежащих к грамматике вотского языка»» [Ермаков 1976: 83]; «в 1775 году в Санкт-Петербурге была издана первая научная грамматика удмуртского языка, созданная под руководством В. Г. Пуцек-Григоровича, которая положила начало удмуртской письменности и сыграла значительную роль в формировании национального литературного языка» [Ванюшев 1993: 295].

Согласно Д. М. Сахарных [1998: 12; 2009: 119], зарождение письменности определяется не столько особым алфавитом, графикой и орфографией, сколько наличием связных текстов с некоторой системой графики. Этими связными текстами, по его мнению, являются первые издания переводов Евангелий и Азбуки на сарапульском и глазовском наречиях 1847 года.

Некоторые исследователи временем возникновения удмуртской письменности считают начало XVIII века: «Первые письменные памятники удмуртского языка были опубликованы в начале 18 века в виде списков слов и словариков в работах зарубежных историков-энциклопедистов Д. Г. Мессершмидта, Ф. Й. Страленберга и др.» [Тараканов 2000: 539]; «как известно, временем возникновения письменности у любого народа считается та дата, когда была произведена первая запись слов на его языке, независимо от того, была издана грамматика этого языка или нет» [Кельмаков 2001а: 6; 2001б: 12; 2002а: 115; 2008: 30].

В нашем исследовании мы придерживаемся мнения И. В. Тараканова и В. К. Кельмакова. Если под письменностью понимать систему графических знаков, употребляемых для фиксации звучащего слова на письме, то можно считать, что памятники письменности на удмуртском языке восходят к первой трети XVIII столетия, а точнее – к 1726 году, когда удмуртские слова впервые были зафиксированы в исследованиях путешественников-естествоиспытателей Д. Г. Мессершмидта и Ф. Й. Страленберга на основе латинской графики. Удмуртские материалы последнего в количестве 29 слов увидели свет уже в 1730 году в Стокгольме в книге «Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia, In so weit solches Das ganze Russische Reich mit Siberien und den grossen Tataren in sich begreiffet...» [Strahlenberg 1730] (полное название книги см. в приложении № 2).

1.3. История изучения удмуртской графики

Ранние памятники удмуртской письменности, как печатные, так и рукописные, еще не подвергались всестороннему лингвистическому анализу. Отдельные сведения о них, встречающиеся в литературе, не могут удовлетворить теоретический и практический интерес к ним, возросший в последние годы.

Проблема истории удмуртской графики не совсем нова. Она рассматривалась специально или попутно при разработке вопросов удмуртской орфографии или изучении памятников ранней удмуртской письменности в работах ряда удмуртских исследователей. По справедливому утверждению И. В. Тараканова, сама «динамика становления алфавита и обозначения различными буквами специфических звуков удмуртского языка в разных изданиях и в различные годы в них (изданиях. – *Л. И.*) не описывались» [Тараканов 2001: 297]. Мы поддерживаем мнение В. К. Кельмакова [2008: 126] о том, что эту работу невозможно выполнить попутно в исследованиях на другую либо общую тему или даже в отдельных небольших статьях, потому что только до революции на удмуртском языке было издано свыше 400 наименований документов [Каракулов 1997: 33; 2004: 530]. А поскольку почти в каждом издании или рукописном памятнике использовалась собственная графическая система, особенно во второй половине XIX века, объективная картина истории становления современной удмуртской графики может быть получена лишь при аналитическом исследовании каждого памятника письменности удмуртского языка.

Специальным исследованием, посвященным самым ранним письменным памятникам удмуртского языка, является работа Т. И. Тепляшиной «Памятники удмуртской письменности XVIII века» [Тепляшина 1965а], в которой опубликованы списки слов и словарики Ф. Й. Страленберга, Г. Ф. Миллера, Й. Э. Фишера, П.-С. Палласа, П. Фалька, исследованы две грамматики удмуртского языка – «Сочиненія принадлежація къ грамматикѣ вотскаго языка» 1775 года и грамматика М. Могилина под названием «Краткой отяцкія Грамматики опытъ», а также первые удмуртские переводные стихотворения. В этой работе, ставшей настольной книгой не только для одного поколения лингвистов (да и ученых других направлений), дана довольно глубокая характеристика памятникам, исследованы некоторые особенности их графики и диалектная принадлежность.

Исследованию языковых данных Д. Г. Мессершмидта посвящена монография В. В. Напольских «Удмуртские материалы Д. Г. Мессершмидта»,

изданная в 2001 году. В ней автор приводит текст дневника Д. Г. Мессершмидта от 21–31 декабря 1726 года на немецком языке, перевод текста на русский язык, примечания к нему (переводу), сводный список удмуртских слов из дневника и соответствующих им лексем из современного удмуртского языка, лингвистические комментарии к ним, указатель русских значений удмуртских слов. Графические особенности удмуртских материалов Д. Г. Мессершмидта приведены В. В. Напольских [2001: 147–155] в виде таблицы, которая показывает передачу удмуртских звуков средствами латиницы. Некоторые сведения о графике и орфографии рукописных материалов Д. Г. Мессершмидта были изложены также в одной из наших работ [Ившин 2008а: 60–62].

Рукописный словарь удмуртского языка Й. Э. Фишера в последние десятилетия прошлого века был объектом исследования венгерских ученых Ш. Чуча и Я. Гуи. Ш. Чуч в статье «Об одном памятнике удмуртской письменности XVIII века» [Csúcs 1983: 311–320], сохраняя транскрипцию оригинала и этимологические замечания Й. Э. Фишера, в алфавитном порядке приводит список слов, собранный путешественником предположительно в 30-е годы XVIII столетия (всего 295 слов). Анализ транскрипции материала Й. Э. Фишера и извлеченные из него данные для изучения вопросов истории языка, заключение и оценка этимологических замечаний находят освещение в другой работе этого же ученого «Удмуртский язык в XVIII веке» [Csúcs 1984: 63–80].

В 1995 году языковые материалы Й. Э. Фишера были изданы на немецком языке в Германии Яношем Гуей отдельной книгой под названием «Vocabularium Sibiricum: (1747); der etymologisch-vergleichende Anteil» [Gulya 1995] («Вокабуляр Сибири: (1747); Сравнительно-этимологическая часть»). В ней дано краткое описание содержания рукописи Й. Э. Фишера, приведено 316 словарных статей (по оригиналу), из которых 128 содержат удмуртские слова. На первом месте стоит латинское слово, затем немецкое. Этимологии слов приводятся по языковым семьям: уральская, индогерманская, тюркская и т. д. К примеру, этимологические параллели к словам *лымы* 'снег' и *тыл* 'огонь' выглядят следующим образом: NIX 'снег': фин. *lumi*, мар. *lum*, удм. *lümüh*, кз. *ljüm*, кп. *lüm*, нен. *jumče* [Gulya 1995: 59]; IGNIS 'огонь': фин. *tuli*, морд. *tol*, мар. *tul*, удм. *tül* [Там же: 68]. Надо заметить, что этимологические параллели Й. Э. Фишера, за редким исключением, вполне приемлемы и в современной лингвистике. В конце книги в алфавитном порядке дается список латинских и немецких слов и встречающиеся этимологии по различным языкам. По справедливому

замечанию Ш. Чуча [Csúcs 1990: 8], Й. Э. Фишер является пионером в исследовании этимологии нарицательной лексики удмуртского языка.

Вопросам графики памятников последней четверти XVIII века посвящено несколько работ отечественных исследователей – В. И. Алатырева [1956; 1975а; 1975б], И. В. Тараканова [1965], Т. И. Тепляшиной [1965а; 1965б; 1971], В. М. Вахрушева [1975]. К сожалению, в них отсутствует достаточный графический анализ. Наиболее ценные сведения по удмуртским письменным памятникам последней четверти XVIII века содержатся в уже упомянутой монографии Т. И. Тепляшиной «Памятники удмуртской письменности XVIII века». Следует, однако, указать на то, что и здесь нет полной картины о графической системе анализируемых письменных памятников, а проблемы их орфографии не затрагиваются вовсе.

Наиболее основательно лингвистическому анализу подвергнуты «Сочинения принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка». По вопросу авторства данного памятника письменности до сих пор нет единого мнения: С. К. Булич [1904: 431], Т. И. Тепляшина [1965а: 121], И. В. Тараканов [1965: 229], П. К. Поздеев [1991: 26] и К. И. Куликов [2000: 22] считают, что составителем этой грамматики был один человек – Венъямин Пуцек-Григорович. По мнению В. Т. Терентьева [1959: 139], В. Пуцек-Григоровичем была написана не только удмуртская, но и чувашская и марийская грамматики. Чувашский языковед В. Г. Егоров [1951: 87] считал, что грамматики были составлены духовными лицами Казанской епархии по предложению и настоянию архиепископа Вениамина Пуцек-Григоровича.

Между тем В. И. Алатырев [1975: 8] отрицал авторство В. Пуцек-Григоровича: «Удмуртская грамматика представляет собой плод коллективного труда; в составе коллектива могли быть учителя-филологи Казанской духовной Семинарии, служители культа, владеющие удмуртским языком, а также наиболее способные учащиеся-удмурты...».

В. М. Вахрушев в статье «Первая удмуртская грамматика и развитие удмуртской лингвистики» [1975: 3–23] приводит научные предположения об авторстве грамматики, воздерживаясь от своих умозаключений.

По нашему мнению, В. Пуцек-Григорович лишь руководил процессом составления грамматики, а существенную помощь ему в этом оказали удмуртские ученики Казанской новокрещенской школы и духовной семинарии.

Некоторые графические и орфографические особенности грамматики удмуртского языка 1775 года нашли отражение в работе В. И. Алатыре-

ва «Когда возникла удмуртская письменность?» [1956: 58–62]. Так, автор приводит алфавит, заимствованный из русского языка и приспособленный для передачи удмуртских звуков, некоторые особенности написания слов (орфографические нормы), большее внимание он уделяет трактовке терминов «письмо» и «письменность», использованию удмуртами особых знаков – тамг – и значению грамматики для последующих удмуртских изданий.

Анализируя графические особенности первой грамматики, Т. И. Тепляшина [1965а: 136] отмечает, что удмуртские аффрикаты обозначаются одним знаком (*ч – ц, ч̣ – ч̣*) или буквосочетанием (*џс – дж, џ̣ – дз*), но ничего не говорит об исключениях (а их довольно много), например, удмуртская *џ̣* (*џ̣*), кроме буквосочетания *дз*, в некоторых случаях обозначается также графемой *з*: *кырзяськò* [*kírʒas'ko*] '(я) пою' [Тепляшина 1965а: 144], *кензъяль* [*kenʒal'i*] 'ящерица' [Там же: 161], *небзиськò* [*n'ebʒis'ko*] 'мякнут' [Там же: 202]. Автор не отмечает также то, что при написании удмуртских слов, кроме русских букв, использованы латинские буквы (*g*) и буквы кириллицы с диакритическими знаками (*û, ê*): *Gepù* [*geri*] 'плуг', *Эгьирь* [*egir*] 'уголь', *Югьить* [*jugit*] 'свѣтлый' [Сочинения 1775: 22, 31, 37], *лê* [*je ~ je*] 'ледь или мерзлой дождь', *лурь* [*jir*] 'голова', *лудь* [*jidi*] 'ячмень' [Там же: 14, 18, 22] и др. (подробнее об этом см. [Ившин 2002б: 201]).

В работе И. В. Тараканова «Первой грамматике удмуртского языка 190 лет» [1965: 229–230] вопросы графики грамматики затронуты бегло. Вызывает сомнение следующее утверждение ученого: «Удмуртские слова написаны русскими буквами с добавлением двух латинских графем – *l* и *g*...» [Тараканов 1965: 229]. Возможно, знак *l* здесь является опечаткой (вместо *î* или *l*), так как слов, написанных при помощи буквы *l*, нами не обнаружено. В то же время автор не указывает на наличие двух других букв – *û, ê*, которые в единичных написаниях встречаются в грамматике.

Статья В. М. Вахрушева «Первая удмуртская грамматика и развитие удмуртской лингвистики» [1975: 3–23] также посвящена характеристике грамматики 1775 года. Здесь дается более или менее подробный анализ графической системы памятника. Автор ошибочно отмечает, что удмуртский звук *z* передается только латинской графемой *g*, тогда как в единичных случаях используется и русская *г*, например, *зюцьгуби* [*ʒuĉgubi*] 'гриб' [Сочинения 1775: 21].

В 1975 году, в связи с 200-летием со дня выхода в свет, первая грамматика удмуртского языка была переиздана. Во введении, написанном В. И. Алатыревым [1975: 3–15], раскрывается история составления памятника, содержа-

ние и приводится краткий графический анализ. Автор не ставит своей целью глубокий анализ графики грамматики, но те ее особенности, которые отсутствуют в монографии Т. И. Тепляшиной, им вкратце описываются [Алатырев 1975: 9]. Об орфографии удмуртских слов в грамматике 1775 года им написано буквально следующее: «Орфографические особенности в основе своей базируются на принципах русской орфографии» [Алатырев 1975: 9].

Краткое описание алфавита, использованного в Сочинениях, дано в книге В. М. Вахрушева и В. Н. Денисова [СУЯ 1992: 114]. Но и здесь авторы не отмечают, что, кроме русских букв, в грамматике употребляются и латинские графемы.

Другой письменный памятник – удмуртско-русский словарь Захарии Кротова, содержащий около 5000 слов и выражений и являющийся самым большим из сохранившихся памятников XVIII века, до недавнего времени лежал в виде рукописи. И только благодаря Т. И. Тепляшиной, ученые имеют возможность держать в руках этот ценный лексикографический труд. Сделав копию с рукописи словаря, хранящегося в рукописном отделе Российской Национальной библиотеки г. Санкт-Петербурга (ранее Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина), она предоставила ее Удмуртскому ИИЯЛ УрО РАН, где этот памятник в 1995 году был издан отдельной книгой [Кротовъ 1785].

Исследованию графической системы данного словаря посвящена статья Т. И. Тепляшиной «Об удмуртско-русском словаре Захария Кротова» [1971: 129–139; 1995: VII–XX], в которой автор акцентирует свое внимание преимущественно на фонетических и лексических особенностях памятника, нежели графических. Она не отмечает передачу удмуртского инициального *й* перед гласной *ы* латинскими графемами *j* или *i*: *голикъ iуръ* [*gol'ik jir*] 'безволосый' [Кротовъ 1785: 40], *жилонъ* [*jilon*] 'умноженіе' [Там же: 71]. На наш взгляд, ошибочно утверждение Т. И. Тепляшиной о том, что знак *i* «...употребляется для подчеркивания твердости предшествующего согласного...» [Тепляшина 1971: 130]. По нашим наблюдениям, в данном случае латинская *i* используется З. Кротовым для обозначения инлаутного звукосочетания *-ий-*, например, *виёмъ* [*vijem*] 'убіеніе, убійство' – но здесь же *вить* [*vit*] 'пять' [Кротовъ 1785: 26] (подробнее об этом см. [Ившин 1995: 141–142; Кельмаков 1999: 21–22]).

Грамматика удмуртского языка, написанная М. Могилиным в 1786 году и оставшаяся в рукописи до 1998 года, является второй после Сочинений, хотя, возможно, она написана несколько раньше (см. подробнее: пункт 2.4.).

Довольно глубокий графический анализ исследуемого памятника письменности, как было отмечено выше, был проведен Т. И. Тепляшиной [1965а: 237–240]. Однако в ее исследовании встречаются некоторые неточности. Автор монографии отмечает, что М. Могилин специфический удмуртский гласный *ö* (*e*) впервые в русской графике пытается передать буквосочетанием *ье*. Это действительно так, но этот диграф в некоторых случаях употребляется также для обозначения велярности согласных фонем перед гласной *э* (*e*), например: *пальѣтъ* [*palet*] 'рой пчелной', *ульѣмъ* [*ulem*] 'житіе, жизнь' [Могилинъ 1786: 28]. Сравните: *нель* [*n'el* ~ ? *n'el*] 'стрѣла' [Там же: 27], *селькò* [*s'eliko* ~ ? *s'eliko*] 'грѣшный, беззаконный' [Там же: 59]. Далее Т. И. Тепляшина не обратила внимания на то, что палатальная аффриката *ѣ* (*ʃ*) может быть обозначена, кроме как буквосочетанием *дз*, также графемой *з* (перед йотированными гласными): *зюкыртыскò* [*ʒukirtis'ko*] 'скрыплю', *зеленікъ* [*ʒel'en'ik*] 'стекло' [Там же: 88, 107]. В некоторых случаях удмуртский согласный *г* передается русской буквой *г*, что также не отмечается автором: «Для обозначения удмуртского согласного *g* (орф. *г*) Могилин употребляет латинскую *g*...» [Тепляшина 1965а: 237]. Однако примеры *киргамъ* [*kirgam*] 'потеря' [Могилинъ 1786: 23], *гужѣмъ* [*guʒem*] 'лѣто' [Там же: 25] и некоторые другие не соответствуют этому положению (см. подробнее [Ившин 2002б: 203]).

Таким образом, памятники удмуртской письменности XVIII – первой половины XIX века практически до настоящего времени остаются слабо проработанными, особенно в графическом и орфографическом плане. Специально или попутно рассматривая ранние издания на удмуртском языке, ученые больше внимания уделяли их диалектным особенностям, нежели графическим или орфографическим.

1.4. История изучения удмуртской орфографии

Вопросы изучения орфографии ранних письменных памятников удмуртского языка освещались в работах таких ученых, как В. И. Алатырев, А. С. Бабинцев, В. М. Вахрушев, Г. И. Лаврентьев, Т. И. Тепляшина, И. В. Тараканов и др., но почти все они обращали свое внимание к графическим, и отчасти – фонетическим и лексическим особенностям того или иного памятника удмуртской письменности. Проблемы орфографии, как правило, оставались вне поля их исследовательского интереса, к тому же

авторы чаще анализировали изданные письменные документы.

Орфографическая система одного из письменных памятников удмуртского языка нашла, на наш взгляд, наиболее полное отражение в работе В. И. Алатырева «Когда возникла удмуртская письменность?» [1956]. В данной статье автор оспаривает общепринятое мнение о времени возникновения удмуртской письменности (дело в том, что в печатных работах по вопросам культуры удмуртского народа утверждалось, что удмурты до Октябрьской революции 1917 года не имели своей письменности), рассматривает графическую систему и способы написания удмуртских слов в грамматике удмуртского языка 1775 года. Он справедливо отмечает, что «орфография (в ней. – Л. И.) уже налична. Правда, сформулированных правил в этой грамматике нет, но определенная система написания слов уже имеется» [Алатырев 1956: 60].

Действительно, в грамматике 1775 года кириллическая графическая система была впервые более или менее приспособлена для письменной фиксации удмуртских слов. Решающее значение «Сочинения принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка» имели также в формировании удмуртской орфографии. Конечно, орфографические правила в ней не были сформулированы, но были предложены образцы написания слов и отдельных морфем, основанные на фонетическом принципе. Подобное написание сохраняется и в последующих изданиях или рукописных работах на удмуртском языке вплоть до конца 60-х гг. XIX века.

Некоторые орфографические особенности Евангелия от Матфея на «сарapulьском наречии» удмуртского языка 1847 года издания были отражены в одной из работ В. К. Кельмакова [2008: 97–105]. Автор отмечает, что орфография этой книги базируется в основном на правописании первой печатной грамматики 1775 года, и что она весьма далека от совершенства, о чем говорит: 1) использование различных букв русского алфавита для обозначения одного и того же удмуртского звука; 2) непоследовательное обозначение палатальности/велярности согласных; 3) наличие/отсутствие буквы **ь** между морфемами; 4) смешение дефиса и тире и т. д. Предельная непоследовательность правописания Евангелия объясняется В. К. Кельмаковым тем, что до публикации книг 1847 года «не было прецедента издания пространных текстов на удмуртском языке и опыта у их создателей» [Кельмаков 2008: 105].

Определенная работа по исследованию орфографии памятников письменности исследуемого периода была проведена автором данной монографии. Нами рассматривались орфографические особенности двух

переводных стихотворений, двух грамматик конца XVIII века, вотско-русского словаря З. Кротова 1785 года, русскоязычного издания словаря Г. Ф. Миллера, списка слов П.-С. Палласа [Ившин 2002в], лексических материалов по удмуртскому языку Й. Э. Фишера [Ившин 2009а; 2010], рукописного словаря 1816 года [Ившин 2009б] и первых печатных книг на удмуртском языке [Ившин 2003а; 2003б; 2006а; 2006б; 2008б].

Резюмируя вышесказанное, отметим, что исследование орфографических особенностей ранних памятников удмуртской письменности еще не было предметом специального изучения. Ученые преимущественно ссылались на заимствование русской системы правописания XVIII века для удмуртского языка, но сама орфография не рассматривалась.

1.5. Памятники удмуртской письменности на основе латинской графики

В данном разделе исследования рассматриваются удмуртские материалы исследователей Д. Г. Мессершмидта, Ф. Й. Страленберга, Г. Ф. Миллера, Й. Э. Фишера и перевод молитвы «Отче наш» на удмуртский язык. Все эти памятники ранней удмуртской письменности схожи в том, что были составлены на основе латинской графической системы, в том числе перевод молитвы, хотя хронологически он относится к началу XIX века. В монографии Т. И. Тепляшиной «Памятники удмуртской письменности XVIII века» языковые материалы названных выше ученых, за исключением словаря Д. Г. Мессершмидта, рассмотрены, дан их графический, диалектный и лексический анализ. Однако со времени выхода работы прошло уже полвека, и некоторые ее положения требуют уточнений и существенных дополнений.

1.5.1. Удмуртские материалы Д. Г. Мессершмидта

О материалах по удмуртскому языку, собранных Д. Г. Мессершмидтом (1685–1735) во время его путешествия по Сибири, науке было известно достаточно давно. По этому поводу Т. И. Тепляшина пишет следующее: «С. К. Булич отмечает, что Д. Г. Мессершмидтом были представлены лингвистические материалы и по удмуртскому языку. Однако эти материалы нам обнаружить не удалось. Приходится сожалеть, что они остались неопубликованными и не дошли до нас. Возможно, что часть коллекций

Мессершмидта погибла при пожаре Академии наук в 1874 году» [Тепляшина 1965: 7]. Примерно такие же суждения встречаются и у других исследователей (см., напр. [Тараканов 1992: 118]).

Материалы Д. Г. Мессершмидта, как отмечает исследователь В. В. Напольских [2001: 25], неоднократно готовились к публикации, но все время по каким-то причинам не доходили до издательства. «Лишь в 1960 году Берлинская Академия наук (ГДР) совместно с Институтом истории и естествознания и техники АН СССР приступила к изданию дневников Мессершмидта. В течение 1962–1977 гг. вышло пять томов [Messerschmidt I–V], и, таким образом, имя Мессершмидта было впервые реально возвращено науке после более чем двухвекового забвения» [Напольских 2001: 25].

Из статьи В. В. Напольских, мы также узнаем о том, что в открытом фонде Санкт-Петербургского филиала Архива РАН имеется «в двух экземплярах удмуртский словарь Мессершмидта – вообще первый словарь удмуртского языка (около 400 слов)» [Напольских 1998: 155]. Материалы «забытого ученого», обнаруженные в 1996 году младшим научным сотрудником УИИЯЛ УрО РАН Н. В. Борлуковой, были опубликованы в 2001 году В. В. Напольских в виде полного комментированного издания.

Дневники Д. Г. Мессершмидта содержат любопытные и достаточно подробные сведения о жилище, одежде (в частности, есть рисунок, изображающий удмуртку в высоком головном уборе – *ашкон* или по-другому *айшон*), укладе жизни, религии удмуртов, а также удмуртский словарь. Материалы ученого особенно ценны и потому, что они строго документированы: точно известны время (декабрь 1726 года) и место их сбора (удмуртские деревни по реке Чепца – Глазовка, Балезина, Юска и др.). Таким образом, Д. Г. Мессершмидт исследовал северных (верхне- и среднечепецких) удмуртов, и его языковые данные успешно дополняют более поздние лексические материалы Г. Ф. Миллера по южным удмуртам. В совокупности они позволяют составить более целостную картину состояния удмуртского языка и его носителя в первой половине XVIII века. Именно Д. Г. Мессершмидтом составлен первый известный на сегодня словарь (или список слов) удмуртского языка, им же впервые зафиксировано самоназвание *удмурт* (Uhd-Murt, Uhd-Murd, Uht-Murdt, Oed-Murd, Od-Murd), дано первое научное этнографическое описание жилища, костюма, элементов народной религии.

1.5.1.1. Графика языковых данных

Многие удмуртские звуки ученый передал соответствующими буквами латинского (немецкого) алфавита: *a – a (á), б – b, в – w, г – g, д – d, з – ss (s), и – i (ī), й – j, к – k (ck), л – l, м – m, н – n, о – o (ò, ó, ô), п – p, р – r, с – ss (s), т – t, у – u (û, ü), э – e (æ)*. Другие звуки, отсутствующие в немецком языке, обозначаются близкими по звучанию буквами немецкого или латинского алфавита или различного рода буквосочетаниями. Для наглядности приведем некоторые из них:

1. Звук, соответствующий *ы (i)* литературного удмуртского языка (в ин- и ауслауте), передается несколькими способами:

а) буквой *y* (в большинстве примеров): *Kyr [kɪr]* 'большой черный дятел' (207) (номера страниц приводятся по монографии В. В. Напольских [2001]); *Liudüdyck [luddɪdɪk]* 'дикий голубь, вяхирь', *Tschynŷ [čun'ɨ]* 'жеребенок' (208); *Yrgon [ɪrgon]* 'медь', *Nyr [nɪr]* 'нос' (209); *Lyse [liz]* 'синий' (210); *Ssäkydt [s'ekɨt]* 'тяжело', *Kyl [kɪl]* 'язык' (211) и др.;

б) буквосочетанием *yi*: *Kyik-Schu [kɪks'u]* 'двести' (208), *Tyi [tɨ]* 'озеро' (209);

в) буквой *i*: *Næbidt [n'eβɨt]* 'мягкий', *Willin [vɨlɨn]* 'небо [точнее: наверху. – Л. И.]' (209); *Wyshi [vɨʒɨ]* 'род', *Jugith [jugɨt]* 'светлый', *Pushim-Pu [puʒɨm pu]* 'сосна' (210);

г) буквой *e*: *Töde [təd'ɨ]* 'белый', *Tjæmess [t'amɨs]* 'восемь' (207), *Dassogkmes [das ukmɨs]* 'девятнадцать' (208), *Qvâmen [kvamɨn]* 'тридцать' (211);

д) буквой *u*: *Kýku [kɨkɨ ~ kukɨ]* 'кукушка', *Mumu [mumɨ]* 'мать', *Kaish [kɨz]* 'моча' (209), *Buhsh [bɨʒ]* 'хвост' (211);

е) знаком *ö*: *Jödë [jɨdɨ ~ ? jâdɨ]* 'ячмень' (211);

ж) буквосочетанием *uy* (в одном примере): *Puysch [pɨʃ]* 'конопля' (209).

2. Для передачи своеобразного звука *ө (e)* Д. Г. Мессершмидт применил:

а) букву *ö* (в большинстве примеров): *Köshŷ [kəʒɨ]* 'горох' (207); *Wöigk [vɛj]* 'масло' (209); *Töd-Ushwess [təd'uzvɛs]* 'олово', *Söd-Ushwess [s'əd'uzvɛs]* 'свинец' (210); *Tschösch [čɛʒ]* 'утка' (211);

б) знак *y*: *Kyth [kɛt]* 'живот' (208); *wyshâischkinu [vɛs'as'kɨnɨ]* 'молиться' (209); *Kyi [kɛj]* 'сало' (210);

в) буквосочетание *öe*: *Töel [tɛl]* 'ветер' (207), *Jöel [jɛl]* 'молоко' (209).

3. Удмуртский звук *э (e)* в большинстве случаев обозначается буквой *e (é)*: *Dugkes(s) [dukes]* 'верхний распашной зипун', *Shiress [s'ɨres]* 'воротник' (207); *Muress [mures]* 'грудь', *Deerém ~ Derém [derem]* 'женская рубашка, платье' (208); *Ssosér [suzer]* 'сестра' (210).

Однако встречается немало примеров, где этот звук воплощен знаком **æ**: *Thæi* [tej] 'вошь' (207); *Sæp* [sep] 'желчь', *Kæpack* [kenak] 'жена', *Kætsch* [keč] 'коза домашняя' (208).

В некоторых словах э может быть обозначен буквой ö, напр.: *Dsög* [žeg] 'рожь' (210).

4. Свойственные удмуртскому языку аффрикаты Д. Г. Мессершмидтом переданы следующим способом:

а) аффрикаты č (č) и ч (č) – буквосочетанием **tsch**: *Puitsch* [pič] 'блоха', *Tschanáh* [čana] 'галка' (207), *Kætsch* [keč] 'коза домашняя', *Tschush* [čuž] 'желтый' (208), *Tschynų* [čín'j ~ čín'i] 'палец' (210);

б) аффриката ž (ž) – буквосочетаниями **dsh**, **ds**, **sh** или **ss**: *Shádsheik* [žaz'eg] 'гусь' (208); *Dshytschi* [žičj ~ ? žičj] 'лиса' (209); *Dsög* [žeg] 'рожь', *Ssüytsch-murt* ~ *Ssuytsch-murt* [žuč murt ~ žuč murt] 'русский' (210).

5. Глухая шипящая *ш* (š) обозначена в основном буквосочетанием **sch**: *Tuhsch* [tuš] 'борода', *Osch* [oš] 'бык', *Wu-schir* [vušjr] 'водяная крыса', *Aschkon* [aškon] 'высокий женский головной убор' (207); *Kyschna* [kišno] 'жена, супруга', *Schui-pu* [šupu] 'калина' (208); *Puysch* [piš] 'конопля', *Puyschnær* [pušn'er] 'крапива' (209); *Kysché*t [kišet] 'платок (покрывало на волосы у девушек)', *Múusch* [muš] 'пчела', *Schuindy* [šundi] 'солнце' (210) и др.

6. Звонкая шипящая *ж* (ž) передается сочетанием **sh**: *Söd-bushe* [š'edbiž] 'горностай', *Köshų* [kežj] 'горох' (207); *Tschush* [čuž] 'желтый', *Wóóshe* [vož] 'зеленый' (208); *Gýshi* [gižj] 'ноготь' (209); *Wyshi* [vižj] 'род', *Pushim-pu* [pužimpu] 'сосна' (210).

7. Звук *у* (u) обозначен буквосочетаниями **hw** или **wu**: *Wuad* ~ *Hwad* [uad] 'выдра' (207), *Hwar* [uar] 'раб' (210).

8. Есть основания предполагать употребление в нескольких словах звука *η*, который передается буквосочетаниями **ng** или **hn**: *Ning-goron* [n'ingoron] 'женщина' (208), *Gurpuhn* [girpuη] 'цапля' (211).

9. Д. Г. Мессершмидт никак не обозначил на письме такую важную для удмуртской фонетики черту, как палатальность согласных. Имеются лишь единичные появления буквы **i** перед следующим за палатальным согласным гласных заднего ряда, например: *Ssior* [s'or] 'куница', *Niúless* [n'ules] 'лес' (209), *Ssiála* [s'ala] 'рябчик' (210) и др. Эти случаи, однако, не исчерпываются именно такой позицией. Например, **i** нередко появляется и после непалатальных согласных: *Niúlka* [niłka] 'девушка, девочка; дочь' (208), *Liúnschur* [lunšur] 'юг' (211).

Из приведенного материала видно, что записи Д. Г. Мессершмидта имеют некую системность. Чтобы максимально точно передать услышан-

ные им специфические звуки, отсутствующие в его родном (немецком) языке, исследователь использовал разные способы: диакритические знаки, сочетания букв в соответствии с латинской (точнее немецкой) орфографической нормой того времени.

1.5.1.2. Элементы орфографии

Отдельные специалисты по истории языков сомневаются в наличии орфографии в ранних письменных памятниках. Так, Л. Р. Зиндер и Т. В. Строева, исследуя древненемецкие памятники, отмечают: «Орфография немыслима без единообразного написания слов и морфем, принятого если не всеми, то многими авторами и писцами. Мы не найдем в древненемецких памятниках не только общей для всего языка орфографии, но даже и обязательного и единообразного написания тех или иных слов или морфем в одном памятнике, у одного писца» [Зиндер, Строева 1965: 26]. Таким образом, орфографии, в строгом понимании этого термина, в древненемецком языке не было. Не было ее, возможно, и в раннеудмуртских памятниках. Но, несмотря на это, определенная система написания слов и некоторых морфем была уже налична, а значит имелись вербально несформулированные элементы орфографии.

В удмуртских лексических материалах Д. Г. Мессершмидта в конце многих слов, оканчивающихся на гласный звук, очень четко обнаруживается знак **h**, который, согласно немецкой орфографии, обозначает долготу предшествующего гласного: *Pulòh* [pul'o] 'белка-летяга', *Tschanáh* [čana] 'галка' (207); *Guduriáh* [gudurja] 'гром', *Tagkiah* [takja] 'девичий головной убор, шапочка', *Urbóh* [urbo] 'клоп' (208); *Undòh* [uno] 'много(численный)', *Tschelékijah* [čil'ekja] 'молния' (209); *Burdòh* [burdo] 'птица', *Kodtschoh* [kočo] 'сорока' (210) и др.

Эта особенность фиксации слов обнаруживается также в письменных памятниках других финно-угорских языков. Например, в марийском языке, по мнению некоторых ученых, данная буква служила для обозначения придыхания [Патрушев 1958: 12]. Однако А. П. Феоктистов считает это мнение недостаточно обоснованным и предлагает свою версию: графема **h** (в русской литерации – **г**) была употреблена вовсе не для обозначения придыхания, а передачи долготы ударных гласных, точно так же, как это принято в немецкой орфографии [Феоктистов 1976: 88].

1.5.2. Словник Ф. Й. Страленберга

Другой исследователь, Филипп Йоганн фон Страленберг (Штраленберг) (1676–1747), 13 лет пробыл в Сибири. Будучи пленным офицером шведской армии, с лета 1711 года он находился в ссылке в Тобольске, а с начала 1721 до конца 1722 года официально работал помощником первого исследователя Сибири Д. Г. Мессершмидта, сопровождал его в путешествии, вел дневник экспедиции, собирал и обрабатывал материалы.

Лингвистические материалы Ф. Й. Страленберга были опубликованы в 1730 году в г. Стокгольме на немецком языке отдельной книгой «*Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia, In so weit solches Das ganze Russische Reich mit Siberien und den grossen Tataren in sich begreiffet...*» [Strahlenberg 1730]. Как отмечает Т. И. Тепляшина [1965а: 8], эта книга была издана в русском переводе в 1797 году под названием «Историческое и географическое описание северной и восточной частей Европы и Азии». В немецкоязычном варианте труда приведено около шестидесяти немецких слов с переводом их на различные языки народов Азии и Европы, в том числе на удмуртский. В небольшой список удмуртских лексем (29 слов) вошли количественные числительные (от 1 до 10 включительно), названия некоторых частей тела и отдельные названия природных явлений. Вот они – первые печатные удмуртские слова: *Attik* 'Eins', *Kyk* 'Zwei', *Kyn* 'Drey', *Nell* 'Vier', *Witt* 'Fünff', *Katt* 'Sechs', *Zsesem* 'Sieben', *Ssemet* 'Acht' (< марийское слово [Тепляшина 1965а: 26]), *Alnmans* 'Neun' («первая часть непонятна, возможно, перепутаны буквы, вторая часть напоминает *-mjs*» [Тепляшина 1965а: там же]), *Däss* 'Zehen', *Mador* 'Gott', *Girr* 'Haupt, Kopff', *Girssu* 'Haar', *Sin ~ Schi* 'Auge', *Till* 'Feuer', *Woe* 'Wasser', *Ma* 'Erde oder Land', *Teel* 'Wind', *Soor* 'Regen', *Kill* 'Zunge', *Tous* 'Bart', *Ihm* 'Mund', *Birila* 'Lippe', *Pele* 'Ohr', *Sui* 'Arm', *Pinn* 'Zahn', *Kiöt* 'Bauch', *Thëi* 'Hals', *Plem* 'Himmel'.

Небольшой по объему удмуртский словник был восстановлен Ф. Й. Страленбергом практически по памяти после потери записных книжек, и качество его, к сожалению, не высоко. В силу этого, ряд ученых даже ошибочно интерпретировали его материалы как южноудмуртские (на самом деле исследователь собрал свой материал, по-видимому, на нижней Чепце еще в 1711 году [Напольских 2002: 48]).

В монографии, посвященной изучению письменных памятников XVIII века, Т. И. Тепляшина приводит все 29 слов, зафиксированных Ф. Й. Страленбергом, и каждое слово подвергает лингвистической интерпретации

[Тепляшина 1965а: 25–29]. Тем не менее, мы попытаемся представить графику удмуртских материалов Ф. Й. Страленберга более системно.

1. Среди слов, записанных этим исследователем, в двух встречается своеобразный гласный среднего подъема среднего ряда *ö* (*e*), который обозначен в одном случае буквосочетанием *ee*: *Teel* [*tɛl* ~ ? *tel*] 'Wind [ветер]' (27) (номера страниц приводятся по: [Тепляшина 1965а]), в другом – сочетанием *iö*: *Kiöt* [*kɛt* ~ *köt*] 'Bauch [живот]' (28). В последнем примере звук *ö*, согласно Т. И. Тепляшиной [1965а: 28], является огубленным – *ö̥* (*o*). По мнению В. В. Напольских [2002: 41–42], использование немецкими учеными буквы *ö* для передачи удмуртского *e* вполне естественно и не предполагает непременно звука типа *o* в диалекте-источнике. Во всяком случае, имея в записи Ф. Й. Страленберга предшествующую букву *i* перед *ö*, можно, наверное, предположить, что в данном слове информант произнес огубленный *ö*.

2. Удмуртский гласный *ы* (*i*) Ф. Й. Страленберг передает следующими буквами:

а) *i* (в большинстве случаев): *Till* [*tɪl*] 'Feuer [огонь]' (27); *Kill* [*kɪl*] 'Zunge [язык]' *Ihm* [*ɪm*] 'Mund [рот]', *Birila* [*bɪrla*] 'Lippe [губа]' (28);

б) *e*: *Nell* [*n'ɪl*] 'Vier [четыре]', *Zsesem* [*s'iz'ɛm*] 'Sieben [семь]' (26);

в) *y*: *Kyk* [*kɪk*] 'Zwey [два]' (25).

3. Согласные *с* (*s*) и *з* (*z*), а также *ш* (*š*) (в одном слове) обозначаются буквой *s*: *Sui* [*suɪ*] 'Arm [локоть]', *Soor* [*zor*] 'Regen [дождь]', *Tous* [*tuʃ*] 'Bart [борода]' (28).

4. Удмуртский согласный *в* (*v*) передается буквой *w*: *Witt* [*vit*] 'Fünff [пять]' (26), *Woe* [*vu*] 'Wasser [вода]' (27).

5. Анлаутное сочетание *йы-* в материалах Ф. Й. Страленберга, встречающееся в двух примерах, обозначено буквосочетанием *gi*: *Girr* [*jɪr* ~ ? *d'ɪr*] 'Haupt, Kopf [голова]', *Girssu* [*jɪrs'ɪ* ~ ? *d'ɪrs'ɪ*] 'Haar [волосы]' (27). Возникает вопрос, почему исследователь инициальный *j-* в письме передал буквой *g*? Существует несколько точек зрения по этому поводу. Согласно мнению Т. И. Тепляшиной [1965а: 27], Ф. Й. Страленберг таким образом обозначил звук *д'*, заместивший первичный *й-* в некоторых периферийно-южных говорах удмуртского языка (например, в бавлинском и шошминском [Кельмаков 1998: 95]). Действительно, если ученый-путешественник при записи удмуртских слов пользовался правилами немецкой орфографии, он правильно зафиксировал формы *д'ыр* и *д'ырсы*, употребляющиеся в отмеченных говорах периферийно-южного наречия. Однако, в случае, если Ф. Й. Страленберг эти два слова записал по правилам орфографии швед-

ского языка (как отмечают некоторые ученые [Вессен 1949: 122; Стеблин-Каменский 1958: 135–136], в скандинавских языках (шведском и норвежском) еще в XIII веке начался процесс палатализации некоторых согласных перед гласными переднего ряда. В число этих сонантов входил и *g*, который в упомянутой фонетической позиции перешел в среднеязычный щелевой звонкий *j*), тогда перед нами древние удмуртские формы *йыр* и *йырси*.

По мнению других исследователей (см., например, [Напольских 2002: 37]), использование **G** для обозначения звука *j*- в позиции перед узкими гласными – старая и хорошо известная графическая традиция, например, в названии самоедов еще в источниках XIII века (Плано Карпини: *SAMOGE-DI*), которая продолжается у Ф. Й. фон Штраленберга: наряду с *SAMOJEDEN* также *SAMOGÆDI*. Таким образом, как считает В. В. Напольских, в данных словах наблюдается всего-навсего игра букв и звуков.

Из вышеизложенного становится ясно, что какой-либо четкой системы в передаче удмуртских букв латиницей у Ф. Й. Страленберга не обнаруживается. Однако нужно отметить, что даже такая частичная фиксация материала для изучения истории языка представляет определенную ценность.

1.5.3. Удмуртские материалы в словаре Г. Ф. Миллера

В 1733 году Сенатом и Императорской Санкт-Петербургской Академией наук была организована так называемая «Камчатская» экспедиция под предводительством капитан-командора В. Беринга. Члены данной экспедиции занимались в основном изучением природы и исследованием местных памятников древней культуры. В их задачу также, по-видимому, входило подробное изучение и описание жизни и быта народов Камчатки, Сибири и Поволжья. В научных материалах Камчатской экспедиции, хранящихся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, содержатся различные сведения, собранные ее членами.

В состав указанной экспедиции входил член Петербургской Академии наук, историк и археограф, немец по происхождению Герард Фридрих Миллер (1705–1783). Во время поездок (1733–1743) академик Г. Ф. Миллер, наряду со сбором исторических и географических данных, интенсивно занимался фиксацией словарного материала у разных народов Сибири и Поволжья. В рукописи путешественника-естествоиспытателя изложены исторические наблюдения и описания народов. В ней имеется также упоминание об удмуртах. По мнению Т. И. Тепляшиной [1965а: 31], рукопись Г. Ф. Миллера составлена на одном из южных диалектов, о чем свидетель-

стует запись исследователя в собственной книге «Описание живущих въ Казанской губерніи языческихъ народовъ»: «Въ бытность мою въ Казани помощію данныхъ мнѣ изъ тамошней губернской канцеляріи толмачей Черемисскаго, Чувашскаго и Вотьяцкаго языковъ, какъ по близости отъ Казани оными языками говорятъ, собралъ я нѣсколько словъ, къ которымъ присокупилъ еще званія на Мордовскомъ и Казанскихъ татаръ языкахъ» [Миллеръ 1791: 28]. Из данного сюжета мы узнаем, что лексический материал Г. Ф. Миллер собирал у удмуртов, проживающих в окрестностях Казани. В этой же работе, наряду с этнографическим описанием жизни и быта удмуртов, есть утверждение, что в удмуртском языке существуют различные диалекты. Г. Ф. Миллер отмечает наличие диалектов «верхних» (т. е. северных) и «нижних» (т. е. южных) удмуртов. Следовательно, при сборе удмуртских материалов исследователь заметил отличие диалекта удмуртов северных районов от диалекта южных удмуртов. Это указание, впервые отмеченное ученым, является очень ценным для истории удмуртского языкознания.

В опубликованной Г. Ф. Миллером работе «Sammlung russischer Geschichte» [Miller 1758], написанной на основе материалов, которые были собраны во время Камчатской экспедиции, на страницах 382–409 приведен «Словарь немецко-татарско-черемисско-чувашско-вотско-мордовско-пермяцко-зырянский». В нем содержится около 250 удмуртских слов, из них 28 – количественные числительные. В 1791 году в Санкт-Петербурге на русском языке была издана книга Г. Ф. Миллера «Описание живущих в Казанской губерніи языческихъ народовъ, яко то черемись, чувашъ и вотьяковъ...» [Миллеръ 1791] (полное название см. в приложении 3), в которую была включена часть вышеназванного словаря. В этой книге русские слова даны в переводе на чувашский, татарский, марийский, удмуртский, мордовский, коми-пермяцкий и коми-зырянский языки. Словарь представляет собой буквальный перевод из книги «Sammlung russischer Geschichte». Немецкие слова в нем переведены на русский язык, а удмуртские – транслитерированы буквами кириллического алфавита.

1.5.3.1. Особенности графики

Некоторые графические особенности удмуртского лексического материала Г. Ф. Миллера были отражены в уже упомянутой монографии Т. И. Тепляшиной [1965а]. Тем не менее, в ней отсутствует подробный графический анализ зафиксированных удмуртских слов, а об орфографии не говорится ни слова.

Большинство звуков удмуртского языка в записях Г. Ф. Миллера передаются соответствующими буквами латинского алфавита: *a – a, б – b, в – w, г – g, д – d, и – i, ъ – j, к – k, л – l, м – m, н – n, о – o, п – p, р – r, с – s, т – t, у – u*. Однако некоторые специфические удмуртские звуки, особенно те, которые отсутствуют в немецком языке, довольно часто передаются несколькими способами. Это, прежде всего, гласные *ö (e)* и *ы (j)*, а также согласные *ш (š)* и *ж (ž)*, *с (s)* и *з (z)*, *η*, аффрикаты *жс (žš)*, *жэ (žš)*, *ч (č)*, *ч (č)*. Рассмотрим подробнее способы их обозначения с помощью латинской графики.

1. Удмуртский звук *ы (j)* передается:

а) буквами *ü* или *û* (в единичных случаях): *Lümschir [lĩmšĩr]* 'Mittag [Полдень]' [Mil. 1759: 383] (далее номера страниц приводятся без указания источника), *Tüll [tĩl]* 'Feuer [Огонь]' (385), *Nüll [nĩl]* 'Tochter [Дочь]' (387), *Nürr [nĩr]* 'Nase [Нос]', *Ümdor [ĩmdor]* 'Lippen [Губы]', *Küll [kĩl]* 'Zunge [Язык]' (389) и др.;

б) буквой *i (i)*: *Schündi [šundĩ]* 'Sonne [Солнце]' (383), *Irgòn [ĩrgon]* 'Kipper [Медь красная]' (387), *Jir [jĩr]* 'Kopf [Голова]' (389), *Gogi [gogĩ]* 'Nabel [Пуп]' (391), *Isch [ĩž]* 'Schaaf [Овца]' (395), *Kóschisch [kočĩš]* 'Katze [Кошка]' (397), *Jedi [jəđĩ]* 'Gersten [Ячмень]' (399), *Lis [lĩz]* 'Blan [Синий]' (405), *Kezit [kez'ĩt]* 'Kalt [Студеный]' (58) и т. д.;

в) сочетанием букв *ui (úi)*: *Muis [mĩz]* 'Gaviar [Икра]' (397), *Puis [pĩz]* 'Mehl [Мука]' (399), *Wúischi [vĩžĩ]* 'Wursel [Корень]' (399), *Buisch [bĩž]* 'Schwanz [Хвост]' (401). В примерах, перечисленных в этом абзаце, звук *ы*, возможно, является гласным средне-заднего ряда среднего подъема, то есть *ь (ə)*.

2. Специфический огубленный гласный передне-среднего ряда среднего подъема *ö (ö)* Г. Ф. Миллером обозначается:

а) через *ü*: *Küss-nunàl [kòsnunàl]* 'Sonnabend [Суббота]' (385), *Bürdèm [bòrdèm]* 'Ich weine [Плачу]' (403), *Küss [kòs]* 'Trocken [Сухой]' (405);

б) через *ö*: *Öss [òs]* 'Дверь' (46). Вполне возможно, что в перечисленных под цифрой 2 примерах, гласный *ö* может быть нелабиализованным. Однако место сбора материала (окрестности г. Казани) указывает на обратное.

3. Неогубленный гласный среднего ряда среднего подъема *ö (e)* передается:

а) буквой *e (é)*: *Tédi-Tui [təd'ĩ tuj ~ ? ted'ĩ tuj]* 'Messing [Латунь]', *Ssed-uswèss [s'əd uzves' ~ ? s'ed uzves']* 'Bleh [Свинец]' (387), *Déddi [dəd'ĩ]* 'Schlitten [Сани]' (395), *Jel [jəl]* 'Milch [Молоко]' (399);

б) знаком **i** (в единичных случаях): *Tillò* [tɛlo] 'Wind [Ветренный]' (383);

4. Удмуртский диалектный гласный средне-заднего ряда среднего подъема **ъ** (ə) обозначен:

а) через **e** (è): *Kuseli* [kuz'əl'i] 'Stern [Звезда]' (383) (перевод неверный, должно быть 'муравей'. – Л. И.); *Sustèl* [s'us'təl] 'Licht [Восковая свеча]' (393); *Isene* [iz'ânə] 'Schlafen [Спать]', *Weräne* [veranə] 'Reden [Говорить]' (401); *Pénmet* [pen'mât] 'Dunkel [Темный]' (405);

б) буквой **o** (ò): *Monskò* [mânsko] 'Ich fahre [Я иду]' (403), *Turôn* [turôn] 'Gras, Heu [Трава, Сено]' (399);

в) через **y**: *Mynnine* [mânjinə] 'Fahren [Ехать]' (401), *Wyllon* [vâlân] 'Hoh [Высоко]' (405);

г) буквой **a** (â): *Tibar* [tjâbr] 'Rücken [Спина]' (391), *Pukâsch* [pukâš ~ pukâč] 'Лук' (395), *Arakâ* [arakâ] 'Branntwein [Вино]' (401).

5. Гласный **э** (e) Г. Ф. Миллер в большинстве случаев передает буквой **e** (а также с диакритиками – è, ê, ê): *Pillèm* [pl'em] 'Wolken [Облако]', *Tolès* [tolez] 'Mond [Луна]' (383), *Muzjèm* [muzjem] 'Erde [Земля]' (385), *Oschmès* [ošmes] 'Ouelle [Источник]' (387), *Sundèss* [zundes] 'Ring [Кольцо]' (393), *Sermèt* [s'ermer] 'Zaum [Узда]', *Lúd-Ketsch* [ludkeč] 'Haase [Заяц]' (395), *Bekrà* [bekra] 'Stohr [Оцетр]' (397), *Sési* [s'ez'i] 'Haber [Овес]' (399), *Sutèm* [s'utem] 'Hungrig [Голодный]' (401) и др. Однако встречается несколько примеров, где этот звук обозначен:

а) буквой **a** (â): *Jessoram* [jɛzorem] 'Hagel [Град идет]' (383), *Dukàss* [dukes] 'Kleid [Платье]' (391);

б) буквосочетанием **ie** (iè): *Piel* [pel] 'Ohr [Ухо]' (389), *Sapièk* [sapeg] 'Stiefeln [Сапоги]' (393);

в) буквой **ä**: *Ssorä* [zore] 'Regen [Дождь]' (383), *So süllä* [so sɪle] 'Er stehet [Он стоит]' (403), *Ussä* [us'se] 'Uebermorgen [Послезавтра]' (405);

г) буквой **ü**: *Ürwal* [erval] 'Stutto [Кобыла]' (395).

6. Удмуртские аффрикаты обозначены следующим образом:

а) **ж** (ž) – буквосочетанием **dsch**: *Dschid* [žit] 'Abend [Вечер]' (383), *Dschèk* [žek] 'Tisch [Стол]' (393);

б) **з** (ž) – буквосочетаниями **dsj** или **dsch**: *Dsjuss* [žus] 'Bank [Скамейка]' (393), *Budschim-schir* [bužžim šir] 'Ratze [Крыса]', *Dsjásek* [žaz'eg] 'Gans [Гусь]' (397). В монографии Т. И. Тепляшиной [1965а: 34] отмечено, что удмуртские **ž** (ž) и **ж** (ž) передаются только сочетанием букв **dsch**;

в) **ч** (č) и **ч** (č) – буквосочетанием **tsch**: *Tschukna* [čukna] 'Morgen [Утро]' (383), *Tschin* [čin] 'Finger [Палец]' (391), *Muntschòh* [mun'čo] 'Badstube [Баня]', *Kátschi* [kač'i] 'Schere [Ножницы]' (393), *Tschúni* [čun'i] 'Füllen

[Жеребенок]' (395), *Kótschisch* [kočjš] 'Katze [Кошка]' (397), *Tschusch* [čuš] 'Gelb [Желтый]' (405) и т. д.

В единичных случаях глухая велярная аффриката *č* (*č*) может быть передана сочетанием *sch*: *Pukàsč* [pukâš ~ pukâč] 'Pfeil [Лук]' (395), *Kótschisch* [kočjš] 'Katze [Кошка]' (397).

7. Удмуртские *ш* (*š*) и *ж* (*ž*) обозначены одинаково – буквосочетанием *sch*: *Schaitàn* [šajtan] 'Teufel [Дьявол]', *Uischòr* [ujšor] 'Mitternacht [Полночь]' (383), *Oschmès* [ošmes] 'Ouelle [Источник]' (387), *Puschè* [puže] 'Rennthier [Олень]' (395), *Buìsch* [biž] 'Schwanz [Хвост]' (401), *Wosch* [vož] 'Grün [Зеленый]' (405).

8. Удмуртские звонкие щелевые *з* (*z*) и *з'* (*z'*) в позиции перед гласным звуком и в интервокальном положении переданы через *s*, правда не всегда последовательно: *Kuseli* [kuz'šl'i] 'Stern [Звезда]' (383) (перевод неверный, должно быть 'муравей'. – Л. И.), *Iskò* [iz'ko] 'Ich schlafe [Сплю]' (403), *Lis* [liž] 'Blau [Синий]' (405), *Kesit* [kez'it] 'Kalt [Холодный]' (405) и др.

9. Глухие щелевые *с* (*s*) и *с'* (*s'*) чаще всего передаются двойным *s* (*ss*): *Ssull* [s'ul] 'Eingeweide [Кишки]' (391), *Atàss* [atas] 'Hahn [Петух]' (397), *Ssed* [s'ed] 'Schwarz [Черный]' (403), *Dass* [das] '10 [Десять]', *Ssu* [s'u] '100 [Сто]', *Surss* [s'urs] '1000 [Тысяча]' (409) и др.

10. В материалах Г. Ф. Миллера в единичных словах представлен заднеязычный сонант *ŋ*, который обозначается буквой *n* или буквосочетанием *ng*: *Ban* [ban] 'Baken [Щека]' (391), *Tungon* [tungon] 'Schlüssel [Замок]' (393).

11. Обозначение палатальности согласных в записях исследователя различно:

а) палатальные согласные передаются так же, как и твердые (мягкость никак не обозначается): *Parss* [pars] 'Schwein [Свинья]' (395), *Sutèm* [s'utem] 'Hungrig [Голодный]', *Kisèm* [kiz'em] 'Satt [Посев]' (401) и др.;

б) в некоторых случаях мягкость обозначена последующей буквой *j*: *Adjami* [ad'ami] 'Mensch [Человек]' (387), *Njùna* [n'un'a] 'Bruder [Брат]' (389), *Kunjàn* [kun'an] 'Kalb [Теленок]' (395);

в) в нескольких словах мягкость согласного обозначается последующим графическим знаком *i*: *Koni* [kon'i] 'Eichhorn [Белка]' (395), *Sèsi* [s'ez'i] 'Haber [Овес]', *Jackmulì* [jagmul'i] 'Strickbeere [Брусника]' (399) и т. д.;

г) иногда палатальность обозначается последующей буквой *ä*: *Arnä* [arn'a] 'Woche [Неделя]' (385), *Pinäll* [pinal ~ pin'al] 'Kind [Дитя]' (389), *Tschuikasü* [čukaz'e] 'Morgen [Завтра]' (405).

Из вышеприведенного материала явствует, что записи Г. Ф. Миллера характеризуются некоторой системностью. Для максимально точной

передачи удмуртских звуков средствами латиницы ученый применил различные способы: обозначил удмуртские фонемы наиболее близкими по звучанию буквами немецкого алфавита или буквосочетаниями.

1.5.3.2. Элементы орфографии

Как и в материалах Д. Г. Мессершмидта, в записях Г. Ф. Миллера в конце слов после гласного звука иногда употребляется буква **h**, которая обозначает долготу предшествующего гласного: *Korkàh* [*korka*] 'Stube [Изба]', *Muntschòh* [*mun'čo*] 'Badstube [Баня]', *Pialàh* [*piala ~ pijala*] 'Fenster [Оконница]' (393), *Urobòh* [*urobo*] 'Wagen [Телега]' (394) и др.

Отсутствие ауслатного *j* в слове *Dschabè* [*čabe*] 'Weitzen [Пшеница]' (399) Т. И. Тепляшиной [1965а: 51] объясняется незначительным дифтонгоидным произношением немецкого конечного *è*, близкое к звукоочетанию *ej*. По нашему мнению, в речи информантов конечный согласный этого слова мог быть произнесен достаточно слабо и потому не был зафиксирован.

1.5.4. Материалы Й. Э. Фишера по удмуртскому языку

Материалы другого участника Камчатской экспедиции – академика истории и археологии Йоганна Эберхарда Фишера (1697–1771) – приводятся в монографии Т. И. Тепляшиной [1965а: 65–70], но не в полном объеме (всего 37 удмуртских слов).

Наиболее полное лингвистическое наследие Й. Э. Фишера по удмуртскому языку увидело свет в статьях венгерского лингвиста Шандора Чуча под названием «Об одном памятнике удмуртской письменности XVIII века» [Csúcs 1983: 311–320] и «Удмуртский язык в XVIII веке» [Csúcs 1984: 63–80]. В 1995 году в Германии выходит книга Яноша Гуи на немецком языке под названием «Вокабуляр Сибири: (1747); Сравнительно-этимологическая часть» [Gulya 1995] (об этом подробнее см. раздел 1.2).

Необходимо отметить то, что, согласно мнению многих ученых (см. напр.: [Пекарский 1870: 631; Бахрушин 1937: 32; Gulya 1983: 165; Хелимский 2000: 222]), работавших с рукописями материалов Второй Камчатской (она же Первая Академическая, она же Великая Северная) экспедиции 1733–1743 гг., «Вокабуляр» Й. Э. Фишера в его собственно лексикографической, а не этимологической части, по отношению к оригинальным записям руководителя этой кампании Г. Ф. Миллера, вторичен. Финно-угорoved

Э. Винклер считает, что рукописные материалы Й. Э. Фишера не могут считаться его собственными записями. В одной из своих работ под названием «Zum Göttinger Vocabularium Sibiricum» [Winkler 1997: 281–308] исследователь приводит немало доводов, которые подтверждают факт составления «Вокабуляра» на основе собраний Г. Ф. Миллера. Приведем некоторые из них. Если инструкции по сбору языкового материала народов Сибири Фишером были получены только в Томске, то каким образом им были собраны материалы по удмуртам, чувашам, марийцам и мордве? И другой довод: откуда «автор» труда «Vocabularium Sibiricum» нашел языковые данные по венгерскому и грузинскому языкам, если они не встречались на пути его следования? [Winkler 1997: 285].

Таким образом, все записи, касающиеся удмуртского языка (и, возможно, не только удмуртского), выполненные Й. Э. Фишером, по мнению вышеуказанных исследователей, на самом деле переписаны с лексических данных Г. Ф. Миллера. С подобной точкой зрения мы не можем полностью согласиться. Приведем таблицу, в которой в первом столбце даются лексические данные Г. Ф. Миллера (по репринтному изданию: *Sammlung Russischer Geschichte*, 1759, Bd. III, 4. St. (см.: [Миллер 2005: 170–186])), во втором – те же слова из «Вокабуляра» Й. Э. Фишера (по: [Csúcs 1983: 311–320]).

Г. Ф. Миллер	Й. Э. Фишер	Наш перевод
Inmàr	inmàr	'Бог'
Schàitan	schaitàn	'Дьявол'
Pillem	pillèm	'Облако'
Tillò	tillo	'Ветренно; ветренный'
Ssorä	ssoräk	'Дождь (идет)'
Lüümü	lümüh	'Снег'
Gudriah	gudriäh	'Гром; гремит'
Júggut	júggut	'Светло; светлый'
Nunàl	nunàl	'День'
Adjami	adjämi	'Человек'

Из приведенных в таблице 10 слов всего 3 имеют полное совпадение, остальные 7 отличаются или диакритическими знаками, или дополнительными буквами. Кроме того, некоторые слова из «Vocabularium Harmonicum» Г. Ф. Миллера не имеются в «Вокабуляре» Й. Э. Фишера, напр.: *Njúnä* 'bruder [старший брат]', *Kwin ssu* '300 [триста]' и др. И наоборот, лексем из «Вокабуляра» (*doss-kwin* 'tredecium [тринадцать]', *súkoni* 'rubelus [рубль]' и т. д.) не имеется у Г. Ф. Миллера.

Можно, конечно, допустить, что Г. Ф. Миллер во время Камчатской экспедиции собрал большое число «Вокабуляров» различных сибирских народов, которые не вошли в его «Vocabularium Harmonicum», а остались в различных архивах и впоследствии послужили материалом для исследования Й. Э. Фишера.

Рассмотрим графические и орфографические особенности удмуртской части «Вокабуляра Сибири» Й. Э. Фишера. Примеры приводятся согласно списку, опубликованному в статье Ш. Чуча [Csúcs 1983: 311–320], с указанием лишь страницы: сначала мы приводим удмуртское слово, затем – в квадратных скобках – слово в нашем прочтении, перевод на латинский язык, в квадратных скобках – наш перевод (на русский язык) и номер страницы.

1.5.4.1. Особенности графики

Большинство удмуртских звуков в записях Й. Э. Фишера, подобно материалам Г. Ф. Миллера, передаются соответствующими буквами латинского алфавита или буквосочетаниями: *a – a (â, á)*; *b – b*; *v – w*; *z – g*; *ð – d*; *ð' – d, dj, dd*; *u – i (î, í, î)*; *ÿ – j, i*; *k – k, ch, ck*; *l – l, ll*; *l' – l, ll*; *m – m*; *n – n*; *n' – n, nj*; *ŋ – p*; *o – o (ò, ó)*; *n – p*; *p – r, rr*; *c – s, ss*; *c' – s, ss*; *m – t*; *m' – t, tj*; *y – u (ú, û)*. Однако некоторые специфические звуки удмуртского языка, отсутствующие в немецком языке, автор пытается обозначить разными способами, а именно близкими по артикуляции немецкими буквами или их различными сочетаниями. Рассмотрим эти случаи подробнее.

1. Удмуртский гласный *ы* (*ï*) передается:

а) немецкой буквой *ü*: *ümdòr [ïmdor]* 'labia [губы]' (314), *küss [kiz]* 'pinus [ель]' (315), *nürr [nir]* 'nasus [нос]' (316), *püt [pid]* 'pedes [нога]', *püsch [piz]* 'navis [лодка]' (317), *tüll [til]* 'ignis [огонь]' (318) и др.;

б) буквой *i*: *bóri [bori]* 'fragum [клубника]' (313), *déddi [ded'ï]* 'traha [сани]', *isch [iz]* 'ovis [овца]' (314), *júni [juni-]* 'bibere [пить]', *kesit [kez'it]* 'frigidus [холод]' (315), *purti [purti]* 'lebes [котел]', *püni [pun'ï]* 'cochlear [ложка]' (317), *schir [šir]* 'mus [мышь]', *sini [s'ini-]* 'edere [есть (кушать)]' (318) и т. д. В перечисленных (пункты а и б) примерах о применении буквы *ü* и *i* для обозначения удмуртского *ï* не приходится сомневаться, поскольку транскрибированный нами гласный верхнего подъема среднего ряда ближе всего подходит к немецким звукам *ü* и *i*;

в) знаком *y*: *gósy [gozi]* 'funis [веревка]' (314), *mynnine [mïniñâ ~ mïññâ]* 'vehi [идти]' (316).

2. Гласный среднего подъема заднего ряда *ə* обозначается:

а) буквосочетанием **ui**: *buisch* [bâž] 'cauda [хвост]' (313); *puis* [pâzʔ] 'farina [мука]' (317); *wuisci* [vâžʔi] 'radix [корень]' (319);

б) буквой **ù**: *kwamùn* [kwamân] 'triginta [тридцать]' (316). Передачу удмуртского *ы* через **ui** у Г. Ф. Миллера Т. И. Тепляшина [1965а: 33] объясняет тем, что, возможно, он произносился лабиализованно, как в некоторых коми-зырянских диалектах, или некоторая лабиализация наблюдалась под влиянием предшествующих губных согласных. По нашему мнению, использование Й. Э. Фишером буквы **ù** (а также сочетания **ui**) указывает, скорее всего, на заднерядный характер гласного, то есть *ə*;

в) буквой **e**: *nëmetsch-kurék* [n'emâččkurec] 'gallina indica [индюшка]', *my-nine* [mʲinʲinâ] 'vehi [идти]' (316), *pénmet* [pen'mât] 'obsurus [темный]' (317).

3. Удмуртский звук среднего ряда среднего подъема *ö* (e) Й. Э. Фишер обозначил следующими буквами:

а) **e** (в разных вариантах – **e**, **ê**, **ê**): *tschêsch* [čěž] 'anas [утка]' (313), *dédđi* [dêd'î] 'traha [сани]', *jel* [jêl] 'lac [молоко]' (314), *ssed* [s'ed] 'niger [черный]' (318);

б) **i**: *tillo* [têlo] 'ventus [ветренный]' (318);

в) **ï**: *bürdêm* [berdem] 'lacrimo [плач]' (313), *küss* [kês ~ kôs] 'siccus [сухой]' (315). Вполне возможно, что второе слово информанты Й. Э. Фишера произнесли с огубленным гласным передне-среднего ряда среднего подъема *ó*, который в настоящее время употребляется в большинстве говоров периферийно-южного диалекта удмуртского языка [Кельмаков 1998: 55];

г) **u**: *wui* [vej] 'butyrum, oleum [масло]' (319).

4. Удмуртский гласный *э* (e) в большинстве случаев передается немецкой буквой **e** (также в разных вариантах – **ë**, **é**, **ê**): *aswëss* [azves] 'argentum [серебро]' (313), *gurt-ketsch* [gurtkeč] 'capra [коза]' (314), *musjèm* [muzjem] 'terra [земля]' (316), *pénmet* [pen'mât] 'obsurus [темный]' (317), *telês* [tolez] 'luna [луна, месяц]' (318). В некоторых случаях эта гласная встречается в виде исключений, как:

а) сочетание **ie** (**iè**, **iê**): *piëll* [pelʔ] 'aures [ухо]', *sapiëk* [sapeg] 'oscreae [сапоги]' (317);

б) **ä** или **â**: *tschuckasü* [čukaz'e] 'cras [завтра]' (313), *dukàs* [dukes] 'vestis [зипун]' (314), *tünnä* [tunne] 'hodie [сегодня]' (319). В вышеперечисленных примерах обозначение конечного *э* буквами **ä** или **â** можно объяснить более открытым ее произношением, что отмечается в диалектах удмуртского языка [Тепляшина 1961: 131; Кельмаков 1998: 53]. Например, в публикациях Б. Мункачи этот гласный отмечается буквой **ä**: *dukäs*

'kabát [зипун]' [Munkácsi 1896: 402], в работах Ю. Вихманна – *ε*: *tunne* 'heute [сегодня]' [Wichmann 1987: 268];

в) **i** (**i**): *düi* [*düe*] 'camelus [верблюд]' (314).

5. Согласные *ш* (*š*) и *ж* (*ž*) обозначены одинаково – буквосочетанием **sch**: *baschmàk* [*basmak*] 'calcei [башмак]', *buisch* [*biž*] 'cauda [хвост]' (313), *isch* [*iž*] 'ovis [овца]' (314), *osch* [*oš*] 'bos [бык]', *oschmès* [*ošmes*] 'fons [родник]', *püsch* [*piž*] 'navis [лодка]' (317), *schündi* [*šundi*] 'sol [солнце]' (318), *tuschàk* [*tušak*] 'lectus [перина]', *uloschò* [*ulošo*] 'cantherius [кастрированный]', *wuischi* [*vžži*] 'radix [корень]' (319), *wusch* [*vuž*] 'arcus [старый]' (320) и др. В одном случае Й. Э. Фишер начальный *ш* (стоящий перед **т**) по правилам немецкой орфографии передает знаком **s**: *stan* [*štan*] 'femoralia [штаны]' (318).

6. Аффрикатy передаются следующим образом:

а) глухая веллярная *č* (*č*) и глухая палатальная *ch* (*č*) обозначены одинаково – буквосочетанием **tsch**: *tschêsch* [*čež*] 'apas [утка]', *tschiu* [*čin*] 'digitus [палец]', *tschorik* [*čorik*] 'piscis [рыба]', *tschuckasä* [*čukaz'e*] 'cras [завтра]', *tschuknà* [*čukna*] 'mane [утро]', *tschusch* [*čuž*] 'flavus [желтый]' (313); *ditschi* [*d'ičji ~ d'iči ~ žičji*] 'vulpes [лисица]' (314); *katschi* [*kačji ~ kačji*] 'forfex [ножницы]', *kótschisch* [*kočjš*] 'felis [кошка]' (315); *lûd-ketsch* [*ludkeč*] 'lepus [заяц]' (316) и т. д.;

б) звонкие аффрикатy *š* (*š*) и *ž* (*ž*) передаются знакосочетанием **dsch**: *budschim* [*bužžim ~ bižžim*] 'magnus [большой]' (313); *dschid* [*žit*] 'sero, vesper [вечер]' (320). В некоторых случаях палатальная *ž* передается буквосочетаниями **ds** или **dsj**: *kudsem* [*kužžem*] 'ebrius [пьяный]' (316); *dsjäsèk* [*žaz'ek*] 'anser [гусь]', *dsjuss* [*žus*] 'scamnum [скамья]' (320).

7. Удмуртское *в* (*v*) или диалектное *ÿ* (*ÿ*) (в одном корневом слове) обозначено буквой **w**: *aswèss* [*azves*] 'argentum [серебро]' (313); *pógdschi-wün* [*pokči vjin*] 'frater natu minor [младший брат]' (317); *tolon-wal* [*tolon val*] 'nudius tertius [позавчера]', *warr* [*var ~ ùar*] 'servus [слуга, раб]', *wui* [*vuj*] 'buturum, oleum [масло]', *wit-don* [*vit'don*] 'quinquaginta [пятьдесят]' (319) и др.

8. В одном слове, возможно, встречается ауслутный согласный *η*, который передан буквой **n**: *ban* [*ban*] 'gena [щека]' (313).

9. Палатальность согласных Й. Э. Фишером обозначается по-разному:

а) последующей буквой **j**: *adjämi* [*ad'ami*] 'homo [человек]' (312); *kunjäñ* [*kun'an*] 'vitulus [теленок]', *njän* [*n'an*] 'panis [хлеб]' (316);

б) последующими **ä** или **ü**: *arnä* [*arn'a*] 'hebdomas [неделя]' (312), *dütsch-árnä* [*d'üč arn'a*] 'Dies Solis [воскресенье]' (314), *pinäll* [*pin'al ~ pin'al*] 'infans [молодой; ребенок]' (317);

в) геминантами: *aswèss* [azvesʹ] 'argentum [серебро]' (313), *dèddi* [dèdʹi] 'traha [сани]' (314); *jir-ssi* [jirsʹi] 'dies, capillus [волосы]', *kuk-ssu* [kiksʹu] 'ducenta [двести]' (315), *nill* [nʹilʹ ~ nʹilʹ] 'quatuor [четыре]' (316), *parss* [parsʹ] 'porcus [свинья]' (317).

Из вышеприведенных примеров видно, что определенная системность в передаче удмуртских звуков средствами латиницы у Й. Э. Фишера присутствует. Как и Д. Г. Мессершмидт, этот ученый стремился предельно точно фиксировать на письме фонетические особенности удмуртского языка и использовал большое количество графических знаков, особенно для обозначения гласных фонем.

1.5.4.2. Элементы орфографии

Для рукописи Й. Э. Фишера свойственно использование правил немецкого письма, которое заключается в следующем:

1) в конце слова после гласной буквы употребляется буква **h**, что в немецкой орфографии означает удлинение предшествующей гласной, например: *korkàh* [korka] 'hurocaustum [дом]' (315), *luòh* [luo] 'arena [песок]' (316), *pialàh* [piala] 'fenestra [стекло]' (317), *tackàh* [taka] 'aries [баран]' (318). Использование Й. Э. Фишером этой буквы приводит в недоумение исследователя его материалов Ш. Чуча: «В конце нескольких слов в рукописи написана **h**. Эта буква использована в этом случае необоснованно. В удмуртском языке нет и никогда не было фонемы *h*» [Csúcs 1984: 66] (перевод с венгерского. – Л. И.).

2) в некоторых словах в интервокальном положении встречается сочетание **ck** (произносится как *к*): *tackàh* [taka] 'aries [баран]' (318);

3) отсутствие ауслатного *j* в следующих словах: *dschabè* [čabeʹ] 'tritiscum [пшеница]', *tschipe* [čipeʹ] 'lucius [щука]' (313), *puschè* [pužeʹ] 'rangifer, alce [олень, лось]' (317). Это явление, отмеченное Й. Э. Фишером, встречается еще в материалах других немецких ученых-путешественников, напр. Г. Ф. Миллера (см. параграф 1.5.3.2). Поскольку подобные слова в удмуртских диалектах не обнаружены, мы предполагаем, что в речи информантов этих исследователей конечный согласный вышеприведенных слов мог произноситься достаточно слабо и потому не был зафиксирован.

1.5.5. Удмуртский перевод молитвы «Отче наш»

Перевод молитвы «Отче наш» на удмуртский язык выполнен неизвестным лицом по просьбе Фридриха Аделунга, работавшего в Санкт-

Петербурге в археологической комиссии графа Н. П. Румянцева. Лингвист и археолог в одном лице Ф. Аделунг послал этот перевод своему дяде И. Х. Аделунгу, а тот напечатал присланный текст в своей книге «Mithridates oder allgemeine Sprachenkunde» в 1806 году в Берлине [Adelung 1806]. Как указывает Т. И. Тепляшина, перед текстом молитвы приводится следующее замечание: «Нижеследующий текст получен мною через моего племянника, живущего в Петербурге, от Екатеринбургского генерал-губернатора, для которого составил этот текст присягнувший переводчик...» [Тепляшина 1965а: 230].

Согласно Б. И. Каракулову [2006: 67], существует и второй вариант перевода этой молитвы на удмуртский язык, выполненный позже студентом Егором Сатрапинским.

Хотя особенности графики текста перевода на удмуртский язык молитвы «Отче наш» в некоторой степени отражены в монографии Т. И. Тепляшиной [1965а: 230–231], нам хотелось бы поподробнее остановиться на том, каким образом переводчик передал специфические удмуртские звуки средствами латиницы.

1. Удмуртский звук *ы* (*i*), отсутствующий в немецком языке, обозначается двумя способами:

а) буквой *ü* (в большинстве случаев): *Wülün* [*vilj̥n*] 'на' [Тепляшина 1965а: 230] (далее примеры приводятся лишь с указанием номера страницы источника), *tünad* [*tj̥nad*] 'твое', *utismü* [*ut'is'mj̥*] 'хранитель наш', *milemlü* [*mil'emlj̥*] 'нам', *bastüsjosüs* [*bas'tj̥s'josj̥z*] 'берущих' (231);

б) буквой *i*: *ürükid* [*erj̥kid*] 'воля твоя' (230).

2. Специфичный гласный удмуртского языка *ö* (*e*) в переводе встречается всего в двух словах и передается буквой *e*: *Kes* [*kɛs* ~ ? *kes*] 'сухой' (230), *Erekzanü* [*erɛkčani* ~ ? *erɛkčani*] 'обмануть' (231).

3. Согласный *ш* (*š*) обозначается буквосочетанием *sch*: *Duschmonles* [*dušmonles*] 'от врага'.

4. Палатальность согласных в словах, на первый взгляд, никак не обозначается: *uliskod* [*ulis'kod*] 'живешь' (230), *pastana* [*pas'tana*] 'повсюду', *kültie* [*kel'tj̥*] 'ты оставь', *bastüsjosüs* [*bas'tj̥s'josj̥z*] 'берущих' (231) и др.

Однако, можно предположить, что в двух случаях мягкость согласных передана последующей буквой *ä*: *miläm* [*mil'am*] 'наш' (230), *Nän* [*n'an*] 'хлеб' (231) и в одном – последующим *i*: *sïot* [*s'ot*] 'отдай' (231).

5. Согласные *з* (*z*) и *з'* (*z'*) во всех случаях (как и фонема *с* (*s*)) передаются буквой *s*: *med luos* [*med luoz*] 'пусть будет', *bastüsjosüs* [*bas'tj̥s'josj̥z*] 'берущих', *en no les* [*en no lez*] 'и не пускай', *kosma* [*ko:zma*] 'благослови' (231).

В трех первых примерах, в которых звуки *z* и *z'* стоят в конце слова, переводчик постарался, на наш взгляд, отразить полузвонкие варианты фонем *z* и *z'*.

6. В одном слове встречается палатальная аффриката *ч* (*č*), которая обозначена, как ни странно, знаком *z*: *Erekzaniü* [*ɛrɛkčani*] 'обмануть' (231).

Остальные звуки удмуртского языка (за исключением *ж* (*ž*), *ӓ* (*š*), *ӓс* (*š*), *č* (*č*) – с ними не представлено ни одного слова) передаются соответствующими буквами немецкого алфавита.

1.5.6. Обозначение специфических удмуртских звуков средствами латиницы

Проанализированный материал из словаря Д. Г. Мессершмидта, списка слов Ф. Й. Страленберга, словаря Г. Ф. Миллера, «Вокабуляра Сибири» Й. Э. Фишера и перевода молитвы «Отче наш» на удмуртский язык показывает, что для записи удмуртских слов в данных памятниках применяется немецкая графическая, а также в некоторых случаях орфографическая система. Чтобы представить обозначение специфических удмуртских звуков средствами латиницы, приведем таблицу.

Удмуртские звуки	Д. Г. Мессершмидт	Ф. Й. Страленберг	Г. Ф. Миллер	Й. Э. Фишер	«Отче наш»
<i>ы, ь</i> (<i>i, ə</i>)	<i>y, yi, i, e, u, ö</i>	<i>i, e, y</i>	<i>ü, i, e, ui, o, y, a</i>	<i>ü, i, ui, y, u, e</i>	<i>ü, i</i>
<i>ө</i> (<i>e</i>)	<i>ö, y, öe</i>	<i>ee, iö</i>	<i>ü, ö, e, i</i>	<i>e, i, ü, u</i>	<i>e</i>
<i>э</i> (<i>e</i>)	<i>e, æ</i>	<i>e</i>	<i>e, ä, a, ie, ü</i>	<i>e, ie, ä (a), i</i>	<i>e</i>
<i>č</i> (<i>č</i>)	<i>tsch</i>	–	<i>tsch</i>	<i>tsch</i>	–
<i>ч</i> (<i>č</i>)	<i>tsch</i>	–	<i>tsch</i>	<i>tseh</i>	<i>z</i>
<i>ӓс</i> (<i>š</i>)	–	–	<i>dsch</i>	<i>dsch</i>	–
<i>ӓ</i> (<i>š</i>)	<i>dsh, ds, sh, ss</i>	–	<i>dsch</i>	<i>dsch</i>	–
<i>ш</i> (<i>š</i>)	<i>sch</i>	–	<i>sch</i>	<i>sch</i>	<i>sch</i>
<i>ж</i> (<i>ž</i>)	<i>sh</i>	–	<i>sch</i>	<i>sch</i>	–
<i>η</i>	<i>ng, hn</i>	–	<i>n, ng</i>	<i>n</i>	–
<i>у</i>	<i>hw, wu</i>	–	–	<i>w</i>	–

Из таблицы видно, что наибольшую сложность для обозначения удмуртских фонем представлял звук *ы*. В материалах Д. Г. Мессершмидта и Й. Э. Фишера он изображен шестью способами (пятью различными буквами и одним буквосочетанием). Ф. Й. Страленберг этот звук обозначил тремя разными знаками. Г. Ф. Миллер на месте звука *ы* использовал шесть букв и одно буквосочетание.

Не менее трудной для передачи на письме была специфическая удмуртская фонема *ö*, для обозначения которой Д. Г. Мессершмидтом использованы две буквы и буквосочетание, Ф. Й. Страленбергом – два буквосочетания, Г. Ф. Миллером и Й. Э. Фишером – четыре буквы, а в переводе молитвы – один знак.

Большая пестрота графических знаков наблюдается также в передаче удмуртского *э*. Как показывают примеры, в материалах Г. Ф. Миллера и Й. Э. Фишера эта фонема обозначена пятью способами.

Как нам кажется, подобное разнообразие в обозначении фонем можно объяснить тем, что исследователи пытались максимально точно передать услышанные ими специфические звуки, отсутствующие в их родном – в данном случае немецком – языке.

Глава вторая

ПАМЯТНИКИ УДМУРТСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ НА ОСНОВЕ КИРИЛЛИЦЫ (XVIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА)

Как было отмечено выше (см. главу 1), первые памятники удмуртской письменности – списки слов и небольшие словари – были составлены с помощью латинской графики (Д. Г. Мессершмидт, Ф. Й. Страленберг, Г. Ф. Миллер и Й. Э. Фишер). Удмуртское письмо на кириллице, которая была приспособлена к записи удмуртских слов несколько позднее латиницы и некоторое время сосуществовала с ней, в конце XVIII века под давлением окружающей общественно-политической и культурной обстановки и влиянием престижа первой грамматики удмуртского языка [Сочинения 1775] полностью вытеснило латиницу. Т. И. Тепляшина в своей монографии, посвященной изучению памятников удмуртской письменности XVIII века, справедливо назвала это издание «важным событием для истории изучения (выделение наше. – Л. И.) удмуртского языка» [Тепляшина 1965а: 121]. Один из современных ведущих удмуртских языковедов, профессор В. К. Кельмаков называет первую грамматику «гражданским паспортом удмуртского языка» [Кельмаков 2001а: 12], который представил наш язык научному миру последней четверти XVIII века. Этот труд действительно заслуживает очень высокой оценки: в нем были впервые представлены почти все удмуртские звуки (в том числе некоторые диалектные) средствами кириллической графики, использован большой лексический материал (около 1400 слов, часть из них в виде словосочетаний, отдельных предложений и традиционных образных идиоматических выражений), и в систематизированной форме охарактеризованы некоторые особенности удмуртского языка. Первая грамматика, в которой для записи удмуртских слов были применены буквы русского алфавита и частично орфографические нормы русского языка, в дальнейшем послужила авторитетным образцом при составлении последующих письменных памятников. Орфография, полученная от русской письменности XVIII века, в дальнейшем, совершенствуясь в соответствии с изменениями русского и удмуртского письма, дошла до наших дней.

Материалы большинства самых ранних письменных памятников по удмуртскому языку были исследованы и изданы Т. И. Тепляшиной [1965а]. Она проанализировала лексические данные путешественников-естествоиспытателей (Ф. Й. Страленберга, Г. Ф. Миллера, Й. Э. Фишера, П.-С. Палласа), «Сочинений принадлежащихъ къ грамматикѣ вотскаго языка», рассмотрела удмуртско-русский словарь З. Кротова и рукописную грамматику М. Могилина. Т. И. Тепляшиной было проведено рекогносцировочное исследование основ графики, а также некоторых фонетических, морфологических и лексических особенностей этих памятников. Следует указать на то, что до сих пор не существует ни одной обобщающей работы, которая давала бы более подробное описание графики и особенно орфографии ранних письменных памятников удмуртского языка.

Общеизвестно, что решающую роль в становлении и установлении удмуртской письменности на кириллице сыграла первая печатная грамматика «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка» [1775]. Рукописные работы конца XVIII века ([Кротовъ 1785; Могилинъ 1786], словари П.-С. Палласа и Г. Ф. Миллера – русскоязычное издание), а также письменные памятники первой половины XIX века базировались в основном на алфавите и орфографических принципах вышеупомянутой грамматики. Однако кириллическая графика и орфография была использована для передачи удмуртских слов еще до написания и опубликования первой грамматики удмуртского языка. Так, в 1769 году в книге «Духовная церемония, производившаяся во время всевожденнейшего присутствия ее императорского величества великия государыни Екатерины II в Казань» (название издания по: [Тепляшина 1965а: 225]), изданной Академией наук, были опубликованы тексты речей на разных языках, в том числе и на удмуртском – первое четверостишие, составленное одним из учащихся Казанской новокрещенской школы. В книге Т. И. Тепляшиной данный памятник ранней письменности удмуртского языка приведен, но ученый не останавливается на разборе языковых особенностей этого четверостишия.

В данной главе нами рассматривается графика и орфография 16 письменных памятников удмуртского языка второй половины XVIII – первой половины XIX века, написанных на основе русской графики. К ним относятся:

- 1) два переводных стихотворения (далее Стих. 1, Стих. 2);
- 2) лексические материалы П. Фалька;
- 3) словарь Г. Ф. Миллера, изданный на русском языке [Миллеръ 1791];
- 4) список слов П.-С. Палласа;

5) грамматика под названием «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка»;

6) удмуртско-русский словарь З. Кротова;

7) грамматика М. Могилина;

8) три рукописных словаря первой трети XIX века:

– «Словарь языка вотяков, собранный священником Степаном Сидоровым в Вотяцкой деревне Елова в Вятской губернии. В октябре 1816 года»;

– «Словарь языка вотскаго» 1820 года;

– «Свод некоторых слов русских, пермяцких, зырянских, вотяцких и чувашских» 1833 года;

9) пять печатных текстов, опубликованных в Казани в 1847 году:

– «Господа нашего Іисуса Христа Евангелія отъ св. евангелистовъ Матѳея и Марка на русскомъ и вотякскомъ языкахъ, Глазовскаго нарѣчія»;

– «Господа нашего Іисуса Христа Евангеліе отъ св. евангелиста Матѳея на русскомъ и вотякскомъ языкахъ, Сарапульскаго нарѣчія»;

– «Азбука, составленная изъ Россійскихъ, церковной и гражданской печати, буквъ, для обученія вотскихъ дѣтей чтенію на ихъ нарѣчіи (По Глазовскому)»;

– «Азбука, составленная изъ Россійскихъ, церковной и гражданской печати, буквъ, для обученія вотскихъ дѣтей чтенію на ихъ нарѣчіи (По Сарапульскому)».

Необходимо отметить, что письменных памятников удмуртского языка периода XVIII – первой половины XIX века, написанных на основе кириллической графики, насчитывается значительно больше – 30 названий [Каракулов 2006: 119–131]. Однако часть из них была не исследована нами по двум причинам: во-первых, многие памятники письменности недоступны, так как хранятся в зарубежных архивах (напр., «Вотская грамматика» 1840 года С. И. Шубина – в Архиве Венгерской академии наук), во-вторых, некоторые из памятников все еще не обнаружены («Новая отяцкая грамматика» М. Мышкина 1795 года и др.).

2.1. Словари Г. Ф. Миллера, П.-С. Палласа, П. Фалька и первые стихотворения на удмуртском языке

Как было отмечено выше (см. раздел 1.4.3), языковые материалы Г. Ф. Миллера в 1791 году были транслитерированы буквами кириллического алфавита, что отразилось на качестве записей – появились много-

численные искажения – некоторые буквы немецкого алфавита, за неимением их эквивалентов в кириллическом, были неадекватно переданы средствами кириллицы.

Лингвистические материалы П.-С. Палласа впервые увидели свет в книге «Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею всевысочайшей особы», изданной в 1787–1789 гг. Позднее этот словарь был выпущен вторым изданием под названием «Сравнительный словарь всех языков и наречий по азбучному порядку расположенный» (1790–1791 гг.). В труд П.-С. Палласа вошло 285 удмуртских слов (12 из них – числительные).

Удмуртские слова, зафиксированные П. Фальком в количестве 37 единиц, впервые были опубликованы в книге «Полное собрание ученых путешествий по России» в 1824 году [Тепляшина 1965а: 116].

Первое стихотворение на удмуртском языке, написанное с помощью кириллической графики, увидело свет в 1769 году [Тепляшина 1965а: 225; Алатырев 1975а: 8; Уваров 1982: 6; Шкляев 1993: 43; Каракулов 2006: 120; Кельмаков 2008: 20]. Оно состоит из 24 слов. В стихотворении для обозначения удмуртских звуков употреблены следующие 25 букв или их сочетаний: **а, б, в, д, е, ё** (совр. орф. ё), **з, дч** (совр. орф. з), **и, к, л, м, н, о, р, с, т, у, ц** (совр. орф. ч), **ш, ъ, ы, ь, э, я**.

Второе стихотворение в десять строк, также написанное с помощью русских букв, было издано в «Сочинениях в прозе и стихах на случай открытия Казанского наместничества в публичном собрании на разных языках, говоренные в тамошней семинарии декабря 26 дня 1781 года» в Москве в 1782 году [Тепляшина 1965а: 226; Каракулов 2006: 121]. Для обозначения удмуртских звуков, в том числе диалектных, в нем употреблено 28 букв или буквосочетаний: **а, в, д, е, ж, з, дз** (совр. орф. з), **и, к, л, м, н, о, ъе** (совр. орф. ö), **п, р, с, т, у, уа** (диал. у), **ц** (совр. орф. ч), **ч** (совр. орф. ч̣), **ш, ъ, ы, ь, э, я**.

Лексические материалы Г. Ф. Миллера, П.-С. Палласа, П. Фалька, а также первые удмуртские стихотворения мы анализируем вместе, так как в них содержится не очень большой словарный материал, а особенности буквенного обозначения удмуртских звуков имеют значительное сходство. Рассмотрим подробнее графические и орфографические особенности вышеперечисленных памятников.

2.1.1. Графические особенности

Для обозначения удмуртских звуков авторы приспособили буквы кириллицы, сочетания букв, а также латинскую графему **j**. Исходя из этого,

для исследуемых в этом разделе (2.1) письменных памятников мы можем реконструировать следующий алфавит, состоящий из 38 букв и их сочетаний:

Аа	Дз/дз	Іі	Нн	Сс	Чч	Юю
Б б	Ее	й	нг	Тт	Шш	Яя
Вв	іо (ьо)	Јј	Оо	Уу	ь	
Гг	Жж	Кк	? ъе	уа	Бы	
Дд	Зз	Лл	Пп	Ув/ув	ь	
Дж/дж	Ии	Мм	Рр	Цц	Ээ	

В большинстве случаев записи весьма несовершенны, однако систему передачи удмуртских фонем все же можно проследить.

1. Удмуртский звук среднего ряда среднего подъема *ö* (*ę*) обозначен следующими буквами:

а) буквами *е* или *é*: *Кеть* [*kɛt* ~ ? *ket*] 'Брюхо' (Паллас 1789: 85) (примеры приводятся по монографии Т. И. Тепляшиной [1965а], далее – Пал.), *Шемь* [*šɛm* ~ ? *šem*] 'Вкусъ' (Пал. 86), *Бердонь* [*berdon*] 'Вопль (точнее: плач. – Л. И.)' (Пал. 87), *Кемь* [*kɛm*] 'Кора' (Пал. 96); *Сседусвѣсь* [*s'ɛduzves'* ~ ? *s'eduzves'*] 'Свинець' [Миллеръ 1791: 85] (далее – Мил.), *Дѣдди* [*dɛd'i* ~ ? *ded'i*] 'Сани' (Мил. 91), *Тѣди* [*tɛd'i* ~ ? *ted'i*] 'Бѣлый' (Мил. 97); *въесяськомь* [*ves'as'kom* ~ ? *ves'as'kom*] 'помолимся' (Стих. 2: 227) (здесь и далее примеры приводятся по монографии Т. И. Тепляшиной [1965а]);

б) буквой *э*: *Тэль* [*tɛl*] 'Вѣтръ' (Пал. 90), *Эсь* [*ɛs*] 'Дверь' (Пал. 100); *Эсь* [*ɛs*] 'Дверь' (Мил. 89); *эзь съоты* [*ɛz s'otij*] 'не дал(а)' (Стих. 1: 225) (примеры приводятся по монографии Т. И. Тепляшиной [1965а]);

в) буквой *ы*: *Тылперу* [*tɛlperi*] 'Вихрь' (Пал. 90), *Пысь* [*pɛs*] 'Жарь' (Пал. 93);

г) знаком *о*: *Тоду* [*tɛd'i*] 'Бело' (Пал. 105);

д) буквой *ю*: *Кюссь-Нуналь* [*kɛsnunal* ~ ? *kösnunal*] 'Суббота' (Мил. 83), *Бурдемь* [*berdem* ~ ? *bördem*] 'Плачу' (Мил. 95) (перевод неверный, должно быть 'Плачь'. – Л. И.). Необходимо отметить, что в примерах, приведенных с буквой *ю*, следует, скорее всего, произносить огубленный гласный *ö* (*ò*);

е) буквой *у*: *Вуй* [*vɛj*] 'Масло' (Мил. 93);

ж) диграфом *ое*: *Коедши* [*kɛži* ~ *kęži*] 'Горохъ' (Фальк 118) (здесь и далее примеры приводятся по монографии Т. И. Тепляшиной [1965а]);

з) буквосочетанием **ѣе**: *въесяськомъ* [vɛs'as'kom ~ ? ves'as'kom] 'помолимся' (Стих. 2: 226).

2. Анлаутное сочетание *йѡ-* (*je-*) обозначено буквой **е**: *Ель* [jɛl ~ ? jɛl] 'Молоко' (Пал. 83), *Езорь* [jɛzor ~ ? jɛzor] 'Градъ' (Пал. 91), *Ессорамъ* [jɛzoret ~ ? jɛzoret] 'Градъ' (Мил. 83), *Езу* [jɛgu ~ ? jɛgu] 'Колодезь (точнее: погреб. – Л. И.)' (Мил. 85) и др.

3. Гласный **ы** (*i*) передается соответствующей буквой русского алфавита **ы**: *Шунды* [ʃundi] 'Солнце' (Пал. 90), *Лымы* [lɪmɪ] 'Снегъ' (Пал. 91), *Дырь* [dɪr] 'Время' (Пал. 92), *Вылынъ* [vɪlɪn] 'Высокій, высоко' (Пал. 93); *Кумысь* [kumɪz] 'Чеснок' (Фальк 118); *Мыннине* [ʔ mɪnɪnɪnɛ] 'Ѣхать' (Мил. 95), *Выллонъ* [ʔ vɪlɔn] 'Высокой' (Мил. 97); *теныдъ* [tɪnɪd] 'тебе' (Стих. 1: 225); *возьматыськомъ* [voz'matɪs'kom] '(мы) показываем' (Стих. 2: 226). Здесь необходимо отметить, что в лексических материалах Г. Ф. Миллера буква **ы** применена для передачи фонемы **ы** только в двух вышеприведенных словах, а у П. Фалька – в единственном слове.

Также **ы** может быть обозначен буквой **и** в следующих случаях:

а) после анлаутного *й* (в памятниках **Ј**): *Јурь* [jɪr] 'Голова' (Пал. 83), *Јурси* [jɪrs'i ~ jɪrs'ɪ] 'Волось' (Пал. 84); *Јуди* [jɪdɪ] 'Ячень' (Фальк 117); *Јурь* [jɪr] 'Голова', *Јурь сси* [jɪrs'i ~ jɪrs'ɪ] 'Волосы на головѣ' (Мил. 87);

б) после парных по велярности/мягкости согласных, где **и**, обозначающая фонему **ы**, показывает мягкость предшествующего согласного: *Кезить* [kez'ɪt] 'Стужа' (Пал. 89), *Тоди* [tɔd'ɪ] 'Белый' (Пал. 105), *Келишлы* [kel'ɪʃlɪ] 'Лѣпо' (Пал. 106), *Ози* [oz'ɪ] 'Да' (Пал. 111); *Пуни* [pɪn'ɪ] 'Ложка' (Мил. 89), *Дѣдди* [dɛd'ɪ] 'Сани', *Чуни* [ɕɪn'ɪ] 'Жеребенокъ' (Мил. 91), *Сѣзи* [s'ez'ɪ] 'Овесъ', *Якмули* [jagmul'ɪ] 'Брусница' (Мил. 93) и др.;

в) в начале слова: *Имнырь* [ɪmɲɪr] 'Лицо' (Пал. 83), *Имь* [ɪm] 'Роть' (Пал. 84); *Иргонь* [ɪrgon] 'Мѣдь красная' (Мил. 85), *Ишь* [ɪʃ] 'Овца' (Мил. 91).

Необходимо отметить, что в записях Г. Ф. Миллера для передачи фонемы **ы**, а также ее диалектных разновидностей использованы:

а) графема **ю**: *Тюль* [tɪl] 'Огонь', *Люмю* [lɪmɪ] 'Снѣгъ' (Мил. 83); *Нюль* [nɪl] 'Дочь', *Вюнь* [vɪn] 'Братъ', *Нюръ* [nɪr] 'Нось', *Юмь* [ɪm] 'Роть' (Мил. 87);

б) буква **е**: *Изене* [ʔ iz'ɛnɛ] 'Спать', *Верѣне* [ʔ verɛnɛ] 'Говорить' (Мил. 95), *Мыннине* [ʔ mɪnɪnɪnɛ] 'Ѣхать' (Мил. 55);

в) диграфы **уи** или **ѳи**: *Муись* [mɪz] 'Икра', *Пуись* [pɪz] 'Мука', *Вѳиши* [vɪʃɪ] 'Корень' (Мил. 93). В этом случае буква **и**, возможно, показывает палатальность последующего согласного;

г) буква **а**: *Кикъямаць* [kikjamâs] 'Восемь', *Кикъямаць-Донь* [kikjamâsdon] 'Восемьдесятъ' (Мил. 99).

4. Аффрикатy обозначены буквосочетаниями или одиночными буквами:

а) **э** (ž) – сочетанием дз или буквой з (перед последующими и и йотированными гласными **е**, **ю**, **я**): *Зекъ* [žeg ~ ? z'eg] 'Рожь' (Пал. 97), *Зязкъ* [žaz'eg ~ ? z'az'eg] 'Гусь' (Пал. 100), *Дзечь* [žeč] 'Хорошо' (Пал. 106), *Кырзянь* [kiržan] 'Петь' (Пал. 108); *Дзизгакъ* [žiz'eg] 'Рожь' (Фальк 117); *Дзюсъ* [žus] 'Скамья, лавка' (Мил. 89), *Дзясэкъ* [žaz'eg] 'Гусь' (Мил. 93), *Кудземъ* [kužžet ~ ? kudzem] 'Пьяной' (Мил. 95); *адзиса* [ažžisa] 'увидевъ', *зецлы* [žečlī ~ ? z'ečlī] 'на добро' (Стих. 2: 227). Необходимо отметить, что в лексических материалах Г. Ф. Миллера аффриката **э** может быть передана буквой **ч** или буквосочетанием **дж**: *Бачимъ-Чорикъ* [bažžim čorig] 'Бѣлуга' (Мил. 91), *Бѣджимъ* [bižžim] 'Большой' (Мил. 97). В стихотворениях же эта аффриката в одном слове обозначена буквосочетанием **дч**: *бадчимъ* [bažžim] 'великий' (Стих. 1: 225);

б) **ж** (ž) – диграфом **дж** или знаком **ж** (в материалах П.-С. Палласа): *Жить* [žit ~ ? žit] 'Вечеръ' (Пал. 91), *Жужить* [žižit ~ ? žižit] 'Высота (точнее: высокий. – Л. И.)' (Пал. 99); *Джитѣзе* [žitaz'e] 'Вечеръ' (Мил. 83), *Джекъ* [žek] 'Столъ' (Мил. 89). В списке слов П. Фалька эта аффриката встречается лишь в одном слове, где она передается буквосочетанием **дш**: *Коедиш* [keži] 'Горохъ' (Фальк 118);

в) **ч** (č) – буквой **ц** (перед последующими и, **и** и йотированными гласными **е**, **ю**, **я**) или **ч**: *Цирты* [čirti] 'Шея' (Пал. 85), *Цилекьямъ* [čil'ekjam] 'Молнія' (Пал. 90), *Циорыгъ ~ чорыгъ* [čorig] 'Рыба' (Пал. 97), *Покци ~ покчи* [pokčī] 'Мало' (Пал. 105); *Чинь* [čin'i] 'Палець' (Мил. 87), *Чуни* [čin'i] 'Жеребенокъ', *Чорикъ* [čorig] 'Рыба' (Мил. 91); *выцякъ* [vičak] 'целикомъ' (Стих. 1: 225).

В лексических материалах П. Фалька аффриката **ч** в одном случае обозначена буквосочетанием **дз**, в другом – буквой **ш**: *Дзябей* [čabej] 'Пшеница' (Фальк 117), *Гурткешь* [gurtkeč] 'Коза' (Фальк 119);

г) **ч** (č) – знаком **ч**: *Качъ* [kač] 'Бровь' (Пал. 84), *Кочишь* [kočjš] 'Коть' (Пал. 90), *Чукна* [čukna] 'Утро' (Пал. 91); *Чукна* [čukna] 'Утро' (Мил. 83), *Кочишь* [kočjš] 'Кошка' (Мил. 91), *Чешъ* [čež] 'Утка' (Мил. 93); *таче* [tače] 'такой' (Стих. 2: 226).

5. В материалах Г. Ф. Миллера звонкий щелевой **з** (z) очень часто обозначается буквой **с**: *Сарни* [zarn'i] 'Золото', *Асвесь* [azves] 'Серебро', *Тѣди-Усвѣсь* [ted'izves' ~ ? ted'izves] 'Олово' (Мил. 85), что, возможно, объясняется неверной транслитерацией материалов ученого, написанных при помощи латиницы.

6. В лексических материалах П.-С. Палласа для обозначения билабиального согласного \ddot{y} - (\ddot{u} -), встречающегося в анлауте перед гласным звуком *a*, используется графема *y* или сочетание *ув*: *Уватунь* [*царин*] 'Годь (точнее: век. – Л. И.)' (Пал. 92), *Уатыны* ~ *Ватуно* [*цати́нi* ~ *вати́нi*] 'Скрыть', *Вань* ~ *Уань* [*van'* ~ *цан'*] 'Есть' (Пал. 110), *Вадлемь* ~ *Уадлянь* [*vadl'an* ~ *цадl'an*] 'Прежде' (Пал. 112). Как видно из перечисленных примеров, почти все слова с инициальным \ddot{y} - употребляются параллельно с лексемами с анлаутным *v*.

7. Заднеязычный согласный η , встречающийся в материалах Г. Ф. Миллера и П.-С. Палласа, обозначен буквой *n* или буквосочетанием *нг*: *Пельпунгь* [*pel'pui*] 'Плечо', *Гырпунгь* [*g'irpui*] 'Локоть' (Пал. 85); *Бань* [*ban*] 'Щоки' (Мил. 87).

2.1.2. Обозначение удмуртских звуков средствами кириллицы в лексических материалах Г. Ф. Миллера, П.-С. Палласа, П. Фалька и первых стихотворениях

Проанализировав графические и орфографические особенности лексических материалов Г. Ф. Миллера (русскоязычное издание), П.-С. Палласа, П. Фалька и первые удмуртские стихотворения, можно заключить, что обозначение удмуртских звуков буквами русского алфавита в этих памятниках далеко не последовательно. Способы передачи специфических удмуртских звуков средствами кириллицы в каждом из исследуемых в данном разделе памятников письменности представлены в следующей таблице:

Удмуртские звуки	Г. Ф. Миллер	П.-С. Паллас	П. Фальк	Первые стихотворения
\ddot{o} (<i>o</i>)	е, э, ю, у	е, э, ы, о	ое	е, э, ъе
$\ddot{y}\ddot{o}$ (<i>jo</i>)	е	е	–	–
ы (<i>i</i>)	ы, и, ю, е, а, уи	ы, и	ы, и	ы, и
\ddot{x} (<i>z</i>)	дж	ж	дш	–
\ddot{z} (<i>z</i>)	дз, з, ч, дж	дз, з, дж	дз	дз, дч, з
ч (<i>č</i>)	ч	ц, ч	дз, ш	ц
\ddot{c} (<i>č</i>)	ч	ч	–	ч
η	н, нг	нг	–	–
\ddot{y} (<i>u</i>)	–	у, ув	–	у

Судя по таблице, особенно трудной для обозначения удмуртских звуков была фонема *ö*. В материалах Г. Ф. Миллера и П.-С. Палласа она передается четырьмя способами. В списке слов П. Фалька этот звук обозначен одним буквосочетанием, а в первых удмуртских стихотворениях – двумя буквами и одним буквосочетанием.

Не менее трудной для передачи на письме была специфическая удмуртская фонема *ы*, для обозначения которой Г. Ф. Миллером использованы пять букв и одно буквосочетание, П.-С. Палласом и П. Фальком, а также в стихах – две буквы.

Разные графические знаки наблюдаются также в передаче удмуртской звонкой палатальной аффрикаты *э*. Как видно из таблицы, в материалах Г. Ф. Миллера она обозначается четырьмя способами (двумя разными буквами и двумя буквосочетаниями). В словаре П.-С. Палласа и стихотворениях эта фонема обозначена тремя способами.

Некоторые авторы отразили на письме диалектные звуки. Как видно из таблицы, Г. Ф. Миллер (посредством двух букв) и П.-С. Паллас (с помощью одной графемы) в своих языковых материалах зафиксировали заднеязычный носовой сонант *ŋ*. В лингвистических данных П.-С. Палласа и стихотворениях получил отражение билабиальный сонант *ʋ*, употребляющийся в начале слова перед гласной *a*.

2.1.3. Элементы орфографии

В исследуемых письменных памятниках встречаются следующие элементы орфографии:

1. Во всех этих памятниках письменности неперенным условием при фиксации удмуртских слов было написание буквы *ь* (*ep*) в конце слова после твердых согласных или даже в середине слова – после первого компонента сложного слова: *выцякъ* [vʲčak] 'целикомъ', *теныдъ* [tɨnʲd] 'тебе', *тонъ* [ton] 'ты', *инмаръ* [inmar] 'богъ' (Стих. 1: 225); *дауръ* [daur] 'едва, напрасно', *кутъдыръя* [kuddʲrja] 'иногда, в то время', *возьматыськомъ* [voz'matʲs'kom] '(мы) показываемъ', *ужьяскомъ* [uʃjas'kom] 'восхваляемъ' (Стих. 2: 226), *милямъ* [mil'am] 'нашъ' (Стих. 2: 227); *Нылъ* [nʲl] 'Девочка', *Вынъ* [vʲn] 'Братъ' (Пал. 81), *Ныръ* [nʲr] 'Носъ', *Синъ* [s'in] 'Глазь' (Пал. 83), *Кылъ* [kʲl] 'Языкъ', *Тушъ* [tuʃ] 'Борода', *Гырпунгъ* [gʲrpuŋ] 'Локоть' (Пал. 85); *Аръ* [ar] 'Годъ', *Тюллъ* [tʲl] 'Огонь' (Мил. 83), *Нулесъ* [n'ules] 'Лѣсъ' (Мил. 39), *Людъ-Кечъ* [ludkeč] 'Заецъ', *Гондиръ* [gondʲr] 'Медвѣдь' (Мил. 91).

2. Характерные для удмуртского письма звукосочетания *жы, шы* пишутся через *и* (*жи, ши*) (по образцу русской орфографии): *Гижioso* [gʲiʒios] 'Ногти' (Пал. 85), *Жужжитъ* [ʒuʒʲit ~ ? ʒuʒʲit] 'Высота' (Пал. 93), *Ширь* [ʃir] 'Мышь' (Пал. 99); *Буджимъ-Ширь* [bʲiʒʲim ʃir ~ ? buʒʲim ʃir] 'Крыса' (Мил. 91), *Вуиши* [vʲiʒʲi] 'Корень' (Мил. 93).

3. Для обозначения палатальности той или иной аффрикаты использованы последующие йотированные буквы (*я, е*), *и* или сочетание *ю*: *выцякъ* [vʲiʃak] 'целикомъ' (Стих. 1: 225), *воцякъ* [voʃak] 'весь' (Стих. 2: 227), *Чиорыгъ* [ʃorig] 'Рыба' (Пал. 97), *Зязыкъ* [ʒaz'eg ~ ? z'az'eg] 'Гусь' (Пал. 100); *Дзизгакъ* [ʒiz'eg] 'Рожь' (Фальк 117); *Дзясэкъ* [ʒaz'eg] 'Гусь' (Мил. 93), *Кудземъ* [kuʒʲem ~ kudzem] 'Пьяной' (Мил. 95).

4. Мягкий знак (*ь*) употребляется для обозначения мягкости согласных *д, з, л, н, с, т* (*d, z, l, n, s, t*) в середине и конце слова: *верасько* [veras'ko] 'говорю', *курисько* [kuris'ko] 'прошу' (Стих. 1: 225); *вилъ* [vil'] 'новый', *анайлысь* [anajlis'] '(у) матери', *возьматось* [voz'matoz] 'покажетъ' (Стих. 2: 226); *Кальлень* [kal'len] 'Тихо' (Пал. 106), *Ниль* [n'il' ~ ? n'il'] 'Четыре', *Вить* [vit'] 'Пять' (Пал. 113); *Гурезь* [gurez'] 'Гора', *Адьями* [ad'ami] 'Человекъ' (Мил. 85).

5. Гласные *е, ю* (*ьо*) (совр. орф. *ё, ю, я*), как и в современном удмуртском литературном языке, двузначны: в одних случаях они обозначают мягкость предшествующего согласного и звуки *э, о, у, а*: *сьоть* [s'ot] 'дай' (Стих. 1: 225), *тасяно* [tas'ana] 'кроме этого' (Стих. 2: 226), *Маяльляскемъ* [majal'las'ket] 'Ощупывание' (Пал. 87), *Висюнь* [vis'on] 'Боль' (Пал. 88), *Дзечь* [ʒeʃ] 'Хорошо' (Пал. 106); *Ньель* [n'e] 'Стрѣла' (Мил. 91), *Ссеръ* [s'or] 'Куница' (Мил. 91), *Ньянь* [n'an'] 'Хлѣбъ' (Мил. 93) (как видно из приведенных примеров, в некоторых случаях – *ньель, нянь* – мягкость согласного может быть обозначена два раза – последующим мягким знаком + йотированной буквой); в других случаях – сочетание звуков *йэ, йо, йу, йа*: *юнматыса* [junmatʲisa] 'скрепивъ' (Стих. 2: 227), *Маяльляскемъ* [majal'las'ket] 'Ощупывание' (Пал. 87), *Якмули* [jagmul'i] 'Брусница' (Мил. 93).

6. При обозначении фонемы *и*, стоящей перед последующей согласной *й* по образцу русской орфографии XVIII века в памятниках использована буква *і* (*ї*): *Ліаль* [lijal] 'Пень' (Пал. 96), *Кіямьсь* [kijamʲs] 'Восемь' (Пал. 113); *Піалагъ* [pijala] 'Оконница' (Мил. 89).

7. Слова, зафиксированные в исследуемых памятниках, за исключением стихотворений, чаще всего написаны с заглавной буквы.

2.2. «Сочинения принадлежащая къ грамматикѣ вотскаго языка»

Как отметили выше (см. раздел 0.1), во второй половине XVIII столетия вопросам обучения новокрещенных в школах и подготовке квалифицированных миссионеров из их же среды стало уделяться больше внимания. В связи с этим у просветителей возникла потребность в овладении языком тех народов, среди которых они работали. Неудачный опыт прошлого заставил пересмотреть методы обучения нерусских детей в школах и натолкнул на мысль о необходимости преподавания на родном языке. Эта идея выдвинула перед миссионерами задачу составления учебных пособий, словарей и грамматик. Учитывая правильность использования родного удмуртского языка в школьном обучении, правительство в 1775 году разрешило напечатать первую удмуртскую грамматику под названием «Сочинения принадлежащая къ грамматикѣ вотскаго языка». Авторы (вопрос об авторстве грамматики см. в разделе 1.2), понимая, что без словаря «чужие» языки не изучаются, включили в нее около 1400 слов по тематическим группам (в грамматике – главы). Как отмечают некоторые ученые, включение словаря в грамматику было характерным явлением для XVIII века [Богатова 1984: 41].

Ценность грамматики состоит, прежде всего, в том, что это – первый наиболее значимый печатный источник того времени, в котором на основе русской графики и орфографии был запечатлен большой удмуртский лексический и, в некоторой степени, грамматический материал. Можно утверждать, что в истории удмуртской письменности графическая система грамматики оказала определенное влияние на традиции буквенного обозначения удмуртских звуков и форм средствами русской графики в более поздних рукописных и печатных памятниках. Решающее значение она имела также в формировании удмуртской орфографии.

Эта грамматика посвящена в основном морфологии, в ней нет разделов фонетики и орфографии, но, тем не менее, из тех словоформ, которые представлены на страницах памятника, можно установить определенные фонетические закономерности, действовавшие в удмуртском языке, а также способы и принципы написания тех или иных слов или морфем.

Памятник объемом 113 страниц начинается с рассуждения о том, что в удмуртском языке 8 частей речи, и далее соответственно даются факты: существительные имеют 2 числа и склоняются по шести падежам (12 типов склонения). Далее идут разделы об именах прилагательных, числительных,

местоимениях, глаголах, наречиях, междометиях и предлогах (точнее: после-
 логах. – *Л. И.*). После каждого раздела дается свод лексики – всего около 1400
 слов. Подробное структурное описание этого памятника письменности было
 проведено в свое время Т. И. Тепляшиной [1965а: 132–135] и В. И. Алатыре-
 вым [1975а: 10–14], поэтому мы на этом останавливаться не будем.

2.2.1. Графические особенности

Графические особенности грамматики 1775 года были объектом иссле-
 дования многих ученых [Алатырев 1956: 60; 1975а: 8–9; Вахрушев 1975:
 7–11; Тараканов 1965: 229–230; 2001: 297; Тепляшина 1965а: 136–138 (см.
 о них подробнее в разделе 1.2)]. Однако во всех этих работах графическая
 система рассматриваемого памятника анализируется недостаточно, фраг-
 ментарно – попутно с освещением особенностей фонетического, морфо-
 логического и лексического плана.

В грамматике удмуртские слова написаны русскими буквами, и, кроме
 того, графема **g** заимствована из латинской графики. Приведем для на-
 глядности алфавит, представляемый нами на основе лексических мате-
 риалов грамматики:

Аа	Дж/дж	Зз	Кк	Рр	Чч	Ээ
Б б	Дз/дз	Ии	Лл	Сс	Шш	ѐ
Вв	Ее	й	Мм	Тт	ь	Юю
г	ê	І і (і)	Нн	Уу	Ыы	Яя
Gg	іо, іо, ьо, іѐ, іѐ, іѐ	і	Оо	Ув/ув	ь	
Дд	Жж	й	Пп	Цц	Ѣѣ	

Таким образом, для записи удмуртских слов использовано 40 букв и
 их сочетаний:

1) общеизвестные буквы современного русского алфавита: **Аа, Бб, Вв, г,**
Дд, Ее, Жж, Зз, Ии, й, Кк, Лл, Мм, Нн, Оо, Пп, Рр, Сс, Тт, Уу, Цц, Чч, Шш,
ь, Ыы, ъ, Ээ, Юю, Яя;

2) специфические знаки, представляющие собой буквы кириллицы
 XVIII века или латиницы (с диакритическими знаками или без таковых):
ê, Іі, і, Ѣѣ, ѐ, Gg;

3) сочетания букв первой и второй групп: Дж/дж, Дз/дз, iô (io, iô, iö, iõ), Ув/ув.

Среди графических особенностей памятника отметим следующие.

1. Специфическая удмуртская фонема среднего подъема среднего ряда *ö* (*e*) передается тремя способами:

а) буквами *э* (*э̄*, *э̇*) или *е* (*е̇*) (в большинстве случаев): *Пёсь* [*pēs̄*] 'жарь', *Тель* [*tēl*] 'вѣтеръ' [Сочинения 1775: 14] (далее в данном разделе примеры приводятся лишь с указанием страницы источника); *Бердóнь* [*berdon*] 'плачь' (15); *Тэрэ* [*tēre*] 'судья' (17); *Кэ̄й* [*kej̄*] 'сало', *Кэ̄ть* [*kēt̄*] 'брюхо, животъ' (19); *Шедыскóнь* [*šed̄is'kon*] 'чувство', *Сэ̄нь* [*sēn̄*] 'жила' (20); *Ке̄ж̄и* [*kēž̄i*] 'горохъ' (22); *Беденó* [*bēd'eno*] 'перепелка' (27); *Эсь* [*ēs̄*] 'дверь' (30); *Пэ̄зь* [*pēz̄*] 'рукавицы' (33); *Нéль* [*n'el̄ ~ ? n'el*] 'копьянка, стрѣла' (34); *селтаскó* [*s'eltas'ko ~ ? s'eltas'ko*] 'путаю' (99); *нэ̄дыскó* [*nēdis'ko*] 'вязну, грязну' (104); *э̄вэ̄ль* [*ēvel̄ ~ ? evel̄*] 'нѣтъ' (109); *э̄жотэ̄нь* [*ēžiten̄ ~ öžiten̄*] 'по части, по немногу' (111) и т. д. По вышеприведенным примерам можно заметить, что после палатальных согласных обычно встречается *е*, после велярных – *э*;

б) буквой *о*: *Синь-тод̄и* [*s'intēd'i*] 'бѣлокъ' (18); *Поськ̄и* [*? pēs'kī ~ pos'kī*] 'болячка' (20); *Дод̄и* [*dēd'i*] 'сани' (34); *отиськó* [*et'is'ko*] 'привѣтствую, зову' (101);

в) буквой *а* (в единичных случаях): *Арекця̄нь* [*erekč̄an̄*] 'обман' (15); *Арекця̄сь* [*erekč̄as̄*] 'лжець' (17).

2. Фонема *ы* (*i*) обозначена буквой **ы** (**ы̄**, **ы̇**): *Пы̄шь* [*p̄iš̄*] 'конопель' (22), *Боры̄* [*bor̄i*] 'клубника' (23), *Сыла̄ль* [*s̄iɫal̄*] 'соль' (24), *Тыны̄* [*t̄ip̄i*] 'дубъ' (25), *Лыстэмъ нӯжымъ* [*līstem̄ pūžim̄*] 'лиственница' (26), *Кы̄рны̄жъ* [*k̄iɾnīž̄*] 'воронь' (27), *Седьбы̄жъ* [*s'ed̄bīž̄ ~ ? s'ed̄bīž̄*] 'горностай' (28), *Мумыкóрь* [*mūtikor̄*] 'матица' (30), *Нунькэ̄кы̄* [*nūnīkēkī*] 'колыбель, зыбка' (31), *Котырэ̄сь* [*kōtīres̄*] 'кругъ' (32), *Кы̄шэ̄ть* [*k̄īšet̄*] 'платокъ' (33), *Валь ны̄дкóртъ* [*val̄pīdkort̄*] 'подкова' (34), *Шурлэ̄нь ны̄дэ̄сь* [*šur̄len̄ pīdes̄*] 'дно водное' (35), *Пезьгы̄тъ* [*pēz̄'gīt̄*] 'скорый, поспѣшный' (39) и др.

Однако в некоторых случаях она может передаваться литерами **и** (**ӣ**, **и̇**) или **ӣ**, напр.:

а) в начале слова: *Имь* [*īm̄*] 'ротъ' (18); *Иргóнь* [*īrgon̄*] 'мѣдь красная', *Ибылыскóнь узвэ̄сь* [*ībīlīs'kon̄ uzves̄*] 'свинецъ' (20); *Игы̄* [*īgī*] 'сова' (27); *Йжъ* [*īž̄*] 'овца', *Ижгóнь* [*īžgon̄*] 'шерсть' (29) и др. Здесь чувствуется влияние русской фонетики и орфографии, поскольку в ней буква **ы** в начале слова не употребляется;

б) после шипящих **ж, ш**, а также буквосочетания **дж**, что также объясняется влиянием правил русской орфографии: *Джѣтъ* [ʒit] 'вечерь' (13); *Мыжѣкъ* [mʒʲɪk] 'кулак' (19); *Кежѣ* [keʒi] 'горохъ' (22); *Шѣдѣ* [ʃɪd] 'похлебка, щи' (24); *Пужѣмъ* [puʒɪm] 'сосна', *Выжѣ* [vʲɪʒi] 'корень' (25); *Шѣръ* [ʃɪr] 'мышь' (26) и т. д.;

в) после парных по велярности/мягкости согласных, где **и** (**û, ú**), обозначая фонему **ы**, показывает мягкость предшествующего согласного: *Кезѣтъ* [kez'it] 'морозъ', *Сизѣль* [siz'jɪl] 'осень' (14); *Сезѣ* [s'ez'j] 'овесь' (22); *Нилѣнѣ* [n'ɪlɪn] 'пихта' (25); *Конѣ* [kon'j] 'бѣлка' (29); *Пунѣ* [pun'j] 'ложка' (32); *Канѣль* [kan'jɪl] 'спокойный' (38); *Нилыськѣ* [n'ɪljɪs'ko] 'глотаю' (100); *Кызѣ* [kɪz'j] 'как' (108) и др.;

г) после инициального **й** (в источнике **И** или **й**): *Йѣръ* [jɪr] 'голова', *Йѣръсѣ* [jɪrs'i ~ jɪrs'j] 'волосъ', *Йѣръ-сѣръ* [jɪrs'er] 'затылокъ', *Йѣръ-вѣмъ* [jɪrvim] 'мозгъ' (18); *Йѣдѣ* [jɪdɪ] 'ячмень' (22); *йѣръсыськѣ* [jɪrjɪs'ko] 'гложу' (103) и т. д.

3. Инлаутное звуко сочетание **-ий-** (**-ij-**) или **-ый-** (**-ij-**), расположенное перед гласными, в грамматике обозначено посредством латинской **ī**: *Кѣѣнѣ* [kijon] 'волкъ' (28); *Пѣялѣ* [pijala] 'стекло' (30); *Сѣямъ* [sijam] 'студеный' (37); *сѣйськѣ* [s'ijis'ko] 'ѣмъ', *интѣйськѣ* [intɪjas'ko ~ intijas'ko] 'назначаю' (99); *вѣйськѣ* [vijis'ko] 'мертвлю' (106); *зарнѣйськѣ* [zarn'ijjas'ko] 'золочу' (107); *лѣятыськѣ* [lijatɪs'ko] 'лыщу' (108) и т. п.

4. Мягкость предшествующего согласного перед **о** (совр. орф. **ѣ**) или звуко сочетание **йо** (**jo**) передается диграфами **io, io, iō, iō**: *Йѣзъ* [joz] 'составъ' (19), *Цѣмомѣѣ* [ćimol'o] 'копна' (21), *Дѣзѣѣзъ ~ дѣзѣѣзъ* [ʒoz] 'сверчокъ' (26), *Вѣѣѣѣѣѣѣѣ* [vajobɪʒ] 'ласточка' (27), *Дѣсыѣѣ* [dɪs'o] 'одежный' (37), *Сѣилѣѣ* [sil'o] 'мясистый' (38) и др. В одном случае палатальность согласного **с** обозначена последующим звуко сочетанием **ѣѣ**: *Сѣѣръ* [s'or] 'куница' (29).

5. Начальный звук **й** (**j-**) в грамматике передается разными способами:

а) буквой **і** (в источнике – **И**): *Йѣръ* [jɪr] 'голова'; *Йѣръсѣ* [jɪrs'i ~ jɪrs'j] 'волосъ', *Йѣръ-сѣръ* [jɪrs'er] 'затылокъ', *Йѣръ-вѣмъ* [jɪrvim] 'мозгъ' (18); *Йѣдѣ* [jɪdɪ] 'овесь' (22) и т. д.;

б) буквой **ѣ**, а также сочетанием **іѣ**, когда оно обозначает необычное для русской орфографии анлаутное звуко сочетание **йѣ(-)**: *ѣѣ* [jɛl] 'молоко' (24); *Іѣ* [jɛ ~ ? je] 'градъ или мерзлой дождь' (14).

6. Фонема **г** в основном передается латинской буквой **g**: *Гѣръпѣнѣмъ* [gɪrɪm] 'локоть' (19), *Гѣжлѣ* [gɪʒlo] 'болячка' (20), *Гѣрѣзъ* [gurez] 'холмъ, гора' (21), *Гѣрѣ* [gerɪ] 'плугъ' (22); *Эгѣръ* [egɪr] 'уголь' (31); *дѣгѣгѣрътыськѣ* [ʒɪgɪrtɪs'ko] 'обнимаю' (99) и др. Однако в единичных слу-

чаях она обозначена русской г: *Зюцьгуби* [ʒiʦʲgubi] 'грибъ' (21), *Легэцъ пулёнь муліэзъ* [l'egɛʦʲpulen mul'ijɛz] 'шиповникъ' (23).

7. Звонкая велярная аффриката *ж* (ʒ) обозначена буквосочетанием *дж*: *Джѣтъ* [ʒit] 'вечерь' (13); *Джомѣтъ* [ʒomit] 'сумерки' (14); *Джѣкъ* [ʒik] 'каша' (24); *дѣзегатыськò* [ʒegatis'ko] 'мѣшкаю, медлю' (99); *дѣжоктыськò* [ʒoktj's'ko] 'сматываю' (101) и т. д.

8. Удмуртская палатальная аффриката *ѣ* (ʃ) передается сочетанием *дз* (в позиции перед последующими *и, е, ю, я, і* – в большинстве случаев) или графемой *з*: *Дзѣръ* [ʒar] 'зоря' (14); *Дзѣозъ* [ʒoz] 'сверчокъ' (26); *Дзѣзэкъ* [ʒaz'eg] 'гусь' (27); *Дзѣци* [ʒiʦi] 'лисица' (28); *Дзѣосъ* [ʒus] 'лавка' (30); *Пензѣмъ эгѣръ* [pen'ʒem egir] 'пепель' (31); *дзѣциратыськò* [ʒɛʦi'ratj's'ko] 'качаю' (100); *Кырызѣн* [kɪr'ʒan] 'пѣсня' (18); *Кензѣяль* [ken'ʒal'i] 'ящерица' (26); *небзиськò* [n'ebʒis'ko] 'мякну' (104) и др.

9. Глухая палатальная аффриката *ч* (ʧ) обозначена двумя способами:

а) буквой *ц* (в позиции перед последующими *и* и йотированными гласными): *Цилекѣянь* [ʧil'ekʲjan] 'молнѣя' (13); *Цебѣръ* [ʧeber] 'красота' (15); *Цирдысь* [ʧirdj's] 'чтець' (17); *Цирты* [ʧirti] 'шея' (19); *Цунѣу* [ʧipej] 'щука' (35); *цютыськò* [ʧutj's'ko] 'хромаю' (97); *цюпаськò* [ʧipas'ko] 'целую' (101); *цѣрьсыськò* [ʧersj's'ko] 'пряду' (103); *ици* [iʧi] 'мало, немного' (108); *цѣяль* [ʧal'] 'скоро' (111) и т. д.

Перед нейотированными буквами эта фонема передается буквой *ч*: *Чагъвозѣнь* [ʧagvoz'on] 'свѣтець' (31).

10. Глухая велярная аффриката *ч* (ʧ) в первой грамматике удмуртского языка систематически передается буквой *ч*: *Чѣкъ* [ʧik] 'утро' (14); *Чогокѣй* [ʧogokij] 'ужь', *Пѣчы* [pɪʧ] 'блоха' (26); *Кочò* [koʧo] 'сорока', *Чанà* [ʧana] 'галка', *Учѣ* [uʧi] 'соловей' (27); *Чангъ* [ʧaŋ] 'чань', *Чоктанъ* [ʧoktan] 'затычка, втулка' (32); *Тачè* [taʧe] 'такой' (37); *пучкàзъ* [puʧkaz] 'внутри' (110) и т. п.

11. Для обозначения билабиального согласного *ѣ* (ɸ), встречающегося в анлауте перед гласным звуком *а*, используется графема *у*, а также буквосочетание *ув*: *Уаръ* [ɸar] 'слуга' (16); *Уалѣсь* [ɸal'es] 'перина, постелья' (33); *уатыськò* [ɸatj's'ko] 'храню, погребаю, хороню' (105); *уараськò* [ɸaras'ko] 'служу, прислуживаю', *уаськыськò* [ɸas'kys'ko] 'слѣзаяу' (106); *увалиськыськò* [ɸal'is'kis'ko] 'стелю' (103); *уватыськò* [ɸatj's'ko] 'храню' (104) и др.

12. В нескольких словах в грамматике встречается заднеязычный носовой сонант *ŋ*, который обозначается буквой *н* или сочетанием *нг*: *Ужъпунъ* [uʒpɪŋ] 'дѣло' (14); *Банъ* [baŋ] 'щека, лицо' (18); *Чангъ* [ʧaŋ] 'чань', *Лянгѣсь* [l'aŋɛs] 'ведерко' (32) и др.

13. В памятнике не везде последовательно обозначаются твердые и мягкие согласные, что, несомненно, препятствует правильному прочтению некоторых слов, напр.: *Сизиль* [siz'ijl ~ s'iz'ijl] 'осень' (14); *Канделёмь* [kand'el'em ~ kandel'em] 'свидѣтель' (16); *Теркѹ* [terkj ~ t'erkj] 'блюдо' (31).

Эта непоследовательность особенно наблюдается в обозначении палатальности/велярности парных согласных перед звуком э (в памятнике э или е (è, ê)): *Дерѹ* [deri] 'грязь', *Толальтѣ* [tolalte] 'зима', *Тодѣмь* [todem] 'власть' (14); *Дѣѹ* [dej] 'порча' (15); *Сузѣрь* [suzer] 'меньшая сестра', *Эксеѣ* [eksej ~ eks'ej] 'государь' (16); *Сюлемь* [s'ulem] 'сердце' (19); *Кутѣсь* [kutes] 'цепь и молотило' (22); *Сутѣрь* [suter] 'смородина' (23); *Гузѣмь нѹ* [guzemri] 'жимолость' (25) и др.

Однако некая система в обозначении палатальности согласных д, з, ѓ, л, н, с, т, ч (d, z, ѓ, l, n, s, t, č) во многих словах все же выдерживается:

1) в абсолютном конце, а иногда и в середине слова – последующим ь (ерь), например: *Пеньмытъ* [pen'mit] 'темнота' (14); *Визь* [viz] 'пость', *Крѣзь* [krez] 'музыка', *Перѣсь* [peres] 'старый', *Ожмаськѡнь* [ožmas'kon] 'баталия, война' (15); *Дурьсь* [durjs] 'кузнецъ' (17); *Дыльды* [dij'dij] 'слюни', *Пиньдорь сѣль* [pin'dorsil'] 'десны' (18);

2) перед гласными:

а) а – через букву я (я, ѡ): *Арня* [arn'a] 'недѣля' (14), *Адямѹ* [ad'amj] 'человѣкъ' (15); *Пекля* [pekl'a] 'почка' (20); *Сяскѡ* [s'as'ka] 'цвѣтокъ' (21); *Нянь* [n'an] 'хлѣбъ' (23); *Бадярь* [bad'ar] 'кленъ' (26);

б) э и ѡ – через е (ѣ): *Пилѣмь* [pil'em] 'облакъ' (13); *Куанѣрь* [kuan'er] 'нищій' (15); *Сезѹ* [s'ez'ij] 'овесъ' (22); *Лѣмь* [l'em ~ l'em] 'черемуховыя ягоды' (23); *Седьсѹрь* [s'edsur ~ s'edsur] 'сивуха, вино' (24); *Нѣрь* [n'er ~ n'er] 'пруть или лоза' (26);

в) о – через буквосочетания ѡо, ѡѡ, ѡѡ, ѡѡ или ѡѡ: *Висѡнь* [vis'on] 'болѣзнъ' (20); *Лѡѡгь* [l'og] 'болона' (25); *Сьѡрь* [s'or] 'куница', *Кузѡѡ* [kuz'o] 'хозяинъ' (29); *Цѡѡригась* [čorigas] 'рыболовъ' (35); *Дысѡѡ* [dis'o] 'одежный' (37); *Силѡѡ* [sil'o] 'мясистый' (38); *лѡѡгаськѡ* [l'ogas'ko] 'топчу' (104);

г) у – через ю (ю, ю): *Сюань* [s'uan] 'свадьба' (15); *Сюлемь* [s'ulem] 'сердце' (19); *Сюѹ* [s'uj] 'глина', *Сюрѣсь* [s'ures] 'путь, дорога', *Лѹѡкъ* [l'uk] 'куча' (21); *Кулю* [kul'u] 'шишка', *Нюлѡ* [n'ulo] 'илемъ' (25); *Вождзюзюѡ* [vožžuz'u] 'чижъ' (27); *цютыськѡ* [čutjs'ko] 'храмаю [точнее: хромаю. – Л. И.]' (97);

д) ы – через и (ѹ, ѹ): *Кезѹтъ* [kez'it] 'морозъ', *Сизиль* [siz'ijl] 'осень' (14); *Кузимь* [kuz'im] 'подарокъ' (15); *Мулий* [mul'ij] 'ягода' (23); *Мылимь* [mj'l'im] 'блинъ' (24); *Нильнѹ* [n'ijlri] 'пихта' (25).

Таким образом, большинство букв в первой удмуртской грамматике 1775 года издания используется для передачи одного определенного звука, но есть и такие знаки (**а, е, з, і, о, ц**), которые употреблены для обозначения нескольких различных фонем или их сочетаний.

2.2.2. Элементы орфографии

В удмуртской грамматике 1775 года определенная система написания слов и морфем уже имеется, а значит, есть вербально несформулированные правила (элементы) орфографии, которая была заимствована от русской письменности XVIII века, и в дальнейшем, совершенствуясь в соответствии с изменением и развитием орфографии русского и удмуртского языков, дошла до наших дней.

В книге «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка» уже наличны следующие элементы орфографии, которые в дальнейшем повторяются в последующих памятниках удмуртской письменности, созданных в последней четверти XVIII – в первой половине XIX века:

1. В конце слова (по правилам русского правописания того времени), а иногда и в середине – после первого компонента сложного слова – пишется **ъ**: *Пиштонъ* [pišton] 'лучь', *Тазабусъ* [taza bus] 'доброй духъ' (13); *Салкымъ* [salkim] 'морозъ', *Уйналь* [ujpaɫ] 'сѣверъ', *Эрикъ* [erik] 'воля' (14); *Сюанъ* [s'uan] 'свадьба', *Вузъкаронъ* [vuzkaron] 'продажа, торгъ' (15); *Кунъ* [kun] 'царь', *Курокъ* [kurok] 'воръ' (16); *Синънунъ* [s'innun] 'озорочко', *Зырымъ* [zirim] 'сопли' (18); *Гырпунъ* [gipum] 'локоть', *Урдъ* [urd] 'ребро' (19); *Уръ кырёмъ* [urkiret] 'ровъ', *Кортъ* [kort] 'желѣзо' (21); *Гортъ* [gord] 'красный' (37) и т. д.

2. Несвойственные русской орфографии сочетания *жы* и *шы* в грамматике пишутся через **и** (**жи** (**жѹ, жѹ**), **ши** (**шѹ**)): *Мыжѹкъ* [mižik] 'кулакъ' (19); *Кежѹ* [keži] 'горохъ' (22); *Шѹдъ* [šid] 'похлебка, щи' (24); *Пужѹмъ* [pužim] 'сосна', *Выжѹ* [viži] 'корень' (25); *Шѹръ* [šir] 'мышь' (26) и др.

3. Гласные **е, ѳѹ (ѹо)** (совр. орф. **ѳ**), **ю, я**, как и в современном удмуртском литературном языке, двузначны:

а) в одних случаях они обозначают мягкость предшествующего согласного и звуки **э, о, у, а**: *Пилѹмъ* [pil'em] 'облакъ' (13); *Нергѳ* [n'erge] 'порядокъ' (15); *Сюлѹмъ* [s'ulem] 'сердце' (19); *Висѳонъ* [vis'on] 'болѳзнь' (20); *Сякѳа* [s'as'ka] 'цвѳтокъ' (21); *Сѳоръ* [s'or] куница' (29); *Нянь* [n'an] 'хлѳбъ' (23) и пр.;

б) в других случаях – сочетание звуков *йэ, йо, йу, йа*: *Югытъ* [jugit] 'свѣтъ' (13); *Ятыръ* [jatır] 'довольство, множество' (15); *Егүмъ* [jegit] 'молодой' (17); *Іозъ* [joz] 'составъ', *Юкѣтъ* [juket] 'часть' (19); *Кыѣдъ* [kijed] 'навозъ', *Ю* [ju] 'жито', *Етинъ* [jetin] 'лень' (22); *Кіяръ* [kijar] 'огу-рецъ' (23) и др.

4. Морфемы падежей имеют единообразное написание:

а) показатель родительного падежа – *лѣнъ*: *пѣдълѣнъ* [pipedlen] 'твоего сына' (6); *тимылѣнъ* [pimilen] 'нашего сына' (7); *пидылѣнъ* [pidilen] 'вашего сына' (8); *тѣлѣдълѣнъ* [tel'edlen] 'твоего лѣса' (10); *тѣлзылѣнъ* [tel'zilen] 'ихъ лѣса' (12);

б) показатель дательного падежа – *лѣи*: *пидылѣи* [pidili] 'вашему сыну' (8); *пѣосъсылѣи* [pjosssili] 'ихъ сынамъ' (9); *тѣлѣзълѣи* [tel'ezli] 'его лѣсу' (10);

в) показатель творительного падежа – *ын-* (*-эн-*): *пѣосынызы* [pjosynizi] ~ *пѣосынѣи* [pjosinjei] 'ихъ сынами' (9); *тѣлѣнѣдъ* [tel'enid] 'твоимъ лѣсомъ' (10); *тѣлѣнымъ* [tel'enim] 'нашимъ лѣсомъ' (11) и др.

5. Если слово в именительном падеже имеет конечный мягкий согласный, то мягкий знак, обозначающий мягкость этого согласного, при изменении (склонении) этого слова всюду сохраняется, даже перед морфемами, начинающимися с гласного: *мынѣмъ тѣлъ* [mɨnam tel'] 'мой лѣсъ', *мынѣмъ тѣлѣи* [mɨnam tel'li] 'моему лѣсу', *тынѣдъ тѣлѣдъ* [tɨnad tel'ed] 'твой лѣсъ', *тынѣдъ тѣлѣнѣдъ* [tɨnad tel'enid] 'твоимъ лѣсомъ' (9–11) и т. д.

6. Отрицательные вспомогательные глаголы (*эй, эм, эзь, ум, уд, уз, уг*), как правило, пишутся слитно с теми словами, к которым они относятся: *Монъ угвѣраськы* [mon ug ve-ras'ki] 'я не сказываю', *тонъ удвѣраськы* [ton ud ve-ras'ki] 'ты не сказываешь', *Монъ эйвѣра* [mon ej ve-ra] 'я не сказывал', *сойдъ эзьвѣралэ* [sojos ez ve-rale] 'они не сказывали' (50); *Ми эмвѣраллѣлэ* [mi em ve-ral'la] 'мы не сказывали', *тонъ эдвѣраллэ* [ton ed ve-ral'la] 'ты не сказывалъ', *ми умвѣралэ* [mi um ve-rale] 'мы не скажемъ', *ти удвѣралэ* [ti ud ve-rale] 'вы не скажете' (51) и т. д.

Все вышеприведенные примеры еще раз доказывают, что некая определенная система написания слов в первой грамматике удмуртского языка уже имеется, несмотря на отсутствие сформулированных правил. Следует указать на то, что практически во всех памятниках, созданных в первой половине XIX века (рукописные словари, переводы Евангелий, Азбуки), система графики и орфографии первой печатной грамматики 1775 года выдерживается довольно последовательно.

2.3. Удмуртско-русский словарь З. Кротова

Удмуртско-русский словарь под названием «Краткой вотской словарь съ російскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Еловскаго Троицкой церкви священникомъ Захаріею Кротовымъ» был составлен в 1785 году, спустя 10 лет после опубликования первой грамматики удмуртского языка. Словарь хранится в рукописном отделе Российской Национальной библиотеки г. Санкт-Петербурга (ранее – Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина) – Эрмитажное собрание, 197 II, шкаф I, полка 2, № 128 [Тепляшина 1965а: 301]; другие данные дает Б. И. Каракулов [2006: 122] – РО ГПБ, ф. Эрмитаж. собр. 197², инв. 290. Сделав копии с этого лексикографического труда, Т. И. Тепляшина предоставила их Удмуртскому институту истории, языка и литературы УрО РАН. Прележав более двухсот лет в рукописи, словарь был издан отдельной книгой только в 1995 году.

Данный лексикографический труд по своему объему является самым большим из сохранившихся памятников XVIII столетия: он содержит около 5000 слов и словосочетаний. На 286 страницах книги слова расположены по алфавиту в два столбца. В издании 1995 года непосредственно перед самим словарем помещена статья Т. И. Тепляшиной «Об удмуртско-русском словаре Захария Кротова», ранее опубликованная в журнале «Советское финно-угроведение» [Тепляшина 1971: 129–139]. В ней проведен анализ основ графики (всего на одной странице), а также некоторых фонетических и лексических особенностей памятника (подробнее см. раздел 1.2).

В своем кратком вступлении З. Кротов предлагает руководствоваться книгой «Сочиненія принадлежащія к грамматикѣ вотскаго языка», изданной в 1775 году: «Издавая въ свѣтъ Краткой вотскаго языка словарь, для лучшаго уразумленія онога надлежалобы предложить некоторыя Грамматическія правила: но какъ оныя уже прежде были и нынѣ существуютъ подъ названіемъ: Сочиненія принадлежащія къ Грамматикѣ вотскаго языка во всемъ съ разговоромъ вотскимъ сходственны» [Кротовъ 1785: 1а]. Здесь же автором отмечается наличие территориальных говоров удмуртского языка и возможность создания на их основе его наддиалектной формы: «...чтожь до того касается, что в семъ словарьѣ найдутся реченія въ началахъ своихъ съ положенными въ Грамматикѣ [1775 года. – Л. И.] мало или совсѣмъ несходны, тому притчиною не что другое, какъ по разности мѣстъ разное вотяковъ нарѣчіе; однакъ не такое чтобъ современемъ исправлено и въ порядокъ приведено быть не могло» [Кротовъ 1785: 1а].

2.3.1. О графике словаря

В рукописном словаре З. Кротова удмуртские слова написаны кириллическими буквами, кроме того, буквы **g** и **j** заимствованы из латинской графики. Также в некоторых словах отмечена греческая буква **ε** (эпсилон), употреблявшаяся для обозначения гласного э (*e*), например: *берёнъ сiотёнъ* [*beren s'oton*] 'воздаяние' [Кротовъ 1995: 11] (далее в пределах разделов 2.3.1 и 2.3.2 примеры приводятся лишь с указанием страницы словаря), *пезгыть* [*pez'git*] 'хитрый, хитро, храбрый, храбро, острый' (165).

Представим для наглядности алфавит, реконструированный нами на основе лексических материалов словаря, который состоит из 40 букв и их сочетаний:

Аа	Дж/дж	Жж	Jj	Пп	Цц	Ђђ
Б б	Дз/дз	Зз	Кк	Рр	Чч	Ээ
Вв	Ее	Ии	Лл	Сс	Шш	Юю
г	ê	û	Мм	Тт	ь	Яя
Gg	ε	i	Нн	Уу	Ыы	
Дд	iо, io	й	Оо	Ув/ув	ь	

Как и в предшествующем памятнике, буквы этого алфавита подразделяются на три группы:

1) буквы русского алфавита, сохранившиеся в современном удмуртском языке до наших дней: Аа, Бб, Вв, г, Дд, Ее, Жж, Зз, Ии, й, Кк, Лл, Мм, Нн, Оо, Пп, Рр, Сс, Тт, Уу, Цц, Чч, Шш, ь, Ыы, ь, Ээ, Юю, Яя;

2) специфические знаки, представляющие собой буквы кириллицы и латиницы (с диакритическими знаками или без таковых) или греческого алфавита: Gg, ê, Ii, Ђђ, э, ε;

3) сочетания букв первой и второй групп: Дж/дж, Дз/дз, iо, io, Ув/ув.

Таким образом, автор использует 40 знаков. Необходимо отметить, что буквы **г, i, й, ь, ь** или буквосочетание **iо** (орф. совр. **ё**) представлены в словаре лишь в строчном варианте.

Рассмотрим подробнее графические особенности словаря.

Большинство букв, встречающихся в рукописи (**а, б, в, г, д, ж, з, и, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, ш, ь, ь, ю, я**), имеют прямые соответствия в современном удмуртском письме, поэтому мы им не уделяем особого внимания.

Рассмотрим только те буквы, которые употребляются для обозначения специфических фонем удмуртского языка.

1. Фонема *ö* (*e*) в большинстве случаев передается буквами *э* или *е* (в тех словах, где в современном литературном удмуртском языке встречается *ö*), напр.: *кекы* [kɛki] 'колыбель' (83); *кеня* [kɛn'a ~ ? kɛn'a] 'сколько' (85); *лэмь* [l'ɛm ~ ? l'ɛm] 'черемуха' (127); *пелы* [pɛli] 'большой палец' (189); *седь* [s'ɛd ~ ? s'ɛd] 'черный' (192); *серонь* [sɛron] 'нарушение' (196); *сэмесь* [s'ɛmes' ~ ? s'ɛmes'] 'чешуйчатый' (208); *тэль* [tɛl] 'вѣтръ' (228); *чежь* [ɕɛʒ] 'утка' (255); *шемь* [ʂɛm] 'вкусъ' (261); *эсконь* [ɛskon] 'рвота, рыганіе' (276) и др.

Кроме того, в некотором количестве слов звук *ö* может обозначаться следующими буквами:

а) **ы** (**ы**): *вылдѣть* [vɛldɛt] 'потолокъ' (37); *пу вый* [puvɛj] 'масло деревянное' (176); *пыртмаскысь* [pɛrtmas'kis] 'идоль' (187); *пытаскысь* [pɛs'tɪs'ko] 'свариваю, варю' (188); *эвыль* [ɛvɛl] 'неимѣю, нѣтъ, не' (273);

б) **о**: *восясь* [vɛs'as' ~ ? vos'as'] 'жрецъ, попъ' (32); *поянъ* [pɛjan] 'ложь, также спайка' (175); *шотемезъ* [ʂɛtemɛz] 'нечистота' (266). В первом примере отражена, возможно, особенность одного из говоров северного наречия удмуртского языка, ср. G *vosqáskîñî* 'beten' [Wichmann 1987: 315].

в) **я** (в одном слове): *сялыкъ* [s'ɛlik] 'грѣхъ, погрѣшность, погрѣшеніе' (213).

В некоторых случаях слова написаны параллельно с **ы** и **э** или **е**: *вытаскысь* [vɛtas'ko ~ vɛtas'ko] 'вижу что во снѣ, снится мнѣ' (38) ~ *ветаскысь* [vɛtas'kon ~ vɛtas'kon] 'сонное видѣніе' (23); *мый* [mɛj ~ mɛj] 'въ лѣтахъ' (140) ~ *мэй* [mɛj ~ mɛj] 'не молодъ' (143) и т. д.

2. Звук *y* (*i*) в большинстве случаев обозначен буквой **ы** (**ы**, **ы**): *быгатаскысь* [bigatɪs'ko] 'смысль имѣю (точнее: могу, умею. – Л. И.)' (16), *быдмемъ* [bidmɛm] 'скончавшійся' (17), *валектысь* [valektɪs'] 'толкователь' (20), *ворцыкытысь* [vorckitɪs'ko] 'рождаю' (31), *вынь мортъ* [vinmort] 'братъ младшій по матери' (38), *гыркесь* [gɪrkes'] 'дуплистый' (44), *джокыть* [ʒokɪt] 'душно' (48), *дугдыскысь* [dugdɪs'ko] 'перестаю' (55), *дурь* [durɪ] 'шабала, большая лошка' (56), *косымътэмъ* [kosɪmtem] 'непозволенный' (93), *кылонъ* [kɪlon] 'ощущеніе, слухъ' (111), *лымытэкъ* [limɪtek kɪnton] 'гололедица' (125), *мыль потонъ* [milpoton] 'желаніе, хотѣніе, изволеніе' (141), *омырьяскысь* [omɪrjas'ko] 'вычерпываю' (157), *полысь* [polɪs] 'весло' (173), *сылыскысь* [silɪs'ko] 'стаю, стою, состою, отстою' (207), *тылпо* [tilpo] 'парусы, парусъ' (225) и др.

Кроме того, для передачи этой фонемы нередко используются одиночные буквы **и** (**и**, **и**) и **у** в следующих позициях:

а) в начале слова, напр.: *ижъ* [iž] 'овца' (66); *имдóръ* [imdor] 'губа', *ильнянь* [i'l'n'an] 'тесто' (68); *истóнь* [iston] 'послание' (69); *иштыскó* [ištis'ko] 'теряю, трачу' (70);

б) после согласных *ж* и *ш*, а также аффрикаты *жс* (в словаре – *дж*): *выжѣи* [vižji] 'порода, колѣно, родъ, природа, корень' (35); *джины* [žini] 'половина', *джужѣйтъ* [žužit] 'высокій' (48); *джины арѣсь* [žini ares] 'полугодовой' (49); *мыжѣкъ* [mižik] 'кулак' (140); *шидъ* [šid] 'похлебка, супъ' (263); *шушѣи* [šušji] 'филь птица [перевод неверный, должно быть 'снегирь'. – Л. И.]' (271) и др. Подобное написание, скорее всего, объясняется влиянием правил русской орфографии;

в) после парных по веларности/мягкости согласных (где *и*, обозначая звук *ы*, показывает мягкость предшествующего согласного): *азѣнь* [az'jn] 'предъ' (3); *возѣтъ* [voz'it] 'срамный, срамъ, стыдно, стыдливый, стыдливо' (28); *канѣль* [kan'jl] 'смирный, тихий, смирно, тихо, спокойный, спокойно, мирный, мирно' (75); *кезѣтъ* [kez'it] 'морозъ, стужа' (82); *конѣи* [kon'ji] 'белка' (91); *кузѣмъ* [kuz'im] 'даръ, подарок' (98); *лецѣтъ* [lečit] 'острый' (120); *нилѣнь* [n'ilon] 'глотка' (146); *озѣи* [oz'ji] 'такъ' (155); *нутѣи* [pjt'ji] 'слѣдь' (170); *пунѣи* [pun'ji] 'ложка' (182); *пызиртѣмъ* [piz'irtem] 'сжатый' (186) и т. д. В данном случае также чувствуется влияние русской орфографии;

г) после инициального *й* (в рукописи *j* или *i*): *голикъ иѣръ* [gol'ik jir] 'безволосый' (40); *гурѣзь иѣль* [gurez' jil] 'верхъ горы, холмъ' (43); *жѣды* [jidji] 'ячмень, ячменный' (70); *жилѣнь* [jilon] 'умноженіе' (71) и др.

3. Инлаутное сочетание *-ий-* (*-ij-*) (в позиции перед гласными) в слове обозначено двумя способами:

а) буквой *і*: *диакъ* [d'jak ~ d'jak] 'писецъ' (53); *зарнѣнь поямъ* [zarn'ijen pejam] 'подзолоченный' (62); *синъ кылѣсь* [s'inkil'ijes] 'слезно и слезный' (199) и т. д. Утверждение Т. И. Тепляшиной [1970: 130] о том, что в данном случае знак *і* употреблен для подчеркивания твердости предшествующего согласного, ошибочно, так как, например, в слове *нилетѣи* [n'il'eti ~ n'ij'eti] 'четвертый' (145) З. Кротов использует русскую букву *и*, хотя, возможно, согласный *т* здесь является твердым. В примере же *витетѣзь* [vit'etijez] 'пятый' (26) использована буква *і*. Почему автор не передал фонему *и* в первом слове буквой *і*? А именно потому, что в данном случае последняя использована для обозначения инлаутного *-ий-* (*-ij-*) перед гласной *э* (*e*) (см. также: [Кельмаков 1999: 34]);

б) буквой *и* (*ѣ*, *ѣ*) (в единичных случаях) *койкъ* [kojik] 'лось' (91); *мыѣкъ* [mijik] 'усъ' (140).

4. Для обозначения сочетания мягкой согласной фонемы или *й* с *о* (совр. орф. ё) в рукописи используется диграф *ю̆* или *юо*: *бадию̆* [*bad'o*] 'ивовый' (8); *берень сию̆тыско* [*beren s'otis'ko*] 'воздаю' (11); *ваию̆* [*vajo*] 'вилловатый', *ваию̆нь* [*vajon*] 'ведение, приношение, приведение' (19); *кузиолень* [*kuz'olen*] 'господский, хозяйский' (99); *лю̆гыско* [*l'ogis'ko*] 'ступаю' (121); *сиотыско* [*s'otis'ko*] 'подаю, поддаю, отдаю, выдаю, предаю' (202) и др.

5. Фонема *г* (*g*) почти во всех удмуртских словах обозначена латинской буквой *g*: *гонь* [*gon*] 'шерсть'; *гондырь* [*gondir*] 'медведь'; *гордь* [*gord*] 'красный, рыжий' (41); *огърець* [*ogrec*] 'огурец' (153); *пазгыско* [*paz'gis'ko*] 'напрыскиваю' (160); *пегась* [*pegas*] 'бѣгающий, бѣглець' (164); *пыглў* [*pigli*] 'ягнец, ягненок' (184); *согы* [*sogi*] 'щотка' (203); *тырагӑй ~ торого̆й* [*turagaj ~ torogoj*] 'жаворонок' (223); *цягырь* [*čagir*] 'лазоревающий' (253) и др. Русская буква *г* в удмуртских словах встречается в единичных случаях: *жингресь* [*žingres ~ žingres*] 'звонкий' (61).

6. Необычное для русского языка инициальное звуко сочетание *йё-* (*je-*) в словаре передается буквой *ѣ*, а также сочетанием *jê*, напр.: *ѣлень судыско* [*jelen s'udis'ko*] 'молоком кормлю', *ѣль* [*jel*] 'молоко', *ѣлесь* [*jeles*] 'молочный' (272); *jê* [*je*] 'градь или мерзлой дождь, снѣгъ, ледь'; *jênj* [*jenj*] 'осоть колючая трава, на пашнѣ растущая'; *jêкынтонь толызь* [*jekinton toliz*] 'ноябрь мѣсяць' (70) и др.

7. Для передачи велярной звонкой аффрикаты *жс* (*ž*) применяется сочетание букв *дж*: *джижъ* [*žijž*] 'ломкий'; *джогъ* [*žog*] 'вдруг, скоро, весьма, скорый, скорость, поспѣшный' (47); *джожаско* [*žožas'ko*] 'жалуюся', *джокытъ* [*žokit*] 'душно', *джужить* [*žuzžit*] 'высокий', *джинь* [*žinj*] 'половина' (48); *джюй* [*žuj*] 'мохъ', *джюштонь* [*žušton*] 'стенание (точнее: стон. – Л. И.)' (49) и т. д.

8. Палатальная аффриката *ж* (*ž*) обозначена буквосочетанием *дз* (в позиции перед последующими *и* (*i*) и йотированными гласными *е*, *ю*, *я*), например: *дзегъ* [*žeg*] 'рожь', *дзецъ* [*žec*] 'благий, благо, хороший, хорошо' (49); *дзици* [*žiči*] 'лисица', *дзирью̆-эсъ* [*žirjo es*] 'двери створчатые', *дзязэкъ* [*žaz'eg*] 'гусь', *дзарь поте* [*žarpote*] 'заря утренняя (точнее: светает. – Л. И.)', *дзиозы* [*žozj*] 'кобылка травяная', *дзиоргыли* [*žorgil'i*] 'воробей' (52); *дзюски* [*žuski*] 'гребень у птицъ, подбородокъ', *дзюць* [*žuč*] 'русский' (53) и т. д.

В остальных случаях буквосочетание *дз* означает звуко сочетание *дз*: *кудзыни* [*kudzini*] 'напиваться' (97); *лыдзонь* [*lidzon*] 'читание, счисление, отчотъ' (125).

9. Для передачи глухой палатальной аффрикаты *ч* (*č*) З. Кротов использует:

а) букву **ц** (в большинстве случаев – в сочетании с мягким знаком и перед последующими **и** (**i**) и йотированными гласными), например: *ацѣмь асмѣ шонертскѣ* [ačim asme šon'ertsko] 'извиняюсь' (8); *кець* [keč] 'коза' (87); *куцяні* [kučari] 'шенокъ' (106); *кыци* [kiččij] 'куда' (116); *лецитъ* [lečit] 'острый' (120); *цескытъ* [českijt] 'вкусный, сладкій, сладостный' (249); *цидаскѣ* [čidas'ko] 'терплю, претерпѣваю' (250); *ципей* [čipej] 'щука' (251); *цюрытъ* [čurijt] 'скупой, твердый' (253);

б) букву **ч** (перед нейотированными гласными буквами): *чакласкѣ* [čaklas'ko] 'думаю' (254); *чортонъ* [čorton] 'понуждение', *чорыгъ* [čorig] 'рыба' (257); *чуглесъ* [čugles] 'чулки' (258); *чурытъ* [čurijt] 'жесткий, твердый, твердь' (259); *чутьисъ* [čutis] 'хромой' (260) и др.

10. Для обозначения глухой велярной аффрикаты **č** (**č**) систематически используется буква **ч**, например: *кочѣ* [kočo] 'сорока' (95); *пучъ* [puč] 'жердь' (184); *нычъ* [rič] 'блоха' (189); *учъ* [uči] 'соловей' (247); *чанѣ* [čana] 'галка' (254); *чинъ* [čijn] 'дымъ' (256); *чукнѣ* [čukna] 'утренний, ранний, рано' (259); *чушьяль* [čušjal] 'южь звѣрь' (260) и т. д.

11. Билабиальный согласный **č** (**č**), встречающийся в анлауте перед гласной **a**, в словаре обозначен сочетанием букв **ув** (в большинстве случаев) или буквой **у** (в единичных примерах): *уарь* [uar] 'слуга' (229); *уалѣсъ* [ual'es] 'постеля', *уаллю* [uall'o] 'прежде сего, встарину', *уаменѣкъ* [uatenak] 'на крестъ, поперегъ, напротивъ, вопреки' (232); *уаменѣ* [uaten] 'поперечный, чрезъ', *уаменѣсъ* [uatenes] 'упорный, упорно, упрямо, упрямый' (233); *увармай* [uarmaj] 'тестъ', *уварытъ* [uaript] 'черень у ножа', *увадонъ* [uaton] 'похороны, погребение, укрывание, утаение' (234) и др.

12. В лексикографическом труде Захарии Кротова в некоторых словах встречается заднеязычный сонант **ŋ**, который передается в графике буквой **н** или сочетанием **нг**: *банъ* ~ *бамъ* [ban ~ baŋ ~ bam] 'острие' (9); *зымъ* ~ *зынь* [zjn ~ zjŋ ~ zjnt] 'смрадь, запахъ, воня' (65); *лянгѣсъ* [l'aŋes] 'ведро' (130).

13. В словаре не выдержан принцип передачи мягких и твердых согласных, что затрудняет чтение слов, и для осмысления некоторых значений приходится прибегать к русскому переводу, например: *азвьѣль вераскѣ* [az'vijl veras'ko] 'прорицаю' (2); *артѣ* [arte] 'вообще, общий, смѣжный' (5); *выльызь* [vijl'is] 'вновь' (36); *изытыскѣ* [iz'ijtj's'ko] 'усыпляю' (67) (данное слово можно прочитать как *изытыско* [izijtj's'ko] 'заставляю молотъ'); *лѣкъ* [l'ek] 'свирѣпый, свирѣпо' (127); *нулѣмъ* [n'ulam] 'грязь на тѣлѣ' (148); *нѣдыскѣ* [nėdij's'ko] 'вязну' (151); *пунѣмъ* [punet] 'завитый' (182); *тель* [tel'] 'лѣсъ которой листьѣ имѣтъ' (216); *шеттыскѣ* [šet'tj's'ko] 'на-

хожу, ловлю, за охотой хожу и ѣжжу, получаю, сыскиваю, промышляю, уловляю, приобретаю, изобрѣтаю' (262) и т. д.

Таким образом, большинство букв З. Кротов использует для передачи только одного определенного звука (а, б, в, г, к и т. д.), но есть и такие (напр.: е, і, ч), которые употребляются для обозначения нескольких разных фонем.

2.3.2. Элементы орфографии

Как уже отмечено выше (см. раздел 2.2.2), элементы орфографии, приходящие грамматике 1775 года, повторяются в последующих памятниках удмуртской письменности. Исключением не является и словарь З. Кротова.

1. В конце слова, а также в середине – после первого компонента сложного слова, а также перед морфемами – пишется ъ, который обозначает твердость конечного согласного: *быдѣсъ кыль гоштыскѣ* [bɨdɛs kɨl goʂtɨs'ko] 'изъясняю' (17); *гоштднѣ* [goʂton] 'начерчивание, приписывание, записка' (42); *зекъгѣмъ будыскѣ* [zɛkɣɛm budɨs'ko] 'превышаю' (63); *кыкъназы* [kɨknazi:] '[они] оба' (109); *лыдзѣнѣ* [lɨdʒɛn] 'читание, счисление, отчет' (125); *нырънысы* [nɨrɨsɨ] 'ноздри' (149); *огъкадѣ* [ogka:dʲ] 'равность, равный' (152); *устѣ дышемѣ* [usto dɨʂɛm] 'въ наукахъ искусный' (245); *цярлыкѣ* [čarɨk] 'орудіе, инструментъ' (254); *шонѣръ* [ʂon'er] 'правда также исправный, истинный, правый, справедливый, справедливо, прямо, прямой' (264). И др.

2. Несвойственные для русской орфографии сочетания *жы, джы, шы* пишутся через букву и (жи (жѣ), джи, ши (шѣ)): *выжѣ* [vɨʒɨ] 'порода, колѣно, родъ, природа, корень' (35); *джужѣтъ* [ʒuʒɨt] 'высокій' (48); *джинѣ арѣсъ* [ʒɨnɨ ares] 'полугодовой' (49); *мыжѣкъ* [mɨʒɨk] 'кулакъ' (140); *шидѣ* [ʂɨd] 'похлебка, супъ' (263); *шушиѣ* [ʂuʂɨ] 'филъ птица (точнее: снегирь. – Л. И.)' (271), что объясняется правилами русской орфографии.

3. Гласные е, ю, я (ѣ) и буквосочетания ѣо, ѣо, ѣѣ в лексикографическом труде Захарии Кротова, как в современном русском и удмуртском литературном языках, двузначны:

а) в одних случаях они обозначают мягкость предшествующего согласного и звуки э, у, а, о: *восясъ* [vos'asʲ] 'жрецъ, попь' (32); *изѣѣнѣ кыль* [iz'on kɨlʲ] 'сонная болѣзнь' (67); *люмдѣ* [l'umɨdɨ] 'строчка, строка' (129); *нюлѣскѣ* [n'uɨlesk] 'дубрава' (150); *цюмолѣ* [č'umol'o] 'копна' (252); *шонѣръ тѣрѣ карѣнѣ* [ʂon'er tɛrɛ ~ tɛrɛ karon] 'правосудіе' (265) и пр.;

б) в других случаях – сочетание звуков *йэ, йу, йа, йо*: *вайо́нь* [va-jon] 'ведение, приношение, приведение' (19); *ети́нь* [jetin] 'лень' (59); *юбыртыскò* [jubirtis'ko] 'доношу, бью челомъ на кого, приклоняюся' (277); *по́ямь* [rojam] 'лукавый, лукаво' (175); *туйо́нь вуко́* [tujon vuko] 'толчя' (221); *юдёсь* [judes] 'кусокъ' (278); *ярантёмъ* [jarantem] 'недостойный, немилый, непригожий, неприятный, непотребный' (284) и др.

4. После аффрикат (иногда даже после велярных) в большинстве случаев пишутся йотированные гласные буквы: *джюй* [ʒuj] 'мохъ', *джюштòнь* [ʒuʂton] 'стенание' (49); *дзю́зь* [ʒoz] 'сверчокъ', *дзязэкъ* [ʒaz'eg] 'гусь', *дзюкырто́нь* [ʒukirton] 'скрыпь' (52); *цю́по* [ʃopo] 'шапка', *цюрёкъ* [ʃurik] 'строчка' (252); *цягънумъ* [ʃagrum] 'спичка' (253); *чючкòнь* [ʃiʃkon] 'утиральникъ (точнее: полотенце. – Л. И.)', *чякласкòнь* [ʃaklas'kon] 'умысль' (260).

2.4. Грамматика М. Могилина

Следующим памятником удмуртской письменности является рукописная работа Михаила Могилина «Краткой отяцкия Грамматики Опытъ», завершенная в 1786 году, год спустя после составления удмуртско-русского словаря Захарией Кротовым. Грамматика хранится в рукописном отделе Библиотеки РАН в Санкт-Петербурге /32.3.7/ [Каракулов 2006: 123]. Фотокопия рукописи имеется также в Удмуртском ИИЯЛ УрО РАН (РФ, оп. 2-Н, д. № 407). Данный документ институту любезно предоставила Т. И. Тепляшина. Благодаря этому ученому, в 1998 году грамматика М. Могилина была издана отдельной книгой.

В композиционном отношении грамматика представлена 9 основными главами, в которых дается описание частей речи удмуртского языка – имени существительного, имени прилагательного, имени числительного, местоимения, а также глагола, наречия, предлога, союза и междометия. В свою очередь, глава «Объ имени существителномъ» делится еще на 8 частей согласно финальным звукам представленных слов.

В первых же страницах рукописи читаем обращение М. Могилина к своему благодетелю с надеждой, по-видимому, на его помощь в издании данного труда, но «...несмотря на столь хвалебные воздания автора своему начальнику, рукопись не была напечатана...» (цитируется по: [Тепляшина 1965а: 235]). Далее автор грамматики определяет задачи своего исследования: «Причина сего малаго предпрятія не инная ка-

кая, какъ толко, что бы извѣстнаго въ свѣтѣ отяцкаго народа неизвѣстный языкъ ученому свѣту былъ извѣстенъ; что^б любопытству позднѣйшихъ потомковъ древность осталась соблюденною...» [Могилинъ 1786: 7], останавливается на вопросе о том, почему и для чего следует изучать и описывать неизвестные еще языки народов; затем объясняет, что языки, в которых отражается жизнь, быт, культура народа, с течением времени в какой-то мере изменяются, а некоторые исчезают вовсе. Поэтому их описание, фиксация своеобразия этих языков представляют большую научную ценность.

Во вступлении излагается своеобразие удмуртского языка, в частности, отмечается, что специфика удмуртских имен и глаголов выражается в их изменении. Особенно важным представляется М. Могилину фиксация ударения на последнем слоге слова (в основном) и описание окончаний, т. е. суффиксов. Автор выделяет, что имена по большей части «либо односложные, либо двосложные» [Могилинъ 1786: 14]. В отличие от грамматики 1775 года, в рассматриваемой грамматике выделяются 5 падежей: именительный, родительный, датив (дательный. – Л. И.), винительный и творительный. Таким образом, у М. Могилина отсутствует звательный падеж.

По каждой части речи приводится большое количество словарного материала (в общей сложности более 2000 слов) с переводом на русский язык, представляющего определенную ценность для лингвистики, так как при анализе слов можно выделить некоторые фонетические, лексические и отчасти морфологические особенности говора, на материале которого была составлена рукопись.

2.4.1. Особенности графики

Во вступительной части к грамматике М. Могилиным указывается, что особых букв для изображения удмуртских звуков не имеется, так как удмуртский язык сам по себе до сих пор в мире известен только своим названием: «Итакъ принявъ сей народъ [удмурты. – Л. И.] о[тъ] Россіянь Законъ вѣру и права долженъ принять и литеры для изображенія своего языка» [Могилинъ 1786: 12]. Интересно, говорит ли это о том, что автор не был знаком с первой удмуртской грамматикой 1775 года? Этого нельзя утверждать, потому что «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка» были уже изданы, и в распоряжении священников, работающих с удмуртскими прихожанами, эти книги должны были быть.

Внимательно изучив материал грамматики М. Могилина, предисловие, сопровождающее ее, нам представляется возможным отнести ее датировку к более раннему времени, а точнее до выхода в свет грамматики 1775 года, поскольку об этом пишет в предисловии сам автор: «Граматики обычно начинаются о[тъ] показанія и исчисленія литеръ, но здѣсь сіе вовсе не нужно: потому что у отяковъ не тол[ь]ко оныхъ прежде не изобрѣтено, но ниже и языкъ ихъ въ свѣтѣ былъ извѣстенъ, кромѣ тол[ь]ко по имени» [Могилинъ 1786: 25]. В свое время Т. И. Тепляшина [1965а: 236] высказала мысль о том, что грамматика Могилина может быть составлена между 1762 и 1786 гг., поскольку в ней имеется авторская ссылка на латинскую грамматику Г. Лебедева, вышедшую в 1762 году. Действительно, если бы грамматика была написана М. Могилиным после выхода книги «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка», т. е. после 1775 года, то автор, на наш взгляд, должен был сослаться на нее или, по крайней мере, хотя бы упомянуть о ее существовании (как, например, автор словаря 1785 года Захария Кротов). Подобной же ссылки в грамматике не находим (см. об этом также [Карпова 2002: 159–160]).

Удмуртские слова в грамматике написаны при помощи кириллических букв, латинских (g, j) и двух греческих ξ (кси) и ε (эпсилон). Если представить алфавит, которым руководствовался М. Могилин при составлении своей грамматики, то он состоит из следующей 41 буквы:

Аа	Дж/дж	Жж	Кк	Пп	Цц	ь
Бб	Дз/дз	Зз	ξ	Рр	Чч	ѢѢ
Вв	Ее	Ии	Лл	Сс	Шш	Ээ
Гг	ê	İi	Мм	Тт	ъ	Юю
Gg	ε	й	Нн	Уу	ѣе (ѣе)	Яя
Дд	ï, io, jö	Jj	Оо	Ув/ув	Ыы	

По своему строению буквы приведенного алфавита можно разделить на:

1) буквы русского алфавита, сохранившиеся в современном удмуртском языке до наших дней: Аа, Бб, Вв, Гг, Дд, Ее, Жж, Зз, Ии, й, Кк, Лл, Мм, Нн, Оо, Пп, Рр, Сс, Тт, Уу, Цц, Чч, Шш, ь, Ыы, ѣ, Ээ, Юю, Яя;

2) специфические знаки, представляющие собой буквы кириллицы, латиницы (с диакритическими знаками или без таковых) или знаки греческого алфавита: ê, İi, ѢѢ, Gg, ε, ξ;

3) сочетания некоторых букв первой и второй групп: Дж/дж, Дз/дз, ъ, ю, ю, Ув/ув.

Среди графических особенностей этого памятника следует отметить следующие.

1. Современная удмуртская фонема *ö* передается в основном сочетанием букв *ъе* (в единичных случаях *ѣе*), например: *кѣе* [kɛ] 'жерновный камень' [Могилинъ 1786: 25] (далее без указания источника); *кѣеть* [kɛt] 'брюхо' (26); *пъезъ* [pɛz] 'рукавица' (28); *съезы* [sɛzi] 'пола, подоль' (34); *пъертѣмъ* [pɛrtɛm] 'мудрено-право' (102) и др. Как видно из примеров, данное буквосочетание используется после твердых согласных.

Кроме того, этот специфический звук удмуртского языка может быть обозначен также нижеперечисленными буквами:

а) *е*: *кем* [kɛm] 'скорлупа, чешуя' (26); *нель* [n'ɛl ~ ? n'el] 'стрѣла' (27); *сень* [sɛn] 'жила', *тель* [tɛl] 'вѣтръ' (28); *чежмѣръ* [čɛžmɛr] 'горностаѣ' (29); *шетѣмъ* [šɛtɛm] 'негодный' (59) и др.;

б) *ы*: *мыля* [mɛl'a] 'грудина' (19); *кылы* [kɛl'i] 'кремень' (31); *ныкы* [nekɪ] 'сметана' (32); *выы* [vɛj] 'масло' (35); *пыясь* [pɛjas] 'лицемѣрный, обманчивый' (57); *бырдыско* [berdɪs'ko] 'плачу' (91) и т. д.;

в) *э*: *эсь* [ɛs] 'дверь' (26); *эвѣлтѣмъ* [ɛvɛltɛm] 'простой, пустой' (59); *эскыско* [ɛskis'ko ~ ? eskis'ko] 'блюю' (88) и др.;

г) *е*: *лѣмъ* [l'ɛm ~ ? l'ɛm] 'клей, ягода черемуховая' (27); *кеня* [kɛn'a ~ ? kɛn'a] 'сколь' (98).

Примеры передачи буквой *е*, *э* и *ε* могут свидетельствовать и о том, что в диалекте, который представлен в грамматике М. Могилина, в XVIII веке в перечисленных словах мог произноситься гласный *э* (*ε*), как в современном бесермянском наречии: *кэн'а* 'сколькo', *л'эм* 'черемуха (ягода)' *эскынь* 'блевать, рвать' (см. [Кельмаков 1992: 43–44]).

2. Звук *ы* (*i*) в большинстве примеров обозначен соответствующей буквой русского алфавита *ы* (*ы*): *ныпыянь* [nɪpɪjan] 'тяжесть, бремя' (23); *бусы-кенѣръ* [busɪ ken'ɛr] 'полевой огородъ' (25); *кымѣзъ* [kɪmɛs] 'лобъ', *кышноэзъ* [kɪšnoɛz] 'женщина', *небытъ-узвѣсь* [n'ɛbjɪt uzvɛs] 'олово' (27); *пыдѣсь* [pɪd'ɛs ~ pɪdɛs] 'колѣно и дно въ посудахъ' (28); *бырды* [birdɪ] 'пугвица (точнее: пуговица. – Л. И.)', *быгылы* [bigɪl'i] 'снопь лняной', *боды* [bodɪ] 'трость' (30); *гырлы* [gɪrlɪ] 'колоколь', *угы* [igɪ] 'орель и сова' (31); *пинлы* [pin'lɪ] 'челюсть', *пурты* [purtɪ] 'котель', *пыры* [pɪrɪ] 'крохи' (32); *цирты* [čɪrtɪ] 'шея и горло' (33); *дурысь* [durɪs] 'кузнецъ' (36); *шыкызь* [šɪkɪs] 'сундукъ, коробья' (39) и т. д.

Однако встречаются такие слова, в которых фонема *ы* нередко передается буквой *и* (*ï*) в следующих позициях:

а) в начале слова: *ижъ* [iʒ] 'овца' (37); *имдурь* [imdur] 'губа у рта' (46) и др.;

б) после согласных *ж* и *ш*, а также аффрикаты *жс* (в грамматике – *дж*): *выжъи* [viʒi] 'корень' (30); *джинъи* [ʒini] 'половина', *гижъи* [giʒi] 'копыто' (31); *къежъи* [keʒi] 'горохъ' (32); *ширь* [ʃir] 'мышь, крогъ' (39) и т. д.;

в) после парных по велярности/мягкости согласных, где *и*, обозначая фонему *ы*, одновременно показывает мягкость предшествующего согласного: *дедъи* [deɗi] 'сани', *кълъи* [kel'i] 'кремень', *конъи* [kon'i] 'бѣлка' (31); *пунъи* [pun'i] 'ложка', *пнтъи* [pɪt'i] 'слѣдъ' (32); *сезъи* [s'ez'i] 'овесъ' (33); *возъитъ* [voz'it] 'стыдъ' (36); *сизъимъ* [s'iz'im] 'седмъ, седмый' (60) и др. Все эти написания объясняются влиянием принципов русской орфографии.

3. Инициальное звуко сочетание *йы-* (*ji-*), отсутствующее в русском языке, может быть обозначено:

а) буквой *и*: *идъи* [jidi] 'ячень', *иронуши* [jironuʃi] 'пьявица' (31);

б) буквой *ï*: *ïль* [jil] 'вершина' (37); *ïуръ-вождъ* [jirvoʒo] 'тѣмя головы' (51). Последнее слово в изданной грамматике М. Могилина [Могилин 1998: 152] ошибочно расшифровано через кириллическую букву *Г*.

в) буквой *ј*: *јуръ* [jir] 'голова' (35). Надо заметить, что и в этом слове при издании была допущена ошибка, ср. *Гуръ* 'голова' [Могилин 1998: 140].

В одном примере по непонятным причинам (скорее всего, автор допустил опisku) инициальное *йы-* М. Могилиным обозначено буквосочетанием *ги*: *гирси* [jirs'i] 'волосы' (30).

4. Звуко сочетание *йо* (*jo*), а также мягкость предшествующего согласного перед *о* (совр. орф. *ё*) передается диграфами *ю*, *ïð* или *ïö* (иногда *jö*): *бускель-ïослъи* [buskel'josli] 'сосѣдямъ' (24); *кузïð* [kuz'o] 'купецъ (точнее: хозяин. – Л. И.)' (41); *сылïö* [sil'o] 'тѣлесный' (55); *лиðгаскò* [l'ogas'ko] 'топчу' (77) и др.

5. Сочетание *-ий-* (*-ij-*) (в инлауте перед гласной) обозначается графемой *ï*: *сиѣсь* [s'ijes] 'хомуть' (28); *киѣдъ* [kijed] 'навозъ' (29) и т. д.

6. Удмуртская *g* в большинстве случаев передается латинской графемой *g*: *ватага* [vataga] 'семейство' (19); *сырѣгъ* [sereg] 'уголь' (29); *быгыли* [bigil'i] 'снопь лняной' (30); *коръ-гидъ* [korgid] 'конюшня' (51) и др.

Кириллическая *г* для обозначения этого звука применяется в следующих словах: *киргамъ* [kirkam] 'потеря' (23); *гужемъ* [guʒem] 'лѣто' *гурѣзь* [gurez] 'гора' (25); *гоги* [gogi] 'пупъ' (30); *люнги* [l'ungɨ] 'шершень' (32) и т. д.

7. Необычное для русского языка инициальное звуко сочетание *йö-* (*je*) М. Могилин обозначил через букву *Ѣ* (наряду с *e* и буквосочетанием *ïe*):

ie [je ~ je] 'градъ изъ тучи, и ледь' (24); *ель*, *ѣль* [jel ~ jel] 'молоко' (26); *енѣ* [jenj ~ jeni] 'осоць трава' (31).

8. Инлаутное звуко сочетание -кс- (-ks-), встречающееся в трех словах, передается греческой буквой ξ (кси): *эѣй* [eksej] 'государь' (34), *оуѣо* [uks'o] 'денешка', *уѣо* [uks'o] 'денги вообще' (41).

9. Для обозначения велярной аффрикаты жс (ž) применено сочетание дж: *маджесъ* [majes] 'грабли' (27); *джинѣ* [žini] 'половина' (31); *джуй* [žuj] 'мохъ' (35); *джожъ* [žož] 'обида' (42); *джукъ* [žuk] 'каша отяцкая' (46) и др.

10. Удмуртская палатальная аффриката ж̄ (ž̄) (в позиции перед последующими и (i) и йотированными гласными – е, ю, я) передается в основном буквосочетанием дз, а также буквой з (в единичных случаях): *дзегъ* [žeg] 'рожъ', *дзязегъ* [žaz'eg] 'гусь' (25); *дзици* [žiči] 'лисица', *дзиоргли* [žorgil'i] 'воробей' (31); *дзюзялыско* [žuz'ijis'ko] 'хлебаю' (85); *зюкыртиско* [žukirtis'ko ~ ? z'ukirtis'ko] 'скрыплю' (88); *зеленикъ-пырь* [žel'en'ik pir ~ z'el'en'ik pir] 'сквозь стекло' (107) и т. д.

11. Глухая палатальная аффриката ч (č) обозначена двумя способами:

а) буквой ц: *бакця* [bakča] 'садъ, огородъ' (19); *цилектёмъ* [čil'ektem] 'молнія' (29); *бици* [biči ~ bič'i] 'пряжка' (30); *цеци* [čeč'i] 'медь, патока' (32); *ципей* [čipej] 'щука' (35); *цесонъ* [čerson] 'пряжа кудели' (44); *цирсъ* [čirs] 'кислый' (58); *цякласко* [čaklas'ko] 'недоумѣваюсь, сумную' (76) и др.;

б) буквой ч: *качи* [kač'i] 'ножницы' (32); *ченяри* [čenari] 'паукъ или мизгирь', *чинѣ* [čim'i] 'персть' (33); *чутыско* [čutis'ko] 'хромаю' (83) и др.

12. Для передачи глухой велярной аффрикаты ч̄ (č̄) используется буква ч: *чяна* [čana] 'галка' (20); *дучесъ* [dučes] 'соколь и ястребъ' (26); *чезъ* [čez ~ ? čez] 'утка' (29); *учи* [uč'i] 'соловей' (33); *пычъ* [pič] 'блоха' (38); *кечѣ* [keče] 'какой' (55); *кучо* [kučo] 'пестрый' (58); *чошкытско* [čoškitsko] 'ровняю' (91) и т. п.

13. Согласный ѣ (č), встречающийся в начале слова перед гласной а, в рукописи обозначен буквосочетанием ув (в основном) или буквой у (в единичных случаях): *уадъ* [uad] 'выдра', *уаръ* [uar] 'слуга, работникъ' (23); *увалесъ* [ual'es] 'постеля' (28); *уаръ-муми* [uarmum'i] 'теща', *уаръ-возги* [uavozgi ~ uarbozgi] 'трутень' (33); *увань* [uan] 'естъ' (95); *уваллионъ* [ual'lon] 'древлѣ въ старину' (100); *луль-увамѣнь* [lul'uatem] 'чрезъ душу' (107) и т. д.

14. Как и в предшествующих памятниках, в грамматике М. Могилина никак не передается различие твердости/мягкости согласных, что затрудняет правильное прочтение некоторых слов, например: *пулдѣмъ* [pul'dem]

'короста (точнее: волдырь; мозоль. – Л. И.)' (27); *сюзёръ* [s'uz'er ~ suzer] 'меньшая сестра' (28); *кондѡнь* [kon'don ~ kon'd'on] 'копейка (точнее: день-ги. – Л. И.)' (43); *увáзняль* [uazn'al ~ uaz'nal] 'третьево дни' (103) и т. п.

2.4.2. Элементы орфографии

Принципы написания слов в рукописном труде М. Могилына такие же, как и в предшествующих памятниках письменности, написанных на основе кириллицы.

1. В конце слова, а также в середине – после первого компонента сложных слов или перед каким-либо аффиксом – пишется **ѣ**: *goumèdъ* [gošet] 'письмо, писаніе' (25), *курèгъ* [kureg] 'курица' (26), *намèръ* [namer] 'костяника' (29), *душъ-goustemъ* [dušgoštem] 'перепись' (51), *югытъ-gèмъ* [jugitgem] 'свѣтленко' (54).

2. Несвойственные для русского письма сочетания *жы*, *шы* и *джы* пишутся через букву **и** (**жѣ**, **дѣ**, **шѣ**): *выжѣ* [vižji] 'корень' (30); *гижѣ* [gižji] 'копыто' (31); *кѣжѣ* [kežji] 'горохъ' (32); *ширъ* [šir] 'мышь и кротъ' (39).

3. Гласные **е** (у М. Могилына **ѣ**, **е**, **ѐ**), **ѣ** (в рукописи **іѡ** и **іѡ**), **ю**, **я**, как и в современном удмуртском литературном языке, двузначны:

а) в одних случаях они обозначают мягкость предшествующего согласного и звуки **э**, **о**, **у**, **а**: *сюкàсь* [s'ukas] 'квасъ' (22); *пожнèръ* [pošn'er ~ ? rišn'er] 'кропива' (27); *чумоліѡ* [čumol'o] 'копна, куча, громада' (41); *кырдыскѡ* [kiržas'ko] 'пою пѣсни' (77) и пр.;

б) в других случаях (в анлауте и инлауте после гласного) – сочетание звуков **йэ**, **йо**, **йу**, **йа**: *быякъ* [bijak] 'стадо' (21); *янакъ* [janak] 'косякъ во дверяхъ' (22); *юрмèгъ* [jurtæg] 'звѣрокъ ласица (точнее: ласка. – Л. И.)' (29); *ѣтѣнь* [jetin] 'лень, кудѣля' (36), *вайюбыжъ* [vajobjž] 'косатка птица (точнее: ласточка. – Л. И.)' (39).

2.5. Графическая система грамматик и словаря З. Кротова

Рассмотрев способы обозначения удмуртских звуков средствами кириллической графики в памятниках письменности последней четверти XVIII столетия, а именно первой грамматики [Сочиненія 1775], словаря З. Кротова и грамматики М. Могилына, мы можем сделать вывод о том, что составители в какой-то мере стремились и так или иначе смогли

приспособить кириллицу для передачи звуков удмуртского языка. Для большинства их, для которых имеются параллели и в фонетике русского языка, а именно *а* (*a*), *б* (*b*), *в* (*v*), *г* (*g*), *д* (*d*), *ж* (*ž*), *з* (*z*), *и* (*i*), *к* (*k*), *л* (*l*), *м* (*m*), *н* (*n*), *о* (*o*), *п* (*p*), *р* (*r*), *с* (*s*), *т* (*t*), *у* (*u*), *ш* (*š*), *э* (*e*), *йу* (*ju*), *йа* (*ja*), имелись соответствующие буквы в кириллическом алфавите. Однако специфические фонемы удмуртского языка, чуждые русскому, обозначались в одном случае такими знаками, которые были близки им по звучанию (*ö* (*e*) – *э*, *е*, *о*; *č* (*č*) – *ч*), в другом – буквосочетаниями (*ž* (*ž*) – *дз*, *žs* (*ž*) – *дж*).

Способы передачи удмуртских звуков средствами русской графики того времени в упомянутых памятниках письменности представлены в следующей таблице:

Удмуртские звуки	«Сочинения 1775»	З. Кротов	М. Могилин
<i>ö</i> (<i>e</i>)	э, е, о, а	э, е, ы, о, я	ѣ, ѣ̂, е, э, ы, о, э
<i>ы</i> (<i>i</i>) – иниц. <i>ы</i> – <i>жы, шы, джы</i> – мягк. согл. + <i>ы</i>	ы и жи, ши, джы согл. + и	ы и жи, ши, джы согл. + и	ы и жи, ши, джы согл. + и
<i>г</i> (<i>g</i>)	г, г	г, г	г, г
<i>йö</i> (<i>je</i>)	ѣ, іѣ	ѣ, jѣ	ѣ, іѣ, іѣ
<i>žs</i> (<i>ž</i>)	дж	дж	дж
<i>ž</i> (<i>ž</i>)	дз, з	дз	дз, з
<i>č</i> (<i>č</i>)	ц, ч	ц, ч	ц, ч
<i>č</i> (<i>č</i>)	ч	ч	ч
<i>ju</i> (<i>u</i>)	у, ув	у, ув	у, ув
<i>ŋ</i>	н, нг	н, нг	–

Таблица показывает, что наиболее трудным для обозначения удмуртских фонем в этих памятниках письменности оказался звук *ö* (*e*): в первой удмуртской грамматике он передается четырьмя различными буквами; в словаре З. Кротова – пятью разными знаками; М. Могилин применяет семь различных способов (два буквосочетания и пять букв), причем он впервые попытался обозначить эту фонему отдельным диграфом (*ѣ̂*), хотя и не совсем последовательно.

Сложность для передачи на письме представляло также инициальное звуко сочетание *йö-* (*je-*), для обозначения которого в первой грамматике и словаре З. Кротова используются два способа, а в грамматике М. Могилина – три.

Определенные трудности возникали также при обозначении удмуртских аффрикат, отсутствующих в русском языке.

2.6. Памятники удмуртской письменности первой половины XIX века

Письменные памятники удмуртского языка первой половины XIX века в нашей работе представлены переводами текстов Евангелий (от Матфея – на сарапульском наречии, от Матфея и Марка – на глазовском) на удмуртский язык, Азбуками (на глазовском и сарапульском наречиях) и тремя рукописными словарями. Исследователь удмуртского литературного языка Б. И. Каракулов насчитывает 20 памятников письменности этого периода [2006: 124–131]. Некоторые из них до настоящего времени не обнаружены (например, удмуртская грамматика З. Кротова 1816 года, словарь В. Я. Баженова 1818 года – имеются лишь упоминания о них) или хранятся в архивах и библиотеках различных городов России и зарубежья (Швеции, Венгрии), другие опубликованы в первой половине XIX века и позже.

2.6.1. Рукописные словари

Архивные данные по удмуртскому, а также и по всем финно-угорским языкам в целом, представляют огромную научную ценность для исследователей истории языка. Рукописные лексикографические работы первой половины XIX века – это небольшие, а также довольно объемные словари, переведенные с русского на удмуртский и/или другие языки. В некоторых из них указываются фамилии составителей и даются сведения, на каком диалекте и из каких областей (уездов) и населенных пунктов собран тот или иной лексический материал по удмуртскому языку. В данном исследовании мы анализируем три лексикографических работы, составленные в первой трети XIX столетия: удмуртско-русский словарь 1816 года, русско-удмуртский словарь 1820 года и пятиязычный русско-пермяцко-зырянско-вотьяцко-чувашский словарь 1833 года. Материалы этих словарей в настоящей работе вводятся в научный оборот впервые.

2.6.1.1. Словарь языка вотяков 1816 года

Этот лексикографический труд, названный нами выше удмуртско-русским словарем 1816 года, еще не находил должного отражения в научной литературе. Словарь сохранился в двух вариантах: первый находится в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, второй – в Российской национальной библиотеке (ранее Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина). Фотокопия второго варианта рукописи под названием «Wörterbuch der Wotjakischen Sprache. Gesammelt von dem Popen Stepan Sidorow in dem Wotjakischen Dorfe Jelova, im Gouvernment Wjatka. Im Oktober 1816. Mit Bemerkungen von dem Prof. Zepim in Kasan», или в переводе на русский язык «Словарь языка вотяков, собранный священником Степаном Сидоровым в Вотяцкой деревне Елова в Вятской губернии. В октябре 1816 года. С примечаниями профессора Цеплина в Казани» (перевод с немецкого наш. – Л. И.), хранится также в Научно-отраслевом архиве Удмуртского института ИЯЛ УрО РАН (фонд РФ, опись 2-Н, дело № 659). Некоторые сведения общего плана об этом лексикографическом труде имеются в статье И. В. Тараканова, посвященной исследованию старинных рукописных словарей удмуртского языка [Тараканов 1998б: 330–331, 335]. Интересующая нас рукопись состоит из 38 листов-фотокопий, заполненных с одной стороны. Весь лексический материал на листах расположен в 4 столбцах: в первом и третьем даны удмуртские слова, во втором и четвертом – их русские переводы. Всего в словаре насчитывается около 1000 удмуртских слов с переводом на русский язык. Некоторые исследователи ошибочно приводят другую цифру – около 800 лексем [Тараканов 1998б: 331]. В нижней части некоторых страниц даны сноски, где приводится какое-либо удмуртское слово с переводом на немецкий язык или с пометой, указывающей на заимствование из татарского языка.

Необходимо сразу же отметить, что лексический материал рукописи очень близок, а в отдельных случаях аналогичен лексике изданных в 1775 году в Санкт-Петербурге «Сочиненій приналежащихъ къ грамматикѣ вотскаго языка». Это отмечают также и некоторые исследователи: «Нами выяснено, что почти весь словарь из грамматики 1775 года, сохранив тематическое расположение, переписал для своего словаря С. Сидоров» [Каракулов 1991: 117]. Слова, как и в грамматике 1775 года, подразделяются по лексико-семантическим группам: о человеке, о членах человеческих, о земле, о земледелии и т. д. Всего в рукописи выделено 16 глав. В главе «О именахъ прилагательныхъ» перед списком прилагательных от-

мечается, что «имена прилагательные у Вотяковъ, когда стоять на переди своихъ существительныхъ, не склоняются; когда же стоять позади ихъ или безъ нихъ, тогда склоняются какъ имена существительные» [Словарь 1816: 17]. Данное положение не отмечается в грамматике 1775 года: «имена прилагательныя у Вотяковъ чрезъ падежи въ обѣихъ числахъ не склоняются» [Сочиненія 1775: 36]. В грамматике М. Могилына по этому поводу написано следующее: «есть ли сущ[ествительное] остается въ недоразумѣннѣи, то вмѣсто его принуждено прилагат[ельные] склоняются. Напр. *дцецъсэ шетти*, хорошую изловилъ; доразумѣвается, *чорыгзе*, рыбу» [Могилынь 1786: 53]. Таким образом, о склонении субстантивированных прилагательных впервые отмечается в рассматриваемой нами рукописи. В анализируемом памятнике, в отличие от грамматики 1775 года, отсутствуют следующие лексико-семантические группы: наречие, междометие и предлог. Если в «Сочиненіяхъ» приведено 320 глаголов, то в исследуемом памятнике зафиксирована только половина от этого количества – 163 слова.

На некоторых удмуртских словах проставлено ударение. Для этого применены надстрочные знаки акут (´) и графис (˘). Первый тип ударения ставится, как правило, над гласной закрытого слога, напр., *Возма́сь 'сторожъ'* [Словарь 1816: 4]. Графисом же обозначается конечный гласный открытого слога, т. е. данное ударение ставится в основном в словах, оканчивающихся на гласный звук, напр., *тодмо̀ 'знакомый'* [Там же].

2.6.1.2. Словарь языка вотского 1820 года

Рукописный русско-удмуртский словарь под названием «Словарь языка вотского» [Словарь 1820] составлен в 1820 году. Его оригинал хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (ф. 94, оп. 1, № 241). Первые упоминания об этом лексикографическом труде встречаются в самом начале XX столетия в работе финского исследователя К. Ф. Карйялайнена [Karjalainen 1907: 9]. В 1960 году «Словарь языка вотского» был выявлен Т. И. Тепляшиной, ею же были сделаны фотокопии словаря и переданы на хранение в Научно-отраслевой архив Удмуртского ИИЯЛ УрО РАН (фонд РФ, опись 2-Н, единица хранения 624). Скучные сведения об этом словаре уже встречаются в литературе (см. [Тепляшина 1965а: 302; Каракулов 1987в: 34–36; Тараканов 1998б: 336]), но они ограничиваются лишь его кратким описанием и перечислением единичных графических и фонетических особенностей. В каталоге дореволюционных книг и рукописей на удмуртском языке, составленном Б. И. Каракуловым, данный словарь

включен в список «Недатированной литературы» под номером 407 [Каракулов 2006: 197]. Составитель исследуемого лексикографического труда неизвестен. Памятник представляет собой написанную четкой скорописью рукопись объемом 48 листов, заполненных с одной стороны, и включает в себя более 2900 русско-удмуртских словарных статей.

Что касается графики словаря, то она очень близка к графике первой удмуртской грамматики 1775 года. Составитель очень часто путает буквы г и д, напр.: *думы* [gumi] 'дудка' (вм. *думы* или *гумы*) [Словарь 1820: 15], *дыдь* [dig] 'лѣнивый' (вм. *дызь* или *дызь*) [Там же: 25] и др. Общеизвестно, что в памятниках того периода определенные трудности представляла передача специфических удмуртских звуков и их комплексов средствами русской графики, а именно, фонемы среднего подъема среднего ряда *ö* (*e*) и аффрикат.

На всех удмуртских словах проставлено ударение. Для этого применены надстрочные знаки акут (´) и графис (˘). Первый тип ударения всегда ставится над гласной закрытого слога, напр., *вельдет-кóрь* 'потолочина' [Словарь 1820: 16]. Графисом отмечается конечный гласный слова: *уараськò* 'прислуживаю' [Там же: 36].

В конце словаря другим почерком приводится несколько русских слов, которые переводятся на удмуртский язык с учетом их диалектной принадлежности, напр.: огурец – *glaz. oგრечь*, *jelab. киярь* (татар[ское]) [Словарь 1820: 48].

2.6.1.3. Свод некоторых слов ... 1833 года

Следующий рукописный словарь называется «Свод некоторых слов русских, пермяцких, зырянских, вотяцких и чувашских». Он – пятиязычный. Оригинал хранится в Национальном Архиве Республики Татарстан в Казани (фонд 10, опись 5, единица хранения 886). Этот памятник письменности был отскерокопирован нами во время научной командировки в 2003 году и передан на хранение в Научно-отраслевой архив Удмуртского ИИЯЛ УрО РАН (фонд РФ, опись 2-Н, единица хранения 1392). Данный рукописный труд, согласно записи на его титульном листе, создан в 1833 году. Некоторые ученые отмечают, что этот словарь составлен в 1835 году [Тепляшина 19656: 61; Алексеев 1977: 133; Каракулов 2006: 129], другие – в 1833: «С выходом на свет книги венгерского ученого К. Редееи <...> стали известны материалы еще одного рукописного словаря, составленного служащим имения графов Строгановых Ф. А. Волеговым в 1833 году в с. Новое Усолье» (цитируется по: [Баталова 1975: 9]). Скучные сведения

об этом памятнике имеются в первом номере журнала «Советское финно-угроведение» за 1965 год. В своей статье Т. И. Тепляшина констатирует лишь факт существования данного словаря и не останавливается на описании его языковых особенностей [Тепляшина 1965б: 61]. Позднее материалы словаря и выписка Ф. А. Волегова были опубликованы с частичным сохранением орфографии рукописи (буква Ъ была заменена заглавной буквой Е) чувашским языковедом А. А. Алексеевым [1977: 137–145]. Из выписки мы узнаем, что свой словарь Ф. В. Волегов собирал, проезжая по Вятскому и Казанскому трактам, чтобы сравнить чувашские, удмуртские, коми-пермяцкие и коми-зырянские слова и убедиться в их схожести.

Интересующая нас рукопись хорошо сохранилась и легко читается. Словарь составлен на жесткой бумаге, разрезанной на пол-листа. Объем рукописи 10 листов, или 20 страниц. Каждая страница разделена на пять столбцов. В первом столбце в алфавитном порядке дан список русских слов. В других столбцах дается перевод русского слова на коми-пермяцкий, коми-зырянский, удмуртский и чувашский языки. Необходимо отметить, что не все русские слова имеют переводы на вышеперечисленные языки. Если в словаре всего 247 русских лексем, то из них 195 имеют перевод на коми-пермяцкий язык, 239 – на коми-зырянский, 153 – на удмуртский и 143 – на чувашский. Значительное количество слов вовсе не переведены: на страницах 11–13 и 16–20 отсутствуют удмуртские переводы, на страницах 17–20 не приведены коми-пермяцкие и чувашские соответствия русских слов. Многие удмуртские и коми-пермяцкие слова записаны с ошибками: пропущены или перепутаны буквы. Отметим некоторые замеченные нами опiski: удм. *Кэнэ́къ* (вм. *Кэнэ́сь* или *Кенось*) 'Анбарь', *Шно* (вм. *Кышно*) [Свод 1833: 1] (номера страниц приводятся по оригиналу рукописи), *Черчэмь* (вм. *Черсонь* или *Черсэмь*) 'Веретено' [там же: 4], *Этыкъ* (вм. *Отыкъ* или *Одыгь*) 'Одинь' и др. На странице 16 имеется запись: «Пермяки [скорее всего, коми-пермяки и коми-зыряне. – Л. И.] сами себя называют: *коми мортъ*, а Вотяки: *удмортъ-ни*».

Ударение в удмуртской части словаря проставлено лишь на некоторых словах. В данном памятнике для этого применен надстрочный знак акут ('): *Тунó* 'Волшебникъ, чародѣй' [Свод 1833: 5].

2.6.1.4. Графические особенности словарей

В исследуемых рукописных словарях удмуртские слова написаны буквами кириллицы, кроме того, буквы *g* и *j* заимствованы из латинской

графики. Представим для наглядности алфавит, составленный нами на основе лексического материала памятников; он состоит из 37 букв и их сочетаний:

Аа	Дж/дж	Ии	Мм	Тт	ь	Яя
Б б	Дз/дз	і (ї)	Нн	Уу	Ыы	
Вв	Ее	й	Оо	Ув/ув	ь	
г	ію, іо, јо	Јј	Пп	Цц	Ѣѣ	
g	Жж	Кк	Рр	Чч	Ээ	
Дд	Зз	Лл	Сс	Шш	Юю	

Буквы представленного алфавита подразделяются на следующие три традиционные группы:

1) буквы русского алфавита, сохранившиеся в современном удмуртском языке до наших дней: Аа, Бб, Вв, г, Дд, Ее, Жж, Зз, Ии, й, Кк, Лл, Мм, Нн, Оо, Пп, Рр, Сс, Тт, Уу, Цц, Чч, Шш, ь, Ыы, ь, Ээ, Юю, Яя;

2) специфические знаки, представляющие собой буквы кириллицы или латиницы (с диакритическими знаками или без таковых): Іі (ї), Ѣѣ, g, Јј;

3) сочетания букв первой и второй групп: Дж/дж, Дз/дз, ію (ю), јо, Ув/ув.

Таким образом, в словарях используется 37 знаков. Необходимо отметить, что буквы или буквосочетания г, g, ію, іо (орф. ё), і (ї), й, ь, ь представлены в словарях лишь в строчном варианте.

Для анализируемых словарей характерны следующие графические особенности:

1. Удмуртский гласный среднего подъема среднего ряда *ö* (e) в словаре Степана Сидорова передается четырьмя различными знаками:

а) буквой **е** (é) (в большинстве случаях): *Пёсь* [pɛs'] 'жарь', *Седмұртъ* [s'ɛdmurt ~ ? s'ɛdmurt] 'крестьянинь', *Теді узвесь* [tɛd'i uzves'] 'олово', *Некѹ* [nɛk'i] 'сметана', *Цезъ* [ɕɛz] 'утка' [Словарь 1816: 2, 4, 6, 9, 11];

б) буквой **э** (э) (в десятке слов): *Бэлякъ* [bɛl'ak] 'сосѣдь', *Кэй* [kɛj] 'сало', *Кэтъ* [kɛt] 'брюхо' [Словарь 1816: 4, 5, 6];

в) буквой **о** (в единичных случаях): *Сѹнь тодѹ* [s'intɛd'i ~ ? s'intod'i] 'белокъ' (5), *Поськѹ* [pɛs'k'i ~ pos'k'i] 'болячка' [Словарь 1816: 5, 6];

г) буквой **а** (в нескольких однокоренных словах): *Арекъясъ* [ɛrɛkɕas] 'лжець', *Арекъясъкисъ* [ɛrɛkɕas'kis] 'лживый' [Словарь 1816: 4, 19].

В русско-вотском словаре 1820 года данная фонема обозначается буквой **о** или **е** (é): *поськѹ* [pɛs'k'i ~ pos'k'i] 'болячка', *посьтѣмъ* [pɛs'tem ~

pos'tem 'ветхий', *серысь* [*serijs*] 'вредитель'; *недыськò* [*nedijs'ko*] 'грязну'; *зэкь* [*zek*] 'крупный' [Словарь 1820: 2, 5, 8, 12, 23].

В словаре 1833 года этот гласный систематически обозначен буквой **ы**: *Кыжси* [*keži*] 'Бобы', *Кыть* [*ket* ~ ? *kâi*] 'Брюхо', *Пыстэмь* [*pes'tem* ~ ? *pâs'tem*] 'Вариль [он]', *Тыль* [*tijl*] 'Вѣтерь', *Пысь* [*pes*] 'Горячо' [Свод 1833: 1, 3, 4, 7, 10].

2. Специфическое анлаутное звуко сочетание *йö-* (*je-*) в рассматриваемых памятниках письменности обозначается крайне непоследовательно:

а) в словаре 1816 года – буквами **е**, **ѣ**, **э**: *Езорà* [*jezore*] 'изморозь', *Ѣль* [*jel*] 'молоко', *Эль* [*jel*] 'молоко' [Словарь 1816: 2, 9, 12];

б) в словаре 1820 года – буквой **е** или буквосочетанием **је**: *јѣлень* [*jelen*] 'ледяный', *јѣль* [*jel*] 'молоко', *Едү* [*jegu* ~ *jegu*] 'погребь' [Словарь 1820: 24, 27, 34]. Необходимо отметить, что в данном словаре указанным буквосочетанием в некоторых словах отмечается звуко сочетание *je*: *јетинь* [*jetin*] 'лень', *јегүть* [*jegit*] 'молодой' [Словарь 1820: 24, 27].

3. Анлаутный **ы** (*i*) в словарях 1816 и 1820 гг. систематически передается буквой **и**: *Имдорь* [*imdor*] 'губа', *Ибылыськòнь узвесь* [*ibijis'kon uzves*] 'свинець', *Игы* [*igi*] 'филинь, сова', *Иждонь* [*izgon*] 'шерсть', *Иштырь* [*istir*] 'онучи' [Словарь 1816: 5, 6, 11, 12, 15]; *ильзёмь* [*il'zet*] 'волглый', *ибонь* [*ibon*] 'выстрѣль', *имдорь* [*imdor*] 'губа', *иргонь* [*irgon*] 'мѣдь красная', *ижлень* [*izlen*] 'овечий' [Словарь 1820: 6, 9, 12, 28, 30].

В словаре 1833 года этот гласный в данной позиции встречается только в единственном слове и обозначается буквой **ы**: *Ыж* [*iz*] 'Барань' [Свод 1833: 1].

4. Анлаутное звуко сочетание *йы-* (*ji-*) в рассматриваемых памятниках передается разными способами:

а) сочетанием латинского **j** с русской **и** с каморой над второй буквой (*Jû*) или одиночной **и** (в словаре 1816 года): *Јүрь* [*jir*] 'голова', *Јуды* [*jidi*] 'ячмень', *Ибытыськò* [*ibirtis'ko*] 'жалуюсь, кланяюсь' [Словарь 1816: 5, 8, 23];

б) сочетанием **j** с **и** с каморой над обеими буквами (**ju**) (в словаре 1820 года): *јульяско* [*jiljas'ko*] 'вершу', *јурси* [*jirs'i*] 'волось', *јуды* [*jidi*] 'ячмень' [Словарь 1820: 5, 7, 48];

в) буквосочетанием **йы** и буквой **ю** (в словаре 1833 года): *Йыль* [*jil*] 'вершина', *Юрси* [*jirs'i*] 'Волосы', *Юрь* [*jir*] 'Голова' [Свод 1833: 4, 5, 8].

5. Звуко сочетание *йо* (*jo*), а также мягкость предшествующего согласного перед **о** (орф. **ё**) передается диграфами **ю** или **ю** (в словаре 1820 года – **ю**): *Цюмолю* [*ctamol'o*] 'копна', *Вайюбыжъ* [*vajobiz*] 'ласточка', *Кузю* [*kuz'o*]

'хозяинъ', *Муницѳо* [muńćo] 'баня' [Словарь 1816: 7, 11, 13, 16]; *муницѳо* [muńćo] 'баня', *уксѳотемъ* [uks'otem] 'безденежный', *кыдѳокѳе* [kĩd'oke] 'вдаль', *куаражѳо* [kuarajo] 'громко' [Словарь 1820: 1, 3, 5, 11]. В словаре 1833 года подобных слов нами не обнаружено.

6. Удмуртская буква *г* (g) в рассматриваемых памятниках передается следующими способами:

а) в Словаре 1816 года – латинской буквой *g*, причем инициальная *г* (а иногда и инлаутная) систематически обозначена русской заглавной *Д*: *Югытъ* [jugĩt] 'свѣтъ', *Доштѳемъ* [goštet] 'письмо', *Дырпумъ* [gĩrput] 'локоть', *Ланѳегъ* [lapeg] 'низкій' [Словарь 1816: 2, 4, 5, 19];

б) в Словаре 1820 года – латинской литерой *g* и русской *г*: *гурѳезъ* [gurez] 'гора', *язегленъ* [jaz'eglen] 'гусиный', *одыгъ* [odĩg] 'единъ' [Словарь 1820: 11, 12, 15]. Как отметили уже выше (см. раздел 2.6.1.2), в этом словаре удмуртская *г* во многих случаях обозначена русской буквой *д*: *дозы* [gozĩ] 'веревка', *дынленъ* [gĩnlen] 'войлочный', *дудыри* [gudĩri] 'громъ', *тундонленъ* [tungonlen] 'замочный' [Там же: 5, 6, 11, 17];

в) в словаре 1833 года – только русской буквой *г*: *Брага* [braga] 'Брага', *Гозы* [gozĩ] 'Веревка', *Бинь-гозы* [bin'gozĩ] 'Возжи', *Кортчогъ* [korććog] 'Гвоздь' [Свод 1833: 2, 5, 8].

7. Удмуртская глухая велярная аффриката *č* (ć) систематически обозначена буквой *ч* (в единичных словах – буквой *ш*): *Чукъ* [ćuk] 'утро', *Нянь пучкѳезъ* [n'an'pućkes] 'мякишъ', *Чодокый* [ćogokĩj] 'ужь', [Словарь 1816: 2, 9, 10]; *пычъ* [pĩć] 'блоха', *чукпаль* [ćukpal] 'востокъ', *чоктѳемъ* [ćoktet] 'втулка въ бочкѳъ', *чана* [ćana] 'галка', *чодъ* [ćog] 'гвоздь' [Словарь 1820: 3, 7, 8, 9, 10]; *Пушь* [puć ~ puś] 'Жердь', *Кортчогъ* [korććog] 'Гвоздь' [Свод 1833: 3, 8].

8. Удмуртская велярная звонкая аффриката *ž* (ź) в рассматриваемых рукописных работах передается одиночной буквой *ж* или буквосочетанием *дж*: *Джомытъ* [žomĩt] 'сумерки', *Джукъ* [žuk] 'каша', *Джужуть* [žužĩt] 'высокий' [Словарь 1816: 2, 9, 19]; *жытъ* [žit ~ žĩt] 'вечеръ', *жужанъ* [žujan ~ žũjan] 'восхождение', *жуждаезъ* [žuždajez ~ žũždajez] 'вышина', *жуаскѳо* [žuas'ko ~ žũas'ko] 'горю', *джу* [ži] 'жарь углей', *джукъ* [žuk] 'каша' [Словарь 1820: 5, 7, 9, 11, 15, 20]; *Житазе* [žitaz'e ~ ? žĩtaz'e] 'Вечеръ' [Свод 1833: 4]. Здесь необходимо отметить, что обозначение аффрикаты *ž* буквой *ж* встречается только в словарях 1820 и 1833 гг. Можно предположить, что составители этих лексикографических трудов зафиксировали дезаффрикатизацию *ž* в *ж*, которая отмечена учеными в некоторых периферийно-южных диалектах и отдельных бесермянских говорах удмуртского языка [Кельмаков 1998: 89].

9. Палатальная глухая аффриката ч (č) в словарях 1816 и 1820 гг. систематически передана буквой ц (в сочетании с ь и перед последующими и и йотированными е, іѳ (совр. орф. ё), ю, я): *Цеберь* [čeber] 'красота', *Арекицясь* [erekčas'] 'лжець', *Цирты* [čirtj] 'шея', *Цюжонь* [čjužon] 'вѣнникъ, метла' [Словарь 1816: 3, 4, 5, 13]; *цилянъ* [čil'an] 'блескъ', *бекче* [bekče] 'бочка', *цёрсь* [čers] 'веретено', *иворци* [ivorčj] 'вѣстникъ' и др. [Словарь 1820: 2, 3, 5, 9]. В «Своде 1833 года» эта аффриката встречается в одном единственном слове, где она обозначена буквой ч: *Бекче* [bekče] 'Бочка' [Свод 1833: 2].

10. Удмуртская палатальная звонкая аффриката ž (ž) во всех анализируемых рукописных словарях обозначается одиночной буквой з или буквосочетанием дз (в сочетании с ь и перед последующими и и йотированными гласными буквами е, іѳ (совр. орф. ё), ю, я): *Дзярь* [žar] 'зоря', *Бадзімъ візь* [bažžim viz] 'великій постъ', *Зязэкъ тылѳ* [žaz'ek tjlj ~ ? z'az'ek tjlj] 'перо гусиное', *Зюць-зубѳ* [žuč gubi ~ ? z'uč gubi] 'грибъ', *Кеньзяль* [ken'žal] 'ящерица' [Словарь 1816: 2, 3, 5, 7, 10]; *юрзімъ* [juržim] 'гадкій, гадко', *зярытъ* [žarjt ~ ? z'arjt] 'голубый', *зѳцъ* [žeč ~ ? z'eč] 'добрый', *инзі* [in'žj ~ ? in'z'j] 'жемчугъ', *дзюсь* [žus] 'лавка' [Словарь 1820: 9, 10, 13, 16, 24]; *Пекзисъ* [pegžiz] 'Бѳжать (точнее: он сбѳжал. – Л. И.)', *Адзи* [ažžj] 'Видѳль', *Дзедзи* [žežj] 'Вороты' [Свод 1833: 3, 5, 6]. В некоторых вышеперечисленных примерах, возможно, зафиксировано явление дезаффрикатизации ž в з, которое исследователями отмечается в говорах периферийно-южного диалекта удмуртского языка, напр., кукморского [Кельмаков 1998: 91].

11. Интервокальное звуко сочетание -ий- (-ij-) обозначено буквой і: *Сіонъ* [s'ijon] 'пища', *Кіонъ* [kijon] 'волкъ', *Піала* [rijala] 'стекло' [Словарь 1816: 9, 12, 13]; *кіонъ* [kijon] 'волкъ', *дэрієсь* [derijes'] 'грязный', *зарніанъ* [zarn'ijan] 'золоченіе' [Словарь 1820: 6, 12, 19]. В словаре 1833 года слов с интервокальным -ий- не обнаружено.

12. Для обозначения билабиального согласного ѳ (ɸ) применяются буква у или буквосочетание ув: *Уарь* [ɸar] 'слуга', *Увадь* [ɸad] 'выдра', *Уалесь* [ɸal'es] 'перина, постеля' [Словарь 1816: 4, 12, 15]; *уадь* [ɸad] 'выдра', *уалиськò* [ɸal'is'ko] 'стелю', *уармумѳ* [ɸartumj] 'теща' [Словарь 1820: 8, 42, 44]. Как видно из примеров, в словаре 1820 года этот согласный передается только буквой у. В словаре 1833 года слов с инициальным ѳ (ɸ) не обнаружено.

13. В рассматриваемых нами лексикографических работах первой половины XIX века, за исключением словаря 1833 года, в некоторых словах

встречается заднеязычный сонант *ŋ*, который передается буквой *н*: *Сэ-регъ пунь* [sereg puŋ] 'головня', *Пуртлёнъ банызъ* [purtlen baŋiz] 'вострие' [Словарь 1816: 14, 15]; *серекпунь* [serekpuŋ] 'головня', *гырпунь* [gɪrpuŋ] 'локоть', *пельпунь* [pel'puŋ] 'плечо' [Словарь 1820: 10, 25, 34].

2.6.1.5. Обозначение удмуртских звуков в словарях

Удмуртские звуки	Словарь 1816	Словарь 1820	Свод 1833
ö (e)	е, э, о, а	о, э	ы
ы (i) – иниц. ы – жы, шы, джы – мягк. согл. + ы	ы и жи, ши, джи согл. + и	ы и жи, ши согл. + и	ы ы жи, ши согл. + и
г (g)	г, г	г, г	г
йö- (jɛ-)	е, ъ, э	е, ъ	–
ж (ʒ)	дж	ж, дж	ж
з (ʒ)	дз, з	з, дз	дз, з
ч (č)	ц	ц	ч
ч̄ (č̄)	ч	ч	ч, ш
ӯ (u)	у, ув	у	–
ŋ	н	и	–

Согласно представленной таблице, наиболее трудным для обозначения удмуртских фонем является звук *ö*. В словаре 1816 года он воплощен четырьмя буквами, в словаре 1820 года – двумя знаками.

Для передачи на письме инициального звукосочетания *йö-* в словаре 1816 года использованы три буквы, в словаре 1820 года – один знак и одно буквосочетание.

В словаре 1833 года инициальная *ы-* впервые обозначается соответствующей буквой русского алфавита *ы*, когда в предшествующих памятниках удмуртской письменности она систематически передавалась лите-рой *и*.

Как можно заметить, в рукописном словаре 1833 года отсутствует латинская буква *g*, в двух других же она используется параллельно с русской *г*. В последующих памятниках письменности, в частности в Азбуках 1847 года издания, данная графема присутствует только в алфавите.

2.6.1.6. Элементы орфографии словарей

1. Удмуртские сочетания *жы*, *шы* и *джы* систематически пишутся через букву *и* (*жи*, *ши* и *джи* (только в словаре 1816 года)): *Джыть* [ʒi] 'вечерь', *Мыжйк* [miʒik] 'кулак', *Кужйк* [kuʒim] 'сила', *Кежй* [keʒi] 'горох', *Шидь* [ʃid] 'похлебка, ши', *Пужйк* [puʒim] 'сосна' [Словарь 1816: 2, 5, 6, 8, 9, 10]; *житлён* [ʒitlen ~ ? ʒitlen] 'вечерний', *кежилён* [keʒilen] 'гороховый' [Словарь 1820: 5, 11]; *Житазе* [ʒitaz'e ~ ? ʒitaz'e] 'вечерь', *Шурь* [ʃir] 'гадь (мышь)', *Кыжй* [keʒi] 'Горох' [Свод 1833: 4, 7, 9].

2. Палатальность парных согласных перед *ы* обозначается последующей буквой *и*: *Сизиль* [siz'il] 'осень', *Кузимь* [kuz'im] 'подарок', *Дась-конй* [das kon'i] 'гривна', *Юрмулй* [jurtul'i] 'клюква', *Мылимь* [mil'im] 'блинь' [Словарь 1816: 2, 3, 7, 8, 9]; *возиттёмь* [voz'ittem] 'безстыдный', *пулй* [pul'i] 'волдырь', *пудодй* [pu ded'i] 'дровни' [Словарь 1820: 2, 6, 14]; *Кони* [kon'i] 'Бѣлка', *Голикь* [gol'ik] 'Голый', *Сизимь* [s'iz'im] 'Семь' [Свод 1833: 3, 9, 14].

3. Велярность конечных согласных, согласных середины слова обозначается последующим *ъ* (ер), например: *Цилекъянь* [cil'ekjan] 'молния', *Лулъгажамь* [lulgaʒam] 'душевный', *Куанерь* [kuan'er] 'бѣдный, скудный' [Словарь 1816: 2, 17, 19]; *селиктёмь* [s'elikt'em ~ ? s'elikt'em] 'безгрѣшный', *ескѣкѣнь* [eskon ~ ? eskon] 'блеботина', *толлён* [tollen] 'зимний' [Словарь 1820: 1, 2, 18]; *Урь-бо* [urbo] 'Блоха (точнее: клоп. – Л. И.)', *Инъ-марь* [intar] 'Богъ', *шерь* [ʃer] 'Брусъ' [Свод 1833: 1, 2, 3].

2.6.2. Текстовые памятники

В первой половине XIX века появляется печатная литература на удмуртском языке, главным образом, переводная. Эти издания носят в основном религиозный характер и опубликованы на разных наречиях удмуртского языка (глазовском и сарапульском). Правда, язык этих памятников нельзя соотнести с определенным территориальным диалектом, поскольку переводчики и составители при их написании не ограничивались отражением какого-либо одного диалекта, а, как правило, приводили междиалектные дублеты.

Появление объемных текстов – переводов источников христианского просвещения на различных языках Уральско-Поволжского региона, в том числе на удмуртском – обусловлено, в первую очередь, желанием деятелей церкви распространить свое влияние на неграмотное нерусское население глубинки России с целью приобщения их к своей вере.

По этому поводу А. И. Кузнецова писала: «...большинство финно-угорских и самодийских народов в России, а так же некоторые народы и за ее пределами (саамы) были объектом миссионерской деятельности: изучение языка инородцев в России было связано с желанием распространения христианства, хотя усилиями отдельных энтузиастов (как русских, так и носителей языка) нередко преследовались и просветительские цели, для достижения которых создавались небольшие словарики и учебные пособия» [2000: 97]. Переводы на удмуртский язык первой половины XIX века были немногочисленны. Многие из них, составленные на территории распространения определенных диалектов, оседали в различных архивах, небольшая часть была издана в Казани – Азбуки и Евангелия на глазовском и сарапульском наречиях удмуртского языка: «Господа нашего Иисуса Христа Евангелія отъ св. евангелистовъ Матѳея и Марка на рускомъ и вотякскомъ языкахъ, Глазовскаго нарѣчія» [Еванг. Гл. Мтф.], [Еванг. Гл. Марк], «Господа нашего Иисуса Христа Евангелія отъ св. евангелиста Матѳея на рускомъ и вотякскомъ языкахъ, Сарапульскаго нарѣчія» [Еванг. Сар.], «Азбука, составленная изъ Россійскихъ, церковной и гражданской печати, буквъ, для обученія вотскихъ дѣтей чтенію на ихъ нарѣчіи (По Глазовскому)» [Азбука Гл.], «Азбука, составленная изъ Россійскихъ, церковной и гражданской печати, буквъ, для обученія вотскихъ дѣтей чтенію на ихъ нарѣчіи (По Сарапульскому)» [Азбука Сар.]. Перечисленные памятники автором данной монографии были подготовлены к изданию и опубликованы Удмуртским институтом истории, языка и литературы УрО РАН в двух книгах в 2003 году – [Перв. кн. Гл., Перв. кн. Сар.].

2.6.2.1. Переводы Евангелий

Христианство среди удмуртов, как и у других народов Поволжья, стало распространяться с XVI века, но особо массовый характер христианизация приняла в XVIII веке, когда для новокрещенных царь велел строить церкви за счет царской казны и готовить священников из среды удмуртов. Новообращаемые были обнадужены льготами в податях и повинностях. Деятельность церкви и правительства по обращению удмуртов в христианство в середине XVIII века сопровождалась заметными результатами: в какие-нибудь два десятилетия удмурты, в течение целых столетий знавшие и признававшие только языческий культ, были окрещены. Казалось бы, задача была выполнена. Однако, после крещения удмуртов Синоду и правительству предстояло выполнить другую задачу, еще более трудную,

чем первая: утверждение новообращенных в христианской вере. Для решения этой задачи Синод предписал архиереям перевести на удмуртский язык Символ веры, десятословие, церковные молитвы и катехизис и представить для проверки в Синод. В 1803 году первые удмуртские переводы были представлены в Синод вятским епископом Амвросием, однако почему-то были оставлены без внимания.

В 1818 году были открыты Вятский и Казанский Комитеты Российского Библейского Общества, которые с самого же начала занялись вопросами христианского просвещения и издания удмуртских переводов Евангелий. Это Общество своей главной задачей ставило распространение переводов Священного Писания среди различных народов на их родных языках. Для решения этой задачи нужны были образованные люди из среды коренных народов. По мнению М. Г. Атаманова, такие люди были: «Левандовский (инициалы не отмечены. – Л. И.) – образованный вотяк, хорошо знающий свой родной диалект, был первым, кто взялся за перевод Священного Писания на язык своих соплеменников. В 1820 году он отослал Библейскому Обществу образец перевода первых десяти глав Евангелия от Матфея с предложением продолжить его, если они [сотрудники Библейского Общества. – Л. И.] сочтут это необходимым. Комитет Библейского Общества, в свою очередь, предложил Левандовскому продолжить начатую работу и передать перевод священникам, знающим язык» (цитируется по: [Атаманов 2006: 14]).

Согласно «Известиям о Библейских Обществах», работа над переводами Евангелий была разделена на две части: перевод Евангелия от Матфея и Марка был поручен «протоіерею с. Святицкаго А. Шкляеву, протоіерею г. Глазова П. Платунову, священникамъ с. Уканскаго Н. Невоструеву и Н. Утробину, с. Балезинскаго – С. Анисимову, с. Еловскаго – З. Кротову и Глазовскому 2-й гильдии купцу (изъ вотяковъ) Ивану Волкову; переводъ Евангелія отъ Луки поручень священникамъ с. Можговъ Іоанну Анисимову и с. Алнашь Стефану Красноперову, а Евангеліе отъ Іоанна – священникамъ с. Дебесь Павлу Тронину и с. Балезинскаго Стефану Анисимову» [Лупповъ 1911: 17]. Таким образом, работа над переводами была поручена нескольким священникам, а значит, первые удмуртские книги – это в какой-то мере результат коллективного труда (см. также [Шутов 1997: 216]).

Первые Евангелия (от Матфея и Марка) были переведены ранее двух остальных. Исполненный перевод прочитывался во многих удмуртских селениях и после того, как признавался повсеместно для удмуртов понят-

ным, принималось постановление Комитета об «отпечатаніи его въ 2000 экземпляровъ» [Лупповъ 1911: 8]. Однако в силу некоторых обстоятельств, а именно, оставление Амвросием Вятской Епархии, епархиальные власти благословили к печати лишь в конце 1823 года. Первые семь страниц напечатанного Евангелия от Матфея в канун Рождества Христова были разосланы в 27 приходов Вятской епархии, чтобы священники во время службы читали Евангелие и на славянском, и на удмуртском языках. 25 декабря 1823 года впервые в истории Удмуртского края зазвучали переводы фрагментов Библии. Благоприятные отзывы от чтения удмуртских переводов вызвали заботу о скорейшем приготовлении к печати перевода остальных Евангелий. В начале 1824 года и эти переводы были представлены в Санкт-Петербургский Комитет Библейского общества. Разрешения на его издание не последовало, а начавшееся печатание Евангелий от Матфея и Марка было приостановлено. В скором времени в Комитет были представлены рукописи удмуртских переводов Евангелий от Луки и Иоанна. В 1826 году Библейское общество по указу Николая I было закрыто, а удмуртские переводы Евангелий остались в рукописях.

В сентябре 1838 года переводы Евангелий (от Матфея и Марка) были возвращены Вятскому Епархиальному Ведомству с предписанием Синода – поручить кому-нибудь из духовенства тщательным образом проверить и исправить погрешности и неточности против славянского текста и в копиях разослать священникам некоторых удмуртских приходов для прочтения удмуртам. Если перевод будет им понятен, то предоставить его обратно в Синод.

Этим указом Синода для Вятского Епархиального Ведомства началось большое дело по проверке и печатанию переводов, «продолжавшееся свыше 11 лѣтъ» [Лупповъ 1911: 215]. Рассмотрение переводов было поручено священнику с. Балезино Глазовского уезда Петру Редникову, который заметил, что Евангелия переведены на разные наречия удмуртского языка, а именно: Евангелие от Матфея – на сарапульское наречие, а Евангелие от Марка – на глазовское. Для единства перевода П. Редников перевел и первое Евангелие на глазовское наречие, и свой перевод, а также Евангелие от Марка прочитывал перед удмуртами Глазовского уезда, а Евангелие от Матфея (сарапульского наречия) отправил сарапульскому миссионеру. При проверке и этот перевод оказался понятным удмуртским прихожанам. Ввиду этого преосвященный просил разрешения Синода напечатать оба перевода. На запрос о количестве экземпляров, сделанный в 1843 году Синодом, преосвященный сообщил, что перевод на глазовском наречии

(то есть Евангелия от Матфея и Марка. – *Л. И.*) «желательно отпечатать в 500 экземплярах, а перевод на сарапульском нарѣчїи (Евангелие от Матфея. – *Л. И.*) в 700 экземплярах» [Лупповъ 1911: 216] (по 10 экземпляров на каждую 1000 населения).

В 1844 году Консистория разрешила печатать переводы в указанном вятским епископом количестве в Казани, в типографии Императорского Университета. По ее мнению, здесь можно было найти людей для наблюдения за печатанием и просмотра корректуры. Но после разрешения печатания переводов прошло полгода, и лишь в 1845 году Правление Казанского Университета поставило в известность Консистирию, что распоряжения по печатанию отданы. Корректурa была возложена «на учителя Казанской духовной семинарии Никандра Капачинскаго» [Лупповъ 1911: 217]. Ссылаясь на свою болезнь и занятия в семинарии, Н. Капачинский отказался от корректирования перевода, поэтому печатание снова было приостановлено.

Вятская Консистория предложила командировать в Казань для корректирования перевода казначея Вятского Успенского Трифонова монастыря иеромонаха Климента, о чем и было сообщено Синоду. В 1846 году Синод на это предложение дал свое согласие. Однако Климент в то время занимался корректурой «Начатков христианского учения», поэтому печатание вотских переводов началось лишь в 1847 году и на первых порах шло очень медленно из-за недостатка наборщиков или типографских материалов. Климент был вынужден послать Вятскому епархиальному начальству жалобу на медлительность типографии, просил возложить издание «Начатков» на другую типографию. Но Консистория не приняла действенных мер, поэтому печатание переводов Евангелий от Матфея и Марка закончилось, согласно П. Н. Луппову, лишь «через два года» [Лупповъ 1911: 222], то есть в 1849 году. Таким образом, работа над переводами Евангелий на удмуртский язык и их изданием продолжалась более четверти века (1818–1849 гг.).

Что касается Евангелий от Луки и Иоанна, они не были изданы и остались в виде рукописи. В настоящее время их тексты хранятся в Санкт-Петербургском Филиале Архива РАН (Евангелие от Луки – фонд 94, опись 1, дело № 245, 31 лист; Евангелие от Иоанна – фонд 94, опись 1, дело № 244, 61 лист). Как было отмечено выше, Евангелие от Луки также было переведено на два наречия удмуртского языка – сарапульское и глазовское. Согласно П. Н. Луппову [Лупповъ 1911: 11; 284; 392], в 1823 году Вятский Комитет Библейского Общества поручил

Иоанну Анисимову – священнику с. Укан – перевести на удмуртский язык, то есть на глазовское (северное) наречие, Евангелие от Луки. Также перевод этого Евангелия на сарапульское (южное) наречие был поручен священнику с. Алнаш С. Красноперову. В нашем исследовании мы не подвергаем лингвистическому анализу вышеотмеченные рукописные Евангелия по двум причинам: во-первых, копии их были получены нами тогда, когда настоящая монография была уже сверстана, и, во-вторых, Удмуртский институт истории, языка и литературы, где была подготовлена эта книга, планирует издать рукописи Евангелий от Луки и Иоанна.

Перевод Евангелий на удмуртский язык был сложнейшей деятельностью для переводчиков и редакторов, так как им пришлось проделать «...огромную работу в поисках лексических, морфологических и синтаксических эквивалентов для адекватной передачи русскоязычного материала и выработке определенных норм удмуртского письма» (цитируется по: [Кельмаков 2008: 50]).

Печатные издания и рукописи этих Евангелий послужили источником для написания фундаментальных теоретических и практических трудов XIX столетия – грамматики удмуртского языка [Wiedemann 1851: 8], статьи об удмуртских диалектах [Wiedemann 1858: 224]. Материалы Азбук и Евангелий также были использованы при составлении первого объемного словаря удмуртского языка Б. Мункачи (см. об этом: [Munkácsi 1896: XII–XIV]).

2.6.2.2. Азбуки

Азбука на глазовском наречии была составлена священником Иваном Анисимовым, на сарапульском – Григорием Решетниковым, о чем сообщается в конце каждой из книг: «Азбуку составил и Священную Историю съ Катихизисомъ переложилъ на вотякскій языкъ Миссіонеръ Малмыжскаго округа уканскій священникъ Иоаннъ Анисимовъ» [Азбука Гл. 168], «Священную Историю и Катехизисъ переложилъ на Вотякскій языкъ Сарапульской округи села Нылгижикья Христорожественской церкви священникъ Григорій Рѣшетниковъ» [Азбука Сар. 190]. Кроме того, на последней странице каждой Азбуки сообщается имя корректора: «Корректоваль и опечатки сія выбираль Вятскаго Успенскаго Трифонова Монастыря Казначей Иеромонахъ Климентъ» [Азбука Гл. 174; Азбука Сар. 192].

Азбуки начинаются с алфавита из заглавных и строчных (церковнославянских и русских) букв. Далее представлены слоги из двух-трех букв и удмуртские слова, состоящие из одного, двух, трех и более слогов. В конце каждой книги даются образцы спряжения, наклонения и временных форм удмуртских глаголов, а также причастия настоящего времени и деепричастия. Инфинитив назван автором неопределенным наклонением. Основную часть Азбук составляют сокращенные переводы Священной Истории и Катехизиса. На всех словах в удмуртской части издания проставлено ударение.

Анализируя тексты оригинала (на церковнославянском языке) и переводов из Азбук, нельзя не заметить, что удмуртская часть максимально приближена к оригиналу, то есть предложения очень часто переведены дословно с соблюдением порядка слов в русской части. Это особенно заметно на «глазовском» издании. Однако в книге «на сарапульском» наречии перевод осуществлен на более высоком уровне: конструкции удмуртских предложений в основном отвечают требованиям удмуртского синтаксиса. Возможно, даже из-за этого объем Азбуки на сарапульском наречии получился на 21 страницу больше, по сравнению с Азбукой на глазовском.

2.6.2.3. Графические особенности Евангелий и Азбук

В тот период, когда переводились Евангелия, установка Синода требовала соблюдения точности текста подлинника, поэтому переводчики максимально старались сохранять конструкции и даже орфографические особенности оригинала. Как было упомянуто выше, в начале обеих Азбук представлен алфавит, состоящий из 36 букв:

Аа	Бб	Вв	Гг	Дд	Ее	Жж	
Gg	Зз	Ии	Іі	Кк	Лл	Мм	
Нн	Оо	Пп	Рр	Сс	Тт	Уу	
Фф	Хх	Цц	Чч	Шш	Щщ	Ъъ	
Ыы	Ьь	Ѣѣ	Ээ	Юю	Яя	Ѧѧ	Vv

[Азбука Гл. 2; Азбука Сар. 2].

Нами на основе исследования материалов переводов Евангелий и Азбук составлен несколько отличающийся алфавит, который содержит 41 букву и буквосочетание:

Аа	Дж/дж	Ии	Нн	Уу	Чч	Ѣѣ
Бб	Дз/дз	Іі	Оо	Ув/ув	Шш	Ээ
Вв	Ее	Йй	Пп	Фф	щ	Юю
Гг	ію, ію, ію, ію	Кк	Рр	Өө	ь	Яя
Gg	Жж	Лл	Сс	Хх	Ыы	ѵ
Дд	Зз	Мм	Тт	Цц	ь	

По своей конфигурации и строению буквы предложенного алфавита можно подразделить на следующие группы:

1) буквы русского алфавита, сохранившиеся в современном удмуртском письме до наших дней: Аа, Бб, Вв, Гг, Дд, Ее, Жж, Зз, Ии, Йй, Кк, Лл, Мм, Нн, Оо, Пп, Рр, Сс, Тт, Уу, Фф, Хх, Цц, Чч, Шш, щ, ь, Ыы, ь, Ээ, Юю, Яя;

2) специфические знаки, представляющие собой буквы кириллицы, латиницы или греческого алфавита: Іі, Өө, ѢѢ; Gg; ѵ;

3) сочетания букв первой и второй групп: Дж/дж, Дз/дз, ію, ію, ію, (ію), Ув/ув.

По поводу использования в удмуртских словах латинской буквы **g** в Азбуках написано: «Поелику немногіе Вотяки, и тѢ весьма рѣдко произносят букву Г; а всегда почти, по свойству ихъ языка употребляютъ g; для того сія латинская буква g по необходимости въ сей азбукѢ и помѣщена» [Азбука Гл. 2, Азбука Сар. 2]. Однако ни в переводах текстов Священной истории и кратком катехизисе, ни в одном из Евангелий данная графема в удмуртских словах не обнаружена.

Буквы кириллицы **ө**, **ф**, **х** и **щ**, а также греческая **ѵ** в исконно удмуртских словах не встречаются, а наличествуют только в заимствованной из русского или через русский язык лексике, оригинал которой писался через эти графемы, напр.: *Озія-лѣсь вордскіъ Іоафамъ* [joafam] 'Озія родилъ Іоафамъ' [Еванг. Гл. Мтф. 2] (номера страниц даются по оригиналам памятников); *Чукна суббота берѣ первой нуналѣ, кудыѣзь та дыръя шуискѣ Воскресенья, кѣнядоскѣ кышнодѣ шонѣръ выльѣсь улысьѣосъ мынѣзы коросъѣзь-дорѣ Господѣ Іусуслѣнѣ, зыранѣ-понна мугоръѣ Солѣсь мвроѣнѣ* [tiroen], *маѣ зъвъѣз лесьтынѣи уватѣмъ-дыръя*. 'По утру въ первый день по субботѣ, который нынѣ называется Воскреснымъ, нѣкоторыя благочестивыя жены пошли ко гробу Господа Іисуса, чтобы помазать тѣло Его мвромъ, чего не успѣли сдѣлать при погребеніи' [Азбука Гл. 107]; *Іаковъ-лѣсь ношѣ вордскіъ Іосифѣ, Марія-лѣнѣ картѣ, кудысьтѣиъ вордскіъ Іусуѣ, ниматѣмъ Христосѣ* [xristos]. 'Іаковъ родилъ

Иосифа мужа Маріи, отъ которой родился Исусъ, называемый Христосъ' [Еванг. Сар. 4]; *Ась нимзы соослэнъ вылэмъ: Пётръ, Андрѣй, Іаковъ, Іоаннъ, Филипъ [fil'ip], Варѳоломѣй [varfolomej], Матѳеѣй [matfej], Ѳомѣ [fota], Іаковъ Алфейлэнъ, Сѣмонъ, Зилотлэнъ, Іуда Іаковлэнъ, Іуда-но Искаріотской, кудизъ бервылázъ шайтанъ сурамэнъ Христосэзъ вузась луйзъ.* 'Имена ихъ суть сии: Петръ и Андрей, Іаковъ и Іоаннъ, Филиппъ и Варѳоломей, Матѳеѣй и Ѳома, Іаковъ Алфеевъ и Симонъ Зилотъ, Іуда Іаковлевъ и Іуда Искаріотскій, который послѣ сдѣлался предателемъ' [Азбука Сар. 92].

Определенные трудности для переводчиков представляло обозначение специфических удмуртских звуков и их комплексов средствами русской графики. Из особенностей графики удмуртской части данных памятников необходимо отметить следующие:

1. Своеобразная удмуртская гласная среднего подъема среднего ряда *ö* (*e*), отсутствующая в русском языке, в большинстве случаев обозначается буквами *э* (*э*) или *е* (*о* – в текстах на глазовском наречии), напр.:

Еванг. Гл. Мтф.: *Кэльтысà-но Назареть-эзъ, лыктызъ, кутскіизъ-но улыны заридъ-возынъ [zariž vezin] Капернаумъ карынъ, Завулонъ-лэнъ Нефѳалимъ-лэнъ-но іорсазъ.* 'И оставивъ Назареть, пришелъ, и сталъ жить въ приморскомъ городѣ Капернаумѣ, въ предѣлахъ Завулоновыхъ и Нефѳалимовыхъ' (с. 18); *Усизъ-но зоръ, шурь-іосъ-но вэлдскиллям [vełdskil'lam], тэлъіосъ-но потыллямъ, со юртълъ-но пыкыськыллямъ, погразъ но; пограмэзъ-но солэнъ зекъ валь.* 'Пошелъ дождь, и разлились рѣки, и подули вѣтры, и налегли на домъ тотъ; и упалъ и паденіе его было великое' (с. 45); *Тани, ацимэсъ пырыськдмъ Іерусалимэ, адямі Пино сіотэмьинъ лудзъ экънопъіосълы (весьасабаіосъ-лы [ves'asabajoslj]) книга тодысьіосъ-лы-но; вины-но Соэ кенешъ карозы.* 'Се, входимъ въ Іерусалимъ, и Сынъ человѣческій преданъ будетъ первосвященникамъ и книжникамъ; и осудятъ Его на смерть' (с. 153);

Еванг. Гл. Марк: *Чукна чукъ, султысà, потыизъ, мынызъ-но калыктэмъ интиазъ, отынъ-но вояськыизъ [ves'as'kiz ~ vos'as'kiz].* 'По утру же весьма рано, вставъ, вышелъ; и пошелъ въ уединенное мѣсто, и тамъ молился' (с. 7); *Сіотцязы-но Солы вина юины смурнаэнъ; Сò бенъ эзъ-басъты [ez bas'tj]* 'И давали Ему пить вино со смурною; но Онъ не принялъ' (с. 126–127);

Азбука Гл.: *Сизимэтиазъ нуналэ Инмаръ дугдызъ воць Ась ужъіосълэсъ, карыизъ-но сое святой, маръ увань, тупатыизъ ози, медъ адямі сизимэти нуналъзэ кэльтдзъ нимазъ Инмаръ-лы воясьскины*

[ves'as'k'ini ~ vos'as'k'ini] *понна*. 'Въ седмый день Богъ почиль отъ всѣхъ дѣлъ Своихъ, и освятиль его, то есть, учредиль такъ, чтобы человекъ седмый день посвящаль особенно на служеніе Богу' (с. 18); *Та вѣсь* [ves'] *валь алозѣ тодѣмълы понна, либо кэче-кэ азвѣль тусъ соче-лѣсь, кизи сизѣмъ дунѣ калыкълѣнъ Мозтѣсь ацизъ ассѣ сѣотозъ кулонълы, мозмытонъ понна адыми-юѣсѣсѣ шайтанъ воземълѣсь селыкълѣсь-но* [s'el'ikles' no ~ ? s'el'ikles' no]. 'Жертва сія была прообразованіемъ, то есть нѣкоторымъ предварительнымъ образомъ и подобіемъ того, какъ обѣщанный Спаситель міра долженъ былъ принести самаго себя въ жертву, для избавленія человекъ отъ рабства діавола и грѣха' (с. 43); *Христіанствоэзъ тужъ жогѣнъ вѣлдскіэзъ* [vɛldskiz ~ ? veldskiz] *настанâ улонъ дунѣэтъй: унд интѣосынъ бенъ цидальязъ унд іортѣмъюѣсѣсѣ Іудейюѣслѣсь язычникъюѣслѣсь-но*. 'Христіанство съ чудесною скоростію распространилось по всей вселенной: но во многихъ мѣстахъ претерпѣвало многія гоненія отъ Іудеевъ и язычниковъ' (с. 118);

Еванг. Сар.: *Тани, Нѣль кѣто* [keto] *лудъзъ, вайозъ-но пѣ, понѣзы-но нимъ Солѣ: Еммануиль, музонъ-сямѣнъ, милемѣнъ Инмаръ*. 'Се, Дѣва во чревѣ приметъ, и родить сына, и нарекутъ Ему имя Иммануиль, что значить: съ нами Богъ' (с. 5); *Кварâ Рâмаинъ кылыськѣмъ валь, бѣрдонъ* [berdon], *церекъянъ, бадзімъ кесяськѣнъ-но*. 'Гласъ въ Рамѣ слышанъ, плачь и рыданіе и вопль великій' (с. 10);

Азбука Сар.: *Шайтанъ асъ уродъ лувэмзѣ адзисâ, вожьяскіэзъ дзѣцьшудѣ улэмзылы адымиослѣнъ: шудтѣмъ со кâдикъ мѣдъ лувозъ-шусâ адымиѣзъ эрекцясâ* [erekcâsa ~ ? erekcâsa] *пѣязъ* [pejaz]. 'Діаволь позавидоваль блаженству человекъ: и чтобы лишить ихъ онаго, употребиль хитрость' (с. 23); *Попѣюсь пѣлынъ* [pejin] *кыктѣт-ѣ Іерусалимской церклѣнъ, кинкѣ со Захарія нимѣ вылѣмъ*. 'Между Священниками втораго храма Іерусалимскаго былъ нѣкто, именемъ Захарія' (с. 78).

2. Анлаутное сочетание йѣ- (je-) или йэ- (je-) обозначено буквами ѣ, е или э:

Еванг. Гл. Мтф.: *Сокѣ Со, ѣтскисâ* [jetskisa ~ ? jetskisa] *синъюѣслѣи соосъ-лѣнъ верâзъ соосъ-лѣи: оскѣмѣдѣя тилѣдъ мѣдъ лудъзъ тилѣдъ-лѣи*. 'Тогда Онъ [Иисус. – Л. И.], прикоснувшись къ глазамъ ихъ, сказалъ: по вѣрѣ вашей, да будетъ вамъ' (с. 60); *Калыкъ-но энзѣ* [jenze ~ ? jenze] *иштѣсâ вераллязъ: ненѣкуно тачѣэзъ адзѣммы эйвалъ Израелинъ*. 'И народъ, удивляясь говорилъ: никогда сего не видали во Израили' (с. 61);

Еванг. Гл. Марк: *Ятыръ бѣкъ бурмытызъ, сѣкемъ, что кыллѣсьюѣс дыртысâ термылызы, Со-бордѣ ѣтскины-понна* [jetskini ponna ~ ? jetskini ponna]. 'Ибо многихъ исцѣлилъ [Иисус. – Л. И.]; такъ что одержимые не-

дугами бросались на Него, дабы прикоснуться къ Нему' (с. 17); *Энзэ* [jenze ~ ?jenze] *но иштмылызь союось-лэнъ осконтэмъ-лы.* 'И дивился невѣрю ихъ [Иисус. – Л. И.]' (с. 38);

Азбука Гл.: *Воць-но таё этсконэнъ* [jetskonen ~ ? jetskonen] *гинё лесьтызь кылээнъ-но, кудъ-дырря ношь этсконьтэкъ-но, огь кылээнъ.* 'И все сіе дѣлалъ [Иисус. – Л. И.] только прикосновеніемъ и словомъ, а иногда, и безъ прикосновенія, однимъ словомъ' (с. 92);

Еванг. Сар.: *Тэльмырѣзы-но Со-лы, медь гинэ косозъ ѣтскины* [jetskinj ~ ? jetskinj] *Ась дысь дуразъ; ѣтски[съ]юось* [jetskis'jos ~ ? jetskis'jos] *бонъ бурмызы.* 'И просили Его, чтобы только позволили прикоснуться къ краю одежды Его; и тѣ, которые прикасались, исцѣлялись' (с. 111);

Азбука Сар.: *Сіотказь Со висисьюсьлы бурмэмзэсь, синтэмьюсьлы адземзэсь, пельтэмьюсьлы кылэмзэсь, кылтэмьюсьлы вераськемзэсь, кулэмьюсьлы улземзэсь: воць озі лэсьтэмэзь бордазь гынэ этскыса* [jetskisa ~ ? jetskisa], *либо одигъ кылынызь гынэ бордазь этскытэкъ.* 'Онъ давалъ больнымъ здравіе, слѣпымъ зрѣніе, глухимъ слухъ, нѣмымъ языкъ, умершимъ жизнь: и все сіе дѣлалъ только прикосновеніемъ и словомъ, а иногда и безъ прикосновенія, однимъ словомъ' (с. 98).

3. Для передачи анлаутного *ы* (*j*) использована буква *и*:

Еванг. Гл. Мтф.: *Сокы Иродъ адзиса Нодомуртьюсь-лэсь Серэмъ карэмъ-эзь, тужь вожь-зэ вайзь, исьтызь-но* [istiz no] *вины Вифлеемынъ, вицякъ котыръ іорсазь-но солэнъ, вицякъ уванъ пиюсь-мурть пиналь-юсь кыкъ арэ вуэмъ-зэсь, покциюсь-сэ-но солэсь, ванумъ ласянь, кудзь-зэ юваса тодызь Нодомурть-юсь-лэсь.* 'Тогда Иродъ увидя, что онъ осмѣянь отъ Волховъ, весьма разгнѣвался, и послалъ избить въ Вифлеемѣ и во всѣхъ прѣделахъ Его, всѣхъ мужескаго пола отъ двухъ лѣтъ и ниже, по времени, которое вывѣдалъ отъ Волховъ' (с. 9); *Мынэ бенъ бырэмъ ижъ-юсь-дорэ* [izjos dore] *Израиль юртълэнъ.* 'А идите къ погибшимъ овцамъ дому Израилева' (с. 63);

Еванг. Гл. Марк: *Кечё гожьямынъ валь Пророкъ-юсьлэнъ, уваллютодысьюсьлэнъ: тань, Монъ истыськѣ* [istis'ko] *Воришудъ-мэ Тынадъ бамъ-азядъ, кудызь азьлѣ дасятозъ Тынадъ сюрэсьтэ.* 'Какъ написано у пророковъ: се, Я посылаю вѣстника Моего предъ лицемъ Твоимъ, который уготовитъ путь Твой предъ Тобою' (с. 1);

Азбука. Гл.: *Содсь пыртылызы ась веразъ Еврейюсьсэ-но: таити ношь содсь иштмылѣ* [istijo] *валь Инмарьлэсь дзецкыдэзэ юртсконьзэ-но.* 'Они вовлекали въ язычество и Евреевъ: а чрезъ то сіи лишались благодати и помощи Божіей' (с. 55);

Еванг. Сар.: *Истысà-но* [istisà no] соосызъ Вифлеемè верàзь: мынысà умойгёмъ тодэ нуны-ласянь, шеттодыкэ Соè, иворь карэ мынымъ, мөн-но мынысà юбыртысаль Солы. 'И пославь ихъ въ Вифлеемъ, сказалъ: подите, тщательно развѣдайте о младенцѣ; и когда найдете Его, извѣстите меня, чтобъ и я пошелъ поклониться Ему' (с. 7); *Сакъ улэ алданци пророкъ-юось-лэсь, ижъ-ку* [izku] дисьюсынь, пучказы бонь талась кийонъ-юось соось. 'Берегитесь лжепророковъ, которые приходятъ къ вамъ в овечей одеждѣ, а внутри суть волки хищные' (с. 42);

Азбука Сар.: *иргонь* [irgon] 'мѣдь' (с. 11); *Од-игъ та югытъ лулъ бонь кэняосынкэ со улàзь вылэмъюсынь, санэпэнымтэ луизъ вордэмъ Инмарлэнъ дзэцъ эрыкэзлы: со пэнна бонь беренъ талàзь Инмаръ солэсь югытъ святой чинзэ, озй* *иштысà* [istisà] чинзэ бонь урòдъ карны малпась лулъ луйзъ со. 'Одинъ изъ сихъ свѣтлыхъ духовъ, съ нѣкоторыми подчиненными ему духами, имѣлъ дерзость выйти изъ послушанія всеблагой воли Бога Творца своего: и чрезъ то лишился дарованнаго ему свѣта и блаженства, и сдѣлался злымъ духомъ' (с. 22).

В Евангелии от Матфея на обоих наречиях и в Азбуках встречаются примеры с начальным **ы**, сходные с написанием современной удмуртской орфографии:

Еванг. Гл. Мтф.: *Матэктыськò Мынымъ та адямюсь ась* *ымыны-зы* [imɨnɨzi], *сыкарò-но Монэ кылынъ; сюлэмъ-зы бенъ соосълэнъ кыдиокынъ мынэсьтымъ.* 'Приближаются ко Мнѣ люди сии устами своими, и чтутъ Меня языкомъ; сердце же ихъ далеко отстоитъ отъ Меня' (с. 112); *Монъ истэмынь бырэм-ыжъ-юось-дорэ* [izjos dore] *Израиль гинэ юртъ-лэнъ.* 'Я посланъ только къ погибшимъ овцамъ дома Израилева' (с. 116);

Азбука Гл.: *Авель луйзъ* *ыжъживотъ-эзь* [jž životez] *возмась.* 'Авель сдѣлался пастыремъ овецъ' (с. 25); *Курьськомъ Солэсь юртсконъзэ со-вылэ, медъ цилкытэнъ возиськомъ ми Святой нимъзэ Солэнъ визь-инъ, и* *ымынъ-но* [imɨn no] *веральялómъ: со-сямённыкъ нóшь медъ святой ужъюсынь улэмэнъ-но дасъ луómъ пастанà сютыны мадиозэ Солы адямюсь-кусынь.* 'Просимъ Его [Бога. – Л. И.] помощи на то, чтобы намъ съ благоговѣниемъ содержать Святое имя Его въ умѣ, и произносить устами: а также чтобы святыми дѣлами и жизнию способствовать къ распространению славы Его между человекaми' (с. 147–148);

Еванг. Сар.: *Со бонь верязь: энэ;* *ычкысà* [ičkɨsà] *пукро-эзь, со-инъ валсе медàзь* *ычкыськы* *валь цябей-но.* 'Но онъ сказалъ: нѣтъ; чтобы выдергивая плевелы, не выдергать вмѣстѣ съ ними и пшеницы' (с. 96); *Медъ тупалозъ пророкъ-лэнъ верямъ-эзь, озй верясь-лэнъ: мадиськонъ-*

іосынъ ымъ-ме [imte] устьо, ватэмэзъ подто дуньё лэсьтэмъ тырысь. 'Да сбудется сказанное пророкомъ, который говорить: отверзу въ притчахъ уста мои, изреку сокровенное отъ созданія міра' (с. 98);

Азбука Сар.: *Всяськѣмъ празникъ пасха (азьла пала) ози вылѣмъ, вандыса ѡжпиезъ [iʒpijez] тэгиззѣ Инмаръ-азинъ, визьмо-ладѣнъ, цирсамтѣ няненъ валсѣ курытъ туруміосынъ сіизы.* 'Празднованіе пасхи состояло въ томъ, что закалали въ жертву непорочнаго, то есть, не имѣющаго никакихъ тѣлесныхъ недостатковъ, агнца, котораго благоговѣнно вкушали съ прѣснымъ хлѣбомъ и съ горькими травами' (с. 44); *Курыськомъ ми Инмарлѣсь юртѣтсѣ, Святой нимзѣ ацмѣ визьмамы цилкытъ-визьмѣ возины, ѡмынымѣ-но [imimim po] всяськонъ дырья востѣмъ-визьмѣ вазылыны, улѣнъ чожамы цилкытъ-визьмѣ зѣцъ карса Святой уженымы-но адыми пэлынь мѣдъ вэлмозъ шуса Святой слѣваезъ Инмарлѣнъ.* 'Просимъ Его [Бога. – Л. И.] помощи на то, чтобы намъ съ благоговѣніемъ содержать Святое имя Его въ умѣ, и произносить устами: а также чтобы святыми дѣлами и жизнью способствовать къ распространенію славы Его между челоуѣками' (с. 161).

4. Анлаутное сочетание йи- (ji-), как правило, передается буквой и (i):

Еванг. Гл. Мтф.: *Курэ, сіотскѣзъ-но тиледъ-лѣ; кѣшкэ, шеттодыно; ѡгалэ [ji gale], утскѣзъ-но тиледъ-лѣ.* 'Просите и дастся вамъ; ищите и найдете; стучитесь, и отверзется вамъ' (с. 40); *Кватъ нунѣль орцѣмъ берѣ басьтызъ Исусъ Петръ-ѣзъ, Іаковъ-ѣзъ Іоаннъ-ѣзъ-но вынъ-зѣ солѣнъ, тубытызъ-но соосъсѣ-гинѣ джужйтъ гурѣзъ-илѣ [gurez' jile].* 'По прошествію шести дней взялъ Исусъ Петра, и Іакова, и Іоанна брата его, и возвелъ на гору высокую однихъ' (с. 127);

Еванг. Гл. Марк: *Сѣ бенъ ныжъ-берѣзъ цралтѣсь-вылынь [jiraltes vilin] изѣ вѣль; сайстыса Соэ вералѣ Солы: Дышетьсьѣ! цыкъ-а Тынѣдъ кеберъѣдъ эвиль? ацимѣзъ бырыськомъ-бенъ-угъ.* 'А онъ [Иисус. – Л. И.] спалъ на кормѣ на возглавіи; и будятъ Его, и говорятъ Ему: Учитель, какъ Ты не заботишься, что мы погибнемъ' (с. 28);

Еванг. Сар.: *Ми бонъ адзімы кизлизѣ Солѣсь шунды джужанъ-паланъ, лыктимы ѡбытынѣ-но [jibirtiin po] Солы.* 'Ибо мы видѣли звѣзду Его [Иисуса. – Л. И.] на востокѣ и пришли поклониться Ему' (с. 6); *Сокы басьтѣ Соэ шайтанъ святой Карѣ, пунктѣ-но Соѣ церклѣнъ липѣтъ ѡлазъ [jilaz].* 'Тогда беретъ Его [Иисуса. – Л. И.] диаволь во святыи градъ и поставляетъ Его на кровлѣ храма' (с. 16);

Азбука Сар.: *Та Еврей калыкъ бонъ кулѣмъ беразы Іаковѣнъ Іосифѣнъ-но отынъ улны карысь-кизы, улѣнъ чожазы бонъ тѣжъ уно ѡлызы [jilizi].*

’Евреи оставались тамъ и по смерти Иакова и Иосифа, и весьма размножились’ (с. 40); *Тямысо́й берё вордскемзлэ́нь дуньё Утисьлэ́нь, важйкь шлоуэнызы [jʲlɔcɛnʲɪzʲ] пумы́зь вандэмы́нь ва́ль Солэ́нь: нымъ-но пэн-ызы́ Солы́ Исусъ, Архангыль вера́мь сяе́нь, вордскемзлэ́сь азвѣль.* ’Черезъ восемь дней по рождении Спасителя, Онъ былъ обрѣзанъ по обычаю ветхозавѣтному; и наречено Ему имя: Исусъ, назначенное Ангеломъ, еще прежде зачатія Его во чревѣ’ (с. 84).

В Азбуке на глазовском наречии звукосочетание *йы-* всегда передается буквой *ю*: *Оды́гь Инмарь святой Троицайн юбырьямь [jʲbʲirjɑt] увань пумтэ́мь, кудызылэ́нь вылэмьлы́ не кутсконьэ́зь, не-пумы́зь эвэ́ль, пракъ бенъ ва́ль, увань луо́зь но.* ’Единъ Богъ во святой Троицѣ поклоняемый есть вѣчень, т. е. не имѣетъ ни начала, ни конца своего бытія, но всегда былъ, есть и будетъ’ [Азбука Гл. 16]; *Тямы́сь нуналь орцемъя́ вордскэмъ берё Мозтысьлэ́нь, вандэмы́нь ва́ль пумы́зь Солэ́нь увачкала́ завѣтлэ́нь юлоу [jʲlɔu] кузя́: нимъ но Солы́ понэмы́нь: Исусъ, тупатэ́мь Ангельэ́нь, ноина́ кутскэмьлэ́сь азлэ́нь кэты́нь.* ’Черезъ восемь дней по рождении Спасителя, Онъ былъ обрѣзанъ по обычаю ветхозавѣтному; и наречено Ему имя: Исусъ, назначенное Ангеломъ, еще прежде зачатія Его во чревѣ’ [Азбука Гл. 79].

5. Звук э (е) обозначается:

а) буквой э (э, э):

Еванг. Гл. Мтф.: *Иземьлэ́сь [iz'emlesʲ] сайкиса́ Иосифъ, кары́зь, кызы́ косы́зь солы́ Ангель Инмарь-лэ́нь [inmarlen], басьты́зь-но а́сь кышнэ́зь.* ’Пробудясь отъ сна, Иосифъ поступилъ, какъ повелѣлъ ему Ангель Господень, и принялъ жену свою’ (с. 5); *Со султы́зь, басьты́зь пиналь-зэ́, мумизэ́-но солэ́сь [tutʲɪzɛ no solesʲ], лыкты́зь-но Изра́иль музьемэ́.* ’Онъ всталъ, взялъ младенца и мать Его [Иисуса. – Л. И.], и пришелъ въ землю Израилеву’ (с. 10);

Еванг. Гл. Марк: *Ву-исъ потыку́зь, здру́гь адзы́зь Иоаннъ иньлэ́сь на́сь карыськэмьзэ́, Святой Лулэ́зь-но, дыды́кь ка́дь, Со-вылэ́ уваскись-сэ́ [so vʲilɛ ʲas'kis'se].* ’При выходѣ изъ воды, вдругъ увидѣлъ Иоаннъ разверзающіеся небеса, и Духа, какъ голубя, сходящаго на Него [Иисуса. – Л. И.]’ (с. 3);

Азбука Гл.: *Тупыттэ́мь тэлэ́н [tupʲɪttem tɛlen] люкы́зь Со сѣ́дь заризы́э со́къмь, что Еврейдо́сь орцызы́ кэ́сь пыты́тыи́ солэ́нь, ку ношъ бэрысы́зь пыры́зы Египтянинъдо́сь, зары́зь ву шобырты́зь соосъсэ́, быры́зы-но отцы́ со́дс.* ’Сильнымъ вѣтромъ раздѣлилъ Онъ [Иисус. – Л. И.] черное море, такъ что Евреи прошли по сухому дну его, а когда за ними вступили Егип-

тяне, море покрыло ихъ, и они потонули' (с. 42); *Огпóль, ку содсь эзь-шыттэ вузэ* [vuzɛ] *курутэзь лесяна: Инмарь косызь Моисейлы поныны со-пучкы кэчэкэ письпузэ, луизь но со яранó воземьлы.* 'Однажды, когда они [евреи. – Л. И.] не находили воды, кромѣ горькой: Богъ повелѣлъ Моисею положить въ оную нѣкотораго древа, и она сдѣлалась годною къ употребленію' (с. 52);

Еванг. Сар.: *Іоаннь бонь кылысà тюрмійнь Христось-лэнъ ужь ласянь, лэзизь* [lez'iz] *кыкъ дышетскись-сэ.* 'Іоаннь, услышавъ въ темницѣ о дѣлахъ Христовыхъ, послалъ двухъ изъ учениковъ своихъ' (с. 72–73); *Огэзъ* [ogɛz] *усизь йзь-иньті-ось вылэ, кытынъ сдй эжитъ валь, замань-но потызь; суйнь муръ дуымтэ-понна.* 'Иное [семя. – Л. И.] упало на каменистыя мѣста, гдѣ немного было земли, и тотчасъ взошло; потому что неглубоко было въ землѣ' (с. 91);

Азбука Сар.: *Инмарь кыэзь каргэзь, Адамэзь Еваэзь-но Раіу садысь улясà подт-йзъ: музьемэзь-но* [muzjemetɛz no] *эзь-кóзмани вадьлá-кадь тырмытъ удалтэмлы.* 'Богъ проклялъ змія, изгналъ Адама и Еву изъ Рая: и землю съ ея произведеніями лишилъ прежняго благословенія, то есть, прежняго совершенства и довольства' (с. 24); *Сопэнна бонь Инмарь вожэзъ ваисà вераскэмъ кылзэсь* [kylzɛs] *соослэнь сурэзь, куспазы вераскемэзэсь од-йэ-но валамонтэмъ дчожь.* 'Въ наказаніе за сіе, Богъ смѣсилъ языки ихъ [народов. – Л. И.], такъ что они перестали разумѣть другъ друга' (с. 32);

б) буквой е (è, é):

Еванг. Гл. Мтф.: *Іосифъ бенъ* [ben] *картъ солэнь дзевь* [zɛɛ] *мылò кыдò валь, шарà поттытэкъ-но туцкисà, лучкэмъ сойнъ люкыськыны эдыязь.* 'Іосифъ же, мужъ ея [Марии. – Л. И.], будучи добръ и не желая огласить ее, вознамѣрился развестись съ нею тайно' (с. 4); *Изэмлэсь* [iz'emlɛs] *сайкисà Іосифъ, карызь, кызы косызь солы Ангель* [angel] *Инмарь-лэнъ, басьтызь-но ась кышнозэ.* 'Пробудясь отъ сна, Іосифъ поступилъ, какъ повелѣлъ ему Ангель Господень, и принялъ жену свою' (с. 5); *Сокы лыктызь Со-дорэ поясъ, веразэ-но солы: Инмарь-лэнъ кэ пиэзь Тонь, вѣра* [ve-ra], *та изьідсь мэдъ нянь лубозы.* 'Тогда приступилъ къ нему [Иисусу. – Л. И.] искушитель и сказалъ: если Ты сынъ Божій, скажи, чтобы камни сніи сдѣлались хлѣбами' (с. 15);

Еванг. Гл. Марк: *Тынйідъ вераськò: сұлты, увалесь-сэно* [val'esse no] *бастысà гуртадъ кошкы.* 'Тебѣ говорю, встань, возми одръ твой (точнее: его. – Л. И.), и поди въ домъ твой' (с. 11);

Азбука Гл.: *Ангель Инмарьлэнъ лыктызь содсь-азинъ нуналэнь пилемынъ* [pil'emɪn]; *уйнь ношь тыль юбойнь, возматызь-но со-*

осльы сюрэсьсэ. 'Ангель Божій шель предъ ними [евреями. – Л. И.], днемъ въ облакъ, а ночью въ столпъ огненномъ, и показываль имъ путь' (с. 51); Нялтэзь собрэ [sobere], ку лыктызь со Елисавета-дорэ, Инмарь поттызь Елисаветалы [jel'isavetalij] та уватэмэзэ: ниматызь со Маріязэ Муміэнъ Господьлэнъ. 'Вскорѣ послѣ того, когда она пришла къ Елисаветѣ, Богъ открылъ Елисаветѣ сію тайну: и она назвала Марію Матерію Господа' (с. 77);

Еванг. Сар.: *Инмарь-лэнъ Лулынызь-ке Монъ ульяськô шайтанъ-іосъсызь, мыллѣтъ* [mj'l'el] *вуйзь ти-выладъ Инмарь-лэнъ дунье-эзъ. 'А естыли Я Духомъ Божиимъ изгоняю бѣсовъ, то конечно дошло до васъ царствіе Божіе' (с. 85); Ношь тупа Инъ дуньѣ неводъ-лы, заризѣ* [zariz'e] *понэмъ-лы, турлы-но (Глаз. тырь-лы) ціорыгъ-іосызь подтысь-лы. 'Еще подобно царствіе небесное неводу, закинутому въ море, и захватившему рыбъ всякаго рода' (с. 101);*

Азбука Сар.: *Инмарь виисѣзь* [vijis'ez] *каргазъ, Каинъ со тырысь вѣсь дуньейинъ улонъ-чожасть эзь шѣдытны аслызь мылкыдъ буйгамзэ кышкан-тэмъ интизэно. 'Богъ проклялъ убійцу, и Каинъ послѣ того въ цѣломъ мірѣ не находилъ спокойствія и безопасности' (с. 26); Мукэтъ дырья Авраамъ адзизъ сюрэсъ муртъіосызь квиньзэ, адзиса этѣмъ* [et'et] *асъ доразъ кунолы-клы-но читэтскыны-но пэнна. 'Въ другое время Авраамъ увидѣлъ трехъ странниковъ, и позвалъ ихъ къ себѣ, для отдохновенія и угощенія' (с. 34).*

Как можно заметить из перечисленных выше примеров, употребление э после велярных согласных или е после палатальных – для обозначения фонемы э – довольно непоследовательно;

в) буквой ѣ:

Еванг. Гл. Мтф.: *Ози-энъ, марькэ Инмарь увацѣ* [цаѣе] *каризъ адямі медазъ люкъ. 'И такъ, что Богъ сочеталъ, того человекъ да не разлучаетъ' (с. 143); Кйнъкэ ндшь липѣтъ-вылынъ, медазъ уvasькы* [ца-s'kj] *басьтыны марькэ юртысьтызь. 'И кто на кровлѣ, да не сходитъ взять чтонибудь изъ дома своего' (с. 189);*

6. Мягкость согласных перед о и звукосочетание й + о (совр. орф. ё) обозначено сочетаниями графем іо, ію (чаще всего), іѳ или іѳ:

Еванг. Гл. Мтф.: *Верэ но солы: Инмарь-лэнъ кэ Пидэъ тонъ, тѣтци музэ; Гоштэмьинъ бенъ уванъ: Асъ Кылдысинь-іосъ-лы* [kıldis'njoslj] *косозъ утины Тонэ, ки-вылазы-но басьтозы Тонэ, медадъ сапцкы изъ-бордэ пыдэныдъ. 'И говоритъ ему [Иисусу дьявол. – Л. И.]: Если ты сынъ Божій бросься внизъ; ибо въ писаніи сказано: Ангеламъ своимъ заповѣдаетъ о тебѣ, (сохранить тебя), и на рукахъ понесутъ тебя, да не преткнешься о*

камень ногою твоею' (с. 16); *Со бень отвѣтъ сѣотыса* [s'otisa] *веразь: узь яра, нылъ-пилъсь няньзэ (таланы) басьтыны, куштыны-но пуны-ось-лы.* 'Но онъ [Иисус. – Л. И.] сказалъ въ отвѣтъ: несправедливо, отнять хлѣбъ у дѣтей, и бросить псамъ' (с. 116);

Еванг. Гл. Марк: *Бадзімъ попыіось бень валэктѣзы калыкэзь скульво-рыны, медь лезіозь* [med lez'oz] *умойгэмъ Вараввазэ.* 'Но первосвященники внушили народу, просить, чтобы отпустилъ имъ лучше Варавву' (с. 124);

Азбука Гл.: *Хамъ-лэсь виль потызы урѣдъ муртъіось* [murtjos] *потопъ берѣ.* 'Отъ Хама вновь произошли злые люди послѣ потопа' (с. 30); *Ханаанской музъемлэнъ увалліѣ* [uallio] *улысьіосъсы валь язычникъіось.* 'Старые жители земли Ханаанской были язычники' (с. 55);

Еванг. Сар.: *Усізь-но зорь, шурь-іось-но* [šurjos no] *вэлдскиллямъ, тэлъіось-но* [teljos no] *потыллямъ, со юртълы-но пыкыськиллямъ, погразь-но; пограмъ-эзь-но солэнъ валь бадзімъ.* 'Пошелъ дождь, и разлились рѣки, и подули вѣтры, и налегли на домъ тотъ; и упалъ и падение его было великое' (с. 45); *Кыдіюкынъ* [kid'okin] *соосълэсь бадзімъ куйты парсьіось-лэнъ* [pars'joslen] *утиськэ валь.* 'Вдали же отъ нихъ [двух бесноватых. – Л. И.] паслось большое стадо свиней' (с. 53); *Дышетызь-но соосызь унѣ мадиськѣнъ кыль-іосьынъ* [kiljosin] *верясэ: тани, потызь кизысь кизини.* 'И поучалъ ихъ [учеников своих. – Л. И.] много притчами, говоря: вотъ вышелъ сѣятель сѣять' (с. 91);

Азбука Сар.: *Селькамъ беразы бонъ адямиослы кылд-изъ кѣръ-потонзы кышканзыно; соберѣ секытъ ужэнь-но курадзини кутскизы, висіонъ-но* [vis'on no] *кулонъ-кыльно кылд-изъ.* 'Первыми послѣдствіями грѣха были стыдъ и страхъ; потомъ постигли грѣшниковъ изнурительные труды, болѣзни и смерть' (с. 23–24); *Та кылдэмэзь пэнна Инмаръ Авраамэзь козмазъ, сизысь-но солэнъ нылызь-пѣзь-пэнна воць дунье-исъ калыкыіосызь* [kalikjosiz] *козманы.* 'За сіе послушаніе Богъ не только благословилъ Авраама, но и обѣщаль благословить въ сѣмени его всѣ народы земные' (с. 36); *Со вордсконъ уй-икъ бонъ Виѣлеёмской пастук-іось-дорэ* [pastukjos dore], *пудо утіоназы* [ut'onazi] *бус-іѣ лыкт-изъ Ангыль, и веразъ соослы, что вордскызь та уѣ дуньѣ Утысь Остэ Христось: тодмасэ шедьтыны-пэнна, Ангыль вераз соослы, мынсэ шедьтоды-не Нуныэзь пудѣ сюдонынъ.* 'Въ ту же ночь Виѣлеемскимъ пастырямъ, находившимся на стражѣ у стада своего, явился Ангель, и возвѣстилъ, что родится Спаситель, который есть Христось Господь: и дабы они могли узнать Его, Ангель присовокупилъ, что они найдутъ Младенца, лежащаго въ ясляхъ' (с. 83–84).

7. Инлаутное сочетание *-ий-* перед последующей гласной в анализируемых памятниках передается латинской буквой *i*:

Еванг. Гл. Мтф.: *Вицѣкъ-но увань калыкъ сѣизы [s'iji:zi], кэтьсэсь-но тырѣзы; октызы-но кылёмъ палэсьѣосьсь, трось сизымъ кудѣѣосъ. 'И ѣли всѣ и насытились; и набрали кусковъ оставшихся семь полныхъ кузововъ' (с. 119); Озѣнь [oz'ijen] кинь-кэ асьсэ покѣй карозъ, та пиналь-кадъ; со-икъ бадзимъ луозъ инъ дунья-инъ. 'И такъ кто умалится, какъ дитя сѣ; тотъ и больше въ царствѣи небесномъ' (с. 133–134); Виноградъ утисѣѣосъ кутыса солэсь медодсэсэ, кудъзэ жуѣйзы, кудъзэ визы [viji:zi], кудъзэ нощъ изь-энь быттызы. 'Виноградари схвативъ слугъ его [хозяина. – Л. И.], инаго прибили, инаго убили, а инаго побили камнями' (с. 166);*

Еванг. Гл. Марк: *Книга тодысь-ѣосъ Фарисей-ѣосъ-но адзиса, что Исусъ нэлъ басьтысь-ѣосынызь сelyкомуртъ-ѣосынызь-но валсэ сѣискѣзь, веразы Со-лэнъ дышетскисъ-ѣосълы: кызи бэнь та сelyкомуртъ-ѣосынъ чочъ сѣзно [sije no] ѣоно? 'Книжники и Фарисеи, видя, что Онъ [Иисус. – Л. И.] ѣсть съ мытарями и грѣшниками, говорили ученикамъ Его: какъ это Онъ ѣсть и пьеть съ мытарями и грѣшниками?' (с. 12);*

Азбука Гл.: *зарніасько [zarn'ijas'ko] 'золочу' (с. 13); Квиньмѣтиазъ [kvin'te'tijaz], люкызь вузэ музьемълэсь, косызь-но музьемълѣ поттыныи пьсьпуосызь турынъ будэмъзэ-но. 'Въ третій (день Бог. – Л. И.) отдѣлилъ воду отъ земли, и повелѣлъ землѣ произвести растѣнія' (с. 17); Кидыс кудызь усйзь сюрэсь-борды, лѣгамынъ-но либо папайосынъ бицямынъ: кудызь йзь-интиэ [iz intije], потыса-но, заманъ квасьмызь, кудызь ниэ, квасмызь-но, кудызь дзець музьемъ-вылэ, поттызь-но трось змышьсэ. 'Сѣмя иное упало подлѣ дороги, и потоптано, или склевано птицами: иное на мѣсто каменистое, и, выросши, скоро засохло, иное въ терніе, и заглохло, иное на добрую землю, и принесло обильный плодъ' (с. 89);*

Еванг. Сар.: *Кукэ визьяськѣды, энъ кайга-улэ (глаз. энъ куйкѣясъкэ [ep ku:kijas'ke]), дзецьясъсьѣосъ кадъ; содъсь бонъ кэсэктѣ баньѣосъ юромѣ, медъ адзѣозы шуиса адямѣосъ соосъ-лэсь визьмъ-зэ. 'Когда же поститесь; не будьте унылы, какъ лицемѣры; ибо они принимаютъ на себя мрачныя лица, чтобы показаться людямъ постящимися' (с. 34); Виозы-но [vijozj no] Сѣе; квиньмѣти нуналэ-но улдзѣозъ. 'И убьютъ Его [Иисуса. – Л. И.]; и въ третій день воскреснетъ' (с. 131);*

Азбука Сар.: *Зецъ визмѣ тодэм Инмарэзь мырдэнъ Сѣм нимѣ азьла пала выжѣязъ [vijžjaz] адями-нэлъынъ кылъзъ. 'Познаніе истиннаго Бога едва хранилось въ потомствѣ Сима' (с. 31); Саулъ инт-иѣ [intije]*

Инмаръ бурыйъ Давидъэ, лессейлъс сизимъ пиеъ [rijez] пэлысьтыъз покцизэ, Іуда нылпй выжійс [vǐžijis]. 'Вмѣсто его (Саула. – Л. И.) Богъ избралъ Давида, младшаго изъ семи сыновъ лессея, из племени Іудина' (с. 61). И др.

8. Удмуртские аффрикаты обозначаются, по традициям памятников письменности XVIII века, теми же буквами или их сочетаниями:

а) для передачи глухой велярной аффрикаты *č* (*č*) применяется буква **ч**:

Еванг. Гл. Мтф.: Чукна-но [čukna no] вераськôды: туннэ квâзь жôбъ; инъ бень пельмытъя гôрдъ: тодысьяксысьôсь! 'И поутру [говорите. – Л. И.]: сегодня ненастье, потому что небо багрово. Лицѣмеры!' (с. 120); *Маръ бень падй лудъз адымлы, шеттэкъ, уванъ кэ дунь-лэсь дзецъсэ-но шеттôзь, лулызь-лы бэнъ ношъ урôдъзэ карôзь? либо кэчэ [кече] воштонъ-эзъ сôтôзь адыми ась лулызь понна.* 'Ибо какая польза челоуѣку, ежели онъ цѣлой миръ приобрѣтетъ, душѣ же своей повредитъ? или какой выкупъ дастъ челоуѣкъ за душу свою?' (с. 126); *Верâзь: Инмарэ! энъ кельты тимэ; со вѣль толэзъ-дырѣя шайтанô луэ, секытъ-но курадзэ, чэмь [čet] бень усилэ тылэ, чэмь вуэ-но пырэ.* 'Сказаль: Господи! помилуй сына моего; онъ въ новомѣсячii бѣснуется, и тяжело страждетъ; ибо часто бросается въ огонь, и часто въ воду' (с. 130);

Еванг. Гл. Марк: *Соосъ-лэнъ пучкâзь [ričkaz] эвѣль-на выжы-эзъ, шонёръ-но угъ-уло: кукъ кылъ-понна куйкы оло каргаскôнъ луôзь, сокуикъ сюлмаскô.* 'Но не имѣютъ корня въ себѣ, а непостоянны: потомъ когда бываетъ скорбь или гоненіе за слово, тотчасъ соблазняются' (с. 25);

Азбука Гл.: чук-паль [čukpal] 'востокъ' (с. 11); *Апостольôсь кылэнъ гинэ эзъ-дышетэ, умôй бень воземъ-понна дышетонъзэ Христосълэсь, гоштызы сое книгаioсынъ, Святой Луль валэктонъя, увачкала [uačkala] Пророкыioсь-сяёнъ.* 'Апостолы не только проповѣдывали словомъ, но, дабы ученіе Христова вѣрнѣе сохранилось, написали оное въ книгахъ, по вдохновенію Святаго Духа, по подобію древнихъ Пророковъ' (с. 115–116);

Еванг. Сар.: *Буръ синмыдъ-кэ тонэ селыкэ пыртэ, ичкыса [ičkisa] кұшты сое бордысьтыдъ; умôй бонъ лудъз, тыныдъ, одыгъ-кэ-но мугорэдъ-лэнъ-ioзь-эзъ бырôзь, воцъ мугорыдъ бонъ тыль геенна-е ме-дазъ кұштскы.* 'Естьли же правое око твое соблазняетъ тебя; вырви его, и брось отъ себя: ибо лучше для тебя, чтобы погибъ одинъ изъ членовъ твоихъ, нежели все тѣло твое ввержено было въ геенну' (с. 26–27); *Луе бонъ ти цилкытэсь (глаз. тырмытэсь) сочѣикъ [sočē ik], маръ кэмъ цилкытъ Инъ вылынъ улысь Атайды.* 'Будьте вы совершенны, какъ совершенъ

Отець вашъ небесный' (с. 31); *Озіэнъ энъ сьолмаскэ чуказэ* [čikaz'e] нуналъ понна. 'И такъ не заботьтесъ о завтрашнемъ днѣ' (с. 38);

Азбука Сар.: *Сизимэт-и нуналэ Инмаръ ванъ дуньеэзъ кватіой чоже* [čoze] *вордыса дугдизъ, со пэнна святой-но каризъ та нуналэзъ, ацьмелы-но та нуналэ Аслызъ вэсыскины косизъ.* 'Въ седмый день Богъ почиль отъ всехъ дѣлъ Своихъ, и освятиль его, то есть, учредиль такъ, чтобы человекъ седмый день посвящаль особенно на служеніе Богу' (с. 18); *Та скиніяинъ Инмаръ юртынь олтарэзъ но вылэмъ вэсымъ цинтыны* [čintini], *сюсьтыль пукътонэзъ-но, жекъ-но, няньэзъ вэсяны.* 'Въ скинии также находился олтарь для куренія Фиміама, свѣтильникъ, и трапеза для предложенія хлѣбовъ' (с. 51); *Исусъ Христосъ вэсыскозъ валь чэмъ* [čet], *укатà уинъ ышыкынъ огназъ.* 'Исусъ Христосъ часто молился, особенно въ ночное время, въ уединеніи' (с. 93);

б) звонкая велярная аффриката *жс* (з) обозначается буквосочетанием *дж* или буквой *ж* (в основном в Азбуке на сарапульском наречии):

Еванг. Гл. Мтф.: *Со ношь веразъ: зэмъ озі, Инмарэ! туньодъ-но сиіодъ пыры-осъ асъ кузіоосълэсъ джэкъ* *вылысь* [žek vijis'] *усисьіодъсэ.* 'Она [женщина. – Л. И.] же сказала: такъ, Господи! но и псы ѣдятъ крошки, падающія со стола господь своихъ' (с. 116); *Монъ-но вералдъ тындыдъ: тонъ (изъ) Петръ; та-но изъ-вылынъ Мон джусуд* [žuto] *церкъ-мэ Аслэсьтымъ, шайпыдэсь-лэнъ-но зезиодъ узъ-вормы соэ.* 'Скажу и Я тебѣ: ты Петръ (камень); и на семь камнѣ я создамъ церковь Мою, и врата адовы не преодолѣють ея' (с. 123); *Кватъ нуналъ орцэмъ берэ басьтызъ Исусъ Петръ-эзъ, Іаковъ-эзъ Іоаннъ-эзъ-но вынъ-зэ солэнъ, тубытызъ-но соосъсэ-гинэ джужитъ* [žuži'] *гурэзъ-илэ.* 'По прошествіи шести дней взялъ Исусъ Петра, и Іакова, и Иоанна брата его, и возвелъ на гору высокую однихъ' (с. 127);

Еванг. Гл. Марк: *Джэгатэкъ-но* [žegatek no] *чукна бадзимъ попѣіодъ, старшинаіодсынъ, книга тодысьіодсынъ-но, долакъ кенэшь-калыкъ-но приговоръ лесътыса кэртызы Исусъэзъ, нуизы, вуттызы-но Пилатъ-дорэ.* 'Немедленно поутру первосвященники со старѣйиинами и книжниками, и весь совѣтъ, сдѣлавъ приговоръ, связали Исуса, повели, и предали Пилату' (с. 122–123);

Азбука Гл.: *джитъ* [ži] 'вечерь' (с. 10); *Джисыльэсъ* [žiniles'] *мультэсъ кылыкълэнъ нуемынъ полонэ, куштэмьинъ-но нимазъ нимазъ пальіосътй.* 'Большая часть народа отведена въ плѣнь, и разсѣяна по разнымъ странамъ' (с. 66);

Еванг. Сар.: *Джуватыса-но* [žuvatjsa no ~ žuatjsa no] *тыль возіонынъ тылызъ, угпуктò соэ маркэ ариберу-улэ, пуктò тыль возіонэ, воцякъ-лы-*

но юртынь югытъ карэ. 'И зажегши свѣчу, не ставятъ ее подь сосудомъ, но на подсвѣчникѣ, и свѣтитъ всѣмъ находящимся въ домѣ' (с. 23); *Медь людѣи пидсь Инъ-вылынъ улысь Атай-лэнъ; со бонь косэ шунды-эзь-лы ѓжужанѣ [ʒiʒani] уродьѣосъ понна, дзецьѣосъ понна-но, зорь-зэ но уськытэ селыкѣтэмьѣосъ-вылэ, селыкѣосъ-но-вылэ.* 'Да будете сынами Отца вашего небеснаго, потому что онъ велитъ восходить солнцу Своему надъ злыми и добрыми, и посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ' (с. 30); *Джитланъ [ʒitlan] вайзы Сѣ-дорэ (доры) трѣсь шайтанѣ муртъѣосьызъ; Со бонь ульязъ шайтанъѣосьызъ кылынызь, воць висисьѣосьызъ-но бурмытызь.* 'Подъ вечеръ же привели къ Нему [Иисусу. – Л. И.] многихъ бѣсноватыхъ, и Онъ изгналъ духовъ словомъ, и всѣхъ больныхъ исцѣлилъ' (с. 49);

Азбука Сар.: *Авраамъ кылзыхъ лэст-изъ вэсянь интѣи, тыризь отци пу, пу вылэ Исаакъ пизэ, пуртсэ-но кутсэ жутэмъ валь [ʒutem val ~ žutem val] вандыны соэ; ношь Инмаръ косэм-энызь Ангылъ бонь кизэ кутсэ дугд-ит-изъ соэ вандэмлэсь.* 'Авраамъ устроилъ жертвенникъ, положилъ на него дрова, а на нихъ Исаака, и уже поднялъ ножъ, чтобы заколотъ его; но Ангель, по повѣленію Божию удержалъ его руку' (с. 35); *Уноэзь калыксы ожмасэ жинылэсь [ʒiniles' ~ žiniles] уно сэразы нувэмынь ацьсэ палазы, юксэ кизэмъ-кадь каризы со-палано та-пала.* 'Большая часть народа отведена въ плѣнь, и разсѣяна по разнымъ странамъ' (с. 70);

в) для обозначения глухой палатальной аффрикаты ч (ѣ) используется графема ц (в сочетании с мягким знаком и с последующими йотированными буквами и, е, ѣ, ю, я, а также буквосочетаниями іо, іѣ, іѣ, іѣ (совр. орф. ѣ)):

Еванг. Гл. Мтф.: *Отынь Хананейысь кышно, потыхъ со интѣиь церекязъ [čerekjaz] Сохы верасэ: энъ кельты монэ, Инмарэ, Давидъ пизэ; нылы мынамъ тужэ секытъ курэдзэ шайтанъ-энъ.* 'Здѣсь же женщина Хананейская, вышедши изъ тѣхъ мѣсть, кричала Ему [Иисусу. – Л. И.]: помилуй меня, Господи, сынъ Давидовъ; дочь моя жестоко бѣснуется' (с. 115); *Люкаскызь-но Содорэ трѣсь калыкъ ваисэ сэразэ цютъѣосъ-сэ [čitjosse], синь-тэмьѣосъсэ, кылтэмьѣосъсэ, сэсырьѣосъсэ, музоньѣосьызъ-но уно; понызы-но соосьызъ Исусъ-лэнъ пидь-доразъ.* 'И приступило къ Нему [Иисусу. – Л. И.] множество народа, имѣя съ собою хромыхъ, слѣпыхъ, нѣмыхъ, увѣчныхъ, и иныхъ многихъ; и положили ихъ къ ногамъ Иисусовымъ' (с. 117); *Исусъ веразъ содсылы: үцкэ, вѣзматскэлэ Фрисей-ѣосъ-лэнъ Саддукейѣосъ-лэнъ-но цирсатэмлэсь [čirsatemles].* 'Исусъ сказалъ имъ [ученикамъ своимъ. – Л. И.]: смотрите, берегитесь закваски

Фарисейской и Саддукейской' (с. 121); *Ози-энъ, мъркъэ Инмъръ увацѣ [цаѣ] каризъ адыми медазъ люкъ.* 'И такъ, что Богъ сочеталъ, того человекъ да не различаетъ' (с. 143);

Еванг. Гл. Марк: *Соку кытцюзьке луозъ союсынь ичимень [içitɛn] вайсъ мурт, углү со-юсылы визяны.* 'Во все время, в которое съ ними женихъ, не могутъ они поститься' (с. 13); *Катаниць-но [katakçi no] церкынь кесьскызъ шорй быддэсъ, вылысьэнъ уллалалъ нумьодъ.* 'И завѣса во храмѣ раздралась надвое, сверху до низу' (с. 129);

Азбука Гл.: *ципѣй [çipej] 'шука' (с. 12); Инмаръ быдэстызъ долакьсэ Асъ кылэнызъ, Со бенъ воцьсэ [voçse] вормысь.* 'Богъ сотворилъ все словомъ Своимъ, ибо Онъ всемогущъ' (с. 17);

Еванг. Сар.: *Кварà Раманинъ кылыськъэмъ валь, бэрдонъ, церекьянъ [çe-rekjan], бадзимъ кэяскъонъ-но.* 'Гласъ въ Рамѣ слышанъ, плачь и рыдание и вопль великій' (с. 10); *Ацизъ [açiz] бонъ Иоаннъ дуэ гоньсь дисенъ ветлизъ, кусъ кэртонъ-эзъ солэнъ суронъ валь; сионъ-эзъ бонъ солэнъ акрида (глаз. мъркъэ-дзюзы-лэсъ) валь, лудъ му-но (глаз. лудъ мушьюсь-лэнъ иеци-эзъ-но).* 'Иоаннъ же носилъ одежду изъ верблюжьяго волоса, и опоясывался кожаными поясомъ; а пища его была акриды, (родъ саранчи) и дикій медъ' (с. 12); *Верà но солы: Инмъръ-лэнъ кэ Пйэдъ тонъ, цетци [çe-ççi] музэ; Гоштэмьинъ бонъ уванъ: Асъ Кылдысийнъ-юсь-лы косозъ утины Астэ, кивылазы-но бастызы Тонэ, медадъ сапцкы изъ-борды пыдэныдъ.* 'И говорить [дьявол. – Л. И.] ему [Иисусу. – Л. И.]: Если ты сынъ Божій, бросься внизъ; ибо въ писаніи сказано: Ангеламъ своимъ заповѣдаетъ о тебѣ (сохранить тебя), и на рукахъ понесутъ тебя, да не предкнешься о камень ногою твоею' (с. 16);

Азбука Сар.: *Инмъръ тусъ эвэлъ мугорынъ, Инмарлэнъ силізъ вирызъ эвэлъ, Инмъръ тусъ лулынъ, цилкыт [çilkjt] визьмынъ и святой эрыкынъ.* 'Образъ Божій не въ тѣлѣ, потому что Богъ безтѣлесенъ, но въ душѣ, въ чистомъ умѣ и святой волѣ' (с. 19); *Сютэмъ дырэ бонъ вусà: нюньюсызъ Иосифлэнъ лыкт-изы Египетъ муземэ, цябей [çabej] бась-тыны.* 'Когда насталъ голодъ: братья Иосифовы пришли въ Египетъ, купить пшеницы' (с. 40); *Потъюсь пэлынъ кыктэт-й Иерусалимской церклэнъ [çerklen], кинкэ со Захарія нимò вылэмъ.* 'Между Священниками втораго храма Иерусалимскаго былъ нѣкто, именемъ Захарія' (с. 78).

В единичных случаях ч (ç) может быть обозначена буквами с или ч:

Еванг. Гл. Мтф.: *Кинъ-кэ усюдъ со изъ-вылэ, сэсэртскдзъ; кинъ-кэ-вылэ ношъ со усюдъ, нелькозъ (пачкатоъ [paçkatoz]) соз.* 'И тотъ, кто упадетъ на камень сей, разбѣтсся; а на кого онъ упадетъ, того раздавить' (с. 168);

Еванг. Гл. Марк: *Соку мумизь-но, бечеюсь-но [becejos no] Со-лэнъ лыктизы, педлонъ-но сылыса этинъ Соэ динязъ истизы. 'Тогда пришли мать и братья Его [Иисуса. – Л. И.]; и, стоя внѣ дома, послали къ Нему, звать Его' (с. 21);*

Азбука Гл.: *Луизъ бенъ, что та серъ муртѣюсь тусынъ валь Господь, соинъ валцѣ [valce] кыкъ Ангельюсь. 'Оказалось, что во образѣ сихъ странниковъ былъ Господь, и съ нимъ два Ангела' (с. 34); Мукэть дырря, ку Апостоль Петръ бурмытызь чутъсэ [čutse] эсь-дорынъ Иерусалимской церкълэсь, та чудазэ-но уччаны-понна [čudaze no isčani ronpa] люкасыкызь калыкъ, ношъ одыгъ проповѣдэнь Петръ беректызь Христось-дорэ вить сю сюрсь муртѣюсьсэ. 'Въ другое время, когда Апостоль Петръ исцѣлилъ хромага у двери храма Иерусалимскаго, и на сіе чудо сбѣжался народъ, опять одною проповѣдію Петръ обратилъ ко Христу пять тысячъ человекъ' (с. 111–112);*

Еванг. Сар.: *Ветлыса бонъ Галилея заридзь іорсынъ, адзизъ (Иисусъ) кыкъ выно-нонь-іосызь, Симонъ-эзь, Петръ верамъ-эзь, Андрей-но-вынъ-зэ солэсь, заридзэ сѣтсэсь понысь-іосызь (соосъ бонъ чорыгасъ-іосъ [čorigas'jos] выльлѣямъ). 'Проходя же близъ моря Галилейскаго, Онъ [Иисус. – Л. И.] увидѣлъ двухъ братьевъ: Симона, называемаго Петромъ и Андрея брата Его, закидывавшихъ сѣти въ море (ибо они были рыбаки)' (с. 19).*

г) звонкая палатальная аффриката *з̣* (*з̣*) передается буквосочетанием *дз*, а в некоторых случаях – знаком *з* (в сочетании с мягким знаком или последующими йотированными буквами *и, е, ѣ, ю, я*, а также буквосочетаниями *іо, ію, іѣ, іѹ* (совр. орф. *ё*)):

Еванг. Гл. Мтф.: *Со понна Монъ-но вераскъ соосылы мадискъонъ кыльіосынъ, соосъ адзиса угъ адзію [ug a'ẓio], кылыса-но угъ кыло, угъ-но валало. 'Для того и говорю вамъ притчами, что они видя не видятъ; и слыша не слышатъ, и не разумѣютъ' (с. 93); Музонъ мадискъонъ кыль-эзь поттызь соосылы вераса: дзѣць [ẓec'] инъ дуньѣ тупа адями-лы дзѣць кидысь-эзь кизисылы ась лудазъ. 'Иную притчу предложилъ имъ [ученикам своим. – Л. И.], говоря: царствіе небесное подобно человекъку, посѣявшему доброе сѣмя на полѣ своемъ' (с. 95); Сокы Иисусъ отвѣтъ сіотыса солы веразъ: кышно! бадзімь [baẓ̌im ~? badzim] осконъ-эдъ тынадъ; медь лудъ тынадъ мыладъ кыдадъ. 'Тогда Иисусъ сказалъ ей в отвѣтъ: о женщина! велика вѣра твоя; да будетъ тебѣ по желанію твоему' (с. 116);*

Еванг. Гл. Марк: *Мынэлэ, вѣралэ дышетскисыіосылы Солэнъ, Петырлы-но, что Со пумитаскъозъ тиледынъ Галилеяинъ: отынъ Соэ адзіоды [aẓ̌io-di], кызыкэ Со веразъ тиледылы. 'Подите, скажите учени-*

камъ Его [Иисуса. – Л. И.], и Петру, что Онъ встрѣтитъ васъ въ Галилеѣ: тамъ Его увидите, такъ какъ Онъ сказалъ вамъ’ (с. 132–133);

Азбука Гл.: Уно поль ѡзюрызы [ʒurj·zj] Моисей-вылэ ацѣзъ Инмаръ вылэ-но. ’Многократно [евреи. – Л. И.] роптали на Моисея и на самого Бога’ (с. 53); *Ананія, Азарія Мисаиль-но, та Навуходоносоръикъ косэмья, куштэмьнъ валь тылэнъ ѡзирдәмъ* [ʒirdam] гурэ со понна, малы эзь-юбыртскэ зарнй идолълы. ’Ананія, Азарія и Мисаиль, по повелѣнію того же Навуходоносора брошены были въ разоженную пѣчь за то, что не поклонились золотому идолу’ (с. 68); *Иисусъ Христосъ квиньмѣти нуналэ кулэмъ-берэ улзисъ* [ulʒis ~ ? ulz'is] коросысь, кызй та сярисъ гоштэмьнъ валь пророческой книгаюсьнъ. ’Иисусъ Христосъ въ третій день по смерти своей воскресъ изъ гроба, какъ о семъ написано въ книгахъ пророческихъ’ (с. 135);

Еванг. Сар.: Энъ люкалэ ась поннады уванъ бурдэсъ музъмь-вылынъ, кытынъ кэй синэмъ-но быттэ, кытынъ воръ-іосъ гудзилѡ [guʒʒilo] лучкалѡ-но. ’Не собирайте себѣ сокровищъ на землѣ, гдѣ моль и ржа истребляетъ, и гдѣ воры подкапываютъ и крадутъ’ (с. 35); *Маръ бонъ, тонъ адзиськодѡ* [aʒʒis'kod] ширпѣ-эзь бироудлэнъ синмазъ, ась синьмадъ ношъ коръ-эзь удъ цѣкласькы? ’И что ты смотришь на спицу въ глазѣ брата твоего, а въ своемъ глазѣ бревна не чувствуешь?’ (с. 39); *Пырылэ ѡзіоскытъ* [ʒoskij] капкаенъ; паськытъ бонъ капкэ вэль сюрэсь-но быронэ пыртѡ; *уноэзь-икъ соинъ мыно*. ’Входите тѣсными вратами: потому что широкія врата и пространный путь ведутъ въ погибель; и многіе идутъ ими’ (с. 42);

Азбука Сар.: Адземмылэсь [aʒʒemʒiles' ~ ? adzemʒiles'] азьвылэ то есть, визмѡ адямилэсь, *Инмаръ ворд-ізъ адзіонтэмъ визмѡ лул-іосызь, кудъ-іослы нимзы Ангель-іосъ*. ’Прежде видимой разумной твари, то есть человѣка, Богъ сотворилъ невидимую разумную тварь, духовъ, которые называются Ангелами’ (с. 22); *Та иромысѡ курадзіонъ* [kuraʒʒon] дугдѡнъ азязы, *Моисей сызэмъ музъмъ гранъ вылэ вусѡ кул-ізъ*. ’Подъ конецъ сего странствованія, Моисей умеръ на границѣ земли обѣтованной’ (с. 55–56); *Куд-ізъ віэмъ-берэ квиньмойнъ улзисѡ султизъ* [ulʒisa sultiz ~ ? ulz'isa sultiz] гоштэмъ-сямѣнъ. ’И воскресшаго въ третій день по писанію’ (с. 132).

9. Для обозначения билабиального согласного *ѣ* (*ц*) применяется буква *у* или буквосочетание *ув*:

Еванг. Гл. Мтф.: *Вералѡ Солѣ: увѡзънырысь-эзь* [vaz'nirj's'ez]. ’Говорятъ Ему [Иисусу. – Л. И.]: первый’ (с. 165); *Виноградъ бенъ утисьіосъ*

адзисà пизэ, верáзы ась куспàзь: та кузю́ луонò; мынысà вióмь соэ, увàнь-бурь-но [цaп'bur no] солэнь милёмльи́ лудозь. 'Но виноградари, увидѣвъ сына, сказали между собою: это наслѣдникъ; пойдемъ, убьемъ его, и завладѣемъ наслѣдствомъ его' (с. 167);

Еванг. Гл. Марк: *Нóкинъ-но узлү кужмò муртъ-лэнь юртàзь пырысà, увàнь бурь-зэ [цaп'burze] ожданьи, эзь-ке кёрты уваллю́ [цaл'lo] кужмò муртъ-зэ: соку́ шàтъ ожмалозь-ни. 'Никто не можетъ пришедши въ домъ крѣпкаго, расхитить имущество его, естли прежде не свяжетъ сего крѣпкаго: тогда только расхитить домъ его' (с. 20); *Верáзь-но: киньлэнь-ке пель увàнь кылыны́ [цaп' kíl'ni], медь кылóзь. 'И сказалъ: имѣющій уши слышать, да слышитъ' (с. 23);**

Азбука Гл.: *Увазырысь [цaз'п'ris'] нуналàзь лесьтызь Со югытэзъ. 'Въ первый день сотворилъ Онъ [Бог. – Л. И.] свѣтъ' (с. 17); *Моисей увакыть [тоис'ej цак'it] улэмъ адямио̀сълэнь луизъ уката вакцигэсъ увалли́олэсь: соинъ веральямъ-но угты́рмы валь зэмзэ утинь. 'Около времени Моисея жизнь человѣческая сдѣлалась гораздо короче прежняго: а потому преданіе не достаточно было для сохраненія истины' (с. 45);**

Еванг. Сар.: *Кинькэ ношь липётъ-вылынъ, медàзь уваськы [medaz цa-s'ki] басьтынъи марь-кэ юртысьтызь. 'И кто на кровлѣ, да не сходитъ взять что нибудь изъ дома своего' (с. 189); *Кинь бонъ оскòнò визьмó-но вáръ, кудь-зэ кузю́эзъ солэнь пуктызь ась варь-и́ослы увакыть-эзь-дырья́ [цак'itez d'irja] сютыны́ соось-лы сiо̀нъ-эзь? 'Кто же вѣрный и благоразумный рабъ, котораго господинъ его поставилъ надъ слугами своими, чтобы давать имъ пищу во время?' (с. 194); *Иосифъ Аримаѳейской лучкёмъ дышетскисэзь Солэнь, Пилàтъ судья-дорэ мынсà ювасà уваськытызь [цaс'kitiz] мугорзэ Солэсь кирóсь-вылысь, цилкыть дэраёнъ биньсà мугорзэ, пэн-изъ виль изэзь лэсьтэмъ коросэ, аслàзь садàзь. 'Иосифъ Аримаѳейскій, тайный ученикъ Его [Иисуса. – Л. И.], снялъ тѣло Его съ креста, выпросивъ на то позволеніе у Пилата, обвинилъ оное чистою плащеницею, и положилъ въ новомъ каменномъ гробѣ въ своемъ саду' (с. 113).***

10. Отличительной особенностью графики текстовых памятников издания 1847 года является то, что здесь впервые в большом количестве употребляются такие графические средства, как абзац, пробел, дефис (черточка), знак ударения, точка, запятая, двоеточие, многоточие, тире, скобки. Однако закономерности использования всех этих средств в текстах в данной монографии не рассматриваются, поскольку не входят в объект нашего исследования.

2.6.2.4. Обозначение удмуртских звуков в текстовых памятниках

Способы передачи удмуртских звуков средствами русской графики того времени в Евангелиях и Азбуках представлены в следующей таблице:

Удмуртские звуки	Матфей (Гл.)	Марк (Гл.)	Азбука (Гл.)	Матфей (Сар.)	Азбука (Сар.)
ö (ę)	э, е, о	э, е, о	э, е, о	э, е	э, е
ы (i) – <i>иниц. ы</i> – <i>жы, шы</i> – <i>С' + ы</i>	Ы И, Ы ЖИ, ДЖИ, ШИ, С + И	Ы И ЖИ, ДЖИ, ШИ, С + И	Ы И, Ы ЖИ, ДЖИ, ШИ, С + И	Ы И, Ы ЖИ, ДЖИ, ШИ, С + И	Ы И, Ы ЖИ, ЖІ, ЖЫ, ШИ С + И
z (g)	г	г	Г, g	г	Г, g
йö- (ję-)	э, е	э, е	э	ѣ, э, е	е
йы- (ji-)	и, ю	и	ю	и	и
жс (ž)	дж	дж	ж, дж	дж	ж
з (ž)	дз	дз	дз, з	дз	дз, з
ч (č)	ц, ч	ц, ч	ц, ч, с	ц, ч	ц, с, ч
č (č)	ч	ч	ч	ч	ч
ӳ (u)	ув	ув	ув	ув	ув

Из таблицы видно, что наиболее трудным при обозначении удмуртских фонем, как и в других вышеисследованных памятниках письменности, является звук *ö*. В Евангелиях и Азбуке на глазовском наречии он передается тремя разными буквами, в текстах на сарапульском диалекте – двумя знаками.

Определенную сложность для передачи на письме представляет специфическое удмуртское звуко сочетание *йö*, для обозначения которого в Евангелиях на глазовском наречии применены две разные буквы, в Азбуках – по одному знаку, а в переводе Евангелия на сарапульском диалекте этот звуковой комплекс передается тремя способами.

Нельзя не отметить и то, что инициальная *ы-* в обеих Азбуках обозначается как знаком *и*, так и соответствующей буквой русского алфавита *ы*. В Евангелии от Марка же анлаутный *ы-* систематически передается литерой *и*.

Слова с латинской *g* встречаются только в самом начале Азбук в алфавите и слогах, но ни в текстах Священной истории и кратком катехизисе,

а также ни в одном из Евангелий данная графема в удмуртских словах не наблюдается.

2.6.2.5. Элементы орфографии

1. Несвойственные русскому языку сочетания *жы, шы и джы* переводчиками обозначено через **жи, жі, ши, джи**:

Еванг. Гл. Мтф.: *Сокэмъ юнъ, что соось энзэ иштыса вераллязы: кытысь Талы сокэмъ мудронъ визъ кужимъ-но [kuʒim-no]? 'Такъ, что они [ученики. – Л. И.] удивлялись, и говорили: откуда у Него [Иисуса. – Л. И.] такая премудрость и силы?' (с. 102–103); Крыжъ селько-но выжи [viʒi] пэртмасконъ-эзъ утця: пэрмаскднъ-но солы узъ сiотъскы, Iона пророкъ-лэнъ пэртмаскднъ-эзъ-лэсянә. 'Родъ лукавый и прелюбодѣйный знаменія ищетъ: и знаменіе не дастся ему, кромѣ знаменія Iоны пророка' (с. 120);*

Еванг. Гл. Марк: *Исусъ нoшъ тупалә пыжынъ [piʒin] выжёмъ-берә, люкаскызы Сd динә трoсъ калыкъ, Ацизъ валъ заризъ-дорынъ. 'Когда Иисусъ опять переправился въ лодкѣ на ту сторону; то собралось къ Нему множество народа; и Онъ былъ у моря' (с. 33);*

Азбука Гл.: *пужимъ [piʒim] 'сосна' (с. 11); Сиотэмъ Инмаръэнъ козманъэзъ Авраамълы, пырылызъ солэнъ выжиазъ [viʒiaz] сылымонъя. 'Благословеніе, данное Богомъ Аврааму, переходило къ его потомкамъ, сообразно съ ихъ достоинствомъ' (с. 36); Джиньлэсъ [ʒiniles] мултэсъ кылыкълэнъ нуемынъ полонэ, куштэмьнъ-но нимазъ нимазъ палыюсты. 'Большая часть народа отведена въ плѣнъ, и раздѣяна по разнымъ странамъ' (с. 66);*

Еванг. Сар.: *Ти музвёмъ-улысьiдъ-лэнъ слалъ; слалъ-кэ быдтoз кужимъ-зэ [kuʒimze], майнъ сое слалo кародъ? 'Вы соль земли; естли же соль потеряетъ силу, то чѣмъ сдѣлаешь ее соленою?' (с. 22–23); Со-кы верә Асъ дышетскисыiдъ: аранъ уно, арасъ ежитъ [eʒit]. 'Тогда говорить ученикамъ Своимъ [Иисус. – Л. И.]: Жатвы много, а жнецовъ мало' (с. 62);*

Азбука Сар.: *Хамълэнъ бонъ нълъпиосезъ асъ выжиазъ [viʒiaz ~ viʒijaz] азлә палә лэкъ уродъ кылдизы вузънъ бырэмъ берә. 'Отъ Хама вновь произошли злые люди послѣ потопа' (с. 30); Исавъ нiонъ вилэмъ Iаковлы, со пәннә бонъ аизлэнъ козманэзъ азьвѣлъ солы кулэ вилэмъ: возькымтэнызъ цидамтэнызъ бонъ козманозэ аизлэсъ нiонъ санзэ аслэстызъ воштэмъ Iаковлы ясныкъ шидъ [ʃid] пәннә. 'Исавъ былъ старшій, и потому имѣлъ первое право на благословеніе отца своего: но будучи не воздерженъ и не терпѣливъ, продалъ Iакову первенство свое за чечевичную похлебку' (с. 37).*

В Азбуке на сарапульском наречии встречаются единичные примеры, где звуко сочетание *жы* обозначено, как и в современной удмуртской орфографии – буквосочетаниемъ **жы**, например: *Іерусалимъ кырзы быризь, церксыно сутэмынь, жынылэсь* [ʒiɲilɛs' ~ ? ʒiɲilɛs'] *унó калыксэсь Вавилонэ серазь нуизь*. 'Іерусалимъ раззорень, храмъ сожжень, большая часть народа отведена въ Вавилонъ' [Азбука Сар. 70].

2. Палатальность согласных (*д', з', л', н', с', т', ч (д', з', л', н', с', т', љ)*) обозначается следующим образом:

1) в абсолютном конце, а иногда и в середине слова – через **ь** (ерь), напр.:

Еванг. Гл. Мтф.: *Ти бень пель-ады понэ мадиськóнь-эзъ кизысь-ласянь* [kiz'is' las'an']. 'Вы же выслушайте притчу о сѣятелѣ' (с. 94); *Киземъэзъ бень дзэць музёмъ-вылынь, кылъ кылысьлэнь валась-лэнь-но луэ, кудызь тысиó луэ сокэмъ, огэзъ сю полэсь, огэзъ кватътóнь полэсь* [kvat'ɒn poles], *огэзъ квамынь полэсь*. 'А посѣянное на доброй землѣ, значить слышащаго слово и разумѣющаго, который и бываетъ плодоносень, так что: иной приносить плодь во сто кратъ, иной въ шестьдесятъ, иной въ тридцать' (с. 95);

Еванг. Гл. Марк: *заризь-дорынь* [zariz' dorɲn] 'у моря' (с. 33); *Ношнà сò вераскикузь соё, терэмурть-лэнь коркасътызь* [tɛremurtlɛn kɔrkas'tɲz] *лыктызы, верасà: нылыдъ тынàдъ кулызь-ни; малы ношнà курадзитыськóдь этеменызь Дышетысь-сэ?* 'Еще какъ Онъ [Иисус. – Л. И.] говорилъ сіе; приходятъ изъ дому начальника синагоги, и говорятъ: дочь твоя умерла; что еще трудишь Учителя?' (с. 35);

Азбука Гл.: *эмэзь* [ɛtez'] 'малина' (с. 11); *Утемълы веральямъзэ тупá валь со, что адямийóсь кэмá улызы, именной бень, потопълэсь азъвьль* [az'viɮ] *укмысь сю аръ дорозь уногэмъ-но, потопъ бере ношь квинь сю дорозь уногэмъ-но*. 'Сохраненію преданія способствовало то, что люди долго жили, а именно, прежде потопа до девяти сотъ и болѣе, а послѣ потопа до трехъ сотъ и болѣе' (с. 47);

Еванг. Сар.: *Вань* калыкъ-икъ [van' kalɲk ik] *паймизь верясà: та-а узькè Христось, Давидъ нй?* 'И дивился весь народъ, и говорилъ: не это ли Христось, сынъ Давидовъ?' (с. 84); *Со угъ сáпта адями-эзъ, марь ымэ пырэ; сáпта бонь адями-эзъ со, марь ымысь-тызь* [ɲmɲs'tɲz] *потэ*. 'Не то, что входитъ въ уста, оскверняетъ человекá; но то, что изъ усть изходитъ, оскверняетъ человекá' (с. 113); *Эшь-эзъ сó-лэнь, пограсà пыдъ доразъ тэдьмыризъ* [tel'mɲriz] *сó-лы верясà: цида монъ выламъ, воць-но тырò тындыдъ*. 'Товарищъ его [раба. – Л. И.], падши къ его ногамъ, умоляль его и говорилъ: потерпи на мнѣ, и все заплачу тебѣ' (с. 140);

Азбука Сар.: *бе-рѣзь* [berizʹ] 'липа' (с. 11); *ко-сысь-кò* [kosijs'ko] 'приказываю', (с. 12); *ван-дысь-кò* [vandijs'ko] 'колю, рѣжу' (с. 13); *Кулѣ карсà оскиськò* [oskij's'ko] *од-и́гь пòль краци́нь пырэмлы, селыкэ мѣдѣ бырòзь шусà.* 'Исповѣдую едино крещеніе, во оставленіе грѣховъ' (с. 133). И др.

2) перед гласными:

а) а – через букву я (я́):

Еванг. Гл. Мтф.: *Озіэнь, марькэ Инмарь уацѣ карѣзь адыми* [ad'ami] *медàзъ люкѣ.* 'И так, что Богъ сочеталъ, того человекѣ да не разлучаетъ' (с. 143); *Синтэмъ Фарисей! дунь карь увалѣянь* [ua'l'an] (азлòнь) *пучкысь тусьтылэсь, тэркылэсь-но; дунь мѣдѣ луòзь педлò палѣэзь-но содсь-лэнь шуисà.* 'Фарисей слѣпый! очисти прежде внутренность чаши и блюда, чтобъ чиста была и внѣшность ихъ' (с. 183);

Еванг. Гл. Марк: *Исусъ мынызь соинъ чòчь, а Солэнь-берысьязъ* [solen berijs'az] *калыкѣ трось мынызы, люкетымòнь Солы мыныны.* 'Исусъ пошелъ съ нимъ [начальником синагоги Иаиром. – Л. И.], а за Нимъ пошло множество народа, и тѣснили Его' (с. 33);

Азбука Гл.: *аз-ве-сясь-кò* [azves'as'ko] 'серебря' (с. 13); *Ку Моисей, Инмарь косэмья, Синай гурѣзь-вылѣнь улызь нильдòнь нуналъ: со увакытѣ кистызы содсь зарнй куняньзэ* [kup'anze], *юбыртызы но та идолылы, Инмарылы кадѣ.* 'Когда Моисей, по повѣленію Божию, былъ на горѣ Синаѣ сорокъ дней: въ то время они слили золотого тельца, и поклонились сему идолу, какъ Богу' (с. 53);

Еванг. Сар.: *Сокэмъ (Глаз. укатà) вералò тилédь-лы: Тирь-лы Сидон-лы-но капцигэмъ луòзь судѣ карòнь нуналэ ти сярысь* [ti s'ar'is]. 'Даже скажу вамъ: Тиру и Сидону отраднѣе будетъ въ день суда, нежели вамъ' (с. 77); *Шонèрь веряськò тылédьлы, кэнядсь-кэ* [kep'aos ke] *узъ адзэ кулэмь-зэ, татынь сылысь-юсь, кудѣ чòжъ узъ адзэ адыми* [ad'ami] *Пи-эзь, лыктысь-эзь ась дунья-энызь.* 'Истинно говорю вамъ, нѣкоторые изъ стоящихъ здѣсь не вкусятъ смерти, какъ уже увидятъ Сына человеческого, грядущаго въ царствіи Своемъ' (с. 126);

Азбука Сар.: *ба-дырь* [bad'ar] 'кленъ' (с. 11); *Инмарьмылэнь лэсяна* [les'ana], *воцлэнь-икъ вань вордскэмъ нумызь.* 'Кромѣ Бога, все имѣетъ начало' (с. 16); *Кирòсь вылысэнь, Исусъ всэськыизъ жалясà* [ves'as'kiz žal'asa] *тушмòнь адымиосызь* [ad'amijosiz] *пэнна, буйгатьязь дунцилкытѣ Мумызэ Асылэсьтызь, Иоаннъ Апостоллы косызъ пиэсь луны Ацызъ инт-иѣ Солы.* 'Будучи на крестѣ, Исусъ молился за враговъ своихъ, утѣшалъ Пречистую Матерь Свою, и повѣлелъ Апостолу Иоанну быть у Ней вмѣсто сына' (с. 112);

б) э – через е (ё, ё), ѣ или сочетания ъе и въ (ьэ):

Еванг. Гл. Мтф.: *Дышетскисьѳоъ Солэнъ веразы Солы: кытынъ бастомъ ми кырынъ со мында няньэзъ [n'an'ez], со мында калыкъ-лэсъ кэтъ-сэсъ тырынъ? Ученики Его [Иисуса. – Л. И.] сказали Ему: откуда намъ взять въ пустынь столько хлѣбовъ, чтобы накормить такое множество?' (с. 118); Тае веракызъ, огъ пумысь югытъ пилѣмъ [pi'et] вужэръ-карызъ содсълы; тани-но кварà луызъ пилѣмъ-пучкысь, верасà: Та Мынамъ гажамъ Пиэ, кудынъ вицякъ Мынамъ гажамъ-но мылы-кыды-но; соэ ти кылзиськэ. 'Когда еще говорилъ Онъ [Иисус. – Л. И.] сіе, вдругъ облако свѣтлое осѣнило ихъ; и се гласъ изъ облака, глаголющій: Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, въ Которомъ все Мое благоволеніе; Его слушайте' (с. 127–128); Веразы-но отвѣтъ сіотысà Иисусъ-лы: умъ-тоцкэ: Со-но веразъ соосълы: Монъ но угъ véра тиледлы [til'edli], маръ эрыкъ-энъ Монъ лэсътыськò тае. 'И сказали [первосвященники и старейшины народа. – Л. И.] въ отвѣтъ Иисусу: не знаемъ. Сказалъ имъ и Онъ: и Я вамъ не скажу, какою властію Я это дѣлаю' (с. 164); пукисьэнъ-но [pukis'en no] 'сидящимъ' (с. 182);*

Еванг. Гл. Марк: *Сокуикъ віръ віанъэзъ солэнъ дуддызъ, со шедскызъ-но мугоразъ, что висемъ-лэсъ [vis'emles] катьяскызъ-ини. 'И вдругъ остановилось теченіе крови ея; и она [женщина. – Л. И.] почувствовала въ тѣлѣ, что выздоровѣла отъ болѣзни сей' (с. 34);*

Азбука Гл.: *Та лэсянà урòдъ ужьѳоъ адяміѳоъ кустынъ унò луизы, а таити ношъ визьэзъ [viz'ez] кэтъ малпанъэзъ-но серыскылзы унò унò. 'Кромѣ сего злыя дѣла между людьми умножились, а отъ того разумъ и совѣсть болѣе и болѣе помрачились' (с. 45); Со вормызъ Филистимлянинъѳоъсэ, юнматызъ усемъ [us'em] восясконъзэ зэмъ Инмарьлы: править карызъ Еврейѳоъсызъ цыкъ басьятэкъ соосълэсъ. 'Онъ [Самуил Пророк. – Л. И.] побѣдилъ Филистимлянъ, возстановилъ упавшее служеніе истинному Богу: и управлялъ Евреями съ совершеннымъ безкорыстіемъ' (с. 57);*

Еванг. Сар.: *Шонёръ [son'er] вераськò бонъ тылэдлы [til'edli]: удъ вужэ котыртыны Израиль карьѳоъсызъ Адям-ни вутòзъ. 'Ибо истинно говорю вамъ: не успѣете обойти городовъ Израилевыхъ, какъ сынъ человѣческой придетъ' (с. 67–68); Секытъ лудзъ тыныдъ Хоразинъ! секытъ тыныдъ Вифсаида! Тиръ Сидонъ-но адзисаль-кэ паймонъ ужьмэ ти полáды карэмъ-мэ; кэмаласъ-ини содсъ дзизы дысь-энъ (Глаз. сэканэнъ-но урòдъ дысь-энъ) пень-энъ-но [pen'en no] селыкъ-сэсъ быттысаль-зы. 'Горе тебѣ, Хоразинъ! горе тебѣ Вифсаида! ибо ежели бы въ Тирѣ и въ Сидонѣ были*

явлены силы, явленные въ васъ; то давно бы они во вретѣищѣ и пепелѣ показались' (с. 76–77); *Со-кѣи кузѣи-эзъ со-лэнъ эмѣ [e'e], веря-но со-лѣи: лѣкъ [l'ek] варь! воцъ бурѣицъ-тѣ монъ кельтѣи тынѣидъ тѣлмырэмъ-эдъ поннѣ.* 'Тогда Государь призываетъ его и говорить ему: злой раб! весь долгъ тотъ я простилъ тебѣ, потому что ты упросилъ меня' (с. 141);

Азбука Сар.: *сиземэзлы [siz'emezli] 'его] обѣщанію' (с. 33); Со мед-изъ ляльци медо нергѣ [n'erge] карыны соосызъ, озѣи секытъ [s'ekit] ужаса-не илэмлэсъ дугдозы, соинъ эзъ тѣирмы солѣи, кос-изъ бератсѣ вордскэмъ тизэсъ винѣи.* 'Онъ [новый Царь Египетскій. – Л. И.] сталъ поступать съ ними [евреями. – Л. И.] какъ съ рабами: старался изнурить ихъ тяжкими работами, а наконецъ велѣлъ убивать ихъ младенцевъ мужеска пола' (с. 40–41); *Египетѣиосъ узѣи пегзѣсъ Еврѣиѣиосызъ: Инмаръ утиз соосызъ паймонѣ-кадъ, уисъ Египетѣиосызъ од-игтэмъ быдт-изъ тази: сѣдъ зарѣзъ дорѣ вуса Инмаръ со заризѣзъ [zariz'ez] ѣирмэмѣиослѣи тупыттэмъ силь тѣлынъ юкѣзъ сюрэслѣи потынѣи пэннѣ, сообъ бонъ пот-изѣи пыдс-ит-изъ кзсъ сюрэсъ-кадъ вылтѣи, бэрѣисызѣи пырсѣ бонъ уисъ Египетѣиосъ заризѣ [zariz'e], берѣнъ шобыртэмъ-кадъ вылазѣи ву вацѣ луизъ, сообъ уисѣиосъ бонъ воцѣкъ од-игтэмъ выисѣи быризѣи.* 'Египтяне преслѣдовали Евреевъ: но Богъ чудесно сохранилъ Евреевъ, и погубилъ Египтянъ. Сильнымъ вѣтромъ раздѣлил онъ черное море, такъ что Евреи прошли по сухому дну его, когда за ними вступили Египтяне, море покрыло ихъ, и они потонули' (с. 43–44);

в) о – через буквосочетания **ю, ѣ, ѣ**:

Еванг. Гл. Мтф.: *Дышетскѣи съ вылтѣи эвѣлъ дышетысьлэсъ, медѣ-но вылтѣи эвѣлъ асъ кузѣиолэсъ [kuz'oles].* 'Ученикъ не выше учителя, и рабъ не выше господина своего' (с. 68); *Маръ бенъ падѣи лудзъ адямѣи-лѣи, шеттѣкъ, увѣнъ кѣ дунѣ-лэсъ дзецьсѣ-но шеттѣзъ, лулѣизъ-лѣи бэнъ нош урдѣзъ карѣзъ? либо кѣчѣ воитонъ-эзъ сѣитѣзъ [s'otoz] адямѣи асъ лулѣизъ поннѣ.* 'Ибо какая польза человѣку, ежели онъ и цѣлой мѣръ приобрѣтетъ, душѣ же своей повредить? или какой выкупъ дастъ человѣкъ за душу свою?' (с. 126);

Еванг. Гл. Марк.: *Сокуикъ косызъ Аслазъ дышетскѣи-ѣосъ-лѣи пыжѣи пырыны, вуины-но азьпалѣи тупалѣи Виосайда-дорѣ, со чѣжъ, кѣке кылыкзъ лезѣозъ [lez'oz].* 'И тотчасъ [Иисус. – Л. И.] понудилъ учениковъ Своихъ войти въ лодку, и плыть впередъ на другую сторону къ Виосайдѣи, между тѣмъ какъ Онъ отпустить народъ' (с. 47); *Сѣисъкытѣкъ-ке соѣссѣ гуртѣзъ лэзѣи: сюрэсъ-вылынъ жадѣиозы [zad'ozij], уноэзъ бенъ соѣс-полѣсъ кѣдѣиокысъэнъ [kjd'okij'sen] лыктызы.* 'И естѣи отпушу ихъ [на-

род. – Л. И.] домой голодными, ослабѣють на пути; ибо нѣкоторые изъ нихъ пришли издалека’ (с. 57);

Азбука Гл.: *Со мадиіоу [mad'ojo] валь уно тодэмэнъ, кудзѣ Инмарьлѣсъ курыса шеттызъ восякэмэнъ.* 'Онъ [Соломон. – Л. И.] славенъ мудростію, которую испросилъ отъ Бога молитвою' (с. 60); *Та-сяёнъ Іудейіосъ Вавилоньнъ утискизы идолълы юбыртьямълѣсъ отынъ гажамълѣсъ, кэльтскізы-но увалліо [ua'l'o] сямълѣсъ идолълы юбыртьяскины.* 'Такимъ образомъ Іудеи въ Вавилонѣ сохранились отъ господствовавшего тамъ идолопоклонства, и даже исправились отъ прежней своей склонности къ идолопоклонству' (с. 69);

Еванг. Сар.: *Пелио [pel'o] муртъ кылыны, медъ кылозъ.* 'Имѣющій уши слышать, да слышать' (с. 75); *Со верязъ соосъ-лы: кинь тылесътѣдъ одыгъ ыжъ-эзъ возиса, усіосъ-кэ [us'os ke] со кэсъ нуналэ гуэ, джутыса узэ потты соэ?* 'Онъ [Иисус. – Л. И.] сказалъ имъ [народу. – Л. И.]: кто изъ васъ, имѣя одну овцу, ежели она въ день субботный упадетъ въ яму, не возьметъ и не вытащитъ ее?' (с. 81); *Огэзъ усйзъ дзѣць суй-вылэ, сокэмъ-но тысіо [tj's'o] луйзъ: огэзъ сѣ полэсъ, огэзъ кватътонъ полэсъ, огэзъ ношъ квамынъ полэсъ.* 'Иное [семя. – Л. И.] упало на добрую землю, и принесло плодъ: иное во сто кратъ, иное въ шестьдесятъ, а иное въ тридцать' (с. 92); *Сіото-но [s'otono] тыныдъ усътэть-іосызы инъ дзѣць дунье-лэсъ; музъемъ-вылынъ кертэмъ-эдъ кертэмъ лудъ инъ вылынъ; музъемъ-вылынъ бонъ перѣймъ-эдъ, перѣймъ лудъ инъ-вылынъ.* 'И дамъ тебѣ ключи царства небснаго; и что свяжешъ на земли, то будетъ связано на небесахъ; а что разрѣшишь на земли; то будетъ разрѣшено на небесахъ' (с. 123–124);

Азбука Сар.: *Инмарь Евазъ лэст-изъ адымилэнъ урдъ-лыысьтызъ, Адамлэсъ изіонъ [iz'on] дыръязъ кэтъ урдзѣ бастыса.* 'Богъ сотворилъ Еву изъ ребра, которое взялъ у Адама во время сна' (с. 19); *Од-ыгъ адымилэсъ вордскыса адымидъ од-ыгъ кылынъ вераськизы, одыгъ-но диніо [din'o] адымидъ вылыллямъ.* 'Происходя отъ одного человѣка, люди говорили однимъ языкомъ и составляли одинъ родъ' (с. 31); *Со куржмо-визьмо адымидъ, зэмъ Инмарь-вылэ цѣлтскыса, аслазъ Инмарь косэмэнъ утиозы-вал [ut'ozj· val] асъ калыкэсъ, vormo-валь со палъ калыкэсъ, буйгатозы-валь асъ калыкэсъ.* 'Люди мужественные, надѣющіеся на Бога, и самимъ Богомъ возбуждаемые, принимали надъ ними начальство, побѣждали язычниковъ, и доставляли народу своему миръ и спокойствіе' (с. 58);

г) у – черезъ букву ю:

Еванг. Гл. Мтф.: *Люкасыкызы-но [l'ukas'kiz no] Со-дорэ уно калыкъ сокэмъ, Солы пыжэ пырымднъ, пуксызы-но отцы; вицякъ бенъ калыкъ вѣ-*

ярынь сылызь. 'И собралось къ Нему [Иисусу. – Л. И.] множество народа, такъ, что Онъ вошелъ въ лодку, и сѣлъ; а весь народъ стоялъ на берегу' (с. 90–91); *Матэктыськыса-но дышетскисьюсь Солэнь сюльворизы [s'ulvori:zi] Солы, веразы но: лэзь таё ми-бэрысьямъ бенъ церекья.* 'И подошедши къ Нему [Иисусу. – Л. И.] ученики Его, просили, говоря: отпусти ее, потому что кричить за нами' (с. 115);

Еванг. Гл. Марк: *Сюдмынь сюлворэ [s'ulmɪn s'ulvore] Солы, вераса: нылы мынамъ кулыны медэ; лыкъ, кидэ со-вылэ понъ; со катьяськозь, улэть-но лудзь.* 'И убѣдительно просить Его [Иисуса. – Л. И.], говоря: дочь моя при смерти; приди, и возложи на нее руки; и она исцѣлится и будет жива' (с. 33); *Соберэ люказы-на [l'uka:zi na] нянь юдэсьюссэ цюрызь-лэсь-но кылемъ-зэ дасъ кыкъ тырмытъ куду.* 'И набрали [ученики. – Л. И.] кусковъ хлѣба, и остатковъ отъ рыбъ двенадцать полныхъ коробовъ' (с. 46);

Азбука Гл.: *Мукэтъ дырья, ку соосъ быттырзэ эзьшэттэ вүзэ, Моисей, Инмарь косэмья шуккизъ бодыэнъ изъ гурезьэзъ, вязь-но соистызь ву сокэмъ уно, тырмытъ валъ со кватъсю сюрсь [kvat's'u s'urs] Еврейюсь-но бенъ понна.* 'Въ другое время, когда они [евреи. – Л. И.] совѣмъ не находили воды, Моисей, по повѣленію Божию, ударилъ посохомъ въ каменную гору, и изъ нея потекла вода въ такомъ множествѣ, что ея довольно было для шести сотъ тысячъ Евреевъ' (с. 52); *Данильлы Инмарь поттызь сокуспынъ, что Христось адскозъ дунье-инъ сизимдонъ седминаосълэнь пумазъ, нильсю [n'i'l's'u] укмыстонъ арьюсь котырь, Иерусалимъэзъ вильяскэмъ берэ.* 'Даниилу Богъ открылъ между прочимъ, что Христось явится въ міръ въ концѣ семидесяти седмиль, то есть, спустя около четырёхъ сотъ девятосто лѣтъ, послѣ возстановленія Іерусалима' (с. 69–70);

Еванг. Сар.: *Куй киазь Солэнь; сюзядозъ [s'uz'aloz] но Асьлэстызь итымъ-зэ, люкалозь-но [l'ukaloz no] чабей-зэ ю-кэнсазь; курозэ ношь сутозъ кысонтэмъ тылэнь.* 'Лопата въ рукѣ Его [Иисуса. – Л. И.]; и Онъ очиститъ гумно свое, и соберетъ пшеницу свою въ житницу, а соломѣ сожжетъ огнемъ неугасимымъ' (с. 14); *Иисусъ бонъ этиса ась дышетскисьюссэ верязъ: жаляськò Монъ та калыкъ-эзъ, квинъ нуналь ини Монъ дорамъ улò, угь-но шедьто сionъ; сутэмъ [s'utem] лэзини бонъ со-осызь миль угь подъ, медазъ лябзэ сюрэсь-вылынь [s'ures vilin].* 'Иисусъ же призвавъ учениковъ своихъ, сказалъ: жаль Мнѣ сего народа, что уже три дни находятся при Мнѣ, и не имѣютъ, что ѣсть; а отпустить ихъ голодныхъ не хочу, чтобы не ослабѣли въ дорогѣ' (с. 117–118);

Азбука Сар.: *сюдыськò [s'udɪs'ko] 'кормлю' (с. 13); Инмарь тодса соослэсь сюлэмзэсь [s'ulemzes], Авельлы адзит-изъ ваёмъ пэнназь дэцъ*

мылзэ-кыдзэ, а Каинъ-лы эзъ. 'Богъ, зная сердца, показаль при семь Авелю знаменіе Своего благоволенія, а Каину нѣтъ' (с. 26); *Со берѣ, Инмаръ косэмънъ, Моисей лыкт-изъ Фараонъ азѣ, аслазъ нюненызъ [n'u'n'eniz] Ааронънъ, курысыкыныи Инмарлэнъ нимынызъ, Еврѣй калыкзъ лзъ шуса Египтысытыдъ. 'Послѣ, по повелѣнію Божию, явился онъ [Моисей. – Л. И.] къ Фараону, съ братомъ своимъ Аарономъ, и потребоваль именемъ Божиимъ, что бы Евреи были отпущены изъ Египта' (с. 42);*

д) *ы* – через букву и (ѣ, ѣ):

Еванг. Гл. Мтф.: *Лезиса-но [lez'isa no] калыкъ-эзъ Исусъ пырызъ пыжэ, вуизъ-но Магдальской іорсы. 'И отпустивъ народъ Исусъ вошелъ въ лодку, и прибылъ въ предѣлы Магдальскіе' (с. 119); Кинъ-лэнъ-кэ мыль потозъ ась лульзэ утины [ut'iŋi]; со быттозъ соэ; кинъ-кэ ношь быттозъ ась луль-зэ Монъ понна; со шеттозъ соэ. 'Ибо кто хочеть душу свою сберець; тотъ потеряеть ее; а кто потеряеть душу свою ради Меня; тотъ обрѣтетъ ее' (с. 125);*

Еванг. Гл. Марк: *Исусъ-но калыкълэсъ соэ палантыса, понызъ цинциосъсэ [čin'ijosse] Аслэсытызъ, солэнъ пельіосазъ, сязыса-но, этскызъ солэнъ кыль-бордазъ. 'Исусъ, отведши его отъ народа въ сторону, вложилъ персты Свои въ уши его [глухого. – Л. И.], и плюнувъ, коснулся языка его' (с. 55); Луцкиса Аслазъ дулынызъ веразъ: малы та выжй пусмартонзэ кушкэ? зэмъ вераскъ тиледъ, нокизино [nokiz'i: no] та выжилы узъ-сіотски пусмартонъ. 'Но Онъ [Иисус. – Л. И.] возстенавъ духомъ Своимъ, сказалъ: для чего родъ сей знаменія ищетъ? Истинно говорю вамъ, не дастся роду сему знаменія' (с. 58);*

Азбука Гл.: *Кыкъ пиосъ Самуилълэнъ кутскызы вураны, утиэкъ [ut'itek] шонѣръ судзэ. 'Два сына Самуила предались лихоимству, и нарушали правосудіе' (с. 58); Исусъ пуксызъ эшакъ чуні-вылэ [čun'i vīle], шобыртэмъ дышетскисыосълэсъ дисыосынъ. 'Исусъ сѣлъ на осла, покрытое одеждами учениковъ' (с. 96); Пилать косызъ жугыныи Исусъсэ, дисяны Со-вылэ гордъ дисъсэ, поныныи ирѣ-вылазъ атасъ дзюрзјонълэсъ изі [iz'i], карыса-но тачѣ возматызъ Соѣ Іудейіосылы, малпаса соинъ поттыныи соосълэсъ жалямъзэ. 'Пилать велѣлъ битъ Исуса, возложилъ на Него багряную одежду, и терновый вѣнецъ, и въ такомъ видѣ показаль Его Іудеямъ, думая тѣмъ привести ихъ въ жалость...' (с. 102–103);*

Еванг. Сар.: *Кызу [ki-z'i] со пырызъ Инмаръ-лэнъ възъ юртазъ, сійзъ-но възъ нянь-іосызъ, кудъ-іосызъ укыль валь сінны, не солы, не со възынъ лыктысыосъ-лы, възъ муртъ-іосъ-лэсяна (попыосъ-лы)? 'Какъ Онъ [Давид. – Л. И.] вошелъ въ Домъ Божій, и ѣлъ хлѣбы предложенія,*

которых не должно было ѣсть ни ему, ни бывшимъ съ нимъ, а только однимъ священникамъ?» (с. 80); *Дышетъизъ-но со-осыъ унд мадисъкднъ кыль-юсбнъ верясъ: тани, потыъ кизисъ кизинь [kiz'ini]*. 'И поучаль ихъ много притчами, говоря: вотъ вышелъ сѣятель сѣять' (с. 91);

Азбука Сар.: *сизиль [siz'il]* 'осень' (с. 11); *Тазъ [taz'i]* туцкэмъ сямзы пьриъзъ Иудейской-но исыкавынъ Эксай-улоскы, со пэнна-бонъ тайъзъ-но бератсэ тузыкса быриъзъ. 'Поелику таже зараза проникла и въ царство Иудейское, то разрушилось и оно, только позже Израильскаго' (с. 65).

3. Твердость согласного в конце слова, а иногда и в середине – перед падежным окончанием и другими (напр., показателем принадлежности), а также после первого компонента сложного слова – обозначена буквой ъ:

Еванг. Гл. Мтф.: *Сокы лыктыъзъ Со-дорэ поясъ веразъ-но солы: Инмарь-лэнъ кэ пиэдъ Тонъ, вера, та изъюсъ медъ нянь луозы*. 'Тогда приступилъ къ нему искушитель и сказалъ: если Ты сынъ Божій, скажи, чтобы камни сні сдѣлались хлѣбами' (с. 15); *Инмарь бенъ косыъзъ, верасъ: сь каръ айлы, мумилы но, сьтэмъ карысъ бенъ айлы мумилы-но, кулонъ-энъ медъ кулоъзъ*. 'Ибо Богъ заповѣдовалъ, говоря: чти отца и мать, и злословящій отца, или мать смертію да умереть' (с. 111–112);

Еванг. Гл. Марк: *Со бертыса аслаъзъ гуртаъзъ адзыъзъ шайтанъэъзъ, зэмъ шу, потыъзъ-нй, нылъзъ-но увалэсъ-вылынъ кыльлэ*. 'Она [женщина. – Л. И.] возвратилась въ домъ свой, и нашла, что бѣсъ вышелъ, и дочь лежитъ на постелѣ' (с. 55); *Косыъзъ соку калыкълы музейемъ вылэ интияськины: сизимъ нянь сукуриюссэ басытыса-но, Инмарьлы сй карыса-но, тилтъыъзъ, Аслаъзъ дышетскисыюссылы-но сютыъзъ, калыкълы сютыны-понна, союсъ-но локылызы калыкълы*. 'Тогда [Иисус. – Л. И.] велѣлъ народу возлечь на землю: и взявъ семь хлѣбовъ, и воздавъ хвалу, преломилъ, и далъ ученикамъ Своимъ, чтобы они роздали; и они роздали народу' (с. 57);

Азбука Гл.: *шумъ-но-тонъ* 'радостный' (с. 12); *Огъ полъ Инмарь шедскыъ Авраамълы, сизискыъ-но лестыны Сое айэнъ унд калыкълэнъ, нимазъ-но луны со понна Инмарьэнъ*. 'Однажды Богъ явился Аврааму, и обѣщаль сдѣлать его отцемъ множества народовъ и быть особенно его Богомъ' (с. 33); *Священной гожтэмъ беректэмьинъ Греческой кыль-вылэ самой ярано-эъзъ калыкъ-куспынъ со увапумълэнъ*. 'Священное писаніе переведено на Греческій языкъ, самый употребительный между народами тѣхъ временъ' (с. 71);

Еванг. Сар.: *Со бонъ сультыъзъ, басытыъзъ-но нуны-эъзъ анайзэ-но Солэсъ, лыктыъзъ но Израиль музейемэ*. 'Онъ всталъ, взялъ младенца и мать Его, и пришелъ въ землю Израилеву'. (с. 10); *Воцякъ бонъ кылысъ*

мынэсьтымъ кылъмэ, угъ-но-кылзськы солэсь, толыкътэмъ муртъ-лы кэлишэ, кудызъ юрть-сэ лесътэмъ луо-вылынъ. 'А всякой слушающей сіи Мои слова, и неисполняющей ихъ, уподобится человѣку безразсудному, который построилъ домъ свой на пескѣ' (с. 45);

Азбука Сар.: Инмаръ Авраамлы кос-узъ кэльтыны атай юртсэно, выжи-кумзэ-но, и кос-узъ кэцъны тодымтэпала музьёмъ вылэ, кудзэ аслызъ сизызъ вылазъ улны пэнна. 'Богъ повелѣлъ Аврааму оставить домъ, родъ и отечество, и ийти въ неизвѣстную землю, которую обѣщаль дать ему въ наслѣдіе' (с. 33); Со берё кязы басьтысә Исусэзъ нуизы Голгофа гурезь-илэ, отынъ-бонъ кирось кецятъ пу вылэ ошизы, кыкъ курокъ адямилэнь-шоразы. 'Исуса отвели на гору Голгофу, и тамъ распяли на крестѣ, между двумя разбойниками' (с. 111). И др.

4. Наблюдается непоследовательность обозначения удмуртской фонемы э буквами е (ё) или ѣ, а также сочетаниями ъэ и ъэ после палатальных согласных и буквой э (э, э) после велярных:

Еванг. Гл. Мтф.: Инмарэ! мэдб мынамъ гуртынъ кыллэ тужъ шугъ, секытъ-но курадзэ. 'Господи! слуга у меня лежитъ дома разслабленъ, и жестоко страдаетъ' (с. 47); Иосифъ басьтысә мугорзэзъ, бинизъ соэ цилкытъ дераэнь. 'Иосифъ, взявъ тѣло, обвинилъ Его [Иисуса. – Л. И.] чистою плащаницею (полотномъ)' (с. 228); Кэсъ Суббота нуналъ ориэмъ берэ, квазь дзяръ потыкызъ первой арня нуналэ, лыктызъ Марія Магдалина, музонъ-но Марія (цякланы), оскалтыны шай-эзъ. 'По прошествіи же Субботы, на разсвѣтъ перваго дня недѣли, пришла Марія Магдалина и другая Марія, посмотрѣть гробъ' (с. 230);

Еванг. Гл. Марк: Отысэнь потысә лыктызъ Аслазъ ворцкэмъ-палазъ, Со-берысь мынызы дышетскисыюсь-но Солэнь. 'Вышедши оттуда, Онъ [Иисус. – Л. И.] пришелъ въ отчизну Свою; и съ Нимъ пришли ученики Его' (с. 37); Кудзы-ке тиледзэзъ динязъ узъ лезэ, узъ-но кылскэ тилестыдъ; отысэнь потыкудъ пыдыюстэ аслестыдъ куркэлэ, аитыны понна со-юссэ. 'И естли кто не приметъ васъ, и не будетъ слушать васъ; то выходя оттуда, оттрясите прахъ отъ ногъ вашихъ, во свидѣтельство на нихъ' (с. 39);

Азбука Гл.: Та сямёнъ одыгъ адямилэнь луозъ валъ кэнякэ сю аръ веляны Инмарэлэнь адяміюсьлэнь-но ужыюсьыз понна. 'Такимъ образомъ одинъ человѣкъ могъ нѣсколько сотъ лѣтъ пересказывать о дѣлахъ Божіихъ и человѣческихъ' (с. 44–45); Огноль, ку соось эзь-шыттэ вузэ, курытэзъ лесяна: Инмаръ косызъ Моисейлы понины со-пучкы кэчэкэ письпузэ, луизъ но со ярано воземлы. 'Однажды, когда они [евреи. – Л. И.]

не находили воды, кромѣ горькой: Богъ повелѣлъ Моисею положить въ оную нѣкотораго древа, и она сдѣлалась годною къ употребленію' (с. 52);

Еванг. Сар.: *Сокы мынэ, басьтэ-но серазъ сизымъ музонъ уродъ кылдысинь-юсызъ, ась-лэсь лѣкэсь-юсызъ пырыса-но улò отынъ, луэ-но со адыми-лы берло-эзъ уродъ-гэмъ азыло-лэсь.* 'Тогда [нечистый дух. – Л. И.] идетъ и беретъ съ собою семь другихъ духовъ, злѣйшихъ его, и вошедши живутъ тамъ: и бываетъ для человѣка того послѣднее хуже перваго' (с. 89); *Со бонъ отвѣтъ сіотыса верязъ: узъ яра, ныль-пилэсь нянь-эзъ таланы, куштыны-но пуныослы.* 'Но онъ [Иисус. – Л. И.] сказалъ въ отвѣтъ: не справедливо, отнять хлѣбъ у дѣтей, и бросить псамъ' (с. 116); *Сіотò-но тыныдъ усътэть-юсызъ инъ дзэцъ дунье-лэсь: музъмъ-вылынъ кертэмъ-эдъ кертэмъ луозъ инъ вылынъ; музъмъ-вылынъ бонъ перцымъ-эдъ, перцымъ луозъ инъ-вылынъ.* 'И дамъ тебѣ ключи царства небесаго; и что свяжешь на земли, то будетъ связано на небесахъ; а что разрѣшишь на земли, то будетъ разрѣшено на небесахъ' (с. 123–124);

Азбука Сар.: *Дунье лестэмэзъ Инмарлэнь.* 'Сотвореніе міра [Богом. – Л. И.]' (с. 16); *Та скиніяинъ Инмаръ юртынъ олтарэзъ но вылэмъ вэсымъ чинтыны, сюсытылъ пукътонэзъ-но, жэкъ-но, няньэзъ вэсяны.* 'Въ скиніи также находился олтарь для куренія Фиміама, свѣтильникъ, и трапеза для предложенія хлѣбовъ' (с. 51).

5. Во всехъ пяти рассматриваемыхъ письменныхъ памятникахъ наблюдается непоследовательность в постановке или отсутствіи дефиса:

а) слова с притяжательными и падежными суффиксами могут быть написаны как через дефис, так и слитно, напр.:

Еванг. Гл. Мтф.: *Ацызъ бенъ Иоаннъ дуэ гонысь дисьсэ нушызъ, кушь кэртонъ-эзъ-но солэнь суронъ валь; сіонъ ношъ солэнь акрида, (маркэ дзозилэсь) валь, лудъ мушыюсь-лэсь цеци-эзъ но.* 'Иоаннъ же носилъ одежду изъ верблюжьяго волоса, и опоясывался кожанымъ поясомъ; а пища Его была акриды, (родъ саранчи) и дикій медъ' (с. 12); *Земъ, Аи! эрикъэдъ бенъ тынадъ сочэ валь.* 'Ей, Отче! ибо таково было Твое благоизволеніе' (с. 78);

Еванг. Гл. Марк: *Сò потэмъ-берэ зэкъ кваранъ вераны кутскызъ сò ужъ-эзъ, сò-сымэнь, что Исусъ-лы ноказыно калыкъ-азинъ эзъ-лу карэ пырыны; улызъ бэнь каръ-серынъ, калыкъ-тэмъ-азинъ; отцы-но Со-дорэ лыктылызы мыдъ мыдъ палась.* 'Онъ [Моисей. – Л. И.] пошелъ, и началъ провозглашать громко, и разславлять сіе происшествіе, такъ что Исусъ никакъ не могъ явно войти въ городъ; но былъ внѣ онаго, въ уединенныхъ мѣстахъ; и приходили къ Нему отовсюду' (с. 9); *Утылitzъ-но соіосъ-вылэ вожъ ваиса, жаляса уваменэзъ соіосъ-лэнь сюлемъ-юсь-лэсь веразъ сò*

адямилы: аслестыдъ кидѣ миць шонѣръ: со мицизь-но; со-лѣнь ки-зъ-но бурмизь, оккадъ кыкъ-наизъ луизы. 'И взглянувъ на нихъ съ гнѣвомъ, скорбя объ ожесточеніи сердець ихъ, [Иисус. – Л. И.] сказалъ тому челоуѣку: протяни руку свою. Онъ протянулъ; и стала рука его здорова, какъ другая' (с. 16);

Азбука Гл.: Та ковчегъдъ тырызь Ной ась семьяэнызь, бастызь-но пуддъ животълѣсь, звѣрыосълѣсь, тлуд-бурддѣосълѣсь-но, кузѣнь кузѣнь, кеняюсь-кѣ ношь сизымъ кузѣнь, медъ содъсь вильдыяскдзы потопъ берѣ. 'В сей ковчегъ вошелъ Ной съ своимъ семействомъ, и взялъ изъ скота, звѣрей и птицъ по парѣ, а нѣкоторыхъ по семи паръ, чтобы онаыя вновь могли развестись послѣ потопа' (с. 28); *Наказатъ карыса та понна, Инмаръ суразъ кыль-зэсь соосълѣнь сокъэмъ, содъсь ношь дугдызы валаны огъ озъзэсь, пазясь-но соосызь воць музъёмъти.* 'Въ наказаніе за сіе, Богъ смѣсилъ языки ихъ [людей. – Л. И.], такъ что они перестали разумѣть другъ друга, и разсѣялъ ихъ по всей землѣ' (с. 31–32);

Еванг. Сар.: Содъсь бонъ заманъ куштыса сѣтыоссѣ мынызы Собэрысь. 'И они [рыбаки. – Л. И.] тотчасъ, оставивъ сѣти, пошли за Нимъ [Иисусом. – Л. И.]' (с. 19); *Медъ луозъ дэулетъ-зэь лучкэмъ; Инъ-вылынъ Атай-эдъ лучкэмъ-зэь адзись, сіотозъ тыныдъ шара.* 'Да будетъ милостыня твоя тайная, и Отець твой видящій тайное, воздасть тебѣ явно' (с. 32);

Азбука Сар.: Санъ карса ұль Аи-дэ-но мумы-дэ-но, зѣць шудб-но кұзь-арлыдб-но та музъёмъ вылынъ ұлэмедъ пэнна. 'Чти Отца твоего и мать твою, да благо будетъ, и да долголѣтень будещи на земли' (с. 49); *Крацинь-беразъ Остэ Исусъ Христосъ ул-изъ кырынъ нильдонъ нуналъ кѣсь возьса възьсякыса-но, даулашаса шайтанэнь vormизъ сое ась кылынызь: соберѣ лыкт-изъ адымиосъ пэлы.* 'Послѣ крещенія Господь Исусъ Христосъ провель сорокъ дней въ пустынь, въ постѣ и молитвѣ, выдержалъ искушеніе отъ діавола и побѣдилъ его словомъ Божиимъ: потомъ явился въ мірѣ' (с. 90).

Необходимо отметить, что в Евангелии, переведенном на сарапульское наречіе, а также в Евангелии от Марка (на глазовском наречіи) дефисное написание падежныхъ окончаній встречается чаще, а в Азбукахъ (какъ по глазовскому наречію, такъ и по сарапульскому) подобные формы пишутся слитно:

Азбука Гл.: Долакъ муртъюосъ пото Адамълѣсь, селыкъ суддъ-но усемълѣсь: со понна-но долакюосъ вордскдъ тырыса селыкъ суддъ-но. 'Всѣ люди происходятъ отъ Адама, согрѣшившаго и осужденнаго и потому всѣ родятся въ состояніи грѣха и осужденія' (с. 24); *Каинъ вожъяскаса курекъаса-но вѣизъ ась выньзэ Авельзэ.* 'Каинъ изъ зависти и досады, убилъ брата своего Авеля' (с. 26); *Та луѣ, что Авраамъ*

выжилэсь кулэ вордскыны Мозтысьлы дунь калыкэлэнъ. 'Сіе значило, что отъ племени Авраама долженъ родиться Спаситель міра' (с. 35);

Азбука Сар.: *Кулэтэмъ дыръя Инмарэдлэсь нимзэ вурэ вайса поминать энъ-каръ*. 'Не приѣмили имени Господа Бога твоего всуе' (с. 49); *Моисей гошт-изъ Инмарлэсь сіотэмъ законзэ сызэмыіоссэ-но Инмарлэсь пёрвой свяціенной кнйгаинъ*. 'Моисей написалъ законъ Божій и обѣтованія Божіи въ первыхъ священныхъ книгахъ' (с. 52); *Ожмаськыкызы Инмаръ курт-изъ ась калыкэзлы виль паймонд-кадь цудоосынъ*. 'Богъ вспомошествовалъ въ семь народу новыми чудесами' (с. 56);

б) конструкции с послелогоми в одних случаях написаны через дефис, в других – раздельно:

Еванг. Гл. Мтф.: *Та бенъ Со, кудызы-сярысь азъ-виль веразъ Пророкъ Исаія вераса: Кварà лудынъ церектысьлэнъ: дасялэ Инмаръ-лы сюресъ-сэ, тупатэ ветлонъ-зэ Солы*. 'Ибо Онъ тотъ, о которомъ предсказалъ Пророкъ Исаія говоря: Гласъ вопіющаго въ пустынь: приготовьте путь Господу, исправьте стези Ему' (с. 11–12); *Тани-но кварà Инъ-вылысь кылыськызы вераса: Та бенъ мынамъ гажамъ Пи, кудызы вылынъ вицякъ мынамъ мылы-кыды*. 'И се гласъ съ Небесъ глаголющій: Сей есть Сынъ мой возлюбленный, въ коемъ все мое благоволеніе' (с. 15); *Исусъ бенъ матэ лыктыса этскызъ соосъ-бордэ веразъ-но: сұлтэ, энъ кышкалэ*. 'Но Исусъ приступивъ прикоснулся къ нимъ [ученикам своим. – Л. И.] и сказалъ: встаньте, не бойтесь' (с. 128);

Еванг. Гл. Марк: *Кеня-ке нуналъ орцемъ-берэ Исусъ ношь лыктызы Капернаумэ; Со-лэнъ корка вуетъ-зэ кылызы-но*. 'По времени опять пришель [Иисус. – Л. И.] въ Капернаумъ: и слышно стало, что Онъ въ домѣ' (с. 9); *Исусъ ношь Аслазъ дышетскисыіосынъ валсэ зарызъ-дорэ паланскызъ: Со-берысызъ унд калыкъ Галилея-палась, Іудея палась-но мынызы*. 'Исусъ же съ учениками Своими удалился къ морю: и множество народа послѣдовало за Нимъ изъ Галилеи, и изъ Іудеи' (с. 17);

Азбука Гл.: *Энъ лэсты аслыдъ вэсъ марькэ сульдэрэнъ не нокечѣно тустэзъ, макэмъ инъ вылынъ пыдлонъ, макэмъ музъёмъ вылынъ улазъ, макэмъ вуосынъ музъёмъ пытыынъ: медадъ юбыртскы соосълы, медадъ-но ўжа соосълы*. 'Не сотвори себѣ кумира и всякаго подобія, елика на небеси горѣ и елика на земли низу, и елика въ водахъ подъ землею: да не поклонившися имъ, ни послуживши имъ' (с. 47); *Та заповѣдыіосъ гоштэмынъ валъ кыкъ скрыжалъ-вылынъ, либо йзъ пулъ-вылынъ, понэмынъ-но завѣтъ кивотэ, лэстэмъ дунъ письпулэсь, дурэмынъ-но котыразъ зарниэнъ, та кивотъ ношь понэмынъ валъ Скинйяинъ, либо вырзюнд*

Инмарь церкынь. 'Сіи заповѣди написаны были на двухъ скрыжальяхъ; или доскахъ каменныхъ, и положены въ кивоть завѣта, сдѣланной изъ драгоцѣннаго древа и обитый золотомъ, а кивоть сей положенъ былъ въ Скинїи, или подвижномъ храмѣ Божиємъ' (с. 49);

Еванг. Сар.: *Монь нѡшь вераскѡ тилѣдѡлы: кинь уцькѡзѡ муртъ кышно-вылѣ селыкъ карѣмъ понна соинь, селыкъ карызы-ини соинь ась скулмазь.* 'А Я говорю вамъ: кто взглянетъ на женщину съ похотствованїемъ, уже прелюбодѣйствовалъ съ нею въ сердце своемъ' (с. 26); *Марь вераскѡ тилѣдѡлы пеньмытъ азинь, югытъ азинь вералѣ; марь-но вераскѡ тилѣдѡлы пелѣды, шарà пѡттѣ липѣтъ-шлысь.* 'То, что говорю Я вамъ въ темнѡтѣ, говорите при свѣтѣ; и то, что сказывается вамъ на ухо, провозглашайте съ кровель' (с. 68–69); *Ку бонь со-ось лыктызы калыкъ дѡры; лыктызы Со-дѡры адѣми, пидсасà-но Со-азинь, Верѣзь: Инмарѣ! энъ кельты тимѣ; со виль толѣзь-дыръѣ шайтанѡ луѣ, секытъ-но кураѡзѣ, чѣмъ бонь усилѣ тылѣ, чѣмъ вуѣ-но.* 'Когда они [ученики. – Л. И.] пришли къ народу; то подошелъ къ Нѣму [Иисусу. – Л. И.] человекъ, и падши предъ Нимъ на колѣни, Сказалъ: Господи! помилуй сына моего; онъ въ новомѣсячїи бѣснуется, и тяжко страждетъ: ибо часто бросается въ огонь, и часто въ воду' (с. 129–130);

Азбука Сар.: *Инмарлѣнъ козмѡмъ сїѡтѣмѣзѣ Авраамлы, ярѣзь азла палà вѣсь нылызлы-пѣзлы, зѣць-визмозлы, адцскѣ-кѣ-икъ со Іаковъ Исавѣзньо пучкынь.* 'Благословенїе, данное Богомъ Аврааму, переходило къ его потомкамъ, сообразно съ ихъ достоинствомъ, сіе особенно видно въ Іаковѣ и Исавѣ' (с. 36–37); *Всяськѣмъ прѣзникъ паска азлѣ палà луонозѣ тодматѡнъ тусъ вылѣмъ, азъвылъ сызѣмъ утисъ Кылцин-Инмарь музѣмъ-вылѣ васькысà-пе берѣнъ вылѣ инмѣ тубѡнъ азѣзь ассѣ-пе вѣсялѡ Инмарлы, утины пѣнна адѣмиѡсызъ шайтанъ сурамлѣсь-но селыкамлѣсь-но.* 'Жертва сія была прообразованїемъ, то есть нѣкоторымъ предварительнымъ образомъ и подобїемъ того, какъ обѣщанный Спаситель мїра долженъ былъ принести самаго себя въ жертву, для избавленїя человекѡвъ отъ рабства діавѡла и грѣха' (с. 45); *Куд-изъ улѣмъ берѣ берѣнъ инмѣ тубсà Аизлѣнъ буркы-палѣзь пукѣ.* 'И взошедшаго на небеса, и сѣдѣща одесную Отца' (с. 146).

в) вспомогательный отрицательный глагол с основным пишется как через дефис, так и раздельно:

Еванг. Гл. Мтф.: *Исусъ жѡгъ кизѣ мицызъ, кутызь-но соѣ, верà-но солы: лѣбъ оскысь! малы зѡдъ ѡскы?* 'Исусъ тотчасъ протянулъ руку, подержалъ его [Петра. – Л. И.], и говоритъ ему: маловѣрный! зачѣмъ ты

усомнился?’ (с. 110); *Валаса соэ Исусъ веразъ соосълы: марь малтастькóды астьэ кожэ, нянь эдъ-бáсьтэ шусà, лябь оскысьиòсь?* ‘Уразумѣвь то Исусъ, сказалъ имъ [ученикам своим. – Л. И.]: что помышляете въ себѣ, маловѣрные, что хлѣбовъ не взяли?’ (с. 121); *Вицѣкъ бенъ, мáрь-кэ вералóзы тиледѣлы цѣклáны, цѣклалэ, лэсьтэ-но; ўжэсьы-я бенъ соосълэнь энь-лэсьтэ, вералó бенъ, ацизэсь ўгъ-но лэсто.* ‘Все, что они [Фарисеи и книжники. – Л. И.] велѣть вамъ, наблюдайте и дѣлайте, по дѣламъ же ихъ не поступайте; ибо говорятъ и не дѣлають’ (с. 178);

Еванг. Гл. Марк: *Со-сѣрьбсь Иоáннь вераллязь бенъ Иродь-лы: угътүпа тыныòдъ возины кышно-зэ нюнь-эдъ-лэсь.* ‘Ибо Иоáннь говорилъ Ироду: не должно тебѣ имѣть жену брата твоего’ (с. 41); *Увáнь-ке-но тиляòдъ синмыòдъ удъ-но-áдзискэ?* ‘Имѣя очи, не видите?’ (с. 59);

Еванг. Сар.: *Воцъ Мынымъ сiòтэмьинъ Мынамъ Атае-нымъ: не нокинъ-но угъ тòдъ Пиезь Атай лэсянà; Ата-езъ-но ненòкинъ угъ тòдъ Пилэсянà, со лэсянà-но, кинъ-лы Пй гэнэ тодонò карòзь.* ‘Все предано Мнѣ Отцемъ Моимъ и никто не знаетъ Сына, кромѣ Отца; и Отца не знаетъ никто, кромѣ Сына, и кому Сынъ открыть восхощетъ’ (с. 78); *Тодысáль-ды-кэ бонъ тй, мáрь-со кýль: мэлось карыны туртыськò медъ-тэкъ: эй кұрласалъды (Глаз. лекатысаль) цилкыть-iòсьызъ.* ‘А естли бы вы знали, что значить изреченіе: милости хочу, а не жертвы: то не стали бы осуждать невинныхъ’ (с. 80); *Исусъ верà соосъ-лы: не-ноқуно эдъ-цйрдэ-а-мà гоштемьинъ: изъ, кудьзэ эзь-яратэ лэсьтысьиòсь, сòикъ луйзь серэгъ-лэнь иръ-эзъ.* ‘Исусъ говоритъ имъ [ученикам. – Л. И.]: не ужели вы никогда не читали въ писаніи: камень, который отвергли зиждущіе, тотъ самый сдѣлался главою угла’ (с. 167–168);

Азбука Сар.: *Энь лұчкаськы.* ‘Не укради’ (с. 50); *Өомà-лы-но куд-изъ угъ-òскы вáль Солэнь улземезлы, оскымтэзэ-пэннà-бонъ кос-изъ солы кыныòдъ-не ұтця яраосмè.* ‘Оомѣ, который сомнѣвался о Его [Иисуса. – Л. И.] воскресеніи, Онъ позволилъ даже осязать Свои раны’ (с. 116); *Тодсà ұль арня-нуналь-мè, со нунал энь-ўжа аслыòдъ вэсьяськысà селыклэсь возькысà, адымили зéцъ карсà ұль со нуналэ, квáть нуналáдъ ўжа: а сизимет-iэзь-бонъ арня нуналь Остэ Инмарэдлы тынáдъ.* ‘Помни день субботный, еже святити его: шесть дней дѣлай и сотворивши въ нихъ вся дѣла твоя: день же седмый суббота Господу Богу твоему’ (с. 175–176).

Примечательно то, что в Азбуке на глазовском наречии данные формы пишутся и через дефис, и слитно, и раздельно, напр.:

Азбука Гл.: *Инмарь каргáзь вiссьэзъ, Каинъ-но со тырьбсь воцъ дуньяинъ эзьшэтты буйгатонъзэ кышкантэмъ интизэ-но.* ‘Богъ проклялъ убійцу,

и Каинъ послѣ того въ цѣломъ мірѣ не находилъ спокойствія и безопасности' (с. 26); *Господь Инмарьлэнъ нимъзэ токъма шоры энъ вѣралья*. 'Не приѣмили имени Господа Бога твоего всеу' (с. 47); *Саулъ эъ-уль бенъ Инмарь эрикъэзъя*. 'Но Саулъ не исполнилъ воли Божіей' (с. 58);

г) слова с частицами написаны и слитно, и через дефис, и раздельно:

Еванг. Гл. Мтф.: *Со бэрысызъ-но калыкъ мынызы, Со-но бурмытызъ вицякъ-сэ-икъ*. 'И послѣдовало за Нимъ [Иисусом. – Л. И.] множество народа, и Онъ исцѣлилъ ихъ всехъ' (с. 82); *Ношна-но* удъ вѣласкэ, *тододы-но* удъ вѣискъэ, *вить сукыри-эзъ вить сюрсъ муртълы, кэня бенъ* куды октыды? 'Не уже ли вы еще не разумѣете, и не помышляете о пяти хлѣбахъ на пять тысячъ человекъ, и сколько коробовъ вы собрали?' (с. 121); *Тырмытэ-йни* мертэтэзэ перецьоусьтэлэсь тилъдъ. 'Дополняйте же вы мѣру отцевъ вашихъ' (с. 184);

Еванг. Гл. Марк: *Сд бенъ пыжъ-беразъ иралтэсъ-вылынъ изѣ валь; сайстыса* Соз вералд Солы: *Дышетысэд! цыкъ-а* Тынадъ кеберэдъ эвълъ? *ацимэзъ бырысыкъомъ-бенъ-уъ* [bɪrɪs'kɔm bɛn ɪk]. 'А Онъ [Иисус. – Л. И.] спалъ на кормѣ на возгави; и будятъ Его, и говорятъ Ему: Учитель, какъ Ты не заботишься, что мы погибаемъ?' (с. 28–29); *Истызъ-но* соз аслазъ юртазъ, *вераса: гуртазъ энъ-ни* пырь, *энь-но-вѣра* *нокинъ-лы-но*. 'И послалъ его [слепого. – Л. И.] домой, сказавъ: и не заходи въ селеніе, и не рассказывай никому изъ селенія' (с. 61); *Со веразъ союсълы: зэмъ, Илялы* кулэ увалліо лыктыны, *тупатынды-но* *долакъ-икъ: кулэ-но-икъ, кызйкэношъ* гоштэмьинъ валь адямі *Пи-сарысь-но, Сд тросъ* мѣдъ *курадзіозъ-но, ситэмъ-но* карэмьинъ медъ лудзъ. 'Онъ [Иисус. – Л. И.] сказалъ имъ [ученикам своим. – Л. И.] въ отвѣтъ: правда, Илія долженъ притти прежде, и устроить все; и, какъ писано о Сынѣ человеческомъ, надобно, чтобы Онъ много пострадалъ, и былъ уничиженъ' (с. 66);

Азбука Гл.: *Та бэрысь, котъ Исаакъ ай солэнъ медэ* валь козмань *Исавъзэ, будзимъзэ кады:* но, *луиса соку синтэмъ, сіотызъ Исавъ* интиэ асъ козманъзэ *Іаковълы, та сяэнъ сіотскызъ со сылымонълы*. 'Послѣ того, хотя Исаакъ отецъ его и желалъ благословить Исава, какъ первенца: но, будучи въ то время слѣпъ, принялъ Іакова за Исава, и такимъ образомъ благословеніе досталось достойнѣйшему' (с. 37); *Іорданъ шуръ* *вйазъ* *вылэ берёнъ, кэлтызъ-но* *пыдэсэсэ кэсъ, медъ лудзъ Еврейоуслы* *потыны соити*. 'Рѣка Іорданъ потекла вверхъ, и оставила сухое дно, чтобы Евреи могли перейти чрезъ нее' (с. 54); *Увачкала-тырысь* *Инмарь* *быръя* *валь кэнязэкэ* *шонёръ* *улысь* *муртъюсэсэ, тыръ-но* *карэ* *валь соосэсэ* *аслазъ* *лулэнызъ, медъ соосъ* *поттозы* *мукэтъ* *адяміоуслы* *Солэнъ* *эрикъсэ*. 'Издравле Богъ

избираль нѣкоторыхъ благочестивыхъ людей, и исполняль ихъ духомъ Своимъ, дабы они открывали волю Его прочимъ людемъ' (с. 62–63);

Еванг. Сар.: *Воцъ таѣ верямъ валь Исусъ калыкъ-лы мадиськонь-іосынъ; мадиськонь-тэкъ неномырь-но эзь-вѣра со-ослы. 'Все сіе говорилъ Исусъ народу притчами; и безъ притчи ничего не говорилъ имъ' (с. 98); Соку селыктэмъ-іосъ пиштѣзы шунды кадь, Атай-зы-лэнъ дунье-азъ. 'Тогда праведники возсіяють, какъ солнце, въ царствіи Отца ихъ' (с. 100); Усьтысѣ бонъ синь-іоссѣ, не но-кинѣ-но эзь-адзе, одыгъ Исусъ-эзь-лэсянѣ. 'Возведши же очи свои они никого не увидѣли, кромѣ одного Исуса' (с. 128);*

Азбука Сар.: *Іосифъ тодмáзъ соосызъ: ассѣно тодэмъ карызъ соослы: винаватсѣсь-но соослѣсь солы лучкѣмъ вузамъ пэнназы проститъ карызъ: дорáзъ-но аузыны валсѣ Египтѣ улны этызъ. 'Иосифъ узналь ихъ [братьев своих. – Л. И.]: открыль имъ себя: простилъ имъ вину противъ него: и призвалъ ихъ, вмѣстѣ съ отцемъ своимъ, въ Египетъ' (с. 40); Со лэсянѣ-но вылазъ ещѣ лѣкъ-уродъ ужзы адямі пэлынъ уно тырмизъ, сойнъ-бонъ иръ-визызы зѣць сюлэмзы визьтэмъ-кадь луизъ. 'Кромѣ сего злыя дѣла между людми умножились, а отъ того разумъ и совѣсть болѣе и болѣе помрачились' (с. 47); Іудейіосъ со вапумъ дырря дугдылытэкъ-кадь-икъ яланъ ацсэзсѣ адзизы ношь-икъ Инмарэзъ тодысьтэмъ калыкъ улѣ усіонѣ кадьэзсѣ. 'Впрочемъ Іудей въ сіи времена почти не прерывно видѣли себя въ опасности новаго порабощенія отъ язычниковъ' (с. 77). И др.*

По приведеннымъ примерамъ можно заметить, что разнообразныя написанія (дефисныя, слитныя, раздельныя) въ Евангеліяхъ и Азбукахъ наблюдаются въ огромномъ количествѣ примеровъ.

6. Тексты переводовъ избобилуютъ дублетными написаніями однихъ и техъ же словъ и ихъ формъ, причемъ на одной и той же страницѣ, иногда даже въ одномъ предложении:

Еванг. Гл. Мтф.: *Вераса: Сұлты, басьты пиналь-зѣ, муми-зѣ но солэсь, мынъ-нй Израиль музьемэ; кушкисыіосъ бень пиналь-лэсь луль-зѣ кулызы. 'И говорить: встань, возьми младенца, и мать Его, и иди въ землю Израилеву; ибо искавшіе души младенца умерли' и Со султызъ, басьтысь пиналь-зѣ, мумизѣ-но солэсь, лыктызъ но Израиль музьемэ. 'Онъ всталъ, взялъ младенца и мать Его, и пришелъ въ землю Израилеву' (с. 10);*

Еванг. Гл. Марк: *Ветлоннязъ Галилея зарызъ котырынъ, адзизъ Симонъэзъ Андрезнъ солэнъ вынынызъ валсѣ, кудыіосъ кистѣ валь сѣтьіоссѣ заризѣ; содсъ бень цюрыгасыіосъ валь. 'Проходя же близъ моря Галилейскаго, увидѣлъ Симона и Андрея брата его, бросающихъ сѣти въ море; ибо они были рыбаки' и Сокуик, аслестызъ сетьіоссѣ*

кэльтысà Со-берысязь мынызы. 'И тотчасъ, оставивъ сѣти свои, пошли за Нимъ' (с. 4);

Азбука Гл.: *Инмарь воцъсэ быдэстызь цикъ эвллэсь.* 'Богъ сотворилъ все изъ ничего' и *Инмарьлы кулээзь эй-вэль ненокечено животъ лулынъ, Ацызъ бенъ Ась кожйнъ пракъ валь, уванъ но тыръ шудò но, быдэстызь бенъ воцъсэ Ась дзецкынъизъ гинè, медь лұлъ животъидсь адзіозы Солэсь сòкэмъ дзэцьсэ, макэм бастыны быгатòзы, шумъ потòзы-но, шудò-но луòзы.* 'Богъ не имѣеть нужды ни въ какой твари, поелику Самъ въ Себѣ всегда былъ и есть совершенно доволенъ и блаженъ, а сотворилъ все единственно по благости Своей, чтобы твари получили отъ Него столько добра, сколько принять могутъ, и радовались и блаженствовали' (с. 16);

Еванг. Сар.: *Сокы кельтэ Соэ шайтанъ, тани-но Кылдысиньидсь (глаз. воршудь-идсь) лыкти-зы, кутскизы-но Соé утинь.* 'Тогда оставляетъ Его діаволь, и Се Ангелы пришли и служили Ему' (с. 17);

Азбук Сар.: *Витьтонэт-и нуналэ потэмзы берè Египтысь Еврейослы, Инмарь ацызъ ассэ возмат-изъ соослы Синай гурэзь вылынъ, чинътыль пучкынъ, бургы-нергè пучкыт-и бадзімъ кварà пучкыти: законэзь-но соку сіот-изъ, куд-излэнъ нымò бадзінь заповедьіосызь та вылэмъ.* 'Въ пятидесятый день, послѣ изшествія Евреевъ изъ Египта, Богъ явилъ имъ свое присутствіе на горѣ Синаѣ, во огнѣ дымѣ и трубномъ звукѣ, и далъ имъ законъ, котораго главныя заповѣди суть слѣдующія' (с. 48).

Вышеприведенный материал вариантныхъ написаний некоторыхъ удмуртскихъ словъ еще разъ иллюстрируетъ непоследовательность правописания в текстовыхъ памятникахъ 1847 года.

Глава третья

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА ПАМЯТНИКОВ ПИСЬМЕННОСТИ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Несмотря на то, что изучение ранних письменных памятников удмуртского языка по своей значимости должно было быть одним из центральных вопросов удмуртского языкознания, до настоящего времени издана только одна книга – «Памятники удмуртской письменности XVIII века» [Тепляшина 1965а], в которой проанализированы графические, диалектные и лексические особенности 10 самых ранних памятников письменности. Однако, это исследование, опубликованное более чем четыре десятилетия назад, страдает определенными неточностями, и некоторые положения, изложенные в нем, требуют пересмотра и уточнения, в соответствии с достижениями современной удмуртской лингвистики.

3.1. Становление и развитие графики

1. Как мы отметили выше (см. раздел 1.1), первые удмуртские слова в материалах путешественников-естествоиспытателей фиксировались при помощи латинской (немецкой) графики (Д. Г. Мессершмидт, Ф. Й. Страленберг, Г. Ф. Миллер и Й. Э. Фишер). Пытаясь максимально точно передать услышанные ими специфические удмуртские звуки, отсутствующие в их родном (немецком или шведском) языке, эти исследователи использовали буквы с различными диакритическими знаками и различные буквосочетания.

В дневниках Д. Г. Мессершмидта для записи удмуртских слов было использовано 34 буквы (19 гласных, 15 согласных: **a, â, á, ä, h, d, e, é, æ, g, h, i, î, j, k, l, m, n, o, ò, ó, ô, ö, p, q, r, s, t, u, ú, û, ü, w, y**) и 12 буквосочетаний (**yi – ы (j), öe – звук ö (e), ck – звук к (k)** в ауслауте, **tsch** – аффрикаты **č (č)** и **ч (č)**, **dsb** и **ds** – аффриката **ž (ž)**, **sh** – звонкая шипящая **ж (ž)**, **sch** –

глухая шипящая *ш* (*š*), **hw** и **wu** – анлаутный билабиальный сонант *ʷ* (*u*), **ng** и **hn** – заднерядный сонант *ŋ*.

Лингвистические материалы Ф. Й. Страленберга в количестве 29 удмуртских слов содержат следующие 22 буквы (8 гласных, 14 согласных: **a, ä, b, d, e, ë, g, h, i, k, l, m, n, o, ö, p, r, s, t, u, w, y**) и буквосочетание **iö**, использованное для обозначения огубленного гласного передне-среднего ряда среднего подъема *ø*^o (*ö*).

В словаре Г. Ф. Миллера «Sammlung russischer Geschichte» для записи удмуртских слов применено 25 букв (10 – для гласных, 15 – для согласных: **a, ä, h, d, e, ê, g, h, i, j, k, l, m, n, o, p, r, s, t, u, û, ü, w, y, z**) и 7 буквосочетаний (**ui** – для обозначения гласного *ы* (*i*), **ie** – э (*e*), **dsch** – аффрикаты *жс* (*ž*), **dsj** и **dsch** – аффрикаты *з* (*ž*), **tsch** – аффрикаты *ч* (*č*) и *ч* (*č*), **sch** – шипящих *жс* (*ž*) и *ш* (*š*)).

В материалах Й. Э. Фишера удмуртские слова записаны при помощи 34 букв (20 гласных, 14 согласных: **a, à, á, ä, b, d, e, è, é, ê, g, h, i, ì, í, î, j, k, l, m, n, o, ò, ó, p, r, s, t, u, ú, û, ü, w, y**) и 8 буквосочетаний (**ui** – для обозначения фонемы *ы* (*i*), **ie, ié** и **ié** – э (*e*), **dsch** – аффрикаты *жс* (*ž*), **ds** и **dsj** – аффрикаты *з* (*ž*), **sch** – шипящих *жс* (*ž*) и *ш* (*š*)).

Как видно из вышеизложенного, в материалах Д. Г. Мессершмидта и Й. Э. Фишера наблюдается большая пестрота графических знаков (46 и 42 соответственно), особенно для обозначения гласных фонем.

2. Первый письменный памятник удмуртского языка, написанный с помощью кириллических букв – четверостишие 1769 года, содержит всего 24 слова, в которых употреблены 23 буквы (8 гласных, 13 согласных, 2 безгласные: **а, б, в, д, е, з, и, к, л, м, н, о, р, с, т, у, ц, ш, ь, ы, ь, э, я**) и 2 буквосочетания (**ьо** (совр. орф. *ё*) и **дч** (совр. орф. *з*)).

Первым печатным памятником, в котором нашли свое отражение почти все удмуртские звуки, в том числе некоторые диалектные, являются «Сочинения принадлежация къ грамматикѣ вотскаго языка» 1775 года издания. Специально составленного наглядного алфавита в грамматике нет, однако мы можем его составить, опираясь на лексические материалы «Сочинений» – он (алфавит) состоит из 37 букв (16 гласных, 19 согласных, 2 безгласные: **а, б, в, г, г, д, е, ê, ж, з, и, û, î, î, й, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, ц, ч, ш, ь, ы, ь, ъ, э, ê, ю, я**) и 9 буквосочетаний (**дж** (совр. орф. *ж*), **дз** (совр. орф. *з*), **ю, ю, ю, ю, ю, ю** (совр. орф. *ё*), **ув** (диал. *ў*)). Как можно заметить, почти все буквы заимствованы из кириллицы (они и послужили основой для современного удмуртского алфавита), лишь одна – **g** – из латиницы.

В стихотворении, опубликованном в 1782 году, для обозначения удмуртских звуков, в том числе диалектных, употребляется 25 букв (8 гласных, 15 согласных, 2 безгласные: **а, в, д, е, ж, з, и, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, ц, ч, ш, ь, ы, ь, э, я**) и 3 буквосочетания (дз (совр. орф. **ѝ**), **ье** (совр. орф. **ө**), **уа** (диал. **ў**)). В этом памятнике для передачи на письме специфического удмуртского гласного среднего подъема среднего ряда *ö* использовано отдельное буквосочетание **ье**.

В рукописном словаре З. Кротова 1785 года использовано 36 букв (13 гласных, 21 согласная, 2 безгласные: **а, б, в, г, г, д, е, ê, э, ж, з, и, û, î, й, ј, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, ц, ч, ш, ь, ы, ь, ъ, э, ю, я**) и 5 буквосочетаний (**дж** (совр. орф. **ѝ**), **дз** (совр. орф. **ѝ**), **ю, ю** (совр. орф. **ё**), **ув** (диал. **ў**)). В этом памятнике письменности, в отличие от грамматики 1775 года, не употреблены некоторые буквы с диакритическими знаками (**î, î, ê**), но две заимствованы из латиницы (**ј, г**) и одна – **ε** – из греческого алфавита.

При написании своей грамматики «Краткой отяцкія Грамматики Опытъ» (1786) М. Могилин для передачи удмуртских звуков или их сочетаний использовал 36 букв (13 гласных, 21 согласную, 2 безгласные: **а, б, в, г, г, д, е, ê, э, ж, з, и, î, й, ј, к, љ, л, м, н, о, п, р, с, т, у, ц, ч, ш, ь, ы, ь, ъ, э, ю, я**) и 8 буквосочетаний (**дж** (совр. орф. **ѝ**), **дз** (совр. орф. **ѝ**), **ю, ю, ю** (совр. орф. **ё**), **ув** (диал. **ў**), **ье, ъе** (совр. орф. **ө**). Количественный состав использованных букв в грамматике М. Могилина хоть и совпадает с численностью букв словаря З. Кротова, качественно несколько отличается: 1) в первой отсутствует буква и с каморой сверху (**û**), но заимствована еще греческая буква **ξ** (кси), встречающаяся в трех словах; 2) в грамматике М. Могилина для обозначения специфического удмуртского звука *ö* используются два буквосочетания – **ье** и **ъе**, правда, не всегда последовательно.

В книге «Сравнительный словарь всех языков и наречий по азбучному порядку расположенный», изданной в 1790–1791 гг. под редакцией П.-С. Палласа, для передачи удмуртских слов использована 31 буква (10 гласных, 19 согласных, 2 безгласные: **а, б, в, г, д, е, ж, з, и, î, й, ј, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, ц, ч, ш, ь, ы, ь, э, ю, я**) и 3 буквосочетания (**дз** (совр. орф. **ѝ**), **ю** (совр. орф. **ё**) и **ув** (диал. **ў**)). Аффриката **ѝ** в этом письменном памятнике обозначена буквой **ж**.

В русскоязычном издании материалов Г. Ф. Миллера (1791) для записи удмуртских слов использованы 32 буквы (10 гласных, 20 согласных, 2 безгласные: **а, б, в, г, д, е, ж, з, и, î, й, ј, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, х, ц, ч, ш, ь, ы, ь, э, ю, я**) и 2 буквосочетания (**уи** – для обозначения фонемы *ы* (**î**), **дз** и **дж** – для обозначения **ѝ** (**ѝ**)). В отличие от словаря П.-С. Палласа, в удмуртских

материалах Г. Ф. Миллера в одной лексеме встречается графема *х* (*Похчь-арне* 'Четвертокъ'), которая появилась из-за неудачной транслитерации немецкоязычного варианта словаря – в оригинале было *Poch-arnä*. Кроме того, в миллеровских записях отсутствует буквосочетание *ув* (диал. *ў*).

Примечательно, что в этих памятниках письменности, напечатанных после издания грамматики «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка», в удмуртских словах отсутствуют буква кириллицы *Ѣ* и латинская *g*.

В лексических материалах П. Фалька для записи удмуртских слов использованы 24 буквы (6 гласных, 16 согласных, 2 безгласные: **а, б, г, д, е, и, й, ј, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, х, ш, ъ, ы, ь, я**) и 3 буквосочетания (**ое** (совр. орф. *ö*), **дш** (совр. орф. *ж*), **дз** (совр. орф. *з* или *ч*)).

В рукописном словаре 1816 года для написания удмуртских слов использованы 34 буквы (12 гласных, 20 согласных, 2 безгласные: **а, б, в, г, г, д, е, ж, з, и, і, і̄, й, ј, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, ц, ч, ш, ъ, ы, ь, Ѣ, э, ю, я**) и 5 буквосочетаний (**ію, і̄ю** (совр. орф. *ё*), **дж** (совр. орф. *ж*), **дз** (совр. орф. *з*) и **ув** (диал. *ў*)).

Удмуртский материал в рукописном словаре 1820 года написан теми же буквами, которые использованы в словаре 1816 года; но в использовании буквосочетаний для обозначения удмуртских звуков наблюдается некоторое различие, заключающееся в следующем: в словаре 1820 года для обозначения звукосочетания *йо* (*jo*) используется диграф *ј̄о* и отсутствует буквосочетание *ув*, а анлаутный билабиальный сонант в нем обозначен буквой *у*.

В рукописном «Своде некоторых слов русских, пермяцких, зырянских, вотяцких и чувашских» 1833 года для передачи удмуртских звуков и их сочетаний применена 31 буква (11 гласных, 18 согласных, 2 безгласные: **а, б, в, г, д, е, ж, з, и, і, й, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, ц, ч, ш, ъ, ы, ь, Ѣ, э, ю, я** – те же, что в предыдущих рукописных словарях, за исключением латинских *g* и *j*) и одно буквосочетание – **дз** (совр. орф. *з*).

В Евангелиях от Матфея на сарапульском, Матфея и Марка на глазовском наречиях удмуртские слова написаны при помощи 36 букв (11 гласных, 23 согласных, 2 безгласные: **а, б, в, г, д, е, ж, з, и, і, й, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, ф, ө, х, ц, ч, ш, ш, ъ, ы, ь, Ѣ, э, ю, я, в**) и 7 буквосочетаний: **ію, і̄ю, і̄ю, і̄ю** (совр. орф. *ё*), **дж** (совр. орф. *ж*), **дз** (совр. орф. *з*), **ув** (диал. *ў*), причем 5 букв (**ф, ө, х, щ** и **в**) в исконно удмуртских словах не встречаются, а имеются лишь в заимствованной из русского или через русский язык лексике. В отличие от изданных или составленных ранее памятников, в этих используется буква греческого алфавита – **v**.

В Азбуках на сарапульском и глазовском наречиях впервые приводится алфавит, а для фиксации удмуртских слов на письме употреблено 37 букв (11 гласных, 24 согласных и 2 безгласные) – тех же, что в Евангелиях с добавлением латинской *g*. Но надо заметить, что буква *g*, хотя и указана в алфавите, в словах-примерах, а также в переводе Священной истории не встречается. В Азбуке на глазовском наречии для обозначения специфических удмуртских звуков употребляются те же 7 буквосочетаний, что в Евангелиях, а в Азбуке на сарапульском наречии отсутствует диграф *дж*.

Отличительной особенностью графики текстовых памятников 1847 года издания является то, что здесь впервые в большом количестве употребляются такие графические средства, как абзац, пробел, дефис (черточка), знак ударения, точка, запятая, двоеточие, многоточие, тире, скобки.

Таким образом, удмуртская графика зародилась на основе латиницы в 30-е годы XVIII столетия. Не было бы, на наш взгляд, ничего удивительного, если бы утвердилась удмуртская письменность на основе латинской графики, поскольку первые памятники были составлены именно на ней. Однако уже в 1769 году было опубликовано первое удмуртское стихотворение, написанное с помощью кириллических букв, а издание в 1775 году книги «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѢ вотскаго языка» окончательно укрепило позицию кириллицы в обозначении удмуртских звуков. Буквы кириллического письма, примененные в данной грамматике, заложили прочную основу удмуртского алфавита, для окончательного совершенства которого потребовался почти 150-летний путь развития.

В памятниках письменности удмуртского языка, написанных или изданных после выхода грамматики 1775 года, использована кириллическая графика с добавлением некоторых латинских или греческих графем. Алфавит впервые был представлен в Азбуках на глазовском и сарапульском наречиях в 1847 году.

3.2. Становление и развитие «орфографии»

В ранних памятниках удмуртской письменности правила правописания вербально не были прописаны, но была налична определенная система написания слов, а значит, имелись несформулированные элементы орфографии.

В памятниках на основе латиницы при письменной передаче удмуртских слов, конечно же, были применены некоторые элементы правописания немецкого языка. В трех из пяти рассмотренных письменных до-

кументов (материалы Д. Г. Мессершмидта, Г. Ф. Миллера, Й. Э. Фишера), в словах, оканчивающихся на гласный звук, написана буква **h**, которая, согласно немецкой орфографии, обозначает долготу предшествующего гласного. Не без влияния немецкого правописания, удмуртский щелевой согласный **z** (*z*) в позиции перед гласным звуком, а также в интервокальном положении обозначается буквой **s**.

С появлением памятников на кириллице (переводного стихотворения 1769 года и грамматики 1775 года), были заложены основы (элементы) удмуртской орфографии. В ее формировании решающее значение имела книга «Сочиненія принадлежасія къ грамматикѣ вотскаго языка». В ней были предложены образцы написания слов и отдельных морфем, основанные на фонетическом принципе (см. примеры в разделе 2.2.2):

1) обозначение велярности согласных конца слова, а также середины – после первого компонента сложного слова – буквой **ь** (*ep*);

2) передача на письме удмуртских звукосочетаний *жы* (*джы*) и *шы* буквосочетаниями **жи** (*джи*) и **ши**;

3) обозначение палатальности согласных *д* (*d*), *з* (*z*), *ѝ* (*ѝ*), *л* (*l*), *н* (*n*), *с* (*s*), *т* (*t*), *ч* (*č*) последующими мягким знаком (**ь**), и, йотированными буквами **е**, **ю**, **я** или диграфами **іѝ**, **ію**, **ѝо**, **іѝ**, **ію**, **іѝ** (совр. орф. *е̋*);

4) единообразное написание показателей падежей: родительного (-лэнь), дательного (-лы) и творительного (-ын);

5) слитное написание вспомогательного отрицательного глагола с основным в парадигме спряжения.

Необходимо отметить, что эти приемы написания сохраняются и в последующих публикациях на удмуртском языке (материалы Г. Ф. Миллера, П.-С. Палласа и П. Фалька) или рукописных работах (русско-удмуртский словарь З. Кротова, грамматика М. Могилина, удмуртско-русский словарь 1816 года, русско-удмуртский словарь 1820 года и пятиязычный словарь 1833 года) на удмуртском языке вплоть до середины (даже до конца 60-х годов) XIX века.

Предложенная в грамматике 1775 года «орфография» была применена и в текстовых изданиях (Евангелиях и Азбуках на глазовском и сарапульском наречиях) 1847 года. Новшество же в приемах написания слов заключается в следующем (примеры см. в разделе 2.6.2.4):

1) буква **ь** (*ep*), обозначающая твердость согласного, применяется в середине слова не только после первого компонента сложного слова, но и перед различными аффиксами – падежным окончанием, показателем принадлежности, суффиксом компаратива прилагательных и др.;

2) в большом количестве встречаются дублетные написания одних и тех же слов и их форм, причем эти написания обнаруживаются не только в разных местах текста, но и рядом – в соседних абзацах, в смежных предложениях или даже в одном и том же предложении;

3) постановка или отсутствие дефиса, а также раздельное/слитное написание в словах с притяжательными суффиксами и частицами, конструкциях с послелогоми, формах с падежными окончаниями и др.;

4) лексемы с инициальной *ы*- пишутся как через *и*, так и соответствующей буквой русского алфавита – *ы*;

5) в Азбуке на сарапульском наречии встречаются примеры передачи звуко сочетания *жы* буквосочетаниемъ *жы*, как и в современной удмуртской орфографии.

Таким образом, элементы удмуртской орфографии были заложены в «Сочинениях» 1775 года. Однако эта вербально не сформулированная «орфография», заимствованная от русской письменности XVIII столетия, в дальнейшем развивалась в сторону ухудшения. Так, в текстовых памятниках 1847 года издания наблюдается непоследовательное написание одних и тех же слов и их форм, которое складывается из следующих элементов:

1) использования различных букв русского алфавита для обозначения одного и того же удмуртского звука, в частности, букв *е* или *ѣ* или буквосочетания *ьэ* для обозначения *э* после палатального согласного, напр.: *отысьэнь* 'оттуда', *кылле* 'лежить', *перцѣмь* 'разрешенный' и др.;

2) непоследовательного обозначения палатальности/велярности согласных посредством использования последующих гласных букв *э/е*:

3) наличия/отсутствия буквы *ь* между морфемами: *адяміослэнь* 'у людей', *нокинѣ-лэнь-но* 'ни у кого' и т. д.;

4) слитного, раздельного или дефисного написания притяжательных и падежных суффиксов, послелогов, частиц, напр.: *тарлау-азь* 'онъ на полѣ своемъ', *лудазь* 'онъ на полѣ своемъ'; *атай-эдъ* 'отецъ твой', *эрикэдъ* 'благоизволение твое'; *инѣ-вылысь* 'съ небесъ', *югытъ азинѣ* 'при свѣтѣ'; *ассэно* 'и себя самого онъ', *доразь-но* 'къ себе онъ' и др.;

5) употребления диалектизмов, отличающихся лишь одной буквой (ср.: *бадзимъ* / *бадзинѣ* 'большой', *со-кү* / *сокы* 'тогда');

6) разнообразия в акцентировании многосложных слов или отсутствия такового вообще, напр.: *цїоцїорьяскэ* / *цїоцїорьяскэ* 'прелюбодѣйствуетъ', *Сó-лы* / *Сó-лы* 'Ему' и т. д.

Вышеперечисленные случаи непоследовательности орфографии подтверждают то, что писали специалисты относительно орфографии

древних памятников письменности немецкого языка: «Иногда создается впечатление, что древние писцы подчас даже избегали одинаковых написаний и сознательно стремились к разнообразию. На такое предположение наталкивают случаи разного написания одних и тех же слов, встречающихся почти рядом» [Зиндер, Строева 1965: 26].

Отклонения от орфографических норм, встречающиеся в верхненемецких памятниках и отмеченные исследователями истории немецкого языка, буквально повторяются в удмуртских переводах Евангелий и Азбуках 1847 года.

3.3. Ударение

Вопрос об ударении в удмуртском языке начал рассматриваться еще с грамматики М. Могилына 1786 года, и с тех пор ему посвящено немало работ (см., напр.: [Бубрих 1948: 32, 53; Тараканов 1959б: 170–177; ГСУЯ 1962: 47–49; Акмаров 1970: 263–269; Лыткин 1970: 245–263; Кельмаков 1979: 4–5; Денисов 1980; 1986: 17–32; 1991: 120–125; СУЯ 1992: 62–87; Карпова 1997: 61–65; 2008: 945–949]). Однако исследования перечисленных авторов не касались акцентуации ранних письменных памятников удмуртского языка, помимо вскользь высказанных положений Б. Мункачи [Munkácsi 1884: 68]. Имеется небольшая работа – статья Л. Л. Карповой [2009: 715–716], в которой рассмотрены акцентуационные особенности северных говоров, отраженные в двух переводных Евангелиях на глазовском наречии (см.: [Еванг. Гл. Мтф.; Еванг. Гл. Марк]).

Как известно, ударение в современном удмуртском языке падает главным образом на гласный последнего слога. С точки зрения морфемного состава слова удмуртский язык имеет подвижный тип акцентуации, как и в большинстве тюркских языков. При добавлении словообразовательных и словоизменяющих суффиксов к концу слова ударение остается всегда на последнем слоге, но уже другой морфемы.

По мнению финно-угроведов (см., напр.: [Aminoff 1896: 8–9; Itkopen 1955: 31–32; Rédei 1968: 41–42; Тараканов 1975: 135; 1982: 171; Кельмаков 1976: 286; СУЯ 1992: 65]), данный тип ударения – это результат влияния контактирующих тюркских языков, в частности татарского, с которым удмуртский язык находится в тесном соседстве уже в течение нескольких веков. Однако влияние татарского языка на удмуртскую акцентуацию, как считает В. К. Кельмаков, представляет собой только дополнительный, со-

путствующий фактор [Кельмаков 1986: 123–124; 1990: 109; 1993: 32]. Разрушение старой финно-угорской и ранней прапермской акцентуационной системы, характеризующейся фиксацией ударения на первом слоге [Lakó 1934: 45, 52; Rédei 1968: 41; иначе – Лыткин 1970: 260] в позднепермском, а в дальнейшем и выработка новых систем акцентуации в удмуртском и коми языках, обусловлены интралингвистической причиной: отпадением конечной гласной основы [Кельмаков 1990: 109].

В современном удмуртском языке имеется довольно значительное количество слов, отличающихся местом ударения от основной массы лексики (см. подробнее: [Тараканов 1959: 171–174; 1998в: 71–75; СУЯ 1992: 65–66]). Как отмечает И. В. Тараканов, «... ударение не на последнем слоге в большинстве случаев связано с определенными условиями, т. е. перестановка основного ударения с последнего слога на другой происходит главным образом в словах, носящих в речи определенный экспрессивно-эмоциональный характер (при выражении повеления, приказа, вопроса, призыва, удивления, звукоподражания, усиления интенсивности признака и т. д.)» (цитируется по: [Тараканов 1959: 175; 1998: 75]). Тем не менее, традиционно считается, что удмуртское ударение подвижное и строго фиксированное на последнем слоге. Однако, на наш взгляд, мнение В. М. Вахрушева и В. Н. Денисова о том, что ударение в удмуртском языке не строго фиксированное, а имеющее тенденцию к фиксации на последнем слоге слова [СУЯ 1992: 67], кажется более правильным.

Памятники письменности сохранили особенности ударения удмуртского языка более чем двухвековой давности. Из рассматриваемых нами памятников ударение отсутствует во всех документах, составленных на основе латинской графической системы, а также в стихотворениях 1769 и 1781 гг., написанных кириллической графикой. В рукописном словаре 1833 года ударением отмечены только несколько слов, в первой удмуртской грамматике 1775 года и лексикографическом труде 1816 года на многих лексемах знака ударения не имеется. Несмотря на эти недостатки, акцентированные памятники все же могут служить одним из источников изучения ударения в удмуртском языке, и тем самым представляют определенный интерес для акцентологии.

В рассматриваемых памятниках письменности ударение зафиксировано на последнем слоге слова и мало чем отличается от акцентуации современного удмуртского языка. Первые рассуждения об ударении (точнее, о его дистинктивной или словоразличительной функции) находим в рукописной грамматике М. Могилина 1786 года: «Въ отяцкихъ именахъ и

глаголахъ ударенія и окончанія розбирать крайне надобно: ибо чрезъ то утверждается склоненіе именъ и спряженіе глаголовъ такъ, какъ означаются или различаются Знаменованія. Напр.: *монь гоштѣ*, я написалъ; *тонь гоштѣ*, ты напиши...» [Могилинъ 1786: 13] (далее Мог.).

В акцентированных письменных документах использована система постановки ударения русской скорописи XVIII века, то есть применены надстрочные знаки «акут» (´) и «графис» (˘) (о терминах см. подробнее: [Стариченок 2008: 31]). Первый тип ударения ставится, как правило, но не без исключений, над гласной закрытого слога, например: *Канѣль* [kan'ı·l] 'спокойный' [Сочиненія 1775: 38] (далее Соч.), *Дукáсь* [duke·s] 'Платѣ' [Миллеръ 1791: 89] (далее Мил.), *Возмáсь* [voz'ma·s'] 'сторожѣ' [Словарь 1816: 4], *ведѣнѣ* [vedı·n] 'волшебникѣ' [Словарь 1820: 7], *Кэнэ́къ* [keno·s] 'анбарѣ' [Свод 1833: 1] и др. Знаком «графис» обозначается конечный гласный открытого слога, т. е. данное ударение ставится в основном в словах, оканчивающихся на гласный звук, например: *Шудò* [šudo·] 'щастливый, талантливый' [Соч. 39], *турѣ* [turi·] 'журавль' [Мог. 33], *низилѣ* [niz'il'i·] 'червь, что дерево точить' [Кротовъ 1785: 145] (далее Крот.), *Чукна́* [čukna·] 'Утро' [Мил. 83].

Исключением является грамматика 1786 года М. Могилина, где ударная гласная последовательно (в открытом она слоге или закрытом) обозначена только графисом, и словарь 1785 года З. Кротова, в котором ударение показано или знаком акут, или графис, причем открытость/закрытость слога не имеет никакого значения: *чежмѣрь* [čęžme·r] 'горностаѣ', *бицѣ* [bičı·] 'пряжка', *майсы* [maisı·] 'шмель', *толѣзь* [tolı·z'] 'луна' [Мог. 29, 30, 32, 39]; *лецѣтъ* [lečı·t] 'острый', *пыглі* [pigl'i·] 'агнецъ, ягненокъ', *пыдѣкытъ* [pidke·t] 'икра ножная', *пыстыскò* [peš'tıjs'ko·] 'свариваю, варю' [Крот. 120, 184, 185, 188].

Наблюдая над природой ударения в рукописных и изданных памятниках удмуртского языка рассматриваемого периода, можно сделать некоторые заключения следующего характера:

1. Во всех словарях, грамматиках и текстовых документах ударение в словах проставлено на последнем слоге слов, что соответствует современной удмуртской акцентуации: *Коркà* [korka·] 'изба', *Гурпѣнѣль* [gurpi·l] 'заслонка' [Соч. 30, 31]; *ченярѣ* [čen'ari·] 'паукъ или мизгирь', *бурцѣнѣ* [burčı·n] 'шолкъ' [Мог. 33, 36]; *кибилѣ* [kibil'i·] 'саранча', *кудзѣмь* [kudze·m ~ kužže·m] 'пьяный' [Крот. 88, 97]; *Аракà* [arakã·] 'Вино', *Толòнѣ* [tolo·n] 'Вчера' [Мил. 95, 97]; *Зумѣтъ* [zumı·t] 'жиръ топлѣный', *Узѣ* [uzı·] 'земляника' [Словарь 1816: 5, 8]; *юаськò* [juas'ko·] 'вопрошаю', *сыскòнѣ*

[*sjsko·n*] 'жвачка' [Словарь 1820: 7, 16]; *Висэ* [*vis'e·*] 'Болишь', *Гозы* [*goz'i·*] 'Веревка' [Свод 1833: 2, 4];

Еванг. Гл. Мтф.: *Кыктэтиэзъ Солэнъ дышетскысь веразъ Солы: кось мынымъ уваллянъ мыныса уватыны ау-мэ.* 'Другой изъ учениковъ Его [Иисуса. – Л. И.] сказалъ Ему: Господи! позволь мнѣ прежде пойти и похоронить отца моего' (с. 50);

Еванг. Гл. Марк: *Либо маръ кулымъ [точнее: калымъ. – Л. И.] сiотдзъ аслазъ лулэзъ-понна?* 'Или какой выкупъ дастъ человекъ за душу свою?' (с. 63);

Азбука Гл.: *Увазырысь нуналазъ лестызь Со югытэзъ.* 'Въ первый день сотворилъ Онъ [Бог. – Л. И.] свѣтъ' (с. 17);

Еванг. Сар.: *Визяса бонъ нильдонъ нуналъ, нильдонъ уй-но, беръ вылазъ сямазъ.* 'И постившись сорокъ дней и сорокъ ночей, напоследокъ [Иисус. – Л. И.] взалкалъ' (с. 15);

Азбука Сар.: *Исусъ Христось кул-изъ [kuli·z] кирось-вылынъ житазэ суббота-азинъ пятницязэ.* 'Исусъ Христось умеръ на крестѣ вечеромъ, съ пятницы на субботу' (с. 113).

2. Послелогии в письменных памятниках, как и в современном удмуртском языке, всегда ударные: *огэзъ огэзъ берысызъ* [*beris'a·z*] 'одинъ послѣ другаго' [Крот. 105, 152]; *понна* [*ronna·*] 'за, предлогъ', *пумить* [*pumi·t*] 'противу' [Словарь 1820: 17, 36];

Еванг. Гл. Мтф.: *Ти бенъ пель-ады понэ мадиськонъ-эзъ кизись-ласянъ* [*las'a·n*]. 'Вы же выслушайте притчу о сѣятелѣ' (с. 94);

Еванг. Гл. Марк: *Соберэ кошкызы калыктэмъ интиазъ пыжъ-вылынъ* [*vij'i·n*] *огнязы.* 'И отправились [ученики Иисуса. – Л. И.] въ единенное мѣсто въ лодкѣ, одни' (с. 44);

Азбука Гл.: *Ангель адскызь Солы, юмальямъ-понна* [*ronna·*] *Соэ.* 'Ангель явился Ему [Иисусу – Л. М.], для укрѣпленія Его' (с. 101);

Еванг. Сар.: *Кызи пукрô юкасыкэ, тылынъ-но сутысыкэ; озй лудзъ та дунь-лэнъ бырдонъ дырьязъ* [*dijr'a·z*]. 'Какъ собираются плевелы, и огнемъ сожигаются; такъ будетъ при кончинѣ вѣка сего' (с. 99);

Азбука Сар.: *Зецъ визмô тодэмъ Инмарэзъ мырдонъ Сымъ нимô азыла пала выжызъ адями-пэлынъ* [*peji·n*] *кылызъ.* 'Познаніе истиннаго Бога едва хранилось въ потомствѣ Сима' (с. 31).

3. В грамматикахъ конца XVIII и текстовыхъ памятникахъ первой половины XIX века глаголы повелительного наклонения имеютъ ударение на первомъ слогомъ слова, что соответствуетъ акцентированію данныхъ формъ в современном удмуртскомъ языке : *Тонъ вѣра* [*ve·ra*] 'ты скажи', *Ти вѣралэ*

[*ve·rale*] 'вы скажите' [Соч. 48]; *тонь вѣраски* [*ve·ras'kij*] 'ты скажи', *тонь лѣсты* [*le·s'tij*] 'ты здѣлай' [Мог. 70];

Еванг. Гл. Мтф.: *Сокы вера солы Исусъ: кошкы* [*ko·škij*] *монь-дорысь, шайтанъ; гоштэмьинь бенъ увань: Инмарь-эдылы юбырты* [*ji·birtij ~ ? ju·birtij*], *Одыгъ Солы гинѣ сѣ каръ*. 'Тогда говорить ему [дьяволу. – Л. И.] Исусъ: отойди отъ меня, сатана; ибо въ писаніи сказано: Господу Богу твоему поклоняйся, и служи Ему Единому' (с. 17);

Еванг. Гл. Марк: *А Со косѣ валь соіослы, вераса: уть-э* [*u·t'e*], *Фарисейіосълэнъ-но, Иродълэнъ-но цирсамъ-лѣсь вѣзьскэлэ* [*vo·z'skele*]. 'И Онъ [Иисус. – Л. И.] заповѣдалъ имъ [ученикам своим. – Л. И.], сказавъ: смотрите, берегитесь закваски Фарисейской и закваски Иродовой' (с. 59);

Азбука Гл.: Кельты-но [*ke·l'tij no*] *милемълы селькъмъсѣ милестымъ, кызы мѣ-но кельтыськъомъ синяськыльіосълы*. 'И остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникамъ нашимъ' (с. 151);

Еванг. Сар.: *Со-кы Исусъ верязъ Асѣ дышетскісь-іослы: кинь-лэнъ кѣ миль-кыдѣ ванъ Монъ бэрисъ мынынъ; кѣлтскы* [*ke·l'tskij*] *аслѣсьтыдѣ, бисъты* [*ba·s'tij*] *асѣ крѣосъ-тѣ, мѣнъ-но бэрисямъ*. 'Тогда Исусъ сказалъ ученикамъ Своимъ: естли кто хочеть ийти за Мною; отвергнись себя, возми крестъ свой и слѣдуй за Мною' (с. 125);

Азбука Сар.: *Тодса уль арня нуналь-мѣ, со нуналь энъ-ужа аслѣдѣ вѣсяськыса селькълѣсь возькыса, адямилы зѣчь карса уль со нуналѣ, кватъ нуналадѣ ужа* [*u·ža*]: *а сизимет-іѣзъ-бонъ арня нуналь Остѣ Инмарэдлы тынадѣ*. 'Помни день субботный, еже святити его: шесть дней дѣлай и сотворивши въ нихъ вся дѣла твоя: день же седмый суббота Господу Богу твоему' (с. 175–176).

4. В отрицательных формах глаголов изъявительного наклонения акцентируется первый слог основного глагола, как и в современном удмуртском литературном языке и большинстве диалектов, например: *тонь удвѣраськы* [*ud ve·ras'kij*] 'ты не говоришь', *Монъ зѣвѣра* [*ej ve·ra*] 'я не говорил' [Соч. 50]; *уг ванмиски* [*ug va·n'mis'kij*] 'не досужно [мне]', *угваласки* [*ug va·las'kij*] 'незнаю' [Мог. 95]; *угтуна* [*ug tu·pa*] 'несогласный [точнее: не подходит. – Л. И.]' [Словарь 1820: 29];

Еванг. Гл. Мтф.: *Ношна-но удѣ валаскѣ* [*ud va·las'ke*], *тодэды-но удѣ вайськѣ* [*ud vai·s'ke*], *вить сукуры-ѣзъ вить сюрсѣ муртълы, кэнъ бенъ куды октыды*. 'Не уже ли вы еще не разумѣете, и не помышляете о пяти хлѣбахъ на пять тысячъ человекъ, и сколько коробовъ вы собрали' (с. 121);

Еванг. Гл. Марк: *Изé-но, султэ-но уинь-но нуназэ-но; кызи бень кидысь-эзъ потэ, будэ-но кызи, ацызъ угъ-вѣла [ug va'la].* 'И спитъ и встаетъ ночью и днемъ, а какъ сѣмя прозябаетъ и вырастаетъ, не знаетъ самъ' (с. 27);

Азбука Гл.: *Израильской царствоэзъ быттэмьинь Ассирияньюсынъ озь, что соберэ эзь-вильяски-ини [ez vi'l'jas'ke in'i].* 'Неправедное царство Израильское разрушено Ассирианами такъ, что уже послѣ не возстановлялось' (с. 66);

Еванг. Сар.: *Исусъ бонъ кылысà соэ веразъ соосълы: таза улысьюсь кулэ угъ каро [ug ka'ro] змьясь-эзъ, кулэ каро бонъ висисьюсь.* 'Исусъ же, услышавъ сіе, сказалъ имъ [Фарисеям. – Л. И.]: не здоровые имѣють нужду во врачѣ, но больные' (с. 56);

Азбука Сар.: *Инмаръ кызъ каргэзъ, Адамэзъ Еваэзъно Рэй сад-ысь уллясà подт-изъ: музьемэзъ-но эзь-кбзмани [ez ko'zma ni] вадьлă-кадь тырмытъ удалтэмлы.* 'Богъ проклялъ змія, изгналъ Адама и Еву изъ Рая: и землю съ ея произведеніями лишилъ прежняго благословенія, то есть, прежняго совершенства и довольства' (с. 24).

В Азбуке на сарапульском наречии встречается немало примеров, где ударение поставлено и на отрицательном вспомогательном глаголе, и на первом слоге основного глагола: *Озі бонъ лусă эзъ шедь-тыни [e'zše'd'tj ni]* *Инмарлэсь зецъ мылзэ-кыдзэ, Эксэй улоссэ-но сэрízъ соинь.* 'Такимъ образомъ лишился онъ [Соломон. – Л. И.] благоволенія Божія, и разстроилъ свое царство' [Азбука Сар. 63]; *Озі верамезлѣ собсь угъ óско [u'g o'sko] валь: шонеръзэ ватсà крýжъ турыкысà ацсэ сямѣнь малтаськысà кышкарò валь, Апостольюсызъ не мугоръзэ Исуслэсь лучкалозы.* 'Предсказанію сему они [враждующие иудеи. – Л. И.] не вѣрили: а поступая сами лукаво, и о себѣ судя о Апостолахъ, опасались, чтобы они не похитили тѣла Иисусова' [Там же: 114]. В 60–70-е гг. прошлого столетія постановка ударения на отрицательном вспомогательном глаголе в подобных формахъ была отмечена в бесермянском наречіи [Тепляшина 1970б: 224, 225, 229]. В настоящее время ни в одном изъ современных удмуртскихъ диалектовъ акцентирование отрицательного вспомогательного глагола в формахъ изъявительного наклонения не наблюдается.

В словаре З. Кротова в данныхъ конструкціяхъ акцентированъ последний слогъ основного глагола, например: *угъгажаскы [ug gažas'ki-]* 'ненавижу, нелюблю', *угътоцкы [ug todckj-]* 'незнаю, невѣдаю' [Крот. 235].

5. В отрицательныхъ формахъ глаголовъ повелительного наклонения в грамматике 1775 года акцентируется отрицательный вспомогательный

глагол эн: *Тонь ѓнвера* [e'n vera] 'ты не сказывай', *Тонь ѓнушия* [e'n ušja] 'ты не хвали' [Соч. 51, 58]. Данное явление отмечено исследователями во многих северных и южных диалектах, а также в бесермянском наречии удмуртского языка [Тепляшина 1970б: 238; Кельмаков 1992а: 79; 1998: 75; Карпова 2005: 49].

В Евангелиях от Матфея на глазовском и сарапульском наречиях в подобных формах ударение чаще всего ставится на первый слог основного глагола:

Еванг. Гл. Мтф.: *Энь мѧлпалэ* [en ta'lpale], *Монь лыкты музьемэ, соглѧшь-кѧнѧшь ваинь шусѧ.* 'Не думайте, что Я пришел принести мир на землю' (с. 70);

Еванг. Сар.: *Энь бѧсытэ* [en ba's'te] *серѧды не зарни-ѓзъ, не азвесь-ѓзъ, не иргонь-ѓзъ камьянѧды.* 'Не берите съ собою ни золота, ни серебра, ни мѧди въ поясы ваши' (с. 64). Подобная акцентуационная модель отмечается в срединных и некоторых североудмуртских говорах [Кельмаков 1998: 75; Карпова 2005: 49].

Однако имеются случаи акцентирования и отрицательного вспомогательного глагола, напр.:

Еванг. Гл. Мтф.: *Исусь верѧзъ: ѓнъ вѧй* [e'n vij]; *ѳѧѳѧѳѧ ѓнъ-каръ* [e'n kar] <...> *лѧжной присягѧ ѓнъ-пырь* [e'n p'ir]. 'Исусь сказалъ: не убей; не прелюбодѧйствуй <...> не лжесвидѧтельствоуй' (с. 146);

Еванг. Сар.: *Исусь верѧзъ: ѓнъ вѧй* [e'n vij]; *ѳѧѳѧѳѧ ѓнъ-каръ* [e'n kar] <...> *ѧнме ѓнъ-цягъ* [e'n čag]. 'Исусь сказалъ: не убей; не прелюбодѧйствуй <...> не лжесвидѧтельствоуй' (с. 146).

В Евангелии от Марка и Азбуках ударением чаще отмечены и отрицательный вспомогательный глагол, и первый слог основного глагола:

Еванг. Гл. Марк: *Ношь соѧсылы верѧзъ: ѓнъ вѧнѧтэ* [e'n vi'nete], *мѧръке кылыскѧды.* 'И сказалъ [Иисус. – Л. И.] имъ [ученикам своим. – Л. И.]: замѧчайте, что слышите' (с. 26);

Азбука Гл.: *Энь вѧй* [e'n vij]. 'Не убѧй' (с. 164);

Азбука Сар.: *Беззакѧнно ныльѧнъ кышноѧнъ ѓнъ кѧла* [e'n ke'la]. 'Не прелюбы сотвориши' (с. 181).

6. Как известно, в современном удмуртском языке основной глагол с отрицательным служебным словом *медаз* 'пусть не...' произносится без ударения, например, *медаз вера* 'пусть не говорит' [ГСУЯ 1962: 48; СУЯ 1992: 66]. В исследуемых текстовых памятниках в подобных формах акцентируются оба компонента, причем в основном глаголе ударение ставится на первый слог:

Еванг. Гл. Мтф.: *Верà но солы: Инмарь-лэнъ кэ Пиэдъ тонъ, тётци музэ; Гоштэмьнъ бенъ уванъ: Ась Кылдысинь-юсь-лы косозъ утинъ Тонэ, ки-вылазы-но бастозы Тонэ, медадъ сапцы [meda:d sa:pckj] изь-бордэ пьдэнды. 'И говоритъ ему [Иисусу дьявол. – Л. И.]: Если ты сынъ Божий, бросься внизъ; ибо въ писаніи сказано: Ангеламъ своимъ заповѣдаетъ о тебѣ (сохранить тебя), и на рукахъ понесутъ тебя, да не предкнешься о камень ногою твоею' (с. 16);*

Еванг. Гл. Марк: *Сò бенъ косызъ Аслазъ дышетскисьюсь-лы, медъ Сò-понна дасъ луозъ покци пьжъ калыкъ-лэсь, медазъ люкэтэ [meda:z l'u:kete] Солы. 'Посему Онъ [Иисус. – Л. И.] сказалъ ученикамъ Своимъ, чтобы для Него въ готовности была лодка отъ народа, дабы не тѣснили Его' (с. 17);*

Азбука Гл.: *Монь уванъ Господь Инмарь-эдъ тынадъ, медазъ луэ [meda:z lu'e] тынды мукэтъ Инмарьюсь Монь лэяна. 'Азъ есмь Господь Богъ твой; да не будутъ тебѣ Бози инни развѣ Мене' (с. 46–47);*

Еванг. Сар.: *Вэкасà-но косэмъ луизъ соослы, медазъ бэретскэ [meda:z be:rjtske] Иродъ-дорэ, музонъ сюресенъ бертызы ась палазъ. 'И получивъ во снѣ повеленіе, не возвращаться къ Ироду, [волхвы. – Л. И.] инымъ путемъ отправились въ страну свою' (с. 8).*

7. В глагольных формах с суффиксами *-мы, -ды, -зы* в грамматиках XVIII века и текстовых памятниках первой половины XIX века, исключая Азбуку на сарапульском диалекте, акцентируется предшествующий этим суффиксам слог: *Ми ушяллями [uʃjal'l'a:tj]* 'мы хваливали', *ти ушялляды [uʃjal'l'a:dj]* 'вы хваливали', *союдъ ушяллязы [uʃjal'l'a:zj]* 'они хваливали' [Соч. 54]; *ти лестиды [les'ti:dj]* 'вы здѣлали' [Мог. 72], *Каль инь-пулсынъ, музёмъ-но-пулсынъ мертёмъ тодды [todo:zj]*. 'Нынѣ между Небомъ и Землей мѣру знаютъ' [там же: 106];

Еванг. Гл. Мтф.: *Сокы Петръ отвѣтъ сіотыса, веразъ Солы: тани ми уваньмесь вицякъ-сэ кельтыми [kel'tj:tj], бэрысэдъ-но мыными [tj:nj:tj]; марь бенъ милемлы луозъ? 'Тогда Петръ отвѣтствуя сказалъ Ему [Иисусу. – Л. И.]: вотъ мы оставили все, и послѣдовали за тобою; что же намъ будетъ?' (с. 148);*

Еванг. Гл. Марк: *Отцы лыктызы [ljk:tj:zj] Фарисейюсь кутскызы-но [kutski:zj no] спорьяскины Соинъ, курызы-но [kuri:zj no] Солэсь пусмартонъ-зэ инь-вылысь, тодэмэзъ-понна, быгатозъ-а марьке лестыны. 'Вышли Фарисеи, и начали спорить съ Нимъ [Иисусом. – Л. И.], и требовали отъ Него знаменія съ небеси, искушая Его' (с. 58);*

Азбука Гл.: *Бэрысызъ солэнъ адскызы [adski:zj] Ангельюсь, веразы-но [vera:zj no] соослы, Со ношъ лыктдзъ инь-вылысь озикъ, кизи адды*

[aʒʒiːdi] *Соè инь-вылэ мынысьсэ.* 'Въ слѣдъ за симъ явились Ангелы, и сказали имъ [апостолам. – Л. И.], что Онъ [Господь. – Л. И.] опять приидеть съ неба также, какъ видѣли Его идущаго на небо' (с. 109–110);

Еванг. Сар.: *Со бэрысязь-но уно калыкъ-юсь мынызы [miŋiːzi]. Со бонь бурмытызь воцякъ-сэ-икъ.* 'И послѣдовало за Нимъ [Иисусом. – Л. И.] множество народа, и Онъ исцѣлил ихъ всѣхъ' (с. 82).

В удмуртском литературном языке и в большинстве диалектов в данных формах ударение ставится на последнем слоге. Акцентирование предшествующего суффиксам *-мы, -ды, -зы* слога наблюдается в отдельных северных говорах, в бесермянском наречии и кукморском говоре: нч. *верáмы* 'мы сказали', *вералóмы* 'скажем, сообщим' [Тепляшина 1970а: 167]; глаз. *мьнóзы* 'пойдут' [Вахрушев 1959: 235]; сч. *kâlo-zâ* 'улышат', *s'oti-mâ* 'мы отдали' [Карпова 1994: 29]; вч. *мыни-зы* 'они ушли', *ужало-ды* 'будете работать' [Алашеева 1982: 93]; бес. *тодис'ко-дь* 'знаете' [Кельмаков 1992а: 78]; кукм. *кълис'кэмьмь* 'мы, оказывается, (у)слышали' [Кельмаков 1998: 74] и др.

Необходимо отметить, что в Евангелиях от Матфея на обоих наречиях подобным образом акцентированы не только глагольные формы на *-мы, -ды, -зы*, но в некоторых случаях и косвенные падежные формы притяжательного склонения имен существительных и некоторых послеложных форм, например:

Еванг. Гл. Мтф.: *Матэктыськò Мынымъ та адыміòсь ась ымыны-зы [iŋiŋiːzi], сыкарò-но Монè кылбынь; сюлэмъ-зы бень соосълэнъ кыдіòкынь мынэсьтымъ.* 'Приближаются ко Мнѣ люди сіи устами своими, и чтуть Меня языкомъ; сердце же ихъ далеко отстоитъ отъ Меня' (с. 112);

Еванг. Сар.: *Бáсьтэ нупіеть-мэ ась ывлáды [vɪlaːdi], дышетскэ-но мынэсьтымъ; Монь бонь восьтэмъ, сюлмынымъ-но капцй: шеттòды-но джижетськòнь ась-лүль-юсь-тылы.* 'Возмите иго Мое на себя, и научитесь отъ Меня: ибо Я кротокъ и смиренъ сердцемъ и найдете покой душамъ вашимъ' (с. 78–79); *Калыкъ-лэнъ оскóнь-зы [oskoːnzi] бьиттырзэ Со бордынъ луóзь.* 'И на имя Его [Господа Бога. – Л. И.] будутъ уповать народы' (с. 83). Данное явление отмечается учеными в бесермянском наречии, кукморском говоре и среднечепецком диалекте удмуртского языка: бес. *гурта-мь* 'в нашу деревню', *зэк ыла-зы* 'на их столе' [Кельмаков 1992а: 78–79]; кукм. *бакчай-а-мь* 'на наш огород; на нашем огороде', *гит'каз'ти-зь* 'по их двору' [Кельмаков 1993: 75]; сч. *gurtaːdâ ~ gurtadâ* 'в вашем доме' [Карпова 1997: 63].

В Азбуке, изданной на сарапульском наречии удмуртского языка в глагольных формах с суффиксами *-мы, -ды, -зы* акцентируется послед-

ний слог: *Ананіезь, Азаріяезь Мисаилэзь-но Іудейіосыз Навуходоносорь косэмэнь кушит-изы* [kuʃtizi·] *эстэмь зирдámь гурэ ибыртэмтэзы пэнна ась визмынызь зарніезь лэсьтэмь малыкэ Инмарь шуса* идоллы. 'Ананія, Азарія и Мисаиль, по повѣленію того же Навуходоносора брошены были въ разоженную пѣчь за то, что не поклонились золотому идолу' [Азбука Сар. 72].

8. В порядковых числительных с суффиксом *-эти* в текстовых памятниках первой половины XIX века, изданных на глазовском наречии и словаре З. Кротова ударение наблюдается на первом слоге указанного суффикса, например: *висьтонэ-міезь* [vit'tone·tijeʒ] 'пятидесятый', *кватэти* [kvat'e·ti] 'шестый' [Крот. 26, 80]; *урь нильэти* [n'il'e·ti] 'глава четвертая' [Еванг. Гл. Марк 26]; *Висьтонэти* [vit'tone·ti] *нуналэ Еврейіось потэмь берэ Египтысь, Инмарь поттысь соосьлы ась выльэмзэ Синай гурэзь выльынь, тыль пучкынь, чынйынь труба кварайнь: сіотызь-но соосьлы законь, кудызылэнэ экъгэсь дась заповѣдыось увань тачёось...* 'Въ пятидесятый день послѣ изшествія Евреевъ иъ Египта, Богъ явиль имь свое присутствіе на горѣ Синаѣ, во огнѣ, дымѣ и трубномъ звукѣ: и даль имь законъ, котораго главныя заповѣди суть слѣдующія...' [Азбука Гл. 46].

Подобное акцентирование в данном грамматическом разряде слов является особенностью северных (вч. *висьт'э·ти* 'пятый' [Алашеева 1992: 93], нч. *t'amāse·t'i* 'восьмой' [Карпова 1994: 29], сч. *дасэ·т'и* 'десятый' [Карпова 2009: 716]) и срединных говоров (*н'ыл'э·тийэзлы* '(именно) четвертому'), а также бесермянского наречия удмуртского языка: *кўамън'э·т'и* 'тридцатый' [Кельмаков 1992: 79].

В рукописном словаре 1820 года и Азбуке на сарпульском наречии в подобных формах акцентируется последний слог слова, независимо от того, является ли он частью показателя порядкового числительного или другой морфемы (падежный аффикс, указательно-выделительный суффикс и т. д.): *кыктетиезь* [kiktetijeʒ] 'вторичный', *нилетіезь* [n'il'etijeʒ ~ ? n'il'etijeʒ] 'четвертый' [Словарь 1820: 8]; *Кватет-іязь* [kvat'etijaʒ], *музьемь выльынь лулоосызь, соберэ адяміэзь-но.* 'Въ шестый [день Бог сотворил. – Л. И.], животныхъ земныхъ, и наконецъ человекъ' [Азбука Сар. 18].

9. В сложных словах, зафиксированных в словарях и грамматиках, ударение обычно (но не всегда) падает на второй компонент, а в текстовых же памятниках (Евангелиях и Азбуках) акцентируются обе части сложного образования: *Синьнуны* [s'innuni·] 'озорочко', *Пыдтышь* [pidti·s] 'пята', *Вупортэть* [vuporte·t] 'водоворотъ' [Соч. 18, 20, 36]; *нянь-пучкэсь* [n'an'pučke·s] 'мякишъ', *адзысь-муртыослы* [aʒʒi·s'murtjosli·]

'свидѣтелямъ', *гырлы-жугонъ* [gɪrlɪʒugon] 'колокольня', [Мог. 29, 50, 51]; *палэзънұ* [palez'pu] 'рябина дерево', *пыдъкѣтъ* [pɪdke't] 'голень', *ягъ мулұ* [jagmul'i] 'брусника ягода' [Крот. 161, 283]; *Вузъ-каронъ* [vuzkaron] 'продажа, торгъ', *Ныръ-нысы* [nɪ'rpɪsɪ] 'ноздри' [Словарь 1816: 3, 5]; *синкырмѣтъ* [s'inkɪrmet] 'вѣко', *кырымпыдѣсъ* [kɪrɪmpɪdɛ's] 'ладонь' [Словарь 1820: 9, 24];

Еванг. Гл. Мтф.: *Исусъ вордскѣмъ-берѣ Іуда Вифлеемынъ, Иродъ Эксей-дырѣя: лыктѣзы Іерусалимѣ нодѣсъ муртъѣосъ шунды джужан-паласъ* [ʃundɪ:ʒɪʒa'n pala's] ... 'Когда же Исусъ родился въ Виѣлеемѣ Іудейскомъ во дни царства Ирода: пришли въ Іерусалимъ мудрецы волхвы съ востока...' (с. 6);

Еванг. Гл. Марк: *Чукна-угъ, орцикұзъ адзізы смѣквапузъ* [smo'kvapuzɛ] *выжытѣдъзъ квасъмэмъзъ.* 'Поутру, проходя мимо увидѣли, что смоковница засохла до корня' (с. 89);

Азбука Гл.: *Господь Исусъ Христосъ крещеньяѣ пырѣмъ-берѣ орцитѣзъ нильдонъ нуналъзъ кыр-интійнъ* [kɪ'rintɪjɪ'n], *визяса восьякиса-но, vormызъ пѣямъзъ шайтанълѣсъ, быгатызъ-но соѣ Инмаръ кыль-энызъ.* 'Послѣ крещенія Господь Исусъ Христосъ провелъ сорокъ дней въ пустынь, въ постѣ и молитвѣ, выдержалъ искушеніе отъ діавола и побѣдилъ его словомъ Божиимъ' (с. 85);

Еванг. Сар.: *Та выдѣжѣ бонъ улясыкъ вѣсъ кылѣнъ-гэнъ* [vɛ's'kɪlɛ'n gɛnɛ] *визянь-энь-но.* 'Сей же родъ изгоняется токмо молитвою и постомъ' (с. 131);

Азбука Сар.: *Инмаръ Евазъ лѣст-изъ адямилѣнъ урдъ-лыыстызъ* [u'rdlɪjs'tɪ:z], *Адамлѣсъ изіонъ дырѣязъ кѣтъ урдзъ* [kɛ'turdzɛ] *бастыса.* 'Богъ сотворилъ Еву изъ ребра, которое взялъ у Адама во время сна' (с. 19).

В бавлинском диалекте, как отмечает И. В. Тараканов [1998в: 70–71], да и в удмуртском литературном языке, в сложных словах, являющихся по своему значенію именами существительными, ударение падает на последний слог, напр.: бавл. *t̃amɪ's* 'внутренности, внутренние органы', *k̃āʃnɔmɪ·rt* 'женщина'. В первом компоненте сложных образований подобного рода происходит исчезновение первоначального ударения. Однако в сложных словах, образованных из двух синонимов или антонимов, ударение в первом компоненте не теряется: бавл. *ulo·n-vālo·n* 'жизнь-бытьѣ', *az'la·n'-mādlā·n'* 'туда и обратно, взад и вперед'.

По мнѣнію некоторых ученых, постановка ударения на обоих компонентах сложного слова объясняется тем, что сложное слово при медленном темпе речи может сохранять модель сложенія, причем каждый его компонент сохраняет свою модель ударения [Вийтсо 1979: 141].

10. В заимствованных словах преобладает акцентная структура с удмуртским принципом ударения на последнем слоге, например: *Пучина* [pučina·] 'пошлина', *Грама* [grama·] 'грамота' [Соч. 15, 17]; *стонка* [stopka·] 'стокань, покаль' [Мог. 19] *молотъ* [molo·t] 'молотъ', *морá* [mora·] 'море' [Крот. 136]; *гривонка* [grivonka·] 'фунтъ' [Словарь 1820: 45];

Еванг. Гл. Мтф.: *Калыкъ-но энзэ иштисá вераллязъ: ненóкуно тачезъ адзёммы эйвáль Израелинь* [izrael'i·n]. 'И народъ, удивляясь, говорил: никогда сего не видали во Израили' (с. 61);

Еванг. Гл. Марк: *Нокечейкъ чудо-зэ [čudoze·] отынъ Со эзь-ни лёсты, сд-лэсянá, чтó кенязэке висись-юссэ бурмытызъ вылазъ кú понысá.* 'И не могъ [Иисус. – Л. И.] сотворить там никакого чуда, кромѣ того, что исцѣлил нѣсколькихъ больныхъ, возложеніемъ рукъ' (с. 38);

Еванг. Сар.: *Мылыдь-кэ потэ пырыны быронътэмъ дуньяе, уть заповѣдь-юсызъ* [zapoved'josj·z]. 'Естьли хочешь войти въ жизнь вѣчную, сохрани заповѣди' (с. 146);

Азбука Сар.: *Цюдоосызъ [čudoosj·z] лэсьт-изъ Со жалямэнызъ курадзисá кванермёмъюслы воць паймонó-кадь цюдоосызъ зецъ карэмэзъ пэннá адямюслы.* 'Он [Иисус. – Л. И.] творилъ чудеса обыкновенно изъ милосердія къ бѣдствующимъ, ибо всѣ чудеса Его надъ людьми были благотворныя' (с. 98).

11. Во всех текстовых памятниках часто встречаются слова (не сложные образования!), в которых имеется два и больше знака ударения, что, скорее всего, является опечаткой, например:

Еванг. Гл. Мтф.: *Адзисá бень калыкъ-эзъ жальязъ соось-сэ, соось бень кэльтэмъ* [ke-l'te·m], *пасьтанá-но люкыськэмьинъ* [l'ukj's'ke·mj·n] *вáль, пастухъ-тэмъ ижъюдь-сямэнъ.* 'Видѣвъ же людей, [Иисус. – Л. И.] жалѣль о нихъ, что они изнурены и разсѣяны, какъ овцы не имѣющія пастыря' (с. 62);

Еванг. Гл. Марк: *Нокечейкъ чудо-зэ отынъ Со эзь-ни лёсты, сд-лэсянá* [so· le·s'ana·], *чтó кенязэке висись-юссэ бурмытызъ вылазъ кú понысá.* 'И не могъ [Иисус. – Л. И.] тамъ сотворить никакого чуда, кромѣ того, что исцѣлил нѣсколькихъ больныхъ, возложеніемъ рукъ' (с. 38);

Азбука Гл.: *Азнырысь потонъюсь селыкълэсь валь возитъ кышканъ-но: соберэ сутызы селыкдосызъ* [s'eljiko·osj·z] *курадзёмъ ужанъюсь, висюньюсь кулонъ-но.* 'Первыми послѣдствіями грѣха были стыдъ и страхъ: потомъ постигли грѣшниковъ изнурительные труды, болѣзни и смерть' (с. 23–24);

Еванг. Сар.: *Эзь-но-кдсь соось-лы* [soo·slj·] *Ась-сэ шара подтыны.* 'И запретилъ [Иисус. – Л. И.] имъ [народу. – Л. И.] объявлять о Немъ' (с. 82);

Азбука Сар.: *Воць Мынымъ сѣтѣмынь [s'ot'e.tj'n] Мынамъ Атае-нымъ: не нокінъ-но угъ тодѣ Піезъ Атай лэсянѣ; Ата-эзъ-но ненѣкинъ угъ тодѣ Пи-лэсянѣ, со лэсянѣ-но, кинъ-лы Пй гэнѣ тодоно карѣзъ. 'Все предано Мнѣ Отцемъ Моимъ и никто не знаетъ Сына, кромѣ Отца; и Отца не знаетъ никто, кромѣ Сына, и кому Сынъ открыть восхоцетъ' (с. 78).*

Таким образом, в материалах письменных памятников XVIII – первой половины XIX века, зафиксирована акцентная структура удмуртских слов, похожая на современную. Некоторые случаи расхождения ударения можно объяснить тем, что рассмотренные документы в большинстве своем были составлены на основе различных диалектов.

3.4. Диалектные особенности письменных памятников

Проблема изучения диалектных особенностей ранних памятников удмуртской письменности не совсем нова. Этот вопрос рассматривался попутно при исследовании удмуртской графики и орфографии или изучении письменных памятников в работах ряда удмуртских исследователей, в число которых входят В. И. Алатырев [1956: 62; 1975а: 14]; Т. И. Тепляшина [1965а: 29, 63–64, 70, 113–115, 221–224, 228–229, 233, 289–293; 1971: 131–138; 1973: 224–226; 1995: IX–XIII; 1998: 199–202]; В. М. Вахрушев [1976: 37–38]; Б. И. Каракулов [1987а: 107; 1991: 116]; Л. Л. Карпова [1997: 27–31]; И. В. Тараканов [1998б: 336]; В. К. Кельмаков [2001а: 11–12; 2001б: 18; 2002а: 118; 2002б: 20; 2008: 36]; В. В. Напольских [2001: 9; 2002: 47] и др. Однако с развитием удмуртской диалектологии данные некоторых вышеперечисленных ученых на сегодняшний день немного устарели.

Нельзя не согласиться с высказыванием Б. И. Каракулова о том, что «Рассмотрение языка отдельных памятников XIX в. (а также некоторых памятников XVIII века – курсив наш. – Л. И.) происходило в несколько иной плоскости – в выяснении отдельных диалектных черт, не учитывая стремления к общенародности, к нормированности» [Каракулов 1987а: 103].

3.4.1. Диалектная принадлежность памятников

Общей характерной чертой памятников письменности, анализируемых в данной монографии, является то, что большинство из них составлены на основе языковых данных какого-то определенного диалекта, но с

широким привлечением лексического материала других наречий удмуртского языка.

Что касается лексикографического наследия Д. Г. Мессершмидта, как отмечает В. В. Напольских [2001: 9], он исследовал северных (верхне- и среднечепецких) удмуртов, следовательно зафиксировал северноудмуртские диалектные особенности удмуртского языка первой трети XVIII века.

В книге Ф. Й. Страленберга нет указания на то, с каких мест были записаны удмуртские слова. Тем не менее, Т. И. Тепляшина, проанализировав его лексические данные, предполагает, что Страленбергом записан материал юго-западных диалектов [Тепляшина 1965а: 24]. Сопоставляя результаты своего диалектологического анализа, а также исторических и биографических фактов, связанных с обстоятельствами фиксации материала, другого мнения придерживается В. В. Напольских: «Не подлежит сомнению, что Ф. И. фон Штраленберг не имел представления об удмуртах, живших в Казанской губернии, для него вотяки – жители исключительно Вятского наместничества. Следовательно, его удмуртские лексические материалы (если к тому же принимать во внимание вероятные пути его следования в Сибирь – с колонной А. Пильстрема, из Сибири – по тому же маршруту, что и Д. Г. Мессершмидт) могли быть получены только от чепецких удмуртов, вероятнее всего – ниже- или по крайней мере среднечепецких: ведь не зря рядом с вотяками он называет каринских (чепецких) татар» [Напольских 2002: 47].

Участник Камчатской экспедиции историк Г. Ф. Миллер в течение 10 лет своего путешествия изъездил всю Сибирь, составляя маршруты пройденного пути с описанием этнографии местных народов, образцов их языков. Т. И. Тепляшина, проанализировав удмуртские лексические материалы Г. Ф. Миллера, замечает, что в них отражен один из южных диалектов [Тепляшина 1965а: 31]. Об этом свидетельствует и запись исследователя Сибири в собственной книге «Описание живущих в Казанской губернии языческих народов...»: «В бытность мою в Казани с помощью данной мне из тамошней губернской канцелярии толмачей черемисского, чувашского и вотяцкого языков, как по близости от Казани оными языками говорят, собрал я несколько слов, к которым совокупил еще знания на мордовском и казанских татар языках» (цитируется по: [Тепляшина 1965а: 63]). Из данного указания Г. Ф. Миллера мы узнаем, что удмуртский материал он собирал у удмуртов, проживающих в окрестностях Казани. В этой же работе, наряду с этнографическим описанием жизни и быта удмуртов, отмечено, что в удмуртском языке существуют

различные диалекты. Г. Ф. Миллер отмечает наличие диалектов «верхних» (т. е. северных) и «нижних» (т. е. южных) удмуртов. Следовательно, при сборании удмуртских материалов, исследователь заметил отличие диалекта удмуртов северных районов от диалекта южных.

Материалы академика Й. Э. Фишера, как было уже указано выше (см. раздел 1.4.4), приводятся в вышеупомянутой монографии Т. И. Тепляшиной [1965а: 65–70], но не в полном объеме – всего 37 слов. В ней рассматривается графика удмуртских записей этого ученого. По поводу диалектной принадлежности лексического материала, зафиксированного Й. Э. Фишером, Т. И. Тепляшина никаких заключений не делает.

Венгерский ученый-финно-угровед Ш. Чуч в одной из своих статей под названием «Удмуртский язык в XVIII веке» [Csúcs 1984: 63–80], опираясь на словарь Й. Э. Фишера, заключает, что в удмуртском языке XVIII века или, по меньшей мере, в одном диалекте, имеются фонемы \ddot{o} и \ddot{y} , которые в настоящее время характерны для южноудмуртских диалектов. По нашим наблюдениям, в материалах Й. Э. Фишера зафиксированы также фонетические явления, встречающиеся в северноудмуртской диалектной зоне. Наличие некоторых южноудмуртских и/или бесермянских слов и форм, скорее всего, говорит о задействовании нескольких информантов, говорящих на южном диалекте удмуртского языка, а возможно, материал исследователем был собран из разных мест проживания удмуртов.

В удмуртском переводе молитвы «Отче наш», записанном И. Аделунгом в начале XIX века, по мнению Т. И. Тепляшиной [1965а: 233], присутствует лексика, характерная для южноудмуртских диалектов. Соотнесенность этого памятника письменности с южноудмуртской диалектной зоной доказывает и употребление в тексте аффикса винительного падежа множественного числа существительных *-ыз (-iz)*.

В первых стихотворениях на удмуртском языке, опубликованных во второй половине XVIII века, по словам Т. И. Тепляшиной [1965а: 226], встречаются слова и морфологические явления, характерные для южноудмуртских диалектов.

В лингвистических материалах П.-С. Палласа, как отмечает Т. И. Тепляшина [1965а: 113–114], представлена лексика из разных диалектов удмуртского языка. Этот ученый-путешественник подробно описал свой маршрут, проделанный в 1773 году на обратном пути из Сибири в Санкт-Петербург. «Паллас проезжал по следующим местам, населенным удмуртами: по Каме, реке Танып <...> останавливался в удмуртской деревне Качак <...> Переночевав в Камбарке, <...> он прибыл в село Сарапул.

<...> Далее он ехал через дер. Омга, Чудшая...» [Тепляшина 1965а: 71]. Таким образом, П.-С. Паллас проезжал, главным образом, по территории проживания южных и срединных удмуртов. Наличие же в его словаре лексики северных диалектов, по нашему мнению, можно легко объяснить тем, что при создании сравнительных словарей П.-С. Палласу были при-сланы материалы и по северному диалекту удмуртского языка.

Что касается лексических материалов по удмуртскому языку, собранных П. Фальком, Т. И. Тепляшина [1965а: 120] пишет следующее: «Относительно диалектной принадлежности приведенных Фальком слов не приходится сомневаться в том, что они южноудмуртские».

Письменный памятник под названием «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка», по словам Т. И. Тепляшиной [1965а: 224], «создан на основе материалов южных диалектов». В. М. Вахрушев [1976: 37–38] тоже считает, что в лексическом материале грамматики преобладают слова южного диалекта. По мнению В. И. Алатырева [1975а: 14], первая грамматика отражает все наречия и говоры удмуртского языка – южное и северное наречия и срединные говоры. Последней точки зрения придерживаются Б. И. Каракулов [1991: 116]: «трудно согласиться с выводами некоторых лингвистов, в качестве основы лексического материала грамматики 1775 года выдвигающих какой-либо конкретный диалект»; и В. К. Кельмаков [2001а: 11–12; 2001б: 18; 2002а: 118; 2002б: 20; 2008: 36]: «удмуртский язык первой грамматики примечателен тем, что невозможно определить его точную диалектную основу, хотя при аналитическом исследовании можно обнаружить наличие в его ткани различных диалектных стихий». Мы также считаем, что «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка» содержат в себе как южноудмуртские диалектные черты, так и северноудмуртские.

О диалектной принадлежности удмуртско-русского словаря З. Кротова, казалось бы, говорит само название – села Еловскаго, то есть он составлен в населенном пункте, расположенном в северноудмуртской диалектной зоне. Т. И. Тепляшина [1971: 131; 1995: IX], проанализировав данный лексикографический труд, отмечает об этом. Однако тут же она указывает о наличии в рукописи некоторых южноудмуртских слов, что объясняет осведомленностью составителя данными разных удмуртских диалектов. Такого же мнения придерживается Л. Л. Карпова [1997: 29].

О наличии в словаре различных диалектных явлений достаточно определенно пишет сам З. Кротов: «Что въ семь словарѣ найдутся реченія въ началахъ своихъ съ положенными въ Грамматикѣ мало или совсемъ не-

сходны, тому причиною не что другое, какъ въ разности мѣсть разное вотяковъ нарѣчіе; однакъ не такое чтобъ современемъ исправлено и въ порядокъ приведено быть не могло» [Кротовъ 1785: 1а]. Таким образом, словарь З. Кротова, как и первую удмуртскую грамматику, нельзя соотнести с каким-либо конкретным диалектом, так как в нем наличны фонетические явления и лексические особенности различных диалектов.

В удмуртской грамматике М. Могилина под названием «Краткой отяцкія Грамматики опытъ», по мнению Т. И. Тепляшиной [1965а: 234–293; 1998: 193–202], представлен языковой материал севернoudмуртских говоров и бесермянского диалекта. Исследователь северных говоров, в частности, среднечепецкого диалекта удмуртского языка, Л. Л. Карпова придерживается той же точки зрения: «Кроме характерных севернoudмуртских черт, в грамматике М. Могилина отражается и своеобразие бесермянского диалекта» [Карпова 1997: 30]. Мы солидарны с мнениями этих ученых.

Что касается рукописного словаря 1816 года, судя по его названию, словарный материал был собран священником Степаном Сидоровым в деревне Елово бывшего Глазовского уезда Вятской губернии. Значит, можно предположить, что в памятнике зафиксированы особенности северного диалекта удмуртского языка. Однако, как отметили выше (см. раздел 2.6.1.1), лексический материал данного словаря очень близок к лексике грамматики 1775 года. Резюмируя вышесказанное, можно заключить, что в этом лексикографическом труде отражены особенности различных диалектов.

Рукописный словарь под названием «Словарь языка вотского», написанный неизвестным автором в 1820 году, по мнению И. В. Тараканова, составлен на одном из северных диалектов удмуртского языка: «Употребление звука (у) в позиции (перед. – Л. И.) а вместо начального (в) (*уамышитысько, уаськысько, уалисько*), аффрикаты (ц) вместо *тс* и *ч* (*катанци, кытсы*), а также употребление звука (ы) (*пызь, пурьсымысько*) взамен *и* других южных диалектов и ряд других языковых особенностей дают нам основание предположить, что словарь был составлен на глазовском диалекте удмуртского языка» [Тараканов 1998б: 336]. По нашим наблюдениям, некоторые русские лексемы в словаре переведены двумя удмуртскими словами, напр.: *ведынь, пеллясь* [*vedɨn, pel'las*] 'волшебник' [Словарь 1820: 7]; *му, цецè* [*mi, čečè*] 'медь' [там же: 26]. Причем в большинстве таких случаев составитель приводит различные диалектные варианты одного и того же слова. В памятнике зафиксировано большое количество лексики, встречающейся в зоне распространения южнoudмуртских говоров. Таким образом, и в этом лексикографическом

труде, как и в предыдущем, отражены особенности различных диалектов удмуртского языка.

В рукописном «Своде некоторых слов русских, пермяцких, зырянских, вотяцких и чувашских» 1833 года, по нашим наблюдениям, фигурирует общенародная лексика. Однако формы удмуртских числительных, обозначающие десятки, образованы с добавлением к числам до десяти слова *дась* 'десять': *кыкъ-дась* 'двадцать', *кватъ-дась* '60', *сизимъ-дась* '70' и др. [Свод 1833: 15]. Подобные формы в свое время были отмечены исследователями в нижнечепецких говорах северного наречия удмуртского языка [Тепляшина 1970: 171]. О диалектной основе данного памятника с большой уверенностью говорить трудно, так как удмуртский материал словаря очень незначителен. Однако, опираясь на формы числительных, можно предположить, что рукопись составлена на базе северных говоров удмуртского языка, в частности, нижнечепецких.

Кроме рукописных удмуртско-русских и русско-удмуртских словарей в XIX веке появляется печатная литература, главным образом, переводная. Анализируемые в данном исследовании Евангелия и Азбуки 1847 года («Господа нашего Иисуса Христа Евангелія отъ св. евангелистовъ Матѣя и Марка на русскомъ и вотякскомъ языкахъ, Глазовскаго нарѣчія»), «Господа нашего Иисуса Христа Евангеліе отъ св. евангелиста Матѣя на русскомъ и вотякскомъ языкахъ, Сарапульскаго нарѣчія»), «Азбука, составленная изъ Россійскихъ, церковной и гражданской печати, буквъ, для обученія вотскихъ дѣтей чтенію на ихъ нарѣчіи (По Глазовскому)», «Азбука, составленная изъ Россійскихъ, церковной и гражданской печати, буквъ, для обученія вотскихъ дѣтей чтенію на ихъ нарѣчіи (По Сарапульскому)») вышли на глазовском и сарапульском наречиях, причем на глазовском наречии было издано два евангелия – от Матфея и от Марка. Как отмечает Б. И. Каракулов [2006: 131], Евангелие от Матфея и Евангелие от Марка были опубликованы также и отдельными изданиями. По мнению многих ученых, язык этих переводных изданий не соотносится с определенным (указанным в книгах) диалектом (подробнее см. пункт 3.2.2.3) – в них отражены особенности как южноудмуртских, так и северноудмуртских говоров.

3.4.2. Некоторые диалектные явления

Как отметили выше, большинство исследуемых письменных памятников составлены с привлечением данных различных диалектов удмуртского языка.

3.4.2.1. Фонетические особенности

3.4.2.1.1. В области вокализма

1. Выпадение гласного звука:

а) в анлауте, напр.: *ргòнь* [rgon] 'красная мѣдь', *ске* [ske] 'либо' [Кротовъ 1785: 190, 202] (далее – Крот.); *робò* [robo] 'телѣга', *жгонь* [žgon] 'шерсть' [Могилинь 1786: 40, 43] (далее – Мог.); *Робоцѣрсь* [robočers] 'ось' [Словарь 1816: 16];

б) в середине слова: *Тлобурдò* [tloburdo] 'птица', *Крыжь* [križ] 'кривой, непрямый' [Сочиненія 1775: 26, 39] (далее – Соч.); *котрѣкъ* [kotrak] 'вкруг, кругомъ, круглый, окружность', *крыжь* [križ] 'непрямый, кривый', *плешь* [pl'eš] 'лысина у чelовѣка, лысый', *слаль* [slal] 'соль' [Крот. 94, 96, 171, 202]; *кучрѣнь* [kučran] 'сычъ', *слаль* [slal] 'соль', *киеть* [kšet] 'платье (точнее: платок. – Л. И.)' [Мог. 21, 22, 27] и т. д.;

в) в конце слова: *Кызь пуи* [kiz' pu] 'пузырь', *Шашь* [šaš] 'осока', *Дзіозь* [žoz] 'сверчокъ', *Пѣзь* [pez] 'рукавицы' [Соч. 20, 21, 26, 33]; *джюи* [žiu] 'мохъ', *мыи* [mij] 'въ лѣтахъ', *озьтазь* [oz'taz] 'всячески', *пѣзь* [pez] 'верхніе рукавицы', *тазь* [taz] 'такъ', *укіò пуи* [uks'opu] 'денежной мѣшокъ' [Крот. 49, 140, 156, 189, 214, 230]; *кыжь* [kež] 'горохъ', *пуи* [pu] 'мешокъ' [Мог. 32, 33].

Выпадение этимологических гласных начала слова отмечается в верхнечепецких, напр., *далтыны* 'уродиться' [Каракулов 1982: 106], среднечепецких: *daltânâ* 'уродиться', *suktânâ* 'угореть' [Карпова 1987: 59], нижнечепецких: *röd* 'плохо, плохой', *далтыны* 'уродиться' [Тепляшина 1970а: 163] говорах северноудмуртского наречия, а также в языке бесермян: *robo* 'телега', *raktan* 'репей' [Тепляшина 1970б: 85] и говорах периферийно-южного диалекта. По свидетельствам лингвистов, в этой позиции слова чаще всего отпадает гласный *y* (*u*), стоящий перед согласными *d* (*d*), *p* (*r*) и *s* (*s*).

Явление апокопы (выпадения ауслатного гласного) *-ы* в удмуртском языке находит отражение в работе В. К. Кельмакова «Фонетическое варьирование слов в удмуртском языке I. Варьирование гласных непервых слогов». Автор связывает это явление с особенностями развития конечного гласного основы финно-угорского праязыка в пермских языках: «Дублеты с конечным *-ы* и без него в удмуртском языке междиалектно корреспондируют. Формы *пòзь*, *жсуй* имеют большей частью северноудмуртский характер, а соотносительные им формы с финальным *-ы* распространены

преимущественно (но не исключительно!) в южноудмуртской диалектной зоне...» [Кельмаков 1983: 59].

Выпадение этимологического гласного *ы* (*i*) отмечается также в средневосточных и некоторых срединных говорах: *poz(i)res* 'витой, свилеватый', *ted'man* 'побелка, процесс отбеливания' [Бушмакин 1970: 103].

Случаи выпадения фонемы *ы* (*i*) исследованы в статье П. И. Воронцова «Явления выпадения фонемы *ы* в удмуртских диалектах». Автор отмечает несколько условий, при которых в именах и наречных формах наблюдается данное фонетическое явление: «1) рядом с гласным *ы* должны находиться сонорные (*р, л, л', н, н', м*), шелевые (*с, ш, ж*) или взрывные (*д, т, к*); 2) безударное положение гласного; 3) отсутствие рядом сочетания согласных» (цитируется по: [Воронцов 1997: 12]).

2. Прогрессивная ассимиляция гласных по огубленности: *Gudùriah* [*gudurja*] 'гром', *Punnu* [*puni*] 'собака', *Sussui-pu* [*susupu*] 'можжевельник', *Turìn* [*turun*] 'трава' [Messerschmidt 1726: 175, 191, 199, 202] (примеры приводятся по [Напольских 2002], далее – Mes.); *Punù* [*puni*] 'Hupg [Собака]', *Schùnut* [*šunut*] 'Warm [Тепло, теплый]' [Miller 1759: 397, 405] (далее – Mil.); *juggut* [*jugut*] 'dies, lucidus [свет, светлый]', *puni* [*puni*] 'canis [собака]', *schunut* [*šunut*] 'calidus [теплый]', *ukur tšchukna* [*ukur čukna* ~ *ukur čukna*] 'mane [рано]' [Fischer 315, 317, 318, 319] (примеры приводятся по: [Csúcs: 1983]); *Юэуць* [*jugut*] 'свѣтъ' [Палласъ 1789: 104] (далее Пал.); *Гудурѹ* [*guduri*] 'громъ', *Тулусь* [*tulus*] 'весна', *Турѹнь* [*turun*] 'трава и сѣно', *Сусунѹ* [*susupu*] 'можжевельникъ', *Бубулѹ* [*bibul'i*] 'бубурка летающая' [Соч. 13, 14, 21, 25, 28]; *гумѹ* [*gumi*] 'стволь, дудка', *кудѹ* [*kudu*] 'коробъ, коробокъ, лукошко, плетенка, корзина', *пунѹ* [*puni*] 'песь', *сусунѹ* [*susupu*] 'тростникъ, можжѣвельникъ', *тулусь* [*tulus*] 'весна', *учѹ* [*uču*] 'соловей', *шукѹ* [*šuki*] 'пѣна' [Крот. 43, 97, 182, 206, 222, 247, 268]; *дурунѹцѹ* [*durun'či*] 'оса', *бургу* [*burgi*] 'труба', *пунѹ* [*puni*] 'собака', *уйшурь* [*ijšur*] 'полночь', *мурѹ скаль* [*muri skal*] 'яловая корова' [Мог. 31, 45, 46, 48, 58]; *Лумишурь* [*lumšur*] 'полдни', *Турѹнь* [*turun*] 'сѣно', *Кулѹ* [*ku'li*] 'шишка', *Пунѹ* [*puni*] 'песь' [Словарь 1816: 2, 7, 10, 13]; *бубулѹ* [*bibul'i*] 'бабочка', *сукурѹ* [*sukuri*] 'коврига, коровай', *сусунѹ* [*susupu*] 'можжевельникъ', *песьтурѹнь* [*pēs'turun*] 'перець', *лумишурь* [*lumšur*] 'полдни', *шукѹ* [*šuki*] 'пена', *сюрѹ* [*s'uru*] 'слега', *кудумулѹ* [*kudumul'i*] 'черника' [Словарь 1820: 1, 22, 26, 33, 35, 37, 40, 46]; *Гудуртэмъ* [*gudurtem*] 'Гроза, громъ' [Свод 1833: 10];

Еванг. Сар.: *Со-ось верязы: кнѣя-осъкэ Иоаннь чукундрѹсь* [*čikundrijs*], *та-ось Илѣа, музѹнь-идсь Иеремѣя шуд, либо одыгъ кудѹзь-*

кэ пророкѣдсьлэсь. 'Они [ученики Иисуса. – Л. И.] сказали: нѣкоторые за Иоанна крестителя; другіе за Ілію; а иные за Іеремію, или за котораго нибудь изъ пророковъ' (с. 122); *Уродъ тиледлы, книга тодысьѣдсь, Фарисеосъ-но, тодысьяськисьѣдсь, сѣтскѣды дасъэтѣ юкѣтъ мято-лэсь (Глаз. зым турумъ [turum] калямперь-лэсь), тминь-лэсь, кельтыды-но законъ-лэсь тужь кулэ-зэ, шонерь судъ-эзъ, милосъ-эзъ, осконъ-эзъ-но; та кулэ валь карыны, сое-но кельты-тэкъ.* 'Горе вамъ, книжники и Фарисеи, лицемѣры, что даете десятину съ мяты, аниса и тмина, и оставили важнѣйшее въ законѣ, правосудіе и милость и вѣру; сіе надлежало дѣлать, и того не оставяють' (с. 182).

Данное явление отмечается лингвистами в верхнечепецких: *пуну* 'собака', *пужум* 'сосна' [Алашеева 1982: 92; 1990: 9] и среднечепецких: *turum* 'трава, сено', *šišu* 'синица' [Карпова 1997: 61; 2005: 48] говорах удмуртского языка, а также в речи бесермян: *pužum* 'сосна', *butulka* 'бутылка' [Тепляшина 1970б: 70]. По мнению исследователей, употребление в первых слогах сильноогубленного гласного *и* (< *i* под влиянием *и* первого слога) характерно в настоящее время для некоторых северноудмуртских говоров [Кельмаков 1975: 86].

3. В некоторых словах в первом слоге в позиции перед палатальными согласными находим *и* (*i*) на месте *ы* литературного удмуртского языка, напр.: *izi* [iz'i] 'mitra [шапка]', *muis* [miz'] 'ova sturionis [икра]', *puis* [piz'] 'farina [мука]' [Fischer 314, 316, 317]; *Ниль* [n'il'] 'четыре' [Пал. 113]; *Ниль* [n'il'] 'четыре' [Соч. 40]; *бизискѣ* [biz'is'ko] 'замужь выхожу, втекаю, посягаю', *кизь* [kiz'] 'моча' [Крот. 12, 88]; *кидѣдъ* [kijed] 'навозъ', *пизь* [piz'] 'мука', *кизяскѣ* [kiz'as'ko] 'мочусь, урину испущаю' [Мог. 29, 38, 77]; *Виль* [vil'] 'новый', *Нильдѣдъ* [n'il'don] 'сорокъ', *Ниль* [n'il'] 'четыре' [Словарь 1820: 30, 41, 46];

Еванг. Сар.: *Соосъ кошкѣмъ-берѣ, тѣни Ангель Инмарь-лѣнъ вѣтамынъ адскѣзъ Іосифъ-лѣ, вера-но: сѣйка, бѣсѣты нуны-эзъ анайзѣ-но Солэсь, бѣзъ [biz'] Египтѣ, уль-но отынъ, вератѣзъ тыныдъ; Иродъ кушкыны туртѣзъ нуны-эзъ, быттѣдъ поннѣ Соэ.* 'По отшествіи же ихъ [волхвов. – Л. И.], Се, Ангель Господень является во снѣ Іосифу, и говорить: встань, возми младенца и Матерь Его, и бѣги въ Египеть, и будь тамъ, доколѣ скажу тебѣ; ибо Иродъ станетъ искать младенца, чтобы погубить Его' (с. 8–9); *Не но-кинъ-но угкѣшыя вилѣнъ вужъ дисъ-эзъ: виль [vil'] кышѣмъ бонъ кесѣзъ дисъсѣсъ, пасъ-но лудъ азыло-лэсь бадзѣмъ.* 'Никто не пришиваетъ заплаты изъ новаго къ одеждѣ старой: ибо новая заплата отдереть отъ одежды, и дѣра будетъ хуже прежней' (с. 57).

Данное явление наблюдается в южноудмуртской диалектной зоне (в южном наречии и части срединных говоров). В литературном удмуртском языке и в северных диалектах, а также в части срединных говоров в этой позиции употребляется первичный гласный *ы* [Кельмаков 1977: 29; 1987: 31; 1992б: 76; 1998: 65–66]: южн., по., бес. *биз'э* 'бежит, выходит замуж' // сев. *быз'э* (*бъз'э*) 'выходит замуж', сред. *быз'э* 'бежит, выходит замуж' (примеры приводятся по: [Кельмаков 1992б: 163]). Согласно мнению Л. Л. Карповой, в отдельных населенных пунктах юкаменского и ярского говоров, относящихся к среднечепецкому диалекту, на месте ожидаемого *і* sporadически употребляется *i*: *пиз'* 'мука', *биз'е* 'бежит; течет; выходит замуж', что возникло, по ее словам, под влиянием бесермянского диалекта [Карпова 1997: 57]. По материалам Т. И. Тепляшиной, в нижнечепецких говорах северноудмуртского наречия также отмечаются слова с *и* в позиции перед палатальными согласными: *бичи* 'почка, росток', *бизыны* 'выйти замуж' [Тепляшина 1970а: 165]. Данное явление в говорах северного наречия удмуртского языка, по нашему мнению, также может быть связано с влиянием языка бесермян.

4. В грамматиках XVIII века и текстовых памятниках 1847 года, включая Азбуку на сарапульском диалекте, в глагольных формах с суффиксами *-мы*, *-ды*, *-зы* акцентируется предшествующий этим суффиксам слог (см. подробнее: пункт 7 в разделе 3.3).

3.4.2.1.2. В области консонантизма

В области консонантизма необходимо остановиться на следующих явлениях, отраженных в исследуемых письменных памятниках:

1. Наличие губно-губного согласного *ў* (*ц*), встречающегося в начале слова перед гласным *а*, напр.: *Нвар* [*цар*] 'раб', *Wuad* [*цад*] 'выдра' [Mes. 177, 207]; *Уатыны* [*цатини*] 'скрыть', *Уань* [*цан*] 'Ѣсть', *Уадлянь* [*цадлан*] 'прежде' [Пал. 110, 112]; *Уарь* [*цар*] 'слуга', *Уалесь* [*цал'ес*] 'перина, постеля', *увалиськиськò* [*цал'ис'кис'ко*] 'стелю', *уватыськò* [*цатис'ко*] 'храню' [Соч. 16, 33, 103, 104]; *уарь* ~ *уварь* [*цар*] 'слуга', *увадь* [*цад*] 'выдра звѣрь', *увалесь* [*цал'ес*] 'постель', *уваменэсь* [*цатенес*] 'упорный, упорно, упрямый, упрямо', *увадонь* [*цатон*] 'похороны, погребение, укрывание, утаение', *увацынь* [*цатсин ~ цассин*] 'напротив, против' [Крот. 229, 230, 232, 233, 234, 235]; *уадь* [*цад*] 'выдра', *увалесь* [*цал'ес*] 'постеля', *уварм-ай* [*цармај*] 'тесть', *уваменъ* [*цатен*] 'через' [Мог. 23, 28, 32, 107]; *уазэрь* [*цаз'ер*] 'клыкъ', *уатыськò* [*цатис'ко*] 'крою, укрываю, прячу', *увалесь*

[*ua'les*] 'перина, постеля', уамёнъ [*uaten*] 'поперегъ', уараськô [*uaras'ko*] 'прислуживаю' [Словарь 1820: 22, 23, 33, 35, 36];

Еванг. Гл. Мтф.: *Исусъ Христосъ-лэнъ вордсонъ-эзъ озй валь: курамъ-берё Мумизэ Солэнъ Марія-эзъ Иосифъ-лы, валсё улыны кутскэмъ-лэсь азылд, луйзъ, Солэнъ кэтэзъ, увань [цап], Святой Луль-лэсь. 'Рождество же Иисуса Христа было такимъ образомъ: по обрученіи Матери Его Маріи съ Иосифомъ, прежде нежели они начали жить вмѣстѣ, оказалось, что она имѣеть во чревѣ отъ Духа Святаго' (с. 4); Ози-энъ, марькэ Инмаръ увацѣ [*uac'e*] каризъ адямй медазъ локъ. 'И такъ, что Богъ сочеталъ, того человекъ да не разлучаетъ' (с. 143); Кйнъкэ нѡшь липетъ-вылынъ, медазъ уваськы [*ua:s'ki*] басьтынъ марькэ юртысьтызъ. 'И кто на кровлѣ, да не сходитъ взять что нибудь изъ дома своего' (с. 189);*

Азбука Гл.: *Инмаръ поттызъ та уватэмзэ [uatenze] Данииль Пророкълы озикъ этынъ: и со ваизъ Эксейлы тодазъ, валэктызъ-но солэнъ кышканъ вэтамъзэ, кудызъ иворъ карэ ниль царствоосъ-сярысь, огъ огълэсь бэрысязъ потысьюсъ, кудьюсьлэнъ сылоньязъ Инмаръ тупатозъ пумтэмъ царствозэ. 'Богъ открылъ сію тайну Пророку Даниилу также во снѣ: и онъ привелъ царю на память, и истолковалъ страшный сонъ его, который предвѣщалъ четыре царства, одно за другимъ следующія, въ продолженіе которыхъ Богъ устроить царство вѣчное' (с. 67–68);*

Еванг. Сар.: *Цюкындырыськэмъ берэ Исусъ заманъ (глаз. соку-икъ) вуйсь потызъ; тани-но Со уватцынъ [uatsin ~ uaccin] устськызъ Инъ, Иоаннъ-но адизъ Инмаръ-лэсь уваськэмъ [uas'ket] Луль-зэ, кэгэрсинъ (глаз. дыдыкъ) тусьёмъ Со вылэ лыктэмъ-зэ. 'И какъ скоро Исусъ крестившись, вышелъ изъ воды; Се отверзлись Ему Небеса и Иоаннъ увидѣлъ Духа Божія, который сходилъ какъ голубь и ниспускался на Него' (с. 14); Ти дунья-лэнъ югытъ-эзъ; каръ-лэнъ увацкэмъ-эзъ [uatskemez ~ uackemez] угъ-ло гурезъ илынъ сылысь-лэнъ. 'Вы свѣтъ міра; не можетъ градъ укрыться, стоя на верху горы' (с. 23); Ти кылыды, маръ верамынъ увачкалоосъ-лы [uac'kalaosl'i]: цюциорô энъ-лу. 'Вы слышали, что сказано древнимъ: не прелюбодѣйствуй' (с. 26). И др.*

По мнению многих исследователей [Uotila 1933: 63–70; Itkonen 1953–1954: 280–281; Лыткин 1964: 24], анлаутный неслоговой *ў* (*u*) в сочетании *ўа-* (*ua-*) восходит к общепермскому **u*, который впоследствии в удмуртских и коми диалектах претерпел разного рода изменения и реализовался в различные звуки. В большинстве удмуртских диалектов этот архаичный звук заместился согласным *в* (*v*), в некоторых же остался без изменения [Кельмаков 1993: 35–36; 2003: 110–111; 2004б: 315–325].

В настоящее время анлаутный *ц* употребляется в увинско-вавожских (*уан* 'есть, имеется', *уаз'ен* 'в старину, в древности' [Кириллова 1992: 79]), среднечепецких (*цал'ес* 'постель', *цатенес* 'упрямый, непослушный', *цартај* 'тесть' и др. [Карпова 1997: 68]; *уадес* 'время, период', *уаньбуру* 'зажигочный', *уаче* 'вдвоем' [Лыткин, Тепляшина 1959: 220]), нижнечепецких (*ваньбуру* 'богатство, состояние', *ваньмыны* 'быть в дороге, иметь свободное время' [Тепляшина 1970а: 161]) и закамских (*уаз'эрин'* 'клык', *уайыж* 'оглобля, оглобли' [Кельмаков 1997: 63; 2004б: 317]) говорах удмуртского языка, а также в бесермянском наречии (*ватен* 'поперек', *ватөш* 'шаг', *ваškala* 'древний, превобытный' [Тепляшина 1970б: 120]).

2. Употребление согласного *в* (*v*) в позиции между инициальным *к* и последующим гласным *а* или *и* (*ква- // кви-*), напр.: *Qvââka* [*kvaka*] 'ворона', *Kvâten* [*kvatân*] 'тридцать', *Qvyn* [*kvyn*] 'три' [Mes. 194]; *Kvar* [*kvar*] 'Blatt [Лист]', *Kwamun* [*kvamjñ*] '30 [Тридцать]' [Mil. 399, 407]; *doss-kvin* [*das kvin*] 'tredecim [тринадцать]', *kwat-don* [*kvat'don*] 'sexaginta [шестьдесят]', *suckwasmen* [*s'ukvas'mon*] 'sitiens [жажда]' (Fischer 313, 316, 318); *Квара* [*kvara*] ~ *Кувара* [*kuara*] 'глась', *Кварь* [*kvar*] ~ *Куарь* [*kuar*] 'листь', *Квинь* [*kvyn*] 'три' [Пал. 87, 95, 113]; *Квинь* [*kvyn*] 'три' [Соч. 40]; *гидьквâ* [*gidkva*] 'дворецъ, домъ большой, строение', *кважю* [*kvažj*] 'коростель птица', *кваретонъ* [*kvareton*] 'воплъ, шумъ, крикъ', *квась* [*kväs*] 'лыжи', *квачкасô* [*kvačkas'ko*] 'разсѣдаюся, обваливаюся', *сю квасмѣ* [*s'u kväs'me*] 'пить хочется' [Крот. 40, 78, 79, 80, 81, 210]; *квакâ* [*kvaka*] 'ворона', *квалекъянъ* [*kval'ekjan*] 'горячка, трясавица', *кварь* [*kvar*] 'листь', *квинь* [*kvyn*] 'три, третій', *квасасô* [*kväsas'ko*] 'гну, загибаю' [Мог. 19, 21, 23, 60, 78]; *Квака* [*kvaka*] 'Ворона', *Кватъ* [*kvat*] 'Шесть' [Свод 1833: 6, 14];

Еванг. Гл. Мтф.: *Ирь квиньмѣти* [*kvyn'me-ti*] 'глава третія' (с. 11); *Синътэмъюсь адзю, цютъ-юсь ветлô, цересъюсь дунъ луд, кулэмъюсь улзю, кванэръ-юсьлы-но* [*kvän'erjoslj no*] *дзѣць ивôръ карыськѣ*. 'Слѣпые прозирають, хромые ходять, прокаженныя очищаются, мертвыя воскресаютъ и нищимъ благовѣствуется' (с. 73);

Еванг. Гл. Марк: *Мукѣтъ дзѣць музъмъзъ усизъ, дзѣць выжияскизъ, потызъ, будызъ-но, ваёмъ-но кудазь выжиязь квамьинъ* [*kvamjñ*], *кудазь кватътонъ* [*kvat'ton*], *кудазь сю*. 'Иное [семя. – Л. И.] упало на добрую землю; и дало плодъ, который взошелъ и выросъ, и принесло, иное тридцать, иное шестьдесятъ, а иное сто' (с. 23);

Азбука Гл.: *Квиньмѣтиазъ* [*kvyn'me-tijaz*], *люкызъ вузэ музъмьлэсь, косызъ-но музъмьлы поттыны писъпуосызъ турьинъ будэмъзэ-но*. 'Въ третій [день Бог. – Л. И.], отдѣлилъ воду отъ земли, и повелѣлъ землѣ произвести

растѣнія' (с. 17); *Со курадзѣмь-дырѣя, шунды луйзѣ пеймытъ, музыѣмь ква-лектызѣ [kval'ektjz], изыѣосъ тилискызы, уно кулѣмъѣосъ улзызы, адскызы-но Иерусалимынъ уносълы.* 'В сіе время страданія Его [Иисуса. – Л. И.], солнце затмилось, земля потряслась, камни распались, многіе мертвые воскресли, и явились многимъ въ Иерусалимѣ' (с. 104–105);

Еванг. Сар.: *Ирѣ кватѣти [kvat'e'ti].* 'Глава шестая' (с. 31); *Адзиса-но одыгъ смоковница пу-эзѣ скурѣсь-возынъ, лыктызѣ со-дорѣ не номыръ-но шедтытѣкъ со-вылынъ, одыгъ кваръѣосъ-лѣсянѣ [kvarjos les'ana], верѣ солы:* *дауразѣ медазѣ потъ валь тонъ-бордысь змышъ-эзѣ.* 'И увидя близъ дороги одну смоковницу, [Иисус. – Л. И.] подошелъ къ ней; и, ничего не найдя на ней, кромѣ однихъ листьевъ, говорить ей: да не будетъ же впредь отъ тебя плода во вѣкъ' (с. 162);

Азбука Сар.: *Адамлыно Евалы-но вылазѣ дыскытъ укыль валь соку: квазынъ [kvaz'jn] зываль бонъ соку номырызѣ-но уродъ нѣськезитъ-но мугоръ-зѣсъ сѣсыртымонъ, мугорзыно соку-дунъ цилкытъ сelyктѣмъ валь собслѣнъ, со пѣнна бонъ кулѣзѣ-но зываль шобырьяскыны собслы.* 'Адамъ и Ева не имѣли нужды въ одеждѣ: потому что въ воздухѣ не было ничего вреднаго и разрушительнаго для тѣла, и потому, что тѣла ихъ были не тлѣнны и чисты, а потому и ненужно было покрывать оныя' (с. 20–21); *Иерихонъ карлѣнъ боддорѣзѣ эрказѣ квачказѣ [kvačkaz], котырт-изѣ Кивотъ церкѣсъ гынѣ нуллыса, бургы нергѣ мурью пучкыт-и попыѣосъ кварѣ [kvara] карса гынѣ.* 'Стѣны осажденнаго града Иерихона пали отъ того только, что вокругъ его носили Кивотъ завѣта, и священники вострубили въ трубы' (с. 56–57).

Относительно возникновения *в* (*v*) или *ѣ* (*u*) после *к* перед гласными *а* (*a*) или *и* (*i*) в вышеприведенныхъ словахъ мы придерживаемся мнения Д. В. Бубриха, который развитие *в* (или неслоговое *ѣ* в северноудмуртскихъ диалектахъ) объяснял следующимъ образомъ: *к* перед *о* в прошломъ имѣлъ некоторую степень огубленности. Когда *о* в какихъ-то условияхъ перешло в *а*, предшествующій *к* не утратилъ огубленности, а выделилъ огубленный «пазвукъ», который дальше развился в *в* [Бубрихъ 1948: 79]. С подобнымъ мнениемъ соглашаются И. В. Таракановъ [1964: 78; 1998е: 141] и Л. Л. Карпова [1997: 69].

Это явление в свое время было отмечено лингвистами в нижнечепецкихъ (*ква* 'древній шалашъ изъ бревенъ или досокъ', *квака* 'ворона', *квинь* 'три' [Тепляшина 1970а: 163]) и некоторыхъ северноудмуртскихъ (*квинь* 'три' [Вахрушевъ 1959: 231]) говорахъ.

Согласно В. К. Кельмакову [1998: 84–85; 2004б: 250–251], диалектные зоны анлаутныхъ *ѣа-* (~ *ѣа-*) и *кѣа-* (~ *кѣа-*) не совпадаютъ: *кѣа-* распростра-

нено на значительно большей территории, нежели *ца-*, то есть звукосочетание *кца-* возможно и в тех диалектах, где уже утрачен анлаутный *ц-* (~ *ν*). Употребление же *ква-* (*кvi-*) при наличии инициального *ца-* характерно в настоящее время для нижнечепецких говоров северного наречия: *вазыны* 'откликнуться, ответить', *валэс ю* 'яровые хлеба' и *квар* 'лист (дерева)', *кватъ* 'шесть' (примеры даются по: [Тепляшина 1970а: 61, 63]).

3. Упрощение инлаутной (корневой) консонантной группы *-pCC-* в *-pC-*, например: *Кускертон* [*kuskerton*] 'пояс', *Вортыны* [*vortini*] 'возить' [Пал. 101, 107]; *Мертэмь нү* [*mertem pu*] 'садъ', *Кускерто́нь* [*kuskerton*] 'опояска', *Циркэмь* [*čirkem*] 'быстрый', *курциськò* [*kurčis'ko*] 'кусаю' [Соч. 24, 32, 39, 100]; *бурцинь* [*burčín*] 'шолк, шолковый', *орцискò* [*orčis'ko*] 'перебъжаю, прохожу', *перцискò* [*perčis'ko*] 'развязываю, распутываю; решу, отрешаю', *сертыскò* [*sertis'ko*] 'распростираю, отвиваю', *тыртэмь* [*tjrtem*] 'порожній, простой, пустой' [Крот. 15, 158, 168, 196, 227]; *кертыскò* [*kertis'ko*] 'вяжу, связываю', *курцилыскò* [*kurčilj's'ko*] 'кусаю, грызу', *орциско* [*orčis'ko*] 'продолжаю' [Мог. 83, 85, 89]; *Мертэмь бакця* [*mertem bakča*] 'садъ', *Циркэмь* [*čirkem*] 'быстрый', *Вертасько* [*vertas'ko*] 'шатаю', *Курцисько* [*kurčis'ko*] 'кусаю', *Куэмь кертысько* [*kueme kertis'ko*] 'подвязываюсь' [Словарь 1816: 13, 19, 21, 22, 23]; *юртысь* [*jurtis'*] 'вспомогатель', *кертыськò* [*kertis'ko*] 'вяжу', *курцилысь* [*kurčilj's'*] 'кусака', *кускертонь* [*kuskerton*] 'поясь', *сярци* [*s'arčij*] 'рѣпа' [Словарь 1820: 8, 9, 24, 36, 39]; *Керты* [*kertij*] 'Вязаль', *Вортимь* [*vortim*] 'Возиль (точнее: мы возили. – Л. И.)' [Свод 1833: 7];

Еванг. Гл. Мтф.: *Верасько бень тилэдъ-лы, шонерь-ды тилэдъ узъ-кэ дрци* [*o-rčij*] *шонерь-зэ книга тодысьюсь-лэсь Фарисейюсь-лэсь-но, ти удъ пырэ дзэць инъ-вылынь дунья-э.* 'Ибо сказываю вамъ, ежели праведность ваша не превзойдетъ праведности Книжниковъ и Фарисеевъ, то не взойдете въ царство небесное' (с. 24); *Верáзы-но: та, пе, шуэ-валь: Мынамъ луóзь сертэмэ* [*serteme*] *Инмарьлэнъ церкъэзъ, квинь мойнь-но джутыны соэ.* 'И сказали [первосвященники. – Л. И.]: Онъ [Иисус. – Л. И.] говорилъ: могу разрушить храмъ Божій, и въ три дня воздвигнуть его' (с. 215);

Еванг. Гл. Марк: *Кынъкэ бень тилэдъ пумытъ узъ-каръ, со тилэдынь уриэ* [*urče*]. 'Ибо кто не противъ васъ, тотъ за васъ' (с. 72);

Азбука Гл.: *Адамъ Ева-но улызы Райи́нь, шулдырь садынь, кудызь адыми ки-осынь зываль мертэмьинь* [*mertemijn*], *но дасямьинь соосъ-понна Инмарьэнь.* 'Адамъ и Ева жили въ Раю, въ прекрасномъ саду, который не человѣческими руками насажденъ былъ, но приготовлень для

нихъ отъ Бога' (с. 19–20); *Тямысь нуналь орцемья* [orčetja] *вордскѣмъ берѣ Мозтысьлѣнъ, вандѣмынъ валъ нумызь Солѣнъ увачкала завѣтлѣнъ юлоу кузя: нимъ но Солы понѣмынъ: Исусъ, тупатѣмъ Ангельѣнъ, ношнѣ кутскѣмълѣсь азлѣнъ кѣтынъ.* 'Черезъ восемь дней по рожденіи Спасителя, Онъ [Иисус. – Л. И.] былъ обрѣзанъ по обычаю вѣтхозавѣтному: и наречено Ему имя Исусъ, назначенное Ангеломъ, еще прежде зачатія Его во чревѣ' (с. 79);

Еванг. Сар.: *Сокы Иродъ лучкѣмъ этиса нодд муртъіосызь туртѣ валъ* [turte val] *соосълѣсь тодыннѣ потѣмъзѣ кизили-лѣсь.* 'Тогда Иродъ, тайно призвавъ волхвовъ, вывѣдывалъ отъ нихъ время явленія звѣзды' (с. 7); *Кертыло* [kertilo] *секытъ вормѣмътѣ-но нуциетъ-іосъ, понѣ-но адямі-осъ-лѣнъ пельпумазы; ассэлѣнъ-бонъ цини пѣліѣнъ-но эттѣмъ-зы угъ-пѣтъ.* 'Связываютъ бремена тяжелыя и неудобноносимыя, и кладутъ на плеча людямъ; а сами и пальцемъ не хотятъ двинуть ихъ' (с. 178);

Азбука Сар.: *Еврейіосызь-но ацѣсѣ валѣсьтѣмъ вѣраязы дѣмласа унозѣ суразы: со пѣннѣ-бонъ палазы луисыіосъ Инмарлѣсь зѣцъбурзѣ юртѣтсѣ* [jurtetse] *зѣ-шѣдтѣни.* 'Они [старые жители земли Ханаанской. – Л. И.] вовлекали въ язычество и Евреевъ: а чрезъ то сіи лишались благодати и помощи Божіей' (с. 57–58); *Захарія оскытѣкъ туртѣ-валъ* [turte val] *со иворѣзлы, со пѣннѣ бонъ кылтѣмъ кар-ізь соѣ піѣзь вордскытѣозъ, адзиса зѣмамзѣ Ангыллѣсь верамзѣ вордскѣмъ берѣзъ піѣзлы нимъ пѣннѣ кос-ізь Іоаннъ.* 'Захарія усомнился: и въ наказаніе за то былъ нѣмъ, доколѣ дѣйствительно родился у него сынъ, и онъ, видя исполненіе словъ Ангела, велѣлъ назвать его Іоанномъ' (с. 79). И др.

Как отмечает В. К. Кельмаков [1998: 108–110], данное явление свойственно кукморскому, шошминскому и красноуфимскому говорам периферийно-южного наречія и бесермянскому наречію удмуртского языка, а также отдельным населенным пунктам Ярского района Удмуртской Республики: *вѣртанъ* Е 'качать (в колыбели)' // лит. *веттаны*; кукм. *вѣртанъ*, сев. *верттаны*; круф. (?) *вѣртанъ* 'качать люльку'; *мѣрчан* Е Ш, *мерчан* Е ~ *мерччан* УЛ 'посконь' // лит. *мертчан*; кукм. *мерчан*; южнК. *мѣрччан* (примеры приводятся по: [Кельмаков 2004б: 158]).

Большинству удмуртских диалектов – северному наречію, срединным говорам, южному диалекту, некоторым периферийно-южным говорам (балтасинскому, татышлинскому, бавлинскому и канлинскому) – упрощение данной корневой консонантной группы не характерно [Кельмаков 1998: 110].

4. Употребление в определенных словах заднеязычного согласного *ŋ*: *Ван* [baŋ] 'Вакеп [Щеки]' [Mil. 391]; *Пельпунгъ* [pel'puŋ] 'шея', *Гырпунгъ*

[*gʲirpuŋ*] 'локоть' [Пал. 85]; *Ужъпунъ* [*uʒpuŋ*] 'дѣло', *Банъ* [*baŋ*] 'щека, лицо', *Чангъ* [*čaŋ*] 'чань' [Соч. 14, 18, 32]; *Серегъ пунъ* [*seregpuŋ*] 'головня', *Пуртлѣнь банызъ* [*purtlen baŋiz*] 'востріе' [Словарь 1816: 14, 15]; *серекпунъ* [*serekpuŋ*] 'головня', *гырпунъ* [*gʲirpuŋ*] 'локоть', *пунызъ* [*puŋiz*] 'начало', *пельпунъ* [*pel'puŋ*] 'плечо' [Словарь 1820: 10, 25, 29, 34].

Заднеязычный сонант *ŋ* в удмуртском языке – это наследие финно-угорского языка-основы [Penttilä 1927: 108]. Как отмечают ученые, фонема *ŋ* употребляется в фонетической структуре слова в трех позициях (в инлауте между гласными, в инлауте после гласного звука перед согласным и в ауслауте) и встречается в настоящее время в фонемной функции в южном наречии – кукморском, буйско-таныпском, татышлинском, бавлинском и красноуфимском говорах периферийно-южного диалекта и южном диалекте [Кельмаков 1968: 188; 1998: 82–83; Насибуллин 1978: 93; Тараканов 1998г: 13–14], а также в качестве комбинаторного или позиционного варианта согласного *n* в среднезападных (увинско-вавожских): *баŋ* 'лицо', *доŋгыны* 'толкнуть, впихнуть', *аŋа* 'полоса земли', *чаŋа* 'галка' и др. [Зверева 1982: 62; Кириллова 1992: 78; 2002: 51–52; Тараканов 1998г: 100]; среднеюжных: *аŋ* 'челюсть', *чаŋа* 'галка', *сиŋыс* 'нитка' [Архипов 1978: 9] и граховских говорах: *диŋ* 'комель', *с'иŋкы'и* 'слеза', *диŋсыз* 'упрямый' [Атаманов 1981: 50; 2005: 170], а также в бесермянском наречии: *туŋгон* 'висячий замок', *аŋгелъ* 'нижняя челюсть', *куŋган* 'железный или самодельный умывальник' [Тепляшина 1970б: 126]. В говорах северного наречия и части срединного диалекта, как отмечает И. В. Тараканов [1998г: 100], а именно глазовских, игринских, балезинских, шарканских, якшур-бодьинских и старозыятцинских удмуртов, велярный *ŋ* совсем исчез, заменившись другими носовыми согласными (*m*, *n*, *n'*). Процесс постепенного вытеснения фонемы *ŋ* в удмуртских диалектах другими носовыми согласными, по утверждению В. К. Кельмакова [1998: 83], продолжается и в настоящее время, о чем свидетельствует варьирование частотности употребления этого звука в речи представителей различных возрастных групп.

5. Употребление глухой велярной аффрикаты *č* (*č*) в инлауте перед согласным *k*: *Вычки* [*vjčkj*] 'кадка' [Пал. 101]; *пучкázь* [*pučkaz*] 'внутри' [Соч. 110]; *дучесь* [*dučes*] 'ястребъ', *лучкасқо* [*lučkas'ko*] 'краду, воруо, расхищаю', *чатчá* [*čačča*] 'лѣсъ', *чочкыть* [*čočkjt*] 'гладкій, ровный' [Крот. 56, 123, 254, 257]; *нянь пучкэсь* [*n'an' pučkes*] 'мякишь', *лучкасқо* [*lučkas'ko*] 'ворую' [Мог. 29, 76]; *Нянь пучкэзь* [*n'an' pučkez*] 'мякишь', *Вычкы* [*vjčkj*] 'кадка', *Чочкыт карысько* [*čočkjt kari's'ko*] 'ровняю' [Словарь 1816: 9, 14, 23]; *пучкázь* [*pučkaz*] 'внутри', *вычкы* [*vjčkj*] 'кадка' [Словарь 1820: 6, 20];

Еванг. Гл. Мтф.: *Дзецъ адямі дзецъ пучкысь [pučkʲisʲ] тьсь дзецъсь поттэ; уродъ бенъ адямі уродъ пучкысь тьсь уродъ-зэ поттэ.* 'Добрый человекъ изъ добраго сокровища выносить доброе; а злой человекъ изъ злаго сокровища выносить злое' (с. 86);

Еванг. Гл. Марк: *Пыжисъ потыса пумитазъ шедизъ эчэ адямі, кудызъ улызъ шайнъ, ась-пучказъ [as pučkaz] ндишь шайтанъюсь улызы.* 'Какъ скоро вышелъ Онъ [Иисус. – Л. И.] изъ судна, встрѣтился Ему, вышедшій изъ гробовъ человекъ, одержимый нечистымъ духомъ' (с. 29);

Азбука Гл.: *Увачкала-тырысь [uačkala tʲirʲisʲ] Инмарь быръя валь князээкэ шонёръ улысь муртъюсьсэ, тыръ-но карэ валь соосъсэ аслазъ лулэнызъ, медь содъ поттозы мукэть адяміюсьлы Солэнъ эрикъсэ.* 'Издравле Богъ избиралъ нѣкоторыхъ благочестивыхъ людей, и исполнялъ ихъ духомъ Своимъ, дабы они открывали волю Его прочимъ людемъ' (с. 62–63);

Еванг. Сар.: *Буръ синмыдъ-кэ тонэ сelyкэ пыртэ, ичкыса [ičkʲisa] куйшты сое бордысьтыдъ; умой бонь лудъ, тыныдъ, одыгъ-кэ-но мугорэдъ-лэнъ-юзь-эзъ бырозъ, воць мугорыдъ бонь тыль геена-э медазъ куйштскы.* 'Естьли же правое око твое соблазняетъ тебя; вырви его, и брось отъ себя: ибо лучше для тебя, чтобы погибъ одинъ изъ членовъ твоихъ, нежели все тѣло твое ввержено было въ геенну' (с. 26–27).

Подобное явление отмечается исследователями в верхнечепецких (бычкалтыны 'уколоть, воткнуть, вонзить', мучко 'лукошко' [Тепляшина 1957: 127]; чоч 'вместе', чучкон 'полотенце', лучкэм 'втихаря' [Алашеева 1982: 92]), среднечепецких (бъчкыны 'колоть, уколоть', ичкыны 'рвать', сичкон 'полтенце', вѣчкѣ 'кадка' [Карпова 1987: 100; 1997: 79]; бѣчкынь 'колоть, уколоть', нучь 'колотушка' [Лыткин, Тепляшина 1959: 221]) говорах северноудмуртского наречия, а также в прикильмезских (ičkʲinj 'тербить (лен), рвать цветы' [Загуляева 1980а: 8]) говорах.

6. Параллельное употребление *й* (*j*) и *л'* (*l'*) в анлауте перед *-Vк(-)*: *люкыскò [l'ukʲisʲ'ko]* 'разнимаю' ~ *юкискò [jukʲisʲ'ko]* 'раздѣляю, отдѣляю, удѣляю' [Крот. 129, 279], *люкѣтъ [l'uket]* 'участіе, часть' ~ *юкѣтъ [juket]* 'часть, частица, доля, отдѣленіе' [Там же: 129, 279]; *Юкѣтъ [juket]* 'часть', *Люкь [l'uk]* 'куча', *Люкаськò [l'ukasʲ'ko]* 'збираю' [Словарь 1816: 6, 7, 20]; *юкыськò [jukʲisʲ'ko]* 'дѣлю', *люкаськò [l'ukasʲ'ko]* 'собираю', *юкѣтъ [juket]* 'часть' [Словарь 1820: 15, 41, 46].

В текстовых памятниках употребление анлаутного *й* в данной фонетической позиции встречается лишь в единичных примерах в Азбуке, переведенной на сарапульское наречие удмуртского языка, напр.:

Азбука Сар.: Уноэзь калыксы ожмасà жиныйлэсь уно сэразы нувэзынъ аусэ палазы, юксà [juksa] киземь-кадь каризы со-палано та-пала. 'Большая часть народа отведена в плѣнь, и разсѣяна по разнымъ странамъ' (с. 70).

В остальных изданиях 1847 года в начале слова в позиции перед -Vк(-) отмечена фонема л' (l'):

Еванг. Гл. Мтф.: Люкасѣкѣзь-но [l'ukas'kiz no] Со-дорэ уно калыкъ сокэмъ, Солы пыжэ пырымонъ, пуксѣзь-но отцы; вицякъ бенъ калыкъ вү-яринъ сылызь. 'И собралось къ Нему [Иисусу. – Л. И.] множество народа, такъ, что Онъ вошелъ въ лодку, и сѣлъ; а весь народъ стоялъ на берегу' (с. 90–91);

Еванг. Гл. Марк: Соберэ люказы-на [l'uka'zi na] нянь юдэсыюссэ цюорыгъ-лэсь-но кылемъ-зэ дасъ кыкъ тырмытъ куду. 'И набрали [ученики. – Л. И.] кусковъ хлѣба, и остатковъ отъ рыбъ двенадцать полныхъ коробовъ' (с. 46);

Азбука Гл.: Тупыттэмъ тэлэн люкызь [l'ukiz] Со сѣдъ заризэзэ сокэмъ, что Еврейюс орцызы кэсъ пытыцтити солэнъ, ку ношъ бэрысызъ пырызы Египтянинюс, заризъ ву шобыртызъ сооссэ, бырызы-но отцы содсѣ. 'Сильнымъ вѣтромъ раздѣлил Онъ [Иисус. – Л. И.] черное море, такъ что Евреи прошли по сухому дну его, а когда за ними вступили Египтяне, море покрыло ихъ, и они потонули' (с. 42);

Еванг. Сар.: Куй кидэз Солэнъ; сюзялэз но Асылэстызъ итымъ-зэ, люкалэз-но [l'ukaloz no] чабей-зэ ю-кэнсазъ; куроэз ношъ сутдэз кысонтэмъ тылэнъ. 'Лопата въ рукѣ Его [Бога. – Л. И.]; и Онъ очиститъ гумно свое, и соберетъ пшеницу свою въ житницу, а солому сожжетъ огнемъ неугасимымъ' (с. 14) и др.

Подобная корреспонденция в удмуртском языке, согласно В. К. Кельмакову [1998: 94], возникла в результате перехода й- > л'- в позиции перед гласный + з / гласный + к. В отдельных диалектах северного наречия и срединных говорах первичный й- сохранился, в других же, в частности, некоторых южных говорах и бесермянском наречии анлаутный й- заменился л': сев., сред. йугыт // южн. л'угыт ~ л'угът; кукм. л'угът; бес. l'ugot 'светлый; светло; свет'

Форма с первичным j- отмечается в одном слове в нижнечепецких говорах севернoudмуртского наречия: юкет 'часть, доля, пай' [Тепляшина 1970а: 165]. В бесермянском наречии (l'ag 'бор' [Тепляшина 1970б: 145–146]), прикильмезских (l'ag 'бор', l'ugit 'светлый, светло' [Загуляева 1980а: 9]) и граховских (л'укмэс 'прорубь', л'укыт 'тесно; теснота', л'угыт 'светлый; свет; светло' [Атаманов 2005: 171–172]) говорах анлаутный j- заменился согласным l'.

3.4.2.2. Фонетические явления на морфологическом уровне

В памятниках удмуртской письменности исследуемого периода можно выделить следующие фонетические явления на уровне морфологии:

1. Употребление с *ы*-овой огласовкой:

а) суффикса причастий «настоящего времени», образованных от глаголов I спряжения, *-ыс'(-) (-i's'(-))*: *Возматысь, косысь* [voz'matɨs', kosɨs'] 'указчик', *Дурысь* [durɨs'] 'кузнец', *Цурдысь* [č̌irdɨs' ~ čirdɨs'] 'чтец' [Соч. 17]; *воштысь* [voštɨs'] 'искупитель', *дурысь* [durɨs'] 'кузнец', *тодысь* [todɨs'] 'вѣдущий, вѣдающий, знающий, умѣющий' [Крот. 32, 56, 218]; *дурысь* [durɨs'] 'кузнец', *тодысь* [todɨs'] 'провидец' [Мог. 36, 39]; *Доды вандысь* [gogɨ vandɨs'] 'баба повивальная', *быттысь* [bɨttɨs'] 'раззоритель' [Словарь 1820: 1, 37];

Еванг. Гл. Мтф.: *Вицѣкъ кылысьлы* [kɨlɨs'li] *кыль-эзъ дунь-ласянь валамтелы-но, лыктэ шайтанъ, лучка-но сюлэмъ-пучкысь-тызъ солэсъ киземъ-эзъ.* 'Ко всякому, слышащему слово о царствіи, и неразумѣющему, приходит лукавый, и похищает посѣянное въ сердцѣ его' (с. 94);

Еванг. Гл. Марк: *Исусъ веразъ солы: кэнякэ ацидъ быгатодъ-кэ оськыны; оськысь* [oskɨs'] *бенъ муртъ-лы долакъ луоноэзъ.* 'Исусъ сказалъ ему [отцу бесноватого. – Л. И.]: естли можешъ сколько нибудь вѣрить, все возможно вѣрующему' (с. 68);

Азбука Гл.: *Ку, матэцкыса Ханаанской музьемъ-дорэ, тодызы, улысь* [ulɨs'], *пе, отынъ калыкъ кужмоэсъ: Еврейюсъ сокэмъ поци поттызы аслестызъ сконъзэ Инмарылы, ваисылы соосъсэ та музьемъэ; малпало-но бенъ валъ берэнь мыныны Египтэ.* 'Когда, приближась къ землѣ Ханаанской, узнали, что народы живущіе въ ней сильны: Евреи оказали въ себѣ столь мало надежды на Бога, который вель ихъ въ сію землю, что хотѣли было идти назадъ въ Египеть' (с. 53);

Еванг. Сар.: *Со нуналыюсынъ лыктызъ Иоаннъ крашинэ-пыртысь* [krašine pɨrtɨs'] (*глаз. крецонэ пыртысь*), *дышетыса Іудея Лудынъ (или Кырынь).* 'В тѣ дни приходитъ Иоаннъ креститель и проповѣдуетъ въ пустынь Іудейской' (с. 11); *Адымиосъ пеймытъ азинъ пукысьюсъ* [pukɨs'jos], *бадзимъ Югытъ-эзъ адзызы, пукысьюсъ-лы-но кулэмъ-юсъ-лэнь пэймытъ интіазъ-но Югытъ пиштызъ.* 'Люди сѣдѣшіе во тьмѣ, увидѣли Свѣтъ великій, и сѣдѣшимъ во странѣ тѣни смертной возсіялъ Свѣтъ' (с. 18);

Азбука Сар.: *Матэ вуыкызы-бонъ Ханаанской музьемъ дорэ, тодмазы, что со музьемъ вылынъ улысь* [ulɨs'] *калыкюсъ кужмо-батырэсь-пе: озизэ тодэмъ берэ-бонъ кышкаса уката та зэцъ музьемэ ваисъ*

*Инмарлы џскемзы ици кылызь соослэнъ, кенешъ каро валь беренъ берык-
цыкыны Египтэ.* 'Когда, приближась къ землѣ Ханаанской, узнали, что на-
роды живущіе въ ней сильны: Евреи оказали въ себѣ столь мало надежды
на Бога, который вель ихъ въ сію землю, что хотѣли было иди назадъ въ
Египеть' (с. 55).

Согласно В. К. Кельмакову, *ы*-овая огласовка причастного суффикса
распространена в говорах северного наречия, в бесермянском наречии и
во многих срединных говорах удмуртского языка, а в южном наречии ко-
нечный *-j-* (*-ы-*) основы глагола перед палатальной инициальной последую-
щих морфем перешел в *-i-* (*-и-*) [Кельмаков 1998: 149–150; 155–156; 166;
Kel'makov, Saarinen 1994: 137]; нч. *бӧрдысь* 'плачущий', *сюлмаськысь*
'заботящийся' [Тепляшина 1970а: 182]; дѣб. *вис'ьс'* 'больной', *бэртьс'* 'воз-
вращающийся' [Карпова 1990: 72]; сч. *sâlâs'* 'стоящий', *tubâs'* 'поднимаю-
щийся' [Карпова 1997: 153]; севЮ. *бӧрд-ыс'* 'плачущий', *мын-ыс'* 'идуший'
[Каракулов 1982: 107]; бес. *кулъс'* 'умирающий' [Федотов 1982: 120]; клм.
тjн-jс' 'идуший', *буд-jс'* 'растущий' [Загуляева 1980б: 108]; клм. *быз'ыс*
~ *быз'ис'* 'бегущий, текущий' [Кириллова 2002а: 60] // кукм. *мън-ис'* 'иду-
щий', *кут-ис'* 'ловящий'; кркм. *сьлис'* 'стоящий' [Кельмаков 1977: 51];

б) показателя формы настоящего времени 1 лица единственного числа
глаголов I спряжения *-ыс'к-* (*-jс'к-*): *утыськӧ* [utj's'ko] 'лаю', *дзигыртыськӧ*
[ʒjgirtj's'ko] 'обнимаю', *кутаськыськӧ* [kutas'kjs'ko] 'гнѣваюсь, сержусь'
[Соч. 98, 99, 100]; *кельтыськӧ* [kel'tj's'ko] 'оставляю, покидаю, отъучаю',
потыськӧ [potj's'ko] 'происхожу, вывожу, выбираюся, выхожу, выѣжжаю,
истекаю, исхожу', *сультыськӧ* [sultj's'ko] 'востаю', *шудыськӧ* [ʃudj's'ko]
'играю' [Крот. 83, 175, 205, 268]; *въелдыськӧ* [vɛldj's'ko] 'стелю, растя-
гаю', *мертыськӧ* [mertj's'ko] 'сажу ниву' [Мог. 83, 87]; *Сылыськӧ* [sɨlj's'ko]
'стою', *Тодыськӧ* [todj's'ko] 'знаю', *Кылыськӧ* [kɨlj's'ko] 'остаюсь' [Словарь
1816: 20]; *шудыськӧ* [ʃudj's'ko] 'балую', *ораськыськӧ* [oras'kjs'ko] 'браню',
ошилыськӧ [oʃlj's'ko] 'вѣшаю что', *мостыськӧ* [mostj's'ko] 'освобождаю'
[Словарь 1820: 1, 3, 9, 31];

Еванг. Гл. Мтф.: Шонеръ бенъ верасько тиледълѣ: *тильдъ оеконьды*
горчица тысь бытца-кэ-но лудъ, вералоды-кэ-но та гурэзылы: *татысь*
озіолд карыськы; карыськӧдъ [karj's'koz] *бенъ: неномырь-но тиледълѣ*
луонтэмъ узь-лү. 'Ибо истинно говорю вамъ: Ежели вы будете имѣть вѣру
съ зерно горчичное, и скажете, горѣ сей: перейди отсюда туда; то она перей-
детъ: и ничего не будетъ вамъ невозможнаго' (с. 131); *Исусъ бенъ, этиса со-*
осызь, веразъ: тодыськӧды [todj's'ko-dj] *ти, адями кунъюсъ ась улазъ возіо*
калыкъюсъызь, зэкъ-юсъ-но соосъ-лэнъ утjо соосызь. 'Исусъ же подозвалъ

ихъ [учеников своих. – Л. И.] и сказалъ: Вы знаете, что князи народовъ господствуютъ надъ ними, и вельможи властвуютъ ими' (с. 155);

Еванг. Гл. Марк: *Сò бенъ пыжь-беразъ иралтэсь-вылынъ изе валь; сайстысà Соэ вералò Солы: Дышетысьэ! цыкъ-а Тынадъ кеберэдъ эвиль? ацимэзъ бырыськòмъ-бенъ-угъ* [bɪrɪs'kot ben uk]. 'А Онъ [Иисус. – Л. И.] спалъ на кормъ на возглави; и будятъ Его, и говорятъ Ему: Учитель, какъ Ты не заботишься, что мы погибаемъ?' (с. 28–29);

Азбука Гл.: *султыськò* [sultɪs'ko] 'встаю' (с. 12); *Со кулэмъ берè царствоэзъ солэнъ люкыськыизъ* [l'ukɪs'kiz] 'Посмерти его [Соломона. – Л. И.], царство его раздѣлилось' (с. 61);

Еванг. Сар.: *Со дырѣя пыжь заризъ-лэнъ шоразъ-ини валь, тулкымъ-энъ-но шуккыськэ* [ɕukkɪs'ke] *валь: тэлъ бонъ пумыть валь.* 'Между тѣмъ лодка была уже на срединѣ моря, и ее било волнами: ибо вѣтеръ былъ противный' (с. 108–109);

Азбука Сар.: *Та Еврèй калыкъ бонъ кулэмъ беразы Иаковэнъ Иосифэнъ-но отынъ улны карысь-кызы* [karɪs'kizɪ], *улонъ чожазы бонъ тужъ уно ылызы.* 'Евреи оставались тамъ и по смерти Иакова и Иосифа, и весьма размножились' (с. 40).

Данный суффикс употребляется в нижнечепецких говорах северного наречия. Во многих других удмуртских диалектах он претерпел фонетические изменения различного рода [Кельмаков 1998: 147–150].

2. Употребление суффикса множественного числа *-йос (-jos)* после основы на гласную: *пийòсьты* [pijostɪ] 'ваши сыны' [Соч. 8]; *сойòсь* [sojos] 'они', *тайòсь* [tajos] 'тѣ' [Мог. 65, 66];

Еванг. Гл. Мтф.: *Люкасà-но зэкъ вицякъ попяйòсь книга тодысьйòсьзы-но калыкъ-польсь, ювазъ сойòсьлэсь* [sojosles]: *кытынъ вордскины кулè Христосьлы?* 'И собравши всѣхъ Первосвященниковъ и Книжниковъ изъ народа, [царь Ирод. – Л. И.] спрашивалъ у нихъ: гдѣ должно родиться Христу?' (с. 6); *Сокы ваизы Со-дорè ныль пийòсьзы* [niɫpijosɪz], *медь понòзь сойòсь-вылэ кийòсьэ* [sojos vɪle kijosse] *восяськòзь-но.* 'Тогда приведены были къ Нему [Иисусу. – Л. И.] дѣти, чтобы Онъ возложилъ на нихъ руки, и помолился' (с. 145);

Еванг. Гл. Марк: *Сокы мумизъ-но, бечеийòсь-но* [beɕejos no] *Солэнъ лыктызы, недлòнъ-но сылысà этины Соэ динязъ истызы.* 'Тогда пришли мать и братья Его [Иисуса. – Л. И.]; и, стоя внѣ дома, послали къ Нему, звать Его' (с. 21);

Азбука Гл.: *Кватетиязъ, музыэмъ вылынъ лулоюсьзы* [lulojosɪz], *беръ вылазъ адямизэ-но.* 'Въ шестыи [день сотворил. – Л. И.], живот-

ныхъ земныхъ, и наконецъ человѣка' (с. 18); *Адяміюсьлы* [ad'amijoslĭ], *кэтсэсь тырыса солэнъ эмышьіосынъ, кулэ эйвалъ кулыны мугорьэнъ-но*. 'Человѣки, питаюсь плодами его [древа жизни. – Л. И.], не должны были умирать и тѣломъ' (с. 19);

Еванг. Сар.: *Тикылыды, маръ верамынъ увачкалаіосъ-лы* [uačkalajoslĭ]: *Энь вй; кинъ-кэ вйіозъ, судэ усіозъ*. 'Вы слышали, что сказано древнимъ: не убей; кто же убьетъ, подлежитъ суду' (с. 24–25); *Озіэнъ энъ курдалэ соіосъ-лэсь* [sojosles]: *не номыръ-но эвлъ ватэмынъ, шарà потонтэмъ, лучкэмынъ-но тодонтэмъ*. 'И такъ не бойтесь ихъ [людей. – Л. И.]. Ибо нѣтъ ничего сокровеннаго, чтобы не открылось, и тайнаго, чтобы не было узнано' (с. 68).

Данное явление характерно в основном для южноудмуртской диалектной зоны: бт. *кыно-йос*, татш. *күно-йос* 'гости', бт., татш. *бакча-йос* 'огороды', южМ. *корка-йос* 'дома', *бэкчэ-йос* 'бочки', *кусо-йос* 'косы' [Кельмаков 1998: 116]; татш. *ăс'мийос* 'мы сами' [Гильмаев 1981: 98]; грах. *пынийос* 'собаки', *турийос* 'журавли', *мачийос* 'кошки' [Атаманов 1981: 52; 2005: 175]. Однако следует отметить, что суффикс *йос-* после основы на гласную (*-и, -ы (-ь)*) спорадически встречается также в некоторых говорах северного наречия удмуртского языка, например в среднечепецком диалекте: *ад'амийос* 'люди', *дъдъйос* 'девочки', *кăшпоjos* 'женщины' [Карпова 1990: 66–67; 1997: 81], что, по всей вероятности, является бесермянским влиянием.

В Азбуке, переведенной на сарапульское наречие (т. е. южный диалект) удмуртского языка, суффикс *-йос* после гласной основы не встречается, напр.:

Азбука Сар.: *Юкса-но уллязь соосызь* [soosjz] *кизэмъ кадъ музьэмъ вылтї*. '[Бог. – Л. И.] разсѣяль ихъ [людей. – Л. И.] по всей землѣ' (с. 32); *Моисейлэсь-азъвѣль адяміосъ* [ad'amios] *ацсэзэсь валактэмзы иръ-вѣзь сюлэмъ тодэмъ законэнъ вылэмъ, огэзь огзыльї Священнѣй индылыса верамэнно* 'До Моисея люди руководствовались закономъ естественнымъ и Священнымъ преданіемъ' (с. 45).

3. Деепричастие временного значения образуется с помощью суффикса *-кы (-кї)*:

Еванг. Гл. Мтф.: *Тонъ бенъ восяськыкыдъ* [vos'as'kĭkĭd] *пыръ кенсăдъ аслăдъ, ворсасăно бэрысăдъ эсэсь, восяськы адзіонтэмъ выльїсь Аилы, Аиэдъ но адзисă лучкэмъ-эзъ, сіотозъ тындыдъ шарà*. 'Ты же, когда молишься, войди въ комнату твою, и затворивъ за собою двери, помолись Отцу твоему, который втайнѣ; и Отецъ твой видящїй тайное, воздасть

тебѣ явно' (с. 32); *Тонъ бенъ визякыдѣ* [viz'akid] *вѣя ирѣдѣ аслесѣтѣдѣ, бамѣ-дѣ-но мѣськы.* 'Ты же постыся, помажь голову твою и умой лице твое' (с. 35);

Еванг. Гл. Марк: *Ветлыкызѣ* [vetlikiz] *адзизѣ Левіа-зѣ Алфѣй тизѣ, кудызѣ пукѣ валѣ, пѣлѣ октысѣ, со-лыно веразѣ: лыкѣ Мѣнѣ-серѣмѣ.* 'И проходя [Иисус. – Л. И.], увидѣлѣ Левіа Алфеева, сидящаго у пошлиннаго сбора, и сказалѣ ему: поди за Мною' (с. 12);

Азбука Гл.: *Та самой уѣ Инмарѣ поттызѣ Еврейѣосѣсѣ Египтысѣ, косысѣ соосѣлы потыкызѣ* [potikiz], *карыны пасхазѣ, азылѣнѣ-но карыны соѣ, тодѣ ваѣмѣ поннѣ моземѣзы соосѣлѣнѣ.* 'Вѣ сѣю самую ночь Богъ вывелѣ Евреевѣ изѣ Египта, повелѣвѣ имѣ, предѣ самымѣ вступленіемѣ вѣ путь, совершитѣ пасху, и впредѣ совершатѣ оную вѣ память избавленія ихѣ' (с. 41–42);

Еванг. Сар.: *Шудѣ со вѣрѣ, кузіѣ-зѣ солѣнѣ лыктыкызѣ* [liktikiz], *шедтѣзѣ-кѣ озѣ карысѣ-зѣ.* 'Блаженѣ рабѣ тотѣ, естѣли господинѣ его, пришедши найдетѣ его исполняющимѣ такѣ' (с. 195); *Мыныкызы* [mɪnɪkɪ'zɪ] *пумытскызы содѣ Кириноѣ адяміѣнѣ, нимынѣ Симонѣнѣ; таѣ косызы нуинѣ крѣосѣсѣ Солѣсѣ.* 'На пути встрѣтили они Кириинеянина, именемѣ Симона; сего заставили нести крестѣ Его [Иисуса. – Л. И.]' (с. 223–224);

Азбука Сар.: *Со пѣннѣ таинство шуѣмынѣ, что крацінѣ пыртыкы* [pirtiki] *адяміѣзѣ, вылазѣ адямилѣнѣ лыктѣ ми адзитѣкѣ Инмарлѣнѣ Святой зецкызѣ.* 'Потому, что тайно вѣ немѣ дѣйствуетѣ благодатѣ Божія' (с. 152–153).

Необходимо отметить, что в «глазовском» Евангелии от Марка примеров с деепричастным суффиксом -ку встречается больше, чем с кы-:

Еванг. Гл. Марк: *Ву-исѣ потыкызѣ* [potikuz], *здругѣ адзизѣ Иоаннѣ ингѣлѣсѣ пѣсѣ карысѣкѣмѣзѣ, Святой Лулѣзѣ-но, дыдыкѣ кадѣ, Со-вылѣ уваскысѣ-сѣ.* 'При выходѣ изѣ воды, вдругѣ увидѣлѣ Иоаннѣ разверзающіяся небеса, и Духа, какѣ голубя, сходящаго на Него [Иисуса. – Л. И.]' (с. 2–3); *Ношнѣ со вераскикузѣ* [veras'kikuz] *соѣ, терѣмуртѣ-лѣнѣ коркасѣтызѣ лыктызы, верасѣ: нылѣдѣ тынадѣ кулызѣ-ни; малы ношнѣ курадзитысѣкѣдѣ этемѣнызѣ Дышѣтысѣ-сѣ?* 'Еще какѣ Онѣ [Иисус. – Л. И.] говорилѣ сѣ; приходятѣ изѣ дому начальника синагоги, и говорятѣ: дочь твоя умерла; что ты еще трудишь Учителя?' (с. 35). И др.

Вариант суффикса с ы-овой огласовкой (кы-) распространен преимущественно в южном наречии и части срединных говоров: шонш., бт. *ужа-кы-м*, кукум. *ужа-кѣ-м* 'когда я работал, во время моей работы'; кркм.

мънь-къ-м ~ *мыны-кы-м* 'когда я шел'; южМ. *лъктъ-къ-д*, южБУ. *лыкты-кы-д* 'когда ты (при)шел' [Кельмаков 1998: 159]; клм. *bertikim* 'когда я возвращался' [Загуляева 1980а: 15]; св. *djšetski-ki* 'учась, во время учебы' [Бушмакин 1969: 69]; ув. *јсујсакызы* 'при входе' [Зверева 1982: 64–65]. Также он употребляется в бесермянском наречии: *zorø-kø* 'во время дождя' [Тепляшина 1970б: 212] и нижнечепецком диалекте северного наречия: *ужаки* 'во время работы, в процессе работы', *пыласькыкы* 'во время купанья' [Тепляшина 1970а: 182].

В большинстве же северных диалектов распространен вариант *-ку* (*-ки*): глаз. *вераку* 'разговаривая', *сиыку* 'во время еды' [Лыткин, Тепляшина 1959: 223]; сев. *ужаку* 'во время работы, когда работают', *ветльку* 'во время ходьбы, когда ходишь' [Вахрушев 1959: 234]. В некоторых населенных пунктах Кезского района иногда (в речи пожилых людей) данный суффикс деепричастия употребляется в двух вариантах: *-ку* и *-кы*: севЮ. *мыныку* ~ *мыныкы* 'когда идешь', *ужаку* ~ *ужаки* 'во время работы' [Каракулов 1982: 107].

4. В текстовых памятниках на «глазовском наречии» находят отражение особые формы пространственных (приблизительноместных) падежей с компонентом *-н'* (*-н'-*):

Еванг. Гл. Мтф.: *Мáръ кэмъ дiо́зскытъ зэзi, сиолэгъ-но сюрэсь, улонънэ [ulon'-n'-e] пыртысьiо́сь, мáръ кэмъ ици шэттысьiо́сь соосызь.* 'Какъ узки врата и тѣсенъ путь, ведушіе въ жизнь, и какъ немногіе находятъ ихъ' (с. 42); *Киземъэзъ бенъ ни-и́нь, кыль кылысьлэнь лүэ, кинъ-нинъ [kin'-n'-in] та улонъ-лэнь кэберъ-эзъ, синьмаськднъ-но узыръ котыръ, зыбтэ кыль-эзъ, со-но тысь-тэмъ лүэ.* 'А посѣянное въ терніи, значить слышащаго слово, но въ которомъ забота вѣка сего и прелестъ богатства заглушаетъ слово, и оно бываетъ безплодно' (с. 95);

Еванг Гл. Марк: *Пырэ корка синагога терэнэ [teren'e ~ ? teren'e] адзэ-но отынъ тупытътэмъ бырдысьiо́ссэ, юнь церекьямъ-iо́ссэ-но.* 'Приходитъ въ домъ начальника синагоги; и видитъ смятеніе, и плачущихъ и громко вопіющихъ' (с. 36); *Истизь-но дырызь дырья ужасьiо́сьнэ [izas'josn'e] аслестызь медд муртъсэ, бастыны соiо́сьлэсь вина узылэсь шедемъзэ.* 'И послалъ [хозяин. – Л. И.] въ свое время къ виноградарямъ слугу, принять отъ виноградарей плодовъ изъ виноградника' (с. 92–93);

Азбука Гл.: *Мукэтъ дырья Авраамъ адзизъ квинь серъ муртъiо́сьсэ, этизь-но соосъсэ аснязъ [asn'az] шидэтскыны утины понна-но.* 'Въ другое время Авраамъ увидѣлъ трехъ странниковъ, и позвалъ ихъ къ себѣ, для отдохновенія и угощенія' (с. 34); *Соiо́сьзъ укыль сыяны ози, кызи*

сыяськóмъ Инмаръзэ, но Инмарълэнъ варьюсызъ кáдь, кудъюсьлэнъ луóзь вутыны **Инмарнэ** [inmarn'e] милямъ вoсяськонъюсьмы, сiотканы-но мильмы Солэнъ дзэцъ кбизъ, сò поннà юртонъзэ-но кулэ курыны Инмарълэсь соiось-пырты. Ихъ [Святых Ангелов и Святых человекoв. – Л. И.] должно почитать не такъ, какъ почитаемъ Бога, но какъ служителей Божиихъ, которые могутъ приносить молитвы наши къ Богу, и намъ подавать благодать Его, почему и помощи просить должно чрезъ нихъ у Бога' (с. 156). И др.

Это явление – характерная черта северноудмуртских диалектов, например, нижнечепецких: *адямине* 'к человеку', *калыкне* 'к людям', *школане* 'к школе' [Тепляшина 1970а: 167; 1981: 285–286]; среднечепецких: *эшэн'ьс'* 'от [моего] друга', *эшэн'ьн* 'у [моего] друга', *эшэн'э* 'к [моему] другу', *эшэн'ьс'эн* 'от [моего] друга' [Карпова 1990: 67–68; 1996: 36–39; 1997: 85–89]; глазовского диалекта: *староверньын* 'у старовера', *моньням* 'к себе', *миньнямы* 'у нас' [Вахрушев 1959: 236]. В других диалектах и удмуртском литературном языке, где отсутствуют падежи с формантом *-н'*, обозначаемые ими отношения выражаются с помощью послеложных конструкций, например: *соос дорын* 'у них, при них', *эше доры* 'к моему другу'.

Несмотря на то, что в некоторых из памятников письменности об определенном месте фиксации материала сообщается в названии, при аналитическом исследовании выявляется присутствие в них различных диалектных стихий. Таким образом, сочетание в их структуре северноудмуртских и южноудмуртских диалектных явлений имплицитно указывает на развитие удмуртского книжно-письменного (литературного) языка.

3.4.2.3. Наддиалектность в текстовых памятниках

Использование разнoдиалектных материалов в корпусе одного и того же текста явилось характерной чертой письменной литературы с самого начала ее зарождения. Не случайно вплоть до наших дней окончательно не решен вопрос о том, какой диалект лег в основу книги «Сочинения принадлежащая къ грамматикѣ вотскаго языка», ибо при ближайшем рассмотрении можно обнаружить в ее языке проявления различной диалектной стихии.

Первые переводы Евангелий были изданы на двух наречиях удмуртского языка – «сарапульском» и «глазовском». Несмотря на это, каждый из этих памятников содержит в себе как северноудмуртские, так и южноудмуртские и бесермянские диалектные явления. Переводчики и издатели

предприняли серьезные усилия к тому, чтобы тексты были понятны носителям различных диалектов. По мнению многих исследователей, язык этих переводных изданий не соотносится с определенным (указанным в книгах) наречием, он наддиалектен [Каракулов 1987а: 107; 1997: 6; Карпова 1997: 31; Кельмаков 2008: 41–42].

На наддиалектность Евангелий и Азбук на «сарапупльском» наречии указывают, на наш взгляд, следующие явления:

1. Упрощение группы согласных *-pCC-* в *-pC-*:

Еванг. Сар.: *Вераськò бонь тилэдъ-лѣ, шонеръ-дѣ тилѣдъ узъ-кѣ òрци* [uz ke o-rci] книга тодысьòсь-лѣсь Фарисеось-лѣсь-но, удъ-пырѣ дзѣць инъ-выльнъ дунья-ѣ. 'Ибо сказываю вамъ, ежели праведность ваша не превзойдетъ праведности Книжниковъ и Фарисеевъ, то не взойдете въ царство небесное' (с. 24); *Кертылò* [kertylo] *секѣтъ vormэмътѣ-но нупиеть-юсь, понò-но адымиось-лѣнъ пельпумáзы; асселѣнъ-бонь цинѣ пэлѣнъ-но эттэмъ-зы угъ-пòтъ.* 'Связываютъ бремена тяжелыя и неудобноносимыя, и кладутъ на плеча людямъ; а сами и пальцемъ не хотятъ двигнуть ихъ' (с. 178);

Азбука Сар.: *Еврейòсьызъ-но ацьсѣ валэсьтэмъ вѣразы дэмласà унозѣ суразы: со пэннà-бонь палазы луисыòсь Инмарлѣсь зѣцьбурзѣ юртэтсѣ* [jurtetse] *зѣь-шѣдтэни.* 'Они [старые жители земли Ханаанской. – Л. И.] вовлекали въ язычество и Евреевъ: а чрезъ то сѣи лишались благодати и помощи Божіей' (с. 57–58); *Захарія оскытэкъ туртѣ-валъ* [turte val] *со иворзлѣ, со пэннà бонь кылтэмъ кар-изъ соѣ пѣзъ вордскытòзь, адзисà зэмамзѣ Ангыллѣсь верамзѣ вордскѣмъ берáзь пѣзлы нѣмъ пэнны кос-изъ Иоáннь.* 'Захарія усомнился: и въ наказание за то былъ нѣмъ, доколѣ дѣйствительно родился у него сынъ, и онъ, видя исполненіе словъ Ангела, велѣлъ назвать его Иоанномъ' (с. 79).

Данное фонетическое явление в настоящее время свойственно кукморскому, шошминскому и красноуфимскому говорам периферийно-южного наречия и бесермянскому наречию удмуртского языка.

Упрощение согласных инлаута в изданиях 1847 года, а также в памятниках, составленных ранее (см. примеры в пункте 3 раздела 3.4.2.1.2), говорит о том, что эта диалектная особенность, которая впервые была зафиксирована в грамматике 1775 года, копировалась от памятника к памятнику.

2. Употребление инициального *й-* (*ц-*) перед *а*:

Еванг. Сар.: *Ти дунья-лѣнъ югытъ-ѣзъ; каръ-лѣнъ увацткэмъ-ѣзъ углò* [цаккетез uglo] *гурѣзь ильнъ сылысь-лѣнъ.* 'Вы свѣтъ міра; не можетъ градъ укрыться, стоя на верху горы' (с. 23); *Ти кылыды, маръ верамынъ*

увачкалаось-лы [uaʃkalaosli]: ʃoʃoʃoʃo ɛnʲ-лу. 'Вы слышали, что сказано древнимъ: не прелюбодѣйствуи' (с. 26);

Азбука Сар.: *Бадзімъ нимотулò переціòсь-пэнна нимат-изы соосызь патриархъюсь: Еврей калыклэнъ бонъ перецъ аиòсь увань* [uaŋ] соось. 'Всѣ они [двенадцать сыновей Иакова. – Л. И.] называются патриархами, то есть праотцами: потому что суть родоначальники народа Еврейскаго' (с. 36); *Іосифъ Аримаоéйской лучкэмъ дышетскисезъ Солэнъ, Пилатъ судья-дорэ мынсà ювасà уваськытызь* [uas'kjitiz] мугоръзэ Солэсь кирòсь-вылысь, цилкыть дэраёнъ биньсà мугорзэ, пэн-йзь віль изэзь лэсьтэмъ коросэ, аслэзь садáзь. 'Иосифъ Аримаоейскій, тайный ученикъ Его [Иисуса. – Л. И.] снялъ тѣло Его съ креста, выпросивъ на то позволеніе у Пилата, обвинил оное чистою плащеницею, и положилъ въ новомъ каменномъ гробѣ въ своемъ саду' (с. 113–114); *Чукна пёрвой нуналэ суббòта-берэ, кудзэ тавактэ арня нуналъ шуискómъ, кэняезъ-кэ цилкыть-визьмò кышноось мын-изы грòбъ корòсь-дорáзь* *Остэ Исуслэнъ, взяны-пэнна мугорзэ Исуслэсь цескыть зынò муроэнъ, уватонъ дырья* [uaton dɨrja] вуымтэсьтызы озы карыны. 'По утру въ первый день по субботаѣ, который нынѣ называется Воскреснымъ, нѣкоторыя благочестивыя жены пошли ко гробу Господа Иисуса, что бы помазать тѣло Его мвромъ, чего не успѣли сдѣлать при погребеніи' (с. 115) и т. д.

И это явление в наши дни распространено во многих диалектах удмуртского языка: в нижнечепецких говорах северного наречия, бесермянском наречии, а также в некоторых говорах периферийно-южного диалекта.

С другой стороны, данное явление может указывать не столько на наддиалектность, сколько на сохранение диалектной черты южных говоров. Даже в настоящее время исследователи отмечают спорадическое употребление ца- в кильмезских говорах (см., напр., [Кириллова 2002а: 54]).

3. Единичные случаи дистантной прогрессивной ассимиляции по огубленности:

Еванг. Сар.: *Со-ось верязы: кэня-òськэ Иоаннь чукундрысь* [ʃikundrɨsʲ], *та-ось Иліа, музòнь-іòсь* *Іеремія шуò, либо одыгъ кудызь-кэ пророкьіòсь-лэсь.* 'Они [ученики Иисуса. – Л. И.] сказали: нѣкоторые за Иоанна крестителя; другіе за Илію; а иные за Іеремію, или за которагонибудь изъ пророковъ' (с. 122);

Азбука Сар.: *Квиньме-тіязъ, юкйзь вуэзь музьемлэсь, косізь-но музьемлѣ пись-пуэзь-но турумэзь-но* [turimez no] поттыны. 'Въ третій [день Бог – Л. И.], отдѣлилъ воду отъ земли, и повелѣлъ землѣ произвести растенія' (с. 17).

Данное явление отмечается лингвистами в верхнечепецких и среднечепецких говорах северноудмуртского наречия, а также в речи бесермян.

4. В тексте Евангелия на «сарапульском» наречии наиболее яркая, с точки зрения переводчиков и издателей, лексема сарапульского диалекта в корпусе текста в скобках объясняется лексическим дублетом глазовского диалекта:

Еванг. Сар.: *Верáзь соосъ-лы: Пòтэ педлò; нýль бонъ э́зкүль; изэ, мыскыльязы (Глаз. серекъяльязы) но Соё. 'То сказалъ [Иисус. – Л. И.] имъ [свирельщикам. – Л. И.] выдъте вонъ; ибо дѣвица не умерла, но спитъ, и смѣялись надъ Нимъ' (с. 59); Сокэмъ (Глаз. укатà) вералò тылédь-лы: Тирь-лы Сидонъ-лы-но капцигэмъ лудзь судъ карòнъ нуналэ ти сярисъ. 'Даже скажу вамъ: Тиру и Сидону отраднѣ будетъ въ день суда, нежели вамъ' (с. 77); Тодысáль-ды-кэ бонъ тй, мáръ со кýль: м́лосъ карынй туртыськò медъ-тэкъ: эй кýрласальды (Глаз. лекатысалъ) цилкыть-йóсызь. 'А естли бы вы знали, что значить изречение: милости хочу, а не жертвы: то не стали бы осуждать невинныхъ' (с. 80); Мызонъ мадиськòнъ кыль-э́зъ потты́зъ верасá: дзэ́ць инь дуньè тунà адями-лы, дзэ́ць кидысь-э́зъ киземъ-лы ась тарлау-áзь (бусы-áзь; Глаз. лудáзь). 'Иную притчу предложилъ [Иисусъ. – Л. И.] имъ [ученикам. – Л. И.], говоря: царствіе небесное подобно челоувѣку, посѣявшему доброе сѣмя на полѣ своемъ' (с. 95); Дышетскись-йóсь, адзисá Солэсь зарйзъ-вылтй ветлэмъ-зэ, кэшкэмáзы, верязы-но: та тумошò адзйòнъ (Глаз. пэртмаськòнъ), курдамэнызы-но кеськйзы (Глаз. церекъязы). 'Ученики, увидѣвъ Его [Иисуса. – Л. И.] идущаго по морю, смутились и говорили: это призракъ, и отъ страха вскричали' (с. 109); Музонъйóсь ношъ кутысá солэсь варъ-йóсьсэ, мыскыль карызы (Глаз. таргáзы) соосълы, вййзы-но соосызь. 'Прочіе же, схвативъ рабовъ его [царя. – Л. И.], надругались надъ ними, и убили ихъ' (с. 170). И др.*

Наддиалектный характер языка Евангелий и Азбуки на «глазовском» наречии подтверждают такие факты, как:

1. Употребление анлаутного *ў*- (*ц*-) перед *а*:

Еванг. Гл. Мтф.: *Иисусъ Христось-лэнъ вордсконъ-э́зъ озй вáль: курáмъ-берё Мумизэ Солэнъ Марія-э́зъ Иосифъ-лы, валсё улынй кутскэмъ-лэсь азьлò, луйзъ Солэнъ кэтáзь, увáнь [цап], Святой Луль-лэсь. 'Рождество же Иисуса Христа было такимъ образомъ: по обрученіи Матери Его Маріи съ Иосифомъ, прежде нежели они начали жить вмѣстѣ, оказалось, что она имѣетъ во чревѣ отъ Духа Святаго' (с. 4); Озйэнъ, мáръкэ Инмáръ увацѣ [ца́е] карйзъ адямй медáзь люкъ. 'И такъ, что Богъ сочеталъ, того*

человѣкъ да не разлучаетъ' (с. 143); *Кинькэ нѡшь липѣтъ-вылынъ медазъ уваськы* [uas'ki] *басьтыны мърь-кэ юртысьтѣзъ*. 'И кто на кровлѣ, да не сходитъ взять что нибудь изъ дома своего' (с. 189);

Еванг. Гл. Марк: *Ятырьѡсъ бень сюрѣсъ-вылтѣ аслазъ дисьѡсъсѣ увалилызы* [ua'l'i:zi]; *мукѣтъѡсъ ношь вандылыса нерьѡсъсѣ пуѡсълзсъ сюрѣсъ-вылтѣ-но куяллызы*. 'Многіе же постилали одежды свои по дорогѣ; а иные срѣзывали вѣтви съ деревь, и бросали на дорогѣ' (с. 86); *Кѹ бень сылыськѡды восьяськиса, уваллѡ* [ua'l'o] *урьяськэ, кинь-лыкэ вожьзѣ цякласькѡды: Айдѣ-но тилядѣ Инь-вылынъ улысьзѣзѣ медъ лезѡзѣ тилядѣ селысьѡсыдѣ*. 'И когда стоите на молитвѣ: прощайте, естли что имѣете на кого: дабы и Отецъ вашъ небесный простилъ вамъ согрѣшеній вашихъ' (с. 90);

Азбука Гл.: Увачкала-тырьисъ [uaʃkala tɨrɨsʲ] *Инмарь быръя валь кэнязѣкэ шонѣръ улысь муртъѡсъсѣ, тырь-но карѣ валь соосъсѣ аслазъ лулэнызъ, медъ соосъ поттѡзы мукѣтъ адымиѡсьлы Солэнъ эрикъсѣ*. 'Издревле Богъ избиралъ нѣкоторыхъ благочестивыхъ людей, и исполнялъ ихъ духомъ Своимъ, дабы они открывали волю Его прочимъ людемъ' (с. 62–63); *Инмарь поттызъ та уватэмъзѣ* [uatemze] *Даниль Пророкълы озѣикъ вѣтынъ: и со вайзъ Экейлы тодазъ, валэктѣзъ-но солэнъ кышканъ вѣтамъзѣ, кудызъ иворъ карѣ ниль царстводсъ-сярѣсь, огъ огълзсъ бэрыязъ потысьѡсъ, кудьѡсьлэнъ сылоньязъ Инмарь тупатѡзъ пумтэмъ царствозѣ*. 'Богъ открылъ сію тайну Пророку Даниилу также во снѣ: и онъ привелъ царю на память, и истолковалъ страшный сонъ его, который предвѣщаль четыре царства, одно за другимъ слѣдующія, въ продолженіе которыхъ Богъ устроить царство вѣчное' (с. 67–68).

Как отмечено выше, данное фонетическое явление встречается не только в северноудмуртской диалектной зоне, но и в бесермянском наречии и говорах периферийно-южного диалекта удмуртского языка.

2. Употребление суффикса множественного числа *-йос (-jos)* после основы на гласную:

Еванг. Гл. Мтф.: *Люкаса-но зѣкъ вицякъ попъѡсъ книга тодысьѡсьызъ-но калыкъ-польсь, ювазъ соѡсьлзсъ* [sojosles]: *кытынъ вордскыны кулѣ Христосьлы?* 'И собравши всѣхъ Первосвященниковъ и Книжниковъ изъ народа, [Ирод. – Л. И.] спрашивалъ у нихъ: гдѣ должно родиться Христу?' (с. 6); *Исусъ бень веразъ: лэзэ ниль-пийѡсъ-тэ* [ni'pijoste], *энь-но дугдытэ соосъсѣ Монь-дорамъ лыктѣны; тачѡсьлэнъ бень инь дуньѣ*. 'Но Исусъ сказалъ: пустите дѣтей, и не препятствуйте имъ приходить ко Мнѣ; ибо таковыхъ есть царствіе небесное' (с. 145); *Исусъ нош вера со-*

осълы: зѣмъ озѣ! ти бень не нокуно эдь-цѣрдэлэ а ма, марь гоштэмьнъ: пинальюсь-лэнъ ѡмъисътысь **ноньюсь-лэсь-но** [noŋjosles' no] каридь Тонъ съэзь. 'Исусъ же говоритъ имъ [первосвященникам и книжникам. – Л. И.]: да, развѣ вы никогда не читали въ писаніи: въ устахъ юныхъ и грудныхъ дѣтей Ты устроишь хвалу?' (с. 161);

Еванг. Гл. Марк: *Іоаннь нуиллызь диськутъсэ дуэ гонъ-лэсь, кускытѣзь-но Ъ-сумьсь; сѡнъэзь солэнъ валъ марькэ **дзѣзы-юсь-лэсь** [ʒozijosles], лудь мушьюсьлэнъ-но цецѣэзь.* 'Іоаннь же носилъ одежду изъ верблюжьяго волоса, и кожаный поясъ на чреслахъ своихъ; а Ѳль акриды и днкій медь' (с. 2); *Исусъ соосълы веразь, лыктэ Монъ-берысямъ; Монъ-но тилэдэсэ валэктэ, лубды-но тѣ **адяміюссэ** [ad'amijosse] шеттысьюсь.* 'И сказаль имъ [Симону и Андрею, бросающимъ сеть въ море. – Л. И.] Исусъ: подите за Мною, и Я сдѣлаю, что вы будете ловцами чловѣковъ' (с. 4);

Азбука Гл.: *Кватетіазь, музыэмъ вылынъ **лулоюсьзь** [lulojosiz], беръ вылазь адямизэ-но.* 'Въ шестый [день Бог сотворил. – Л. И.] животныхъ земныхъ, и наконецъ чловѣка' (с. 18); *Шудэ улэмъ увазынырьсь **адяміюсь-лэнъ** [ad'amijoslen].* 'Блаженное состояніе первыхъ чловѣковъ' (с. 19).

Данное явленіе характерно в основном для южноудмуртской диалектной зоны.

3. Винительный падеж множественного числа имен существительных и некоторых местоимений образован с помощью суффикса *-ыз (-iz)*:

Еванг. Гл. Мтф.: *Вицякъ-но, кінъ-кэ кельтэзь **юртыюсьзь** [jurtjosiz], либо **выньюсьзь** [vinjosiz], либо **сузерьюсьзь** [suzerjosiz], либо ауэзэ, либо мумиэзь, либо кышноэзь, либо ныль-пиэзь, либо **муземьюсьзь** [muzjetjosiz] Мынамъ нимъ понна, сѣ полэсь шеттэзь; быронътэмъ дуньяэ-но пырэзь.* 'И всякой, кто оставитъ дома или братьевъ, или сестръ, или отца, или мать, или жену, или дѣтей, или земли ради имени Моего, получить во сто кратъ; и жизнь вѣчную наслѣдуетъ' (с. 149);

Еванг. Гл. Марк: *Ятырьюсь бень Мынамъ нимынѣмъ лыктэзы, вералэзы-но: Монъ Ацимъ, шуиса; **уноюсьзь-но** [unojosiz no] пэялэзы.* 'Ибо многіе придуть подь именемъ Моимъ, и скажутъ: это Я; и многихъ прельстятъ' (с. 102);

Азбука Гл.: *Витетіазь, **чорыгьюсьзь** [čorigjosiz] панаіюсьзь-но.* 'Въ пятый [день Бог сотворил. – Л. И.], рыбъ и птицъ' (с. 18); *Адзэмъ визмэ животъ-лэсь азъвѣль, то есть, адямилэсь, Инмарь лестызь адземътэ визмэ животъэзь, **лулюсьзь** [luljosiz], кудрюсь нимаскэ Ангельюсь.* 'Прежде видимой разумной твари, то есть чловѣка, Богъ сотворилъ невидимую разумную тварь, духовъ, которые называются Ангелами' (с. 22). И др.

Данный вариант суффикса преимущественно распространен в южном наречии и южной части срединных говоров, а в северном и бесермянском наречиях, а также в части срединных говоров на его месте употребляется показатель *-ты*.

Все вышеперечисленные явления говорят о том, что в ходе длительного процесса перевода и издания Евангелий и Азбук на глазовском и сарапульском наречиях была проведена серьезная работа по созданию наддиалектности в их языке, выражающейся в «объединении разнодиалектных признаков с единичными случаями отказа от узкорегиональных форм, влиянием языка фольклора и иноязычным воздействием» [Каракулов 2004: 530].

Наличие различных диалектных явлений – это особенность в общей сложности почти всех памятников рассматриваемого нами периода, которая идет от «Сочинений» 1775 года. Именно этой грамматикой уже в XVIII веке было, можно сказать, предугадано и имплицитно указано на то направление в формировании и развитии удмуртского книжно-письменного (литературного) языка, которое теоретически было обосновано Г. Е. Верещагиным в конце XIX столетия в работе «О книгахъ на вотскомъ языкѣ» [1895]: путем органического сочетания элементов различных диалектов.

3.5. Характеристика лексического состава

3.5.1. Общая характеристика лексики

Анализ письменных памятников любого языка представляет собой один из важнейших видов языковедческой деятельности. Без подробного, детального исследования начального этапа развития письменности трудно решать и проблемы истории современного литературного языка. С точки зрения лексикологии изучение ранних текстов, словарей является важным источником для выяснения путей и способов обогащения словарного состава языка, изучения пластов слов, перешедших в разряд устаревших и неизвестных современному литературному языку.

Наблюдения над лексическим составом исследуемых письменных памятников позволяют сделать вывод о том, что он неоднороден. Анализируемые источники содержат главным образом наиболее существенные слова из основного словарного фонда, которые функционировали в указанный период. Они являются своеобразным ключом для «проникнове-

ния» в материальную и духовную культуру удмуртского народа, подчеркивают особенности общественной жизни, хозяйства, быта, характерные для удмуртов в XVIII–XIX веках. В памятниках письменности отражены передающиеся из поколения в поколение и развивающиеся в ходе исторического процесса названия предметов, орудий, действий, способов, разных приемов, относящихся к основным видам хозяйственной деятельности, явлений природы и т. д.

Слова, содержащиеся в памятниках исследуемого периода, можно классифицировать по следующим тематическим группам (охвачена не вся наличная лексика):

I) общественно-политические, административные: *Juxé* [eksej] 'государь', *Chusoi* [kuz'o] 'хозяин' [Mes. 208, 211]; *kusò* [kuz'o] 'dominus [хозяин]' [Fischer 316]; *Кунь* [kun] 'царь', *Эксеј* [eksej] 'государь' [Соч. 16]; *кать* [kat] 'право', *кунь возёмь палъ* [kun voz'em pal] 'царство, имперія', *тэрэужь* [tereuj ~ ? tereuj] 'судейская должность' [Крот. 77, 101, 229]; *тепё* [tere ~ ? tere] 'воевода, судья', *косёмь* [kosem] 'указь, повелѣніе', *гаитись-мурть* [goštis' murt] 'писарь' [Мог. 25, 26, 49]; *Кунь* [kun] 'царь', *Эксеј* [eksej] 'государь', *Тэрё* [tero ~ ? tere] 'судья' [Словарь 1816: 4]; *тепё* [tere ~ ? tere] 'власть', *улосъ* [ulos] 'волость', *кунь* [kun] 'государь' [Словарь 1820: 6, 7, 11];

Еванг. Гл. Мгф.: *Тырмонò дышетскисълъи, дышетисъэзь кадъ луизь-кэ, медолы-но* [medolj no] (*варълы-но*), *кузюэзь кадъ луизь-кэ*. 'Довольно для ученика, чтобь онь былъ, какъ учитель его, и для раба, чтобь онь былъ, какъ господинъ его' (с. 68); *Иисусъ бенъ, этиса соосызь, веразь: тодыськòды ти, адями кунъиòсь* [kunjos] *асъ улазь возиò калыкьиòсызь, зэкъ-иòсь-но* [zekjos no ~ ? zekjos no] *соосълэнъ утиò соосызь*. 'Иисусъ же, подозревавъ ихъ [учеников. – Л. И.], сказалъ: Вы знаете, что князи народовъ господствуютъ надъ ними, и вельможи властвуютъ ими' (с. 155);

Еванг. Гл. Марк: *Сокуйкъ бадзймъ понь* [bažžim por] *аслестьизь дисъюсьсэ кесяса, вера: малъ ми ноина утцяськòмъ оскытисъюсьсэ* [oskjtis'josse]? 'Тогда первосвященникъ разодралъ одежды свои, и сказалъ: на что еще намъ свидѣтелей?' (с. 120);

Азбука Гл.: *Виль Египетской Эксеј* [eksej] *кутскызь кэръ потыннѣ Еврейюсьэлъсэ, сэръ лыктысьюсьэлъсэ кадъ*. 'Новый Царь Египетскій сталъ опасаться Евреевъ, какъ пришельцевъ' (с. 39); *Чукна вайзы Сое судъ карэмъ-понна Пилать-дорэ, Римской Утисъ-дорэ* [ut'is' dore] *Иудеязэ*. 'По утру представили Его [Иисуса. – Л. И.] на судъ къ Пилату, Римскому Правителю въ Иудеѣ' (с. 102);

Еванг. Сар.: *Дышетызь бонь сооссэ бадзімь эрыкъ [erɨk] кутыса, книга тодысыѡсь Фарисеось-но-сямѣнь гинѣ эвлѣ. 'Ибо Онѣ [Иисус. – Л. И.] училъ ихъ [народ. – Л. И.], какъ власть имѣющій, а не какъ книжники (и Фарисей)' (с. 45); **Вэсь асаба́** [ves'asaba] *веразь Солы: вылысь югытъ Инмарь-понна, вѣра милемѣлы, Тѡн-а Христось Инмарь Пѣ?* 'Первосвященникъ сказалъ Ему [Иисусу. – Л. И.]: заклинаю Тебя Богомъ живымъ, скажи намъ, Ты ли Христось Сынъ Божій?' (с. 215);*

Азбука Сар.: *Инмарь-бонь солэсь вѣтамзѣ Данило Пророклѣ адзитызь уй вѣтынъ: уй вѣтсѣ солэсь тодазь вайтыса-бѡнь валат-изь-но соѣ ѡзи: адземѣдь-не ниль Эксѣйулосѡсызь [eksejulososjɨz], огэсь берысь огэсь луозы, озѣ-бонь луѡнь чѡжъ кустынь Инмарь тунатѡзь-не Эксѣй улосѣзь быт-ымырь улысьсѣ. 'Богъ открылъ сію тайну Пророку Даниилу также во снѣ: и онѣ привелъ царю [Навуходоносору. – Л. И.] на память, и истолковалъ страшный сонъ его, который предвѣщалъ четыре царства, одно за другимъ слѣдующія, въ продолженіе которыхъ Богъ устроить царство вѣчное' (с. 71);*

2) термины, связанные с военным делом: *Кортпась [kortpas'] 'латы', Ожъ [oʒ] 'война' [Пал. 102, 103]; Ожмаськѡнь [oʒmas'kon] 'баталія, война', Жугыкѣсь [ʒugjɨs'kis'] 'боець' [Соч. 15, 16]; ожмѣ [oʒme] 'армія', салдатъ дись куть [saldat dis'kui] 'военное платье', тышкаскѣсь [tjɨʂkas'kis] 'воинъ' [Крот. 155, 190, 227]; санапаль [sanapaɫ] 'оружіе', тышкатскѡнь [tjɨʂkatskon] 'драка, война' [Мог. 22, 44]; Ожмаськѡнь [oʒmas'kon] 'баталія, война', Жудыкѣсь [ʒugjɨs'kis] 'боець', Тупъ [tup] 'пушка' [Словарь 1816: 3, 4, 15]; жудыськѡнь [ʒugjɨs'kon] 'бой', ѡжъ [oʒ] 'война' [Словарь 1820: 3, 6];*

Еванг. Гл. Мтф.: *Со вераськыкызь-ыкъ, тани вуѣ Иуда, одыгъ дасть кыкъ-лэсь, соинъ-но трѡсь калыкъ палашѣѡсынъ [palaʂjosjɨn], маегѣѡсынъ-но вэсь-асабадѡсь (зэкнопѣѡсь), калыкъ-лэнь-но перецьѣѡсь-дорысь. 'Еще какъ говорилъ Онѣ [Иисус. – Л. И.], приходитъ Иуда, одинъ изъ двенадцати, и съ нимъ множество народа съ мечами и дреколѣмъ отъ первосвященниковъ и старѣйшинъ народа' (с. 212);*

Еванг. Гл. Марк: *Иисусъ, куткыса увазинѣ, веразь соѡсылы: тѣ Монѣ разбой-муртьсѣ кадъ кутыны лыктыды шпагаѣѡсынъ [ʂpagajosjɨn], копьяѣѡсынъ-но зырьѣѡсынъ-но [kopɨajosjɨn no ʒjɨrjosjɨn no]. 'Иисусъ, начавъ рѣчь, сказалъ имъ [пришедшим. – Л. И.]: какъ будто на разбойника пришли вы съ мечами и дреколѣмъ взять Меня' (с. 118);*

Азбука Гл.: *Соберѣ Иудейѣсь лыктызы палашѣѡсынъ [palaʂjosjɨn] зырьѣѡсынъ-но, бастызы Соѣ, Иуда сѣѡтысь возматонья, нуѣзы-но Иудейской асаба́ потѣсь-доры, со кустынь ношь дышетскисѣѡсь Солэнь пегзиллямъ.*

’Потомъ Іудеи пришли съ оружіемъ, взяли Его [Иисуса. – *Л. И.*], по указанію Іуды предателя, и отвели къ первосвященникамъ Іудейскимъ, между тѣмъ какъ ученики Его разбѣжались’ (с. 101);

Еванг. Сар.: *Ку бонъ пырызь Іисусъ Капернаумѣ, матэдскызь Со дорѣ сотникъ [sotn'ik], телмырызь-но (глаз. сълворызь) Солы.* ’Когда же вошелъ (Иисусъ) въ Капернаумъ; подошелъ къ Нему сотникъ, и просилъ Его’ (с. 47);

Азбука Сар.: *Квинсью адыміенъ-гынэ мынсà вылазы пычалтэкъ нелтэкъ [p'čaltek-n'eltek], уинъ, котыртысà сò ожмаськыны люкась-кемзэс, огнумысь бургы квараенъ тылъ югытэнъ-но валсѣ кышкат-ызь соосызь, сычѣ малпамтѣ шорысь кышкасà-бонъ огзэс огзы ацъсэзы вины кутскысà пегзины адсѣ-пала вуизы.* ’Съ тремя стами безоружныхъ, ночью, обошелъ онъ [Гедеон. – *Л. И.*] станъ непріятелей, и внезапноымъ звукомъ трубъ и свѣтомъ свѣтильниковъ привелъ ихъ въ такое смятеніе, что они бросились убивать другъ друга, и обратились въ бѣгство’ (с. 59); *Давидъ ассѣ ацыз нимат-ызь ожмынъ [ožtɨn] весцѣ гынэ кэліенъ [kəl'ijen] віемэнызь Голиафэз адзимтѣ бадзімъ мугоро-кужмò маекѣ Филистимъ адыміэз.* ’Давидъ прославился тѣмъ, что на войнѣ прашнымъ камнемъ убилъ Голиафа, Фалистимлянина не обыкновеннаго роста и силы’ (с. 61);

3) названия, характеризующие домашнее хозяйство, жилище и постройки: *Carr [kar]* ’город’, *Péen [pen]* ’зола’ [Mes. 207, 208]; *Korkàh [korka]* ’Stube [Изба]’, *Muntschòh [munčò]* ’Badstube [баня]’, *Dsjuss [žus]* ’Bank [Скамья]’ [Mil. 393]; *gítwa [gidkva]* ’domus [хозяйство]’, *muntschò [munčò]* ’balneum [баня]’ [Fischer 314, 316]; *Учокъ [učok]* ’Очагъ’ [Пал. 101]; *Мертѣмъ ну [mertem pu]* ’садъ’, *Коркà [korka]* ’изба’ [Соч. 24, 30]; *каръ [kar]* ’городъ’, *кваберкà [kvaberka]* ’чуланъ’, *кеносъ [kenos]* ’анбаръ хлѣбный, хлѣбная житница’ [Крот. 76, 77, 85]; *гидъ [gid]* ’дворъ скотской’, *гуръ [gur]* ’печь’ [Мог. 36, 46]; *Кордидъ [korgid]* ’конюшня’, *Бакця [bakča]* ’огородъ’, *Корказъ [korkaz]* ’передызбье’ [Словарь 1816: 13]; *инширъ [inšir]* ’гумно’ [Словарь 1820: 12];

Еванг. Гл. Мтф.: *Кылэ музонъ мадизсконъэзъ: валъ кинькѣ кузіо муртъ, кудызь мертызь виноградъ-эзъ котыртызь-но соэ кенэръ-энъ [ken'eren], копазъ отынъ гуэзъ, лэсытызь коркà [korka]; сіотызь-но соэ виноградъ утисьюсълы, кошкызь-но.* ’Выслушайте другую притчу: былъ нѣкоторый хозяинъ, который насадилъ виноградникъ, обнесъ его оградой, устроилъ въ немъ точило, поставилъ горницу; и отдалъ его виноградарямъ, и отлучился’ (с. 166);

Еванг. Сар.: *Веразъ-но соосъ-лы: гоштэмьынъ уванъ: юртъ [jurt] Мынамъ, восяськонъ юртъ нимаськôзъ; ти бонъ карыды соѣ куроькысь-лы*

(Глаз. *ожмась муртъ-юсь-лы*) *юртъ*. 'И говоритъ имъ [продавцам и меновщикам. – Л. И.]: въ писаніи сказано: домъ Мой домою молитвы наречется; а вы сдѣлали его вертепомъ разбойниковъ' (с. 160);

Азбука Сар.: *корка* [korka] 'изба', *мунѣо* [munčo] 'баня' (с. 12);

4) ремесленная и земледельческая лексика: *Wáshe* [vaz'] 'полба', *Tyhr* [tir] 'топор' [Mes. 210, 211]; *Sési* [s'ez'i] 'Haber [Овес]', *Mu* [mu] 'Honig [Мед]' [Mil. 399, 401]; *dschabè* [čabe] 'triticum [пшеница]', *kisèm* [kiz'em] 'satur [посев]' [Fischer 313, 315]; *Усы* [usj] 'Борона', *Гыронъ* [giron] 'Пашня' [Пал. 100, 104]; *Дурьсы* [durjs] 'кузнецъ', *Кусо* [kuso] 'коса', *Геру* [gerj] 'плугъ и соха', *умортò* [umorto] 'улей', *Ижгонъ* [ižgon] 'шерсть', *Куиськонъ* [kuis'kon] 'станъ, коимъ ткуть' [Соч. 17, 21, 22, 28, 29, 33]; *гыртбър* [girtir] 'тесла', *кутцасконъ* [kuccas'kon] 'молотьба', *усы* [usj] 'борона' [Крот. 45, 105, 245]; *аранъ* [aran] 'жатва', *кутесъ* [kutes] 'молотило', *сюрло* [s'urlo] 'серпъ' [Мог. 21, 29, 41]; *Дурьсы* [durjs] 'кузнецъ', *Дыронъ* [giron] 'пашня', *Кутесъ* [kutes] 'цепь или молотило', *Джокъцкòнъ пу* [žokskopri] 'мотовило' [Словарь 1816: 4, 7, 8, 15]; *бекце лестьсы* [bekče les'tjs] 'бочаръ', *церьс* [čers] 'веретено', *аракый* [arakj] 'вино хлѣбное', *мажесъ* [mažes] 'грабли', *аранъ* [aran] 'жатва' [Словарь 1820: 3, 5, 6, 11, 16];

Еванг. Гл. Мтф.: *Ти бень пель-ады понэ мадиськонъ-эзъ кизьсласянь* [kiz'is' las'an]. 'Вы же выслушайте притчу о сѣятелѣ' (с. 94); *Кү ю* [ju] *потызь, шепаны-но* [šerapj no] *кутскызь; соку урòдъ турынъ-но* [urod turj'n no] *адзискызь*. 'Когда хлѣбъ взошолъ, и сталъ колоситься; тогда явились и плевелы' (с. 96); *Со бень веразъ: энэ: ычкыса урòдъ турынъ-эзъ, соинъ валсэ медазъ ычкыскы валь цябей-но* [čabej no]. 'Но онъ [Иисус. – Л. И.] сказалъ: нѣтъ; чтобы выдергивая плевелы, не выдергать вмѣстѣ съ ними и пшеницы' (с. 96–97);

Еванг. Гл. Марк: *Сò бень косызь Аслазъ дышетскисьюсь-лы, медъ Сò-понна дасъ луозъ покци пыйжъ* [rokci riž] *калыкълэсь, медазъ локэтэ Солы*. 'Посему Онъ [Иисус. – Л. И.] сказалъ ученикамъ Своимъ, чтобы для Него въ готовности была лодка отъ народа, дабы не тѣснили Его' (с. 17);

Азбука Гл.: *сюрло* [s'urlo] 'серпъ', *гозы* [gozj] 'веревка', *культò* [kul'to] 'снопь' (с. 11); *Иосифъ Аримафейской, лучкёмъ дышетскисъ Солэнъ, уваскытызь крїосъ вылысь мугоръзэ Солэсь, курыса азьвѣль косэмъзэ со-вылэ Пилатълэсь, биниъ сое цилкытъ дэраэнъ* [derae'n], *понызь-но изысь лестэмъ виль коросынь, ась садынь*. 'Иосифъ Аримафейскій, тайный ученикъ Его [Иисуса. – Л. И.], снялъ тѣло Его со креста, выпросивъ

на то позволеніе у Пилата, обвиль оное чистою плащаницею, и положилъ въ новомъ каменномъ гробѣ, въ своемъ саду' (с. 105);

Еванг. Сар.: *Кѣльтэ будыны валсè со-зè-но та-зè-но арань* [aran] *вутòзъ; арань дырья-но монь верялò арась-іосъ-лы* [aras'josl'i]: *òктэ азьлò пукро-эзъ* [pukroez], *кòртэ-но соè культò* [kul'to] *карысà, сутонь понна, цябей-эзъ* [čabejez] *ношъ юкалэ юкэнсàмь* [ju kensam]. 'Оставьте расти вѣстѣ то и другое до жатвы; и во время жатвы я скажу жнецамъ: соберите прежде плевелы, и свяжите ихъ въ снопы, для сожженія ихъ, а пшеницу уберите въ житницу мою' (с. 97); *Матэктыськысà-но Со-дорь дышетскисъ-іосъ Солэнъ верязы: вèра милèмь-лы мадиськонь-эзъ пукрд-ласянь* [pukro las'an'] *тарлау-инь* [tarlaui'n]. 'И приступивъ къ Нему [Иисусу. – Л. И.] ученики Его, сказали: изъясни намъ притчу о плевелахъ на полѣ' (с. 99);

Азбука Сар.: *культò* [kul'to] 'снопь' (с. 11), *азвесьяськò* [azves'as'ko] 'серебря' (с. 13);

5) названия одежды, кушаний, домашней утвари, посуды: *Dugkes* [dukes] 'верхний распашной зипун', *Kyschét* [k'išet] 'платок' [Mes. 207, 210]; *Pass* [pas] 'Pelz [Шуба]', *Isi* [iz'i] 'Mütze [Шапка]' [Mil. 391]; *njän* [n'an] 'panis [хлеб]', *riini* [riin'i] 'cochlear [ложка]' [Fischer 316, 317]; *Сылаль* [s'ilal] 'Соль', *Нянь* [n'an] 'Хлѣбъ', *Вычки* [vički] 'Кадъ' [Пал. 94, 101]; *Тусты* [tus'ti] 'чаша', *Дукэсь* [dukes] 'кавтанъ', *Кышеть* [k'išet] 'платокъ' [Соч. 31, 32, 33]; *курèкъ нузь пуштèмь* [kurekruz puštem] 'селянка, яшница', *кутъ* [ku] 'лапотъ', *сезьпызь* [s'es'piz] 'толокно' [Крот. 103, 105, 193]; *табань* [taban] 'блинъ, оладей', *дерèмь* [derem] 'рубашка', *пунь* [pin] 'лошка', *нужь* [nuž] 'решето' [Мог. 23, 25, 32, 47]; *Мылимь* [mi'lim] 'блинъ', *Дзюсь* [žus] 'лавка', *Дурь* [duri] 'шабала' [Словарь 1816: 9, 13, 14]; *дукэсь* [dukes] 'кавтанъ', *кышеть* [k'išet] 'платокъ', *дерèмь* [derem] 'рубашка' [Словарь 1820: 20, 33, 38];

Еванг. Гл. Мтф.: *Кудьзэ, тырмытъ люкаськэмъ берэ, поттызы (вуйръ-вылэ), берегъ-вылэ, пукисà-но òзецъ-іосъ-сэ бырьисà тырызы посудаэ* [posudae], *уродъ-іосъсэ ношъ берèнь куязы.* 'Который, когда наполнился, вытащили на берегъ, сѣли и хорошія выбрали въ сосуды, а худыя выбросили вонъ' (с. 101); *Со бенъ мумизь-лэнъ дышетэмъэзъ-я, верàзъ: сіотъ мынымъ татынъ-икъ тэркы-вылèнь* [terki vil'in] *Пыртысь Иоаннь-лэсь ирь-зэ.* 'Она [дочь Иродиадина. – Л. И.] же по наущенію матери своей, сказала: дай мнѣ здѣсь же на блюдѣ главу Иоанна Крестителя' (с. 105); *Басьтысà-но тусты-эзъ* [tus'tjez], *бурэ-но ваисà, сіотызь со-осьлы верасà: юè тайсь вицьнады.* 'И взявъ чашу, и воздавъ хвалу, подаль имъ [ученикам своим. – Л. И.], говоря: пейте изъ нея всѣ' (с. 208);

Еванг. Гл. Марк: *Нóкинъ-но эчéикъ вѣиль сурь-зэ вужъ бечкеяъ* [beŕke-jaz] *угьпóнъ: шедтекъке, вѣиль сурь-зэъ бекчезэ* [bekŕeze] *серóзъ, ацѣзъ долáкъ вѣалóзъ, бекче-но бырóзъ: вѣиль бѣнъ сурзэ вѣиль бекчеяъ тырыны кулэ.* 'Никто также не вливает вина молодого в мѣхи старые: а иначе молодое вино прорвет мѣхи; и вино вытечетъ, и мѣхи пропадутъ: но вино молодое вливать надобно в мѣхи новые' (с. 14); *Озѣкъ базарѣсь лыктысá мистасъкитэкъ угь-сѣо; музóнъ-но ятырь увашкалá утемъзэ возѣны: вуэ шортмылысá возѣзы тусьтыѣосъсэ* [tus'tijosse ~ ? tus'tijosse], *зеленикъѣосъсэ* [z'el'en'ikjosse], *пуртыѣосъсэ* [purtijosse], *дзюсьѣосъсэ-но* [z'usjosse no]. 'Также (пришедши) съ торгу, не ѣдятъ, не омывшись; и другихъ многихъ держатся преданій, какъ-то: омывають чаши, кувшины, котлы, и скамьи' (с. 49–50);

Азбука Гл.: *пунѣ* [pun'i] 'ложка' (с. 11), *тэркѣ* [terki] 'блюдо' (с. 12); *Соберэ ношъ басьтызъ тусьтызэ винаэнъ* [vinaen], *козмáзъ соэ, сѣотѣзъ-но Апостольѣосълы, верасá: ѣе соисътысь вицъякъѣосъ, та увáнъ Мынáмъ Вирь виль завѣтълэнъ.* 'Потомъ [Иисус. – Л. И.] взялъ чашу съ виномъ, благословилъ ее, и далъ Апостоламъ, говоря: пѣйте отъ нея вси, Сѣя есть Кровь Моя Новаго Завѣта' (с. 100);

Еванг. Сар.: *Кѣ бонъ содъс сѣизы: Исусъ басьтысá нянъэзъ* [n'an'ez], *козмасá-но тѣалтѣзъ, юкысá-но дышетскисъѣосълы, верáзъ: бáсьтэ, сѣе, та Мынáмъ сѣль.* 'И когда они [ученики. – Л. И.] ѣли: Исусъ взявъ хлѣбъ, и благословивъ, преломивъ, и раздавая ученикамъ, сказалъ: прѣимите, ядите, сѣе есть тѣло Мое' (с. 208);

Азбука Сар.: *кѣбы* [kobi] 'ковшъ' (с. 12);

б) названия, связанные с материальной культурой и духовной жизнью: *Рѣурт* [purt] 'нож', *Кáтсчи* [kač'i ~ ? kač'i] 'ножницы' [Mes. 209]; *katschi* [kač'i ~ ? kač'i] 'forfex [ножницы]', *purt* [purt] 'culter [нож]', *tungon* [tuŋgon] 'clavic [замок]' [Fischer 315, 317, 319]; *Крѣзъ* [krez'] 'музыка', *Узенгѣ* [uzengi] 'стремя' [Соч. 15, 34]; *подѣмъ* [podem] 'улей', *полысь* [polijs] 'весло', *тунгóнъ* [tuŋgon ~ ? tungon] 'висячей замокъ' [Крот. 172, 173, 222]; *великътѣмъ* [vel'iktem] 'праздникъ древле у отяковъ празднованный въ самыя дни нашае С. Пасхи', *сѣесъ* [s'ijes] 'хомуть', *дэдѣ* [dɛd'i ~ ded'i] 'сани' [Мог. 25, 28, 31]; *Питранъ пѣдъ* [pitranpid] 'спица колесная' [Словарь 1816: 16]; *домбырò* [dombjro] 'балалайка', *бѣзъ* [biz] 'волынка', *пудодѣ* [pudɛd'i ~ ? pudod'i] 'дровни' [Словарь 1820: 1, 7, 14]; *Бекчэ* [bekŕe] 'Бочка', *Сарва* [sarva] 'Буракъ' [Свод 1833: 2, 3];

Еванг. Гл. Мтф.: *Медáзъ бѣнъ мыдлáнъ мálпалэ содъс ми-сарымъ* [точнее: ми-сарысь. – Л. И.], *мынъ зарѣзъ-дорэ, кѣшты визнанъ-зэ* [viznanze],

первой шеттэмъ чюрыгъ-эзъ, басыты; ымъзэ солъсь усытыса шеттодъ статуръэзъ, (витьтонъ кониэзъ) басытыса-но сое, сютъ соосъ-лы Монъ поннамъ-но асъ поннадъ-но. 'Но чтобы намъ не соблазнить ихъ [собира-телей подаяния на храм. – Л. И.], поди на море, брось уду, и первую рыбу, которая попадется, возми; и открывъ у ней ротъ, найдешь статуръ (четыре драхмы); взявъ его, отдай имъ за Меня и за себя' (с. 133–134);

Еванг. Гл. Марк: Союсъ калыкъ-эзъ лезэмъ берё Со-инъ чочъ одыгъ пыжынъ [pɨʒɨn] выжызы, союсъ-лэнъ-борисязъ мукетъ пыжыюсъ-но мынызы. 'И они, отпустивъ народъ, отправились съ Нимъ [Иисусом. – Л. И.] въ лодкѣ, въ которой Онъ былъ; а также и другія суда пошли за Нимъ' (с. 28);

Азбука Гл.: зундэсъ [zundes] 'перстень' (с. 11); сеп-мётъ [s'ermet] 'узда' (с. 12);

Еванг. Сар.: Сиото-но тыныдъ усътэтыюсызъ [us'tetjosiz] инъ дзэцъ дунье-лэсъ; музыёмъ-вылынъ кертэмъ-эдъ кертэмъ луозъ инъ вылынъ; музыёмъ-вылынъ бонъ перцѣмъ-эдъ; перцѣмъ луозъ инъ-вылынъ. 'И дамъ тебѣ ключи царства небеснаго; и что свяжешь на земли, то будетъ связано на небесахъ; а что разрѣшишь на земли, то будетъ разрѣшено на небесахъ' (с. 123–124);

Азбука Сар.: сынъ [sɨn] 'гребень' (с. 10), дурьсыкъо [durɨs'ko] 'кую' (с. 13);

7) названия частей тела и внутренних органов: Tuhsch [tuʃ] 'борода', Syhn [sɨn] 'глаз' [Mes. 207]; Tusch [tuʃ] 'Bart [Борода]', Piel [pelʹ] 'Ohr [Ухо]', Ūmdor [ɨmdor] 'Brust (перевод неверный, должно быть Lippen [Губы]. – Л. И.)' [Mil. 389]; jir [jɨr] 'caput [голова]', küt [kɛt ~ kót] 'venter [живот]', püt [pɨd] 'pedes [нога]' [Fischer 314, 315, 317]; Имнырь [ɨmnɨr] 'Лицо', Нырь [nɨr] 'Носъ', Нырпелесъ [nɨrpeles] 'Ноздри' [Пал. 83]; Iуръ [jɨr] 'голова', Пельдынъ [pel'dɨn] 'високъ', Пель [pelʹ] 'ухо' [Соч. 18]; gogbì [gogɨ] 'пупъ', мусъ [mus] 'печень, печенка', сюль [s'ul] 'кишка' [Крот. 40, 140, 211]; кымъэзъ [kɨmes] 'лобъ', сколёмъ [s'ulem] 'сердце', ты [tɨ] 'легкое внутри' [Мог. 27, 28, 33]; Сутянь [sit'an] 'седалище', Мусъ [mus] 'печенка', Пыдытыиуръ [pɨttɨʃ] 'пята' [Словарь 1816: 6]; сундóръ [s'ındor] 'бровь', тыдкётъ [pɨtkef] 'голень', сэнъ [sen ~ ? sen] 'жила' [Словарь 1820: 4, 10, 16]; Тушь [tuʃ] 'Борода', Кытъ [kef] 'Брюхо', Синъ [sɨn] 'Глазь' [Свод 1833: 2, 3, 8];

Еванг. Гл. Мтф.: Ваызы-но иръзэ [jɨrze] солъсь тэркы-вылынъ, сютызы-но нылъ-лы, со ношъ нуызъ асъ мумызъ-лы. 'И принесли голову его на блюдѣ, и подали дѣвицѣ, а она отнесла къ матери своей' (с. 105); Исусъ жоъгъ кизэ [kize] мицызъ, кутызъ соэ, вера-но солы: лябъ оскысь! малы эдъ

оскы? 'Исусъ тотчасъ протянулъ руку, поддержаль его [Петра. – Л. И.], и говоритъ ему: маловѣрный! зачѣмъ ты усумнился?' (с. 110);

Еванг. Гл. Марк: *Ялѣмъ, кукэдырья кутэ, шуктэ соэ, сокүикъ шукузэ-но со лезэ, пиньзэ-но [pin'ze no] ырьэ, цюндэ-но.* 'Всякой разъ, когда схватываетъ его [немого. – Л. И.], терзаетъ; и онъ испускаетъ пѣну, и скрежещетъ зубами, и сохнетъ' (с. 67); *Исусъ бенъ китүизъ [kiitiz] кутыса соэ, джүтызъ; со-но султызъ.* 'Но Исусъ, взявъ его [немого. – Л. И.] за руку, подн्याль его; и онъ всталъ' (с. 69);

Азбука Гл.: *бамъ [bat] 'лице', синъ [s'in] 'глазь' (с. 10);*

Еванг. Сар.: *Отынь-но одыгъ Исусъ эшь-юсь-лэсь, мыциса ку-ээ [kize], поттызъ палашэсэ, шуккыса-но соинъ, вэсь асаба-лэсь варьзэ, чогызъ солэсь пельзэ [pel'ze].* 'Вдругъ одинъ изъ бывшихъ съ Исусомъ, простерши руку, извлекъ мечъ свой, ударилъ имъ раба первосвященникова, и отсекъ у него ухо' (с. 213); *Отвѣтъ сютыса вицякъ калыкъ веразъ: вирь [vir] Солэнъ ми-вылынь, мильямъ ныль-пиосъ-но вылынь.* 'И отвѣтствуя весь народъ сказаль: кровь Его [Иисуса. – Л. И.] на насъ и на дѣтяхъ нашихъ' (с. 222);

Азбука Сар.: *тушь [tuš] 'борода', бурдъ [burd] 'крыло' [10];*

8) флористическая лексика: *Kisch-pu [kɨs'pu] 'береза', Iack-muly [jag-mul'i] 'брусника' [Mes. 207]; Bori [bori] 'Erdbeere [Земляника]', Küss [kiz] 'Tanne [Ель]' [Mil. 399]; küss [kiz] 'pinus [ель]', sési [s'ez'i] 'avena [овес]' [Fischer 315, 318]; Тыны [tɨpɨ] 'Дубъ' [Пал. 96]; Пушь нэръ [pušn'er] 'крапива, полынь', Батһу [bat'pu] 'ива' [Соч. 21, 25]; кузь турынъ [kuz'turɨn] 'щавель трава', пашһу [pašpu] 'орѣшникъ' [Крот. 99, 164]; сутеръ [suter] 'смородина', ены [jenɨ ~ jenɨ] 'осотъ трава' [Мог. 29, 31]; Намэръ [namer] 'костяника', Палэзъ [palez'] 'рябина' [Словарь 1816: 8]; упу [ujpu] 'вѣтла', тыны [tɨpɨ] 'дубъ', узы [uzɨ] 'земляника' [Словарь 1820: 9, 14, 18]; Кыдзь-пу [kɨz'pu] 'Береза', Сиръ-пу [s'irpu] 'Вязъ-дерево' [Свод 1833: 1, 7];*

Еванг. Гл. Мтф.: *Огэзъ усизъ ниэ, будызъ-но; ни [n'i] пацкатызъ-но соэ.* 'Иное [семя. – Л. И.] упало в тернѣе и выросло тернѣе, и заглушило его' (с. 91);

Еванг. Гл. Марк: *Адзиса-но кыдиокысьэнъ смоковница пузэ [smokov-n'isarize], кварьэнъ шобыртэмзэ, мынүзъ, узъ-а меда шетты макэ со-вылынь; лыктыса-но доразъ номэрэно зышетты, кварь-лесяна; хотя дырь-но эйвалъ-на октынъ смокваюсэсэ.* 'И увидя издалека смоковницу, покрытую листьями, пошелъ [Иисус. – Л. И.], не найдетъ ли чего на ней; но пришедши къ ней, ничего не нашель, кромѣ листьевъ; хотя еще не время было собиранія смоквь' (с. 87–88);

Азбука Гл.: *пужимъ [pužim] 'сосна', бадяръ [bad'ar] 'клень' (с. 11);*

Еванг. Сар.: *Бицяло-а атась дїорзѡнъ-лэсъ* [atasʒorzonles'] *виноградъ-эзъ, либо люгы-лэсъ* [l'ugjles'] *смоква-эзъ?* 'Собирають ли [лжепророки. – Л. И.] съ терновника виноградъ, или съ репейника смоквы?' (с. 42);

Азбука Сар.: *сутэръ* [suter] 'смородина' (с. 11); *Пилать курэмзэсъ кылзиса кос-изъ жуныи Исусэзъ дисяны вылазъ гѡрдъ дис-езъ, легецъ нузъ* [l'egec̣ruez] *ызи лэстыса иразъ изьязы, таче тусэнь возьматыса жаламзэсъ-не шедьтѡ соослэсъ, собсъ-бонъ воць урмёмъ сямёнъ кесъ-кизы: кецякъ ну вылэ ошь Соѡ.* 'Пилать велѣль битъ Исуса, возложить на Него багряную одежду, и терновый вѣнецъ, и въ такомъ видѣ показалъ Его Иудеямъ, думая тѣмъ привести ихъ въ жалость, но они въ изступлении кричали: распни Его' (с. 110–111).

9) орнитологическая лексика и слова, обозначающие понятия, которые относятся к фауне: *Cónne* [kon'i] 'белка', *Pulòk* [pul'o] 'белка-летяга', *Uhrda* [urdo] 'бурундук' [Mes. 207]; *Koni* [kon'i] 'Eichhorn [Белка]', *Gondir* [gondir] 'Bäre [Медведь]' [Mil. 395]; *tschipe* [čipej] 'lucius [щука]', *dsjäsèk* [ʒaz'eg] 'anser [гусь]' [Fischer 313, 320]; *Нумырь* [numjɾ] 'Червь' [Пал. 98]; *Чогокый* [čogokij] 'ужъ', *Пычь* [pjč] 'блоха', *Сялă* [s'ala] 'рябчикъ малой' [Соч. 26]; *зурй* [zuri] 'шершень, трутень', *лакиа* [lakša] 'росомаха звѣрь', *седькыр* [s'edkjr ~ ? s'edkjr] 'жолна, дятель черный' [Крот. 64, 119, 192]; *дучесъ* [dučes] 'соколы и ястребъ', *дзици* [žiči] 'лисица', *кырныжъ* [kjrniž] 'воронъ' [Мог. 26, 31, 37]; *Эбекъ* [ebek] 'лягушка', *Лакиа* [lakša] 'россомаха', *Куцяпи* [kic̣apɪ] 'щенинокъ' [Словарь 1816: 11, 12, 13]; *лапсй* [laps'i] 'барсукъ', *вудѡръ* [vudor] 'бобръ', *куака* [kɯaka] 'ворона' [Словарь 1820: 1, 3, 7]; *Уръ-бо* [urbo] 'Блоха', *Кырнышъ* [kjrniž] 'Воронъ' [Свод 1833: 1, 6];

Еванг. Гл. Мтф.: *Косызъ-но калыкыѡсьлы выдыны турынъ вылэ; басьтыса-но вить сукыри-эзъ, кыкъ цїорыгъ-эзъ-но* [čorigez no], *уцькыса инъ-палă, козмăзъ, тыялтыса-но сїѡтызъ сукыриѡсъ дышетскысьѡсъ-лы, дышетскысьѡсъ нѡшь калыкыѡсьлы.* 'И велѣль [Иисус. – Л. И.] народу возлечь на траву; и взялъ пять хлѣбовъ и двѣ рыбы, воззрѣль на небо, благословиль, и преломивъ, далъ хлѣбы, ученикамъ а ученики народу' (с. 107); *Иерусалимэ, Иерусалимэ, пророкыѡсызъ быттысь, изъ-энь-но вїйсъ, лэзэмѡсызъ тонъ дорăдъ! кэня поль туцкы Мѡнъ локаны пѡсътэ тынăдъ, кызи тыло-бурдѡ-панă* [tjloburdo-para] *люкă ась цыпыосъсэ бурдыѡсъ-улазъ, тилăдъ-но бенъ мылды эзъ-пѡтъ!* 'Иерусалимъ, Иерусалимъ; избивающій пророковъ и каменіемъ побивающій посланныхъ къ тебѣ! колико крѡтъ хотѣль Я собрать чадь твоихъ, какъ птица собираеть птенцовъ своихъ подъ крылья, и вы не восхотѣли!' (с. 185–186);

Азбука Гл.: *юсь* [jus'] 'лебедь' (с. 10), *гон-дыръ* [gondir] 'медвѣдь' (с. 11);

Еванг. Сар.: *Сукыръ валтысьюсь, кузь кукъ-эъ* [kuz'kukez] *сисьясьюсь, дуэ-эъ* [diveez] *ношь нилысьюсь!* 'Вожди слѣпые, отцѣживающіе комара, а верблюда поглощающіе!' (с. 182); *Кый-юсь* [kijjos], *эхидна-исъ* [ehidnais] *потэмьюсь!* *кизі пегдзюды ти судъ-энь гееннаѣ куштэмь-лэсь.* 'Зміи, порожденія ехиднины! какъ убѣжите вы отъ осужденія въ геенну?' (с. 184);

Азбука Сар.: *кырныжь* [kjrniž] 'воронь', *лудкець* [ludkeć] 'заяц' (с. 11);

10) ландшафтная и гидронимическая лексика: *Tui* [ti] 'озеро', *Sarysch* [zarez' ~ ? zarəz'] 'море', *Niules* [n'ules] 'лес' [Mes. 209]; *Gurês* [gurez'] 'Berd [Гора]', *Lúd* [lud] 'Feld [Степь]', *Kam* [kam] 'Fluss grosser [Река большая]' [Mil. 385]; *budschim-kam* [bužžim kam] 'Кама', *lúd* [lud] 'campus [луг]', *oschmês* [ošmes] 'fons [родник]' [Fischer 313, 316, 317]; *Шурь* [šur] 'Рѣка', *Возь* [voz'] 'Лугъ' [Пал. 92, 97]; *Гурэзь* [gurez'] 'холмъ, гора', *Ошмэсь* [ošmes] 'источникъ' [Соч. 21, 35]; *вырь* [vijr] 'мысь', *лудь* [lud] 'поле', *ты* [ti] 'озеро, также легкое' [Крот. 38, 122, 225]; *заризъ* [zariz'] 'море', *гонъ* [gor] 'ровъ, яма', *кудъ* [kud] 'болото' [Мог. 37, 42, 47]; *Лудь* [lud] 'поле', *Шурь* [šur] 'Рѣка' [Словарь 1816: 7, 16]; *дзюзь* [žoz] 'берегъ', *нюрь* [n'ur] 'болото', *гурэзь* [gurez'] 'гора', *сурдь* [surd] 'дубрава' [Словарь 1820: 2, 3, 11, 14]; *Ягъ* [jag] 'Боръ', *Гурезь* [gurez'] 'Гора' [Свод 1833: 2, 9];

Еванг. Гл. Мтф.: *Ношь бастэ Соз шайтанъ тужь джужитъ гурэзь-вылэ* [gurez' vile], *возьматэ-но Солы вицякъ та дунья-эъ, дзэць бурзэно со-лэсь.* 'Опять беретъ Его [Иисуса. – Л. И.] диаволь на весьма высокую гору и показываетъ Ему всѣ царства міра и славу ихъ' (с. 16–17); *Нилэти бень караулэ уй-лэнь мынызь содсь-дорэ Исусъ заридзь-вылти* [zariž vilti]. 'Въ четвертую же стражу ночи пошелъ къ нимъ [ученикам своим. – Л. И.] Исусъ по морю' (с. 108–109); *Нильдбонъ нуналь квазь зорызь: заридзьюсь шурьюсь-но* [zarižjos šurjos no] *потызы берогысь: ву бастызь воць музеймъ-эъ: вицякъ муртыюсь мукэтыюсь-но музеймъ животьюсь выиса бырызы, Ной лэсяна вылэмьюсь-но соинъ ковчегынъ.* 'Сорокъ дней шель дождь: моря и рѣки вышли изъ береговъ: вода покрыла всю землю: всѣ люди и прочія животныя земныя потонули, кромѣ Ноя и бывшихъ съ нимъ въ ковчегѣ' (с. 28–29);

Еванг. Гл. Марк: *Лезиса калыкэзь Ацизь гурэзь-вылэ* [gurez' vile] *мынызь восяскины.* 'И отпустивъ его [народъ Иисус. – Л. И.] пошелъ на гору молиться' (с. 47); *Кынкэ ношь лудъ-вылынъ* [lud vilin], *медазь берецкы бастыны аслестызь дисьсэ.* 'И кто на полѣ, да не обращается назадъ, взявъ одежду свою' (с. 105);

Азбука Гл.: *Іоаннь улызь кыр-интійнь [kʲirintijɲ], нуллѣзь дисьсѣ дѹе гоньсь, кузь кэртоньзэ ношь кѹ, кэтсьсѣ тырылызь акрѣдаосынъ лудь цецѣзнъ-но, тужь покѹцѣ кэсь-но сѣоньэнъ.* 'Іоаннь жилъ въ пустынѣ, носиль одежду изъ верблюжьяго волоса, и кожанный пояс, питался акридами и дикимъ медомъ, пищею самою скудною и суровою' (с. 75);

Еванг. Сар.: *Адымиосъ бонъ дзюдысѣ (Глаз. энзѣ иштысѣ) верѣзы: Кинъ та; тѣльѣосъ-но зарѣдзь-но [zarizʲ no] кылзиськѣ Солы?* 'Люди же, удивляясь говорили: кто это, что и вѣтры и море повинуются Ему?' (с. 52);

Азбука Сар.: *ву [vi] 'вода' (с. 10); Крацінь-берѣзь Остѣ Исусъ Христосъ ул-ѣзь кырѣнь [kʲirɲ] нильдѣнъ нуналъ кэсь возьсѣ вэсьяскысѣ-но, даулашысѣ шайтанънъ вормизъ сое ась кылынызь: соберѣ лыкт-ѣзь адымиосъ пѣлы.* 'Послѣ крещенія Господь Иисусъ Христосъ провелъ сорокъ дней въ пустынѣ, въ постѣ и молитвѣ, выдержалъ искушеніе отъ діавола и побѣдилъ его словомъ Божиимъ: потому явился въ міръ' (с. 90);

11) названия предметов и явлений природы: *Gudŕiah [gudurja] 'гром', Toulisch [tolis' ~ ? tolis'] 'луна' [Mes. 208, 209]; Pŕlè̄m [pil'em] 'Wolken [Облако]', Lŕmŕ [lɲmɲ] 'Schnee [Снѣг]', Jessoram [jezorem ~ ? jezorem] 'Hagel [Град]' [Mil. 383]; schŕndi [šundɲ] 'sol [солнце]', tolès [tolez] 'luna [месяц]' [Fischer 318]; Шунды [šundɲ] 'Солнце', Сильнуемъ [s'il'nuem] 'Буря', Цилекьянь [čil'ekjan] 'Молнія' [Пал. 90]; Пилемъ [pil'em] 'облакъ', Шунды [šundɲ] 'солнце', Цилекьянь [čil'ekjan] 'молнія' [Соч. 13]; бусъ [bus] 'мгла, мракъ, туманъ', зоръ [zor] 'дождь', толызъ [tolizʲ] 'луна, мѣсяць' [Крот. 15, 64, 220]; ѣ [je ~ ? je] 'градъ изъ тучи, и ледъ', нужнеръ [ružner] 'иней', уй [uj] 'ночь' [Мог. 24, 27, 35]; Толезъ [tolez] 'луна', Кизилѣ [kiz'il'i] 'звѣзда', Перѣ [perɲ] 'вихоръ' [Словарь 1816: 2]; дѣтъ [gɛp] 'вьюга', волѣдъ [vol'eg] 'гололедица', зоръ [zor] 'дождь' [Словарь 1820: 9, 10, 13]; Тулысъ [tulɲs] 'Весна', Тылъ [tɛl] 'Вѣтръ', Гудуртэмъ [gudurtem] 'Гроза, громъ' [Свод 1833: 4, 7, 10];*

Еванг. Гл. Мтф.: *Сотникъ бенъ, соинъ-но валсѣ возмасьѣосъ Исусъэзъ, адзисѣ музьемъ квалекьянь-эзъ [muzjetkval'ekjanez], вицѣкъ-но луэмъзѣ, тужь курдѣзы (кышкѣзы), вераллязы-но: изѣмъ Инмаръ Пѣ вылѣмъ Тѣ.* 'Сотникъ же, и съ нимъ стрегущіе Иисуса, увидѣвъ землетрясеніе, и все бывшее, устрашились весьма, и говорили: воистинну Божіи Сынъ былъ Онъ' (с. 227); *Кэсъ Суббота нуналъ орцѣмъ берѣ, квазь дзѣръ потыкызъ [žarpotikiz] первой арня нуналѣ, лыктызъ Марія Магдалина, музонъ-но Марія (цякланы), оскалтыны шай-эзъ.* 'По прошествіи же Субботы, на разсвѣтѣ перваго дня недѣли, пришла Марія Магдалина и другая Марія, посмотрѣть гробъ' (с. 230);

Еванг. Гл. Марк: *Тá сямэнъикъ витисà úлэ; удъ-тòдыскэ бенъ, кú вуóзь кунокà юртълэнъ, джѳитазэ-а [ʒitaz'e-a], уйшорэ-а [ujšore-a], атасъ цѳорьянъ-дырья-ва, оло чукначукъ [čuknačuk].* 'И такъ бдите; ибо не знаете, когда придетъ хозяинъ дома, вечеромъ или въ полночь, или въ пѳніе пѳтуховъ, или поутру' (с. 108);

Азбука Гл.: *гужемъ [gužet] 'лѳто' (с. 11), цилекьянъ [čil'ekjan] 'мóлнїя' (с. 12);*

Еванг. Сар.: *Усѳзь-но зоръ [zor], шурьѳсь-но вэлдскиллямъ, тэлъѳсь-но [teljos no ~ ? teljos no] потыллямъ, со юртълы-но пыкыськиллямъ, сò эзь-но пòгра, юнматэмъ бонъ валъ изъ-вылынъ.* 'И пошелъ дождь, и разлились рѳки, и подули вѳтры, и устремились на домъ тотъ, и онъ не упалъ; ибо основанъ былъ на камнѳ' (с. 44–45);

Азбука Сар.: *толэзь [tolez] 'мѳсяць' (с. 11), гудури [guduri] 'грóмъ' (с. 12);*

12) названия действий и состояний: *Wysháischkinu [vɛs'as'kʲinə ~ ? vɛs'as'kʲinə] 'молиться' [Mes. 209]; Sini [s'inʲ] 'Essen [Есть]', Gósti [go·štʲ] 'Schreiben [Писать] (перевод не совсем точный, должно быть: Schrieb 'пиши'. – Л. И.)', Isene [iz'ənə] 'Schliefen [Спать]' [Mil. 401]; isene [iz'ənə] 'dormire [спать]', tonsko [mānsko] 'vehor [иду]', pukskò [puksko] 'sedeo [сѳжу]' [Fischer 314, 316, 317]; Будемъ [budem] 'Ростъ', Кырзянъ [kʲirʒan] 'Петь', Выдыны [vʲidʲinʲ] 'Лечь, ложиться' [Пал. 89, 108, 109]; золтыськò [zoltʲs'ko] 'натягаю', келяськò [kel'as'ko] 'провожаю', вожяськыськò [vožjas'kʲs'ko] 'завидую' [Соч. 98, 99, 101]; бурмыськò [burmʲs'ko] 'здоровъ становлюся', квалекьяськò [kval'ekjas'ko] 'дрожу, колебаюся, колеблюся', тодмаскò [todmas'ko] 'узнаваю, познаваю' [Крот. 14, 78, 217]; пуктыськò [puktʲs'ko] 'становлю и сажу', донгускò [dongʲs'ko ~ dongʲs'ko] 'пихаю, низвергаю', шонертскò [šon'ertsko] 'правлю' [Мог. 83, 84]; Цютыськò [čutʲs'ko] 'храмаю', Лятыськò [lijatʲs'ko] 'ласкаю', Ибылыськò [ʲibʲilʲs'ko] 'стрѳляю' [Словарь 1816: 20, 21, 23]; утыськò [utʲs'ko] 'берегу', кыясськò [kʲjas'ko] 'бросаю', веднаськò [vednas'ko] 'волхвую' [Словарь 1820: 2, 4, 7]; Висé [vis'e] 'Болишь', Бастемъ [bas'tem] 'Взять [он]' [Свод 1833: 2, 5];*

Еванг. Гл. Мтф.: *Со султѳзь [sultʲz], басьтысь [bas'tʲz] пиналь-зэ, мунизэ-но солэсь, лыктызь-но [lʲiktʲz no] Израѳиль музьемэ. 'Онъ [Иосиф. – Л. И.] всталъ, взялъ младенца и мать Его, и пришелъ въ землю Израилеву' (с. 10); Эшьѳсь солэнъ адзисà чѳсто луэмъзэ, тужъ вожъзэ вайзы [vožze vai·zʲ] (джѳѳжъ луѳзы), лыктысà-но вицьякъ луэмъзэ веразы [vera·zʲ] ась кузѳлы. 'Товарищи его [раба. – Л. И.] видѳвъ произшедшее,*

весьма огорчились; и пришедши рассказали Государю своему все, что случилось' (с. 141);

Еванг. Гл. Марк: *Пилёмъ-но отцы луизъ [luiz] вужэртыса союсъсэ: квар-но отысъэнъ кылыськызъ [kɨlɨs'kiz], шуиса: Та Мынамъ гажамъ Пиэ; Солэсъ санэ пónэ [sane po-ne].* 'И явилось облако, и осѣнило ихъ [Иисуса, Петра и Иакова. – Л. И.]: и изшелъ изъ облака гласъ, говорящій: Сей есть Сынъ Мой возлюбленный; Его слушайте' (с. 65);

Азбука Гл.: *дуньясько [dunjas'ko] 'оцѣниваю' (с. 13); Та луэ, что Авраамъ выжилэсь кулэ вордскыны [kule vordskɨnɨ] Мозтысьлы дуньэ калыкълэнъ. 'Сіе [благословение Божие. – Л. И.] значило, что отъ племени Авраама долженъ родиться Спаситель міра' (с. 35); Та луемълэсь азлónъ, Ангель адскызъ [adskiz] Иосифълы вэтынъ, поттызъ [pottiz] солы ясанэмъзэ Иродълэсь, косызъ-но кошкыны [kosiz no koškɨnɨ] Нуны Исусьэнъ Солэнъ Мумиэнъ-но Египтэ. 'Но прежде нежели сіе исполнилось, Ангель явился Иосифу во снѣ, открылъ ему намѣрение Ирода, и велѣлъ удалиться съ Младенцемъ Исусомъ и Матерію Его въ Египеть' (с. 83);*

Еванг. Сар.: *Озіэнъ кинь покціаськодъ [pokčijas'koz] та пиняль-кадь; со-икъ бадзимъ инь дуньэ-инь. 'И такъ кто умалится, какъ дитя сіе; тотъ и больше въ царствіи небесномъ' (с. 133–134); Эксэй пырыса цякланы [čaklanɨ] пукэмъюосызъ, адзизъ [ažziz] отынъ адями-эзъ сюванъ дисьэнъ дисьяськэмътэ-эзъ. 'Царь, войдя посмотрѣтъ возлежащихъ, увидѣлъ тамъ челоуѣка не въ брачную одежду одѣтаго' (с. 171);*

Азбука Сар.: *Со курадзіонъ дырьязъ шунды пеймытъ луизъ [pejmit luiz], музыэмъ зурэкъязъ [zurekjaz], изьюсъ пилиськызы [pil'is'kizɨ], уноэзъ кемалась кулэмъ адямиосъ улзиса адскызы [ulzisa adskizɨ] уноэзлы Іерусалимъ-карынь. 'Въ сіе время страданія Его [Иисуса – Л. И.] солнце затмилось, земля потряслась камни распались, многіе мертвые воскресли, и явились многимъ въ Іерусалимѣ' (с. 112–113);*

13) названия признаков, качеств и свойств: *Kuryd [kurɨt] 'горький', Tschush [čuz] 'желтый', Kohth [kot] 'мокрый' [Mes. 207, 208, 209]; Sutem [s'utem] 'Hungrig [Голодный], Kudsem [kudz'em ~ kudzem] 'Trunken [Пьяный] [Mil. 401]; budschim [bužžim] 'magnus [большой]', gord [gord] 'ruber [красный]', kesit [kez'it] 'frigidus [холодный]' [Fischer 313, 314, 315]; Пиналь [pinal] 'Молодь', Жужитъ [žužit ~ ? žužit] 'Высоко' [Пал. 104, 105]; Пересъ [peres] 'старый', Востэмъ [vostem] 'смирный' [Соч. 15, 37]; кацѣ [kapčɨ] 'легкій, легко', лэцѣтъ [lečit] 'остро, востро, острый', сисьмемъ [s'is'mem] 'гнилой' [Крот. 76, 128, 200]; покцѣ [pokčɨ] 'малой', кваріа*

[*kvarajo*] 'голосистый', *egimъ* [*jegit*] 'молодой' [Мог. 55, 56, 57]; *Востэмъ* [*vostem*] 'смирный', *Музэмэсь* [*muzjemes*] 'земляной', *Шудо* [*šudo*] 'счастливей' [Словарь 1816: 17, 18, 19]; *лемлеть* [*l'eml'et*] 'вишневый', *волиътъ* [*vol'it*] 'гладкий' [Словарь 1820: 6, 10]; *Батсымъ* [*badzim*] 'большой', *Уродъ* [*urod*] 'ветхий', *Сисымэмъ* [*s'is'met*] 'гнило' [Свод 1833: 2, 4, 8];

Еванг. Гл. Мтф.: *Озиень вицякъ дзецъ* [*žecъ*] *письпу-лэсь дзецъ эмышь-эзь-но потэ, уродъ* [*urod*] *письпулэсь уродъ эмышь-эзь-но потэ!* 'Такъ всякое дерево доброе приноситъ и плоды добрые, а худое дерево приноситъ худые плоды' (с. 42); *Шонёръ вераськò тиледъ-лы: кышноюсынь вордскэмюсьлэнь Иоаннь пыртысьлэсь бадзймъ* [*bažžimъ*] *нокинъ-но эйваль; покци-эзь* [*rokšiez*] *бенъ инъ дуньяинъ зэкгэмъ* [*žekget ~ ? zekget*] *солэсь.* 'Истинно говорю вамъ: изъ рожденныхъ женами не было больше Иоанна Крестителя; но меньшій въ царствіи небесномъ больше его' (с. 74);

Еванг. Гл. Марк: *Ношнá-а удъ-тодыскэ, удъ-но валаськэ? ношнá-а изъ-кадъ чюрытъ* [*čuritъ*] *тилядъ слолэмюсьды?* 'Еще ли не знаете и не разумѣте? Еще ли окаменело въ васъ сердце?' (с. 59);

Азбука Гл.: *Соберè ношь басьтызь тусьтызè винаэнъ, козмáзь соè, сiотызь-но Апостолюсьлы, верасá: ide соисьтысь вицякъюсь, та увáнь Мынámъ Виръ виль* [*vil*] *завѣтлэнь.* 'Потомъ [Иисус. – Л. И.] взялъ чашу съ виномъ, благословилъ ее, и далъ Апостоламъ, говоря: пейте отъ нея вси, Сія есть Кровь Моя Новаго Завѣта' (с. 100);

Еванг. Сар.: *Соку бонъ луóзь бадзймъ.* [*bažžimъ*] *кай-гү, кчэ эй-валь дуньè лестскэмъ-тырысь та-чòжъ, углò-но.* 'Ибо тогда будетъ скорбь великая, какой не бывало отъ начала міра донынѣ, и не будетъ' (с. 190); *Вáлактскэ смоковница пулэсь: кұлысь-юсь солэнь небытэсь-ини* [*n'ebites' in'i*] *луд, поттò-но кварюсьызь; тодыськòды, гужемълэсь матынъ-зэ.* 'Возмите примѣръ со смоковницы: когда вѣтви ея уже становятся мягки, и пускають листья; то знаете, что близко лѣто' (с. 192);

Азбука Сар.: *Адземмылэсь азьвиль, то есть, визмò* [*viz'mo*] *адямилэсь, Инмаръ ворд-йъ адзюн-тэмъ* [*ažžontem*] *визмò луль-юсьызь, кудъ-юслы нимзы Ангель-юсь.* 'Прежде видимой разумной твари, то есть, человѣка, Богъ сотворилъ невидимую разумную тварь, духовъ, которые называются Ангелами' (с. 22); *Хамлэнь бонъ ныльпидсэзъ ась выжсиязь азлá палá лэкъ урòдъ* [*l'ek-urod*] *кылдизы вуэнь бырэмъ берè.* 'Отъ Хама вновь произошли злые люди послѣ потопа' (с. 30);

14) термины родства и свойства: *Kyschna* [*kijšno*] 'жена, супруга', *Mumi* [*muti*] 'мать', *Ssosér* [*suzer*] 'сестра' [Mes. 208, 209, 210]; *Annàì* [*anaj*]

'Mutter [Мать]', *Pi* [pi] 'Sohn [Сын]', *Nüll* [nɪl] 'Tochter [Дочь]' [Mil. 387]; *ai* [aj] 'pater [отец]', *aunai* [anaj] 'mater [мать]' [Fischer 312]; *Мумы* [mutɪ] 'Мать', *Вынъ* [vɪn] 'Братъ', *Ныль* [nɪl] 'Дочь' [Пал. 81]; *Муми* [tumi] 'мать [моя]', *Апай* [araj] 'большая сестра', *Кышно* [kɪʂno] 'жена' [Соч. 16]; *кенакъ* [kenak] 'сноха старшая', *пересъмуми* [peres'tumi] 'бабушка [моя]', *увармай* [ɯartmaj] 'тестъ' [Крот. 84, 167, 234]; *пиезь* [pijez] 'сынъ [его]', *сюэрь* [suzer] 'меньшая сестра', *ай* [aj] 'отець' [Мог. 27, 28, 30]; *Апай* [araj] 'большая сестра', *Акы* [akɪ] 'меньшая сестра', *Кёнъ* [ken] 'сноха' [Словарь 1816: 3]; *сюр-ай* [s'uraj] 'вотчимъ', *шиднаръ* [ʂidnar] 'деверь', *уармумы* [ɯartmutɪ] 'теща' [Словарь 1820: 7, 13, 44];

Еванг. Гл. Мтф.: *Озиукъ Мынамъ Ай-но* [aji no] *инъ вылысь карозъ тиледъ-лы, каждой-эзь узъ-кэ кэльты сюлмысьтызь ась бэцээзлы* [be-šeezlj] *селькыюссы.* 'Такъ и Отець Мой небесный поступить съ вами, естли каждый не простить отъ сердца брату своему согрѣшеній его' (с. 141–142); *Монъ бенъ вераскъо тиледъ-лы: кынъкэ люкиськъозъ ась кышноэнызь* [kɪʂnoenɪz] *цідціорозэ (уродъ ужъ) адзитэкъ, басътозь-но музонъ-зэ, айцъ-но селька муртъ кышно-энь; басътысь-но люкиськъэмъзэ селька озикъ.* 'Но Я вамъ говорю: кто разведется съ женою своею, не за прелюбодѣяние и женится на другой, тотъ прелюбодѣйствуетъ; и женившійся на разведенной, прелюбодѣйствуетъ' (с. 144);

Еванг. Гл. Марк: *Акыюсызь-но* [akijosɪz no] *Солэнъ татынъ эвэль-а мй-куспамъ?* 'И сестры Его [Иисуса. – Л. И.] не здѣсь ли между нами?' (с. 38); *Со-сярысь Иоаннъ вераллязь бенъ Иродъ-лы: угътуна тыныдъ во-зины кышно-зэ нюнь-эдъ-лэсь* [kɪʂnoze n'un'edles]. 'Ибо Иоаннъ говорилъ Ироду: не должно тебѣ имѣть жену брата твоего' (с. 40);

Азбука Гл.: *пи* [pi] 'сынъ', *ныль* [nɪl] 'дѣвица' (с. 10);

Еванг. Сар.: *Иосифъ бонъ картъ-эзь* [kartez] *солэнъ дзець мыло кыдо валъ, шарâ поттытэкъ-но туртыса, ясанызь лучкъэмъ соинъ юкыськыны.* 'Иосифъ же, мужъ ея, будучи добръ, и не желая огласить ее, вознамѣрился развестись съ нею тайно' (с. 4); *Верязъ-но: со понна кельтозь адями ась ай мумы-зэ* [aji-tumɪze], *лякыськъдзь-но ась кышно-эзь* [kɪʂnoez] *борды, кыкъ-сы-но луозы, одыгъ сьль-вирь.* 'И сказаль [Иисус. – Л. И.]: по сему оставить челоувѣкъ отца и мать, и прилѣпится къ женѣ своей, и будутъ два, одна плоть' (с. 143);

Азбука Сар.: *Нырысь первой пиезь* [pijez] *Адамлэнъ вылэмъ Каинъ, кыктэт-иезь Авель.* 'Первый сынъ Адама былъ Каинъ, второй Авель' (с. 25); *Каинъ вожъякыса иривъзъ куръ луса-но, вийзъ ась вынзэ* [vɪnze] *Авельэзъ.* 'Каинъ изъ зависти и досады, убилъ брата своего Авеля' (с. 26).

3.5.2. Диалектная лексика

Письменные памятники, наряду с общеупотребительными словами удмуртского языка, отразили богатый пласт диалектной (с точки зрения современной удмуртской литературной нормы) лексики, например: *Curéll* [kurel] 'рысь' [Mes. 210]; *Ziseck* [z'iz'eg ~ ? žiz'eg] 'Роскеп [Рожь]', *Ulmò* [ulmo] 'Apfel [Яблоко]' [Mil. 399]; *Нюню* [n'un'u] 'Братъ', *Усьто* [us'to] 'Ди́ра [точнее: Дыра. – Л. И.]' [Пал. 81, 94]; *Уно* [uno] или *Ятырь* [jatir] 'довольство, множество'; *Цебэрь*, *Испна́й* [čeber, ispaɟ] 'красота'; *Тэль* [tel'] или *Нюлэсь* [n'ules] 'лѣсь' [Соч. 15, 25]; *курдаскò* [kurdas'ko] 'боюся, страшуся', *кышкаскò* [kɨška'sko] 'ужасаюся, устрашаюся' [Крот. 102, 116]; *слаль*, *сыллалъ* [slal, sɨlal] 'соль'; *кемá*, *далаикъ* [kema, dalaj ik] 'долго' [Мог. 22, 98]; *Белякъ* и *Бускель* [bel'ak, buskel'] 'сосѣдь', *Кабанъ* и *Зуродъ* [kaban, zurod] 'стогъ', *Неръ* и *Шуціò* [n'er, ŝiço] 'пруть и лоза' [Словарь 1816: 4, 7, 10]; *дерисюръ* и *анабуръ* [geris'ur, anabur] 'борозда', *одазинъ* и *урце* [ogaz'in, urce] 'вмѣстѣ', *ляпця* и *дзюсь* [lapča, žus] 'лавка' [Словарь 1820: 3, 6, 24];

Еванг. Гл. Мтф.: *Яратòдыкэ бень яратысьòсызь тилэдъись: маръ мѣдъ тилэдъ-лы возманъ (витинъ) [voz'tani (vit'inj)]? мытарьòсь-но бень соэ-икъ угá кáро?* 'Ибо естли вы будете любить любящихъ васъ: какой вамъ ожидать награды? и мытари не тоже ли дѣлають?' (с. 30); *Тырмонò дышетскисълы, дышетысьэзь кадъ луизъ-кэ, медолы-но (варлы-но) [medolj no (varlj no)], кузиòэзь кадъ луизъ-кэ.* 'Довольно для ученика, чтобъ онъ былъ, какъ учитель его, и для раба, чтобъ онъ былъ какъ господинъ его' (с. 68);

Еванг. Гл. Марк: *Дзець-гэмъ бень луисалъ соэ вузанъ квинъ пуй-лэсь-но дунò, уксіòзэ-но [uks'oze no] люкинъ нацáрьòсьлы.* 'Ибо его [мира. – Л. И.] можно было бы продать больше, нежели триста денаріевъ, и раздать ихъ нищимъ' (с. 110);

Азбука Гл.: *Пилатъ косызь жугынъ Исусъсэ, дисяны Со-вылэ гордъ дисъсэ, поныны ирь-вылэзъ атасъ дзюрзионгълэсь [atasžuržonles'] изы, карыса-но таче возматызь Соё Іудейòсьлы, малпасà соинъ поттыны соосълэсь жалямъзэ. Соосъ бень урмёмъ-сяёнъ церекъязы: здлты [zo-ltj] Соэ!* 'Пилатъ велѣлъ бити Исуса, возложить на Него багряную одежду, и терновый вѣнецъ, и въ такомъ видѣ показалъ Его Іудеямъ, думая тѣмъ привести ихъ въ жалость, но они въ изступленіи кричали: распни Его' (с. 102–103);

Еванг. Сар.: *Шедьтымтэ-эзь бонъ понна майнъ тырыны; кузиò солэнъ косызь вузанъ сое, кышно-зэ со-лэсь, нылпизэ, ванъ улэмъ-вылэмъ-зэ-*

но, быдтыны-но *бурыч-сэ* (Глаз. *тыронь-зэ*) [*burjčse (tjronze)*]. 'А какъ онъ не имѣль чѣмъ заплатитъ; то Государь его [раба. – Л. И.] приказаль продать его, и жену его, и дѣтей, и все, что онъ имѣль, и возвратитъ долгъ' (с. 139); *Басьтыса-но дзюрыны* (Глаз. *зулыны*) [*žurjnj (zul'jnj)*] *кутскізы кузіолы*. 'И получивъ [пришедшие. – Л. И.] стали роптать на хозяина' (с. 151);

Азбука Сар.: *Өомä-лы-но куд-изъ угъ-оскы валь Солэнь улземэзлы, оскымтээзэ-пэннä-бонъ кос-изъ солы кыныдъ-пе утия* [*и'ččä*] *яраосмэ*. 'Өомѣ, который сомнѣвался о Его [Иисуса. – Л. И.] воскресеніи, Онъ позволилъ даже осязать Свои раны' (с. 116).

Включение диалектизмов в письменные памятники наиболее характерно в первой половине XIX века, когда переводчики и редакторы Евангелий и Азбук на удмуртском языке стремились придать текстам общепонятность и вводили лексику различных диалектов.

3.5.3. Этнографическая лексика

В памятниках письменности представлена также разнообразная этнографическая лексика, отражающая различные стороны жизни удмуртского народа двухсотлетней давности: быт, обычаи, кушанья, одежду, инструменты и т. д.: *Aschkon* [*aškon*] 'высокий женский головной убор', *Tackjá* [*takja*] 'девичий головной убор, шапочка' [Mes. 207, 208]; *Кэи тыль* [*kejtjł*] ~ ? *kejtjł*] 'свѣча сальная', *Сарбä* [*sarba*] 'буракъ' [Соч. 31, 32]; *кертымъ* [*kertjm*] 'оброкъ', *ношленцй* [*noš'en'ci*] 'носилки', *сарвä* [*sarva*] 'буракъ' [Крот. 86, 148, 192]; *куклй* [*kukl'i*] 'пирогъ', *бургү* [*burgu*] 'труба', *туслү* [*tuslu*] 'порядокъ, уборъ въ дому' [Мог. 32, 45, 46]; *Мусүрь* [*musur*] 'медъ (точнее: медовуха. – Л. И.)', *Ожонъ* [*ožon*] 'долото', *Пежсянь* [*pežjan*] 'шило' [Словарь 1816: 9, 15, 16]; *кисъ* [*kis'*] 'бердо', *керцяль* [*kerčal*] ~ ? *kerčal*] 'кисель', *кубò* [*kubo*] 'пряслица' [Словарь 1820: 2, 22, 36]; *сынъ* [*sjn*] 'грѣбень', *кòбы* [*kobj*] 'кòвшь' [Азбука Гл. 10, 12]; *сюрлò* [*s'urlo*] 'сèрпъ' [Азбука Сар. 11].

Безусловно, этнографические понятия, связанные с жизнью народа, представляют большую ценность не только для специалистов по удмуртскому языку, но и для исследователей истории и культуры удмуртского народа.

3.5.4. Редкие и устаревшие (забытые) слова

При анализе памятников ранней удмуртской письменности выясняется, что многие зарегистрированные в XVIII веке слова в современном

удмуртском языке вышли из употребления или встречаются в небольшом ареале, например: *Ning-goron* [*niŋgoron*] 'женщина', *Tschiüntschi* [*čün'č'i*] 'крот' [Mes. 208, 209]; *Седьсъръ* [*s'ędsur ~ ? s'ędsur*] 'сивуха, вино', *Вуджъ* [*vižj*] 'лучокъ' [Соч. 24, 34]; *пужо* [*pužo*] 'пестрый', *шукисъ* [*šukis*] 'память, также обычай' [Крот. 178, 269]; *куиъръ* [*kijir*] 'кулакъ', *дзюозъ* [*žoz*] 'берегъ', *пыдлюгонъ* [*pidl'ogon*] 'стремя въ седлѣ и ступени въ лѣсницѣ' [Мог. 37, 42, 44]; *Уарленъ кышно* [*uarlen kišno*] 'служанка', *Издискъемъ* [*izdis'ket*] 'верста', [Словарь 1816: 4, 7]; *бурјо* [*burjo*] 'зазубрина', *кутонкыль* [*kutonki'l*] 'лихорадка' [Словарь 1820: 17, 24];

Еванг. Гл. Марк: *Со понна-угъ, бенъ вицякъ узырьюсъ понзязы аслъзъ мылїондбуръ-лэсъ* [*mil'onoburles*]; *та бенъ эвэль-лэсъ, марькэ солэнъ уванъ валь, долакъ понизъ-угъ бенъ.* 'Ибо всѣ клали [деньги. – Л. И.] отъ избытка своего; а она отъ скудости своей положила все, что имѣла, все пропитаніе свое' (с. 101);

Еванг. Сар.: *Эн лэйтэлэ* [*en le-jtele*] *асътэсъ понна, вераса: милямъ атаймы (глаз. ай) Авраамъ; вераскъдонъ тиледьлы, Инмаръ-лэнъ кужмызъ сюзюзъ та изьюсъ-лэсъ-но Авраамъ-лы нылпй подтынн.* 'И не мечтайте о себѣ, говоря: мы отцемъ имѣемъ Авраама; ибо сказываю вамъ, что можетъ Богъ и изъ камней сихъ произвестъ чадъ Аврааму' (с. 13); *Сіотозы-но Соё ять-муртъ-юсъ-лы, мыскылъяны, жугынн пальсаны-но* [*pal'sani no*] (*Глаз. крїосъ вылэ ошыны*); *квиньметїи нуналэ-но улзїюзъ.* 'И предадутъ Его [Иисуса. – Л. И.] язычникамъ на поруганіе, и бїеніе, и распятїе; и въ третїй день воскреснетъ' (с. 153).

Некоторые вышеперечисленные лексемы могут встречаться в современном удмуртском языке в составе сложных слов. Так, например, форма *дзюозъ* [*žoz*] 'берегъ' [Мог. 42] сохранилась в сложном образовании, обозначающем понятие 'ласточка, стриж', см.: *žozdorjösky* 'ласточка, стриж' [УРС 1983: 162; УРС 2008: 243] (см. также: [Кириллова 2002б: 173]).

Причины, обусловившие вытеснение отдельных слов из активного употребления, могут быть самыми различными. Одной из них является заимствование лексем с идентичной семантикой из контактирующих языков, при котором заимствования в течение некоторого времени употребляются параллельно с исконными словами и со временем вытесняют из обихода собственно удмуртские лексемы, превращая их в архаизмы. Важной причиной перехода слов из активного фонда в пассивный является то, что предметы выходят из употребления – переходят в разряд историзмов (названия посуды, ткацкого станка, старинной утвари, упряжи и т. д.).

Некоторые слова, входящие в так называемый пассивный запас лексики удмуртского языка, вполне могут возродиться и перейти в разряд активной лексики. Для того, чтобы они стали общеупотребительными, известными всему народу, необходимо их чаще использовать в печати, теле- и радиовещании и, в особенности, при преподавании в школе.

Язык в определенных пределах сознательно управляем. Фактор вмешательства в обогащение литературного языка в настоящее время никем не отрицается, а только приветствуется и становится одним из центральных (см., напр.: [Иванов 1986: 33–44; Хауген 1975: 443–444]).

3.5.5. Религиозно-мифологическая лексика

В памятниках удмуртской письменности наряду с другими пластами лексики встречаются слова, связанные с религиозными воззрениями удмуртского народа, например: *Inmar* [*inmar*] 'бог' [Mes. 207]; *Schaitàn* [*šajtan*] 'Teufel [Дьявол]' [Mil. 383]; *сизёмъ нянь* [*siz'em n'anʹ*] 'жертвенной хлѣбъ' [Крот. 197]; *Имаинбѣр* [*imainber*] 'ангелъ', *Вузъ* [*vizʹ*] 'постъ' [Словарь 1816: 2, 3]; *сelyктѣмъ* [*s'eliktet ~ ? s'eliktet*] 'безгрѣшный', *восяськысь* [*vos'as'kysʹ*] 'богомольный', *курбонъ* [*kurbon*] 'жертва' [Словарь 1820: 1, 3, 16]; *Инь-маръ* [*inmar*] 'Богъ', *Мыдоръ* [*mīdor*] 'Божія мать' [Свод 1833: 2];

Еванг. Гл. Мтф.: *Сокы лыктызь Исусъ Галилея-ысь Иорданъ-вылэ Иоаннь дорэ пыртыськыны [pirtys'kyni] Со-лэсь.* 'Тогда приходитъ Исусъ изъ Галилеи на Иорданъ къ Иоанну, креститься отъ Него' (с. 14); *Визьса-но [viz'asa no] нильдонъ нуналъ, нильдонъ-но уй, беръ вылазь сюмазь.* 'И постившись сорокъ дней и сорокъ ночей напоследокъ [Иисус. – Л. И.] взкаль' (с. 15);

Еванг. Гл. Марк: *Ветлылызы-но сонэ вицякъ Иудея палыдсь, Иерусалимынь-но улысьюдсь; пыртыскызы-но [pirtys'ki-zi no] долакъ солэсь Иорданъ шурынъ, аслазь сelyкыдсьсэ [s'elīkjosse ~ ? s'elīkjosse] верасá.* 'И приходили къ нему [Иоанну Крестителю. – Л. И.], вся Иудейская страна, и Иерусалимяне; и крестились отъ него всѣ въ рѣкѣ Иорданѣ, исповѣдуя грѣхи свои' (с. 1–2); *Энь изе, восяськэ бенъ, медадъ изде пзяськонънэ [pejas'kon'n'e ~ ? pejas'kon'n'e].* 'Бдите и молителъ, чтобы не впасть вамъ въ искушеніе' (с. 116);

Азбука Гл.: *Та бэрысь, котъ Исаакъ ай солэнь медэ валъ козманы [koz-tanʹ] Исавъзэ, будзимъзэ кадъ: но, луисá соку синтэмъ, сіотызь Исавъ интиэ ась козманъзэ Иаковълы, та сяэнъ сіотскизь со сылымонълы.*

'Послѣ того, хотя Исаакъ отецъ его и желалъ благословить Исава, какъ первенца: но, будучи въ то время слѣпъ, принялъ Иакова за Исава, и такимъ образомъ благословеніе досталось достойнѣйшему' (с. 37); *Мáръ луэ причáсья юбнѣ* [pɪtʃaːs'ja juon]? *Со, что́ оскысь муртъ нянь-интійнѣ бастэ сáмой сильэзъ Христосъэлнѣ, церкѣ винà-но-интійнѣ самой вирэзъ Христосъэлнѣ.* 'Въ чемъ состоитъ причащеніе? Въ томъ, что верующій подь видомъ хлѣба причащается самага тѣла Христова; и подь видомъ вина, самая крови Христовы' (с. 142);

Еванг. Сар.: *Сокы лыктызъ Исусъ Галилея-ысь Иорданъ-вылэ Иоаннѣ дорэ цюкындырыськыны* [čikindirjs'kɪnɪ] *Со-лэсь.* 'Тогда приходитъ Исусъ изъ Галилеи на Иорданъ къ Иоанну, креститься отъ Него' (с. 14); *Озікѣ, кінкэ каргаськóзъ вэсятонѣ инти-энѣ, неномыръ-но эвэлѣ; кінкэ нош каргаськóзъ восяны ваемёнѣ, кудызъ восятнѣ инти-вылынь* [vos'aton inti vɪlɪn], *виноватѣ.* 'Также: естли кто поклянется жертвенникомъ, то ничего; естли же кто поклянется даромъ, который на немъ, то повиненъ' (с. 181);

Азбука Сар.: *Татынѣ-бонѣ вордскызъ Прасвятой Марія Ныллэсь милямѣ Остэ Кылцінѣ-Инмармы* [oste kɪlčɪn inmarmɪ] *Исусъ Христосъ, вордскэмѣ-беразъ пэнэмынѣ валѣ пудо-судонэ, со-пэнна́ что гоштскыны вэсь калыкѣ отцѣ люкаськыса́ соку́ эзѣ-сюрѣ корканѣ инти.* 'Здѣсь отъ Пресвятыя Дѣвы родился Господь нашъ Исусъ Христосъ, и положенъ былъ въ ясляхъ, потому что, по причинѣ стеченія народа, нельзя было найти мѣста въ домѣ' (с. 82–83); *Вордскэмѣ-берэ нильдонэт-ы нуналэ, Нунѣ дыррязъ Исусэзъ Іосифѣ Марія-но ваизы́ церкѣ* [čerke], *азвыль гоштэмѣ-сянѣ Моисей дырря́ Инмарѣ-законынѣ.* 'Въ четвертый день по рожденію, Младенецъ Исусъ принесенъ Іосифомъ и Марією во храмъ Божій, какъ предписано въ законѣ Божіемъ чрезъ Моисея' (с. 85).

Слова из области религии даютъ представление о верованиях удмуртов, о существованіи в природѣ, по ихъ представлениямъ, злых и добрых сил, о бывлыхъ религиозныхъ праздникахъ, обычаях и т. д.

Подведя итогъ вышесказанному, следуетъ еще разъ подчеркнуть, что лексическое богатство анализируемыхъ памятниковъ составляютъ общеупотребительные слова удмуртскаго языка, а также диалектизмы, этнографизмы и понятія религиозно-мифологическаго характера. Они, какъ ценнейшій материалъ для историческаго диалектологическаго и современной лексикографіи, требуютъ болѣе подробнаго и детальнаго исследования.

26. December. Mit d. Schiften von Solikamskoi auf Njkenwoi-jam. 361

Caf. Decemb.

200. Kyik-Schi;	Deus. Ten-mar;	Arena, L'ua;
300. Lyjn-Schi;	Celum, Willin;	Argilla, Sioij;
400. Njil-Schi;	Sol. Schiundj;	Cinis, P'ela;
900. Ogkmas-Schi;	Luna. Taulisch;	Aurum, Sarnie;
1000. Schiursf;	Stella. Kyshaly;	Argentum, Stofweyf;
1100. Dasf-oddick-Schi;	Nubes, Ynman;	Caprum, Yrgon, Yrgon;
1110. Dasf-oddick-Schi wa;	Nebula;	Orichalcum. Schi;
1111. --- Dasf-oddick;	Aqua Wu;	Ferrum. Coort.
1200. Dasf-Kyik-Schi;	Pluvia, Sorr.	--- stanneta. Tode coort;
1900. Dasf-ogkmasf-fku.	Nix. L'ümme;	Chalybs. Stadan;
2000. Kyik-schiursf.	Glacies. Geh;	Plumbum. Tod-llshwesf.
3000. Lyjn-schiursf.	Mare. Sarysch;	Stannum. Tod-llshwesf;
4000. Njil-schiursf.	Lacus. Tyi.	Ripa. Jar.
9000. Ogkmasf-schiursf.	Fluvius. Schiur;	Pagus. Gurd.
10000. Dasf-Schiursf.	Stier. Venty, Töel;	Oppidum Carr.
11000. Dasf-oddick-schiursf.	Ignis. Tyhl;	Nemus. Nülesf.
90000. Ogkmas dan schiursf.	Fulgur. Tschel'ekijah;	Arbor Lignum. Pu;
100000. Schuna-schiursf.	Tomitru. Guduriah;	Pinus, Puffim-pu.
200000. Kyik-schuna-	Dies. Nural;	Abies. Njil-pu.
900000. Ogkmas-S-S-	Nox. Uj.	Picea Cuijsf-pu.
1000000. Schure-Schiursf.	Meridies. Kungschur;	Betula Kisch-pu.
2000000. Kyik-schüre-S-	Septentrio. Uj-pal;	Populy tremula, Ty-pu.
20000000. Kyijhe-S-S-	Ortus. Poton-pal;	Salix. Badt-pu.
30000000. Kwamca-S-S-	Occasus. Pücht-schur-pal;	Tilia. Beerysf-pu.
99000000. Ogkmeday-Og-	Terra. Mu.	Ulmus; Schür-pu.
K'eres-Schüre-S-	Mons. Gureesch;	Sorbus. Palajsch-pu.
100000000. Schüne-Schi-	Petra. Uj-gureesch;	Padus. Lixm-pu.
re-Schiursf. etc.	Lapis. Saxu; Uj;	Juniper. Süspu-pu.
		Opuntia. Schui-pu;

Приложение 1. Страница дневника Д. Г. Мессершмидта с удмуртским словарем [Напольских 2001: 156]

Das
Nord- und Ostliche Theil
von
Europa und Asia,

In so weit solches
Das ganze Russische Reich mit Siberien
und der grossen Tatarcy in sich begreiffet,
In einer
Historisch-Geographischen Beschreibung
der alten und neuern Zeiten, und vielen andern unbekannt
Nachrichten vorgestellt,

Nestt einer noch niemahls ans Licht gegebenen
TABULA POLYGLOTTA

von zwey und dreyßigerley Arten Tatarischer Völder Sprachen
und einem Kalmuckischen Vocabulario, . . .
Enderlich aber

Einer grossen richtigen Sand-Charte von den
benannten Ländern und andern verschiedenen Kupfferstichen,
so die Asiatische Scythische Antiquität betreffen;

key Gelegenheit der Schwedischen Kriegs-Gefangenenschafft in Russland, aus eigener
sorgfältigen Erkundigung, auf denen verstarckten weiten Reisen zusammen
gebracht und ausgefertiget:

von
Philipp Johann von Strahlenberg.

Stockholm. in Verlegung des AUTORIS. 1730.

Приложение 2. Титульный лист книги Ф. Й. Страленберга
«Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia...» [Strahlenberg 1730]

О П И С А Н І Е
живущихъ въ Казанской губерніи изъ
ческихъ народовъ,
яко то

ЧЕРЕМИСЬ, ЧУВАШЬ и ВОТЯКОВЪ,
Съ показаніемъ ихъ жительства, полииниче-
скаго учрежденія, тѣлесныхъ и душевныхъ
дарованій, какое платье носятъ, отъ чего и
чѣмъ питаются, о ихъ шоргахъ и промыслахъ,
какимъ языкомъ говорятъ, о художествахъ
и наукахъ, о естественномъ и вымышленномъ
ихъ языческомъ законѣ, шакожъ о всѣхъ у-
потребительныхъ у нихъ обрядахъ, нравахъ
и обычаяхъ; съ приложеніемъ многочислен-
ныхъ словъ на семи разныхъ языкахъ, какъ то
на Казанско-Ташарскомъ, Черемисскомъ, Чу-
вашскомъ, Вошяцкомъ, Мордовскомъ, Перм-
скомъ и Зырянскомъ, и приближеннымъ пере-
водомъ Господеи моливвы *Отче Нашъ* на
Черемисскомъ и Чувашскомъ языкахъ.

сочиненіе

Герардомъ Фридрихомъ Миллеромъ, Императорской
Академіи Наукъ Профессоромъ, по возвращеніи его
въ 1743 году изъ Кавказской Экспедиціи.

ВЪ САЛКЪ ПЕТЕРБУРГѢ.
Изданіемъ Императорской Академіи Наукъ.
1791 года.

Приложение 3. Титульный лист книги Г. Ф. Миллера «Описание живущихъ в Казанской губерніи языческихъ народовъ, яко то черемись, чувашъ и вотяковъ...» [Миллеръ 1791]

Камыжъ.	мыжъ лѣнъ.	камышъ.
Кузыпурунъ.	рунъ лѣнъ.	щавель.

Г л а в а 5.

О З Е М Л Е Д Ъ Л И И.

Гырнъ.	ронъ лѣнъ.	пашня.
Герй.	ри лѣнъ.	плугъ и соха.
Амезъ.	мезъ лѣнъ.	сошникъ.
Усы.	сы лѣнъ.	борона.
Кыэдъ.	едъ лѣнъ.	навозъ.
Кульпд.	по лѣнъ.	снопъ.
Сюрд.	ло лѣнъ.	серпъ.
Ю.	ю лѣнъ.	жишо.
Цябей.	бей лѣнъ.	пшеница.
Сезй.	зи лѣнъ.	овесъ.
Иды.	ды лѣнъ.	ячмень.
Курд.	ро лѣнъ.	солома.
Куй.	куй лѣнъ.	лопапа.
Тысь.	пысь лѣнъ.	зерно.
Санйкъ.	никъ лѣнъ.	вилы.
Мешокъ.	шокъ лѣнъ.	мѣшокъ.
Покуй пуй.	и лѣнъ.	маленькой мѣ-
		шокъ.
Купесъ.	песъ лѣнъ.	цепъ и молопи-
		ло.
Кенъмъ.	нъмъ лѣнъ.	сѣмя.
Кежй.	жи лѣнъ.	горохъ.
Тарй.	ри лѣнъ.	просо и пшено.
Пышь.	пышь лѣнъ.	конопель.
Епйнъ.	пинъ лѣнъ.	ленъ.
Кужъ.	кужъ лѣнъ.	куделя.
Кунатъ.	натъ лѣнъ.	конатъ.
Гозы.	зы лѣнъ.	веревка.
Весцй гозы.	зы лѣнъ.	веревочка.

Г л а в а

Приложение 4. Страница книги «Сочиненія принадлежащая къ грамматикѣ вотскаго языка» [Сочиненія 1775: 22]

<p style="font-size: 2em; margin: 0;">СРЯТОН</p> <p style="font-size: 1.5em; margin: 0;">ВОТСОН СЛОВАРЬ</p> <p style="font-size: 1.2em; margin: 0;">СЪ</p> <p style="font-size: 1.2em; margin: 0;">россицимъ переводомъ</p>	
<p>А созъ</p> <p>абдрако 1. стр</p> <p>агрибъ лонб</p> <p>агрибъ Луиско 2. стр.</p> <p>агрибъ лонб</p> <p>агрико 2. стр.</p> <p>аграти лонб</p> <p>агати лонб</p> <p>агати будибъ лонб.</p> <p>агати вино, лонб</p> <p>агати какамивъ</p> <p>агати какамивъ</p> <p>агати ветихо 2 стр</p> <p>агрибъ лалъ лонб</p> <p>аибъ лонб.</p>	<p>или ли.</p> <p>сапитиатя, дадутиладъ.</p> <p>Сидитиелъ.</p> <p>Сидитиеломъ</p> <p>Вибъ, вигтине.</p> <p>Вини, камуда.</p> <p>зелатко.</p> <p>зеловтескинъ.</p> <p>ростъ зелоттескинъ</p> <p>зелаткоутица.</p> <p>бугеловтескинъ.</p> <p>бугеловтисо и бугеловтисе,</p> <p>поблизат.</p> <p>Лошаръ шагитая.</p> <p>Винозатни, вина.</p>

Приложение 5. Страница рукописного словаря З. Кротова
[Кротовъ 1785: 1]

Тухѣ	Олень
ше	Плоть, тѣло, мертвѣтина,
Пале.ав.шѣ	мѣртвѣцѣ
тѣ	Войшь
цядѣ	Пшеница
Цытѣ	Щуна
Віонъ	Вѣш, вѣш, Масло
иіди, ивѣ	Сало, тѣло
ибѣ	З.иенъ и уфѣ
оѣу	мохъ
тѣю	берѣсто
тѣу	мѣгъ
шѣ	Лопатка
сѣи.шѣ	Лопатка въ пѣть
рѣонъ-ибѣ	сиовтѣ
уи	ногъ
ибѣ	добрѣ
сѣи	Ялика и пр.

Раздѣленіе Б.

Тѣи.мѣгъ и.иенъ поксащихъ на вѣнъ, вѣлв, вѣрѣ,
 икв, иив, иѣ, и.ив, итѣ, вѣрѣ, иѣ, вѣнв, вѣлв,
 илв, вѣл, иивѣ, вѣивѣ, вѣтѣ, ил, вѣл, иѣ, иѣ-ѣ

Числа Единствен.

И. Тѣрѣ	Золотѣ
Р. Тѣрѣ лѣнѣ	Золотѣ
О. Тѣрѣ лѣ	Золотѣ
С. Тѣрѣ ѣвѣ	Золотѣ
Т. Тѣрѣ ѣлв	Золотѣ

Приложение 6. Страница рукописи
 «Краткой отяцкія Грамматики опытъ» [Могилинъ 1786: 35]

Петра Симона Палласа,

Медицины доктора, натуральной истории Профессора,
Санктпетербургской Императорской Академіи Наукъ и
Вольнаго Экономическаго общества, Римской Импера-
торской Академіи, Королевскаго Агалинскаго собранія и
Берлинскаго естественнаго общества
члена

**ПУТЕШЕСТВІЕ
ПО РАЗНЫМЪ ПРОВИНЦІЯМЪ
РОССІЙСКАГО ГОСУДАРСТВА.**

Часть третія.

половина вторая.

1772 и 1773 годовъ

перевелъ

Василій Зцевѣ.

**ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
при Императорской Академіи наукъ
1788 годъ.**

Приложение 7. Титульный лист книги П.-С. Палласа «Путешествие по разным провинциям Российской империи...» [Палласъ 1789]

Вухокъ — серповъ.	Сурь дозы — поперешникъ.
Мухъ — кишень.	Сурьтѣтъ — дзга
Паконъ — оселка.	Нуктѣ — обратъ
Билки — пила.	Сурьтѣтъ дзезъ — повогъ
Сосъ — Евоздъ.	Мертѣтъ — шуга
Кортъ Косъ — развѣхви Евоздъ.	Цкъ — підлокъ.
Пици сурезъ — тропи.	Секанъ — коцма
Уробо — тилга.	Шелѣтъ — щепи.
Питранъ — Колесо.	Мурга,ю — сѣмѣ
Мусъ — нахмѣка	Панъ вч — шчелохъ.
Уробоу, робацереъ — осъ.	
Вупунвиъ — Кока.	Тилкѣвѣ 16 ^а
Питранъ пусъ — стила, колѣна.	Возъ и рѣдѣ.
Сомбиъ — рѣшѣ.	Шуръ — рѣка
Бинсозъ — вофери.	Ву — вода
Бухѣ — дуга	Шурѣтъ пвидѣтъ — два водное!
Додъ — сани	Пыцъ — судко.
Екоръ — сѣдло.	Выцъ — мостъ.
Урекей шило — стрѣлка!	Сайѣтъ — источникъ.
Радьянъ — шило	Аръ дуръ — сѣрѣтъ.
Валъ пьдхѣтъ — подкова.	Доръ — Еразъ.
Валъ сурѣтъ — дѣм.	Калтѣтъ — сѣдѣтъ.
Урѣтъ — мѣтъ.	Аодѣтъ — мѣтка!
Сюлд — сѣтъ.	Аелъ — Клей.
Доръ, хѣтъ — сѣделка!	Торѣтъ — рыба
	Ципѣй — шуга

Приложение 10. Страница фотокопии рукописи
«Словарь языка вотяков...» [Словарь 1816: 16]

Словарь Языка Вотского

А.

а. мадуринский	Ави	бараний	такаленд
а буге	а ежени шедикъ	барань	така
а вое	а вое	барда	майлъ
адонве	кабань	бармотание	вурькетон
адский	шайленд	бармотливон	} вурькетон
адд	шай	бармотурд	
аичу	Сомасько	бармогу	вурькетиско
		барсукъ	ланси
ба	Фз. остта	барошникъ	табвишан
бава	повивалынава	барошникато	табвишаско
бава	вадети	барошникесаво	табвишанд
бава	котшн	башенкой	бараиленд
бава	кышмоленъ	башня	везанд
бава	будули	бахрама	журтукъ
бава	пересъ	бадра	макесъ
бава	лызгемдордъ	безборной	икмартан
бава	ледонъ	безбородой	тунтенид
балагурство	ляпарьяско	безбозливый	курдастенид
балагуръ	ляпарьяскыс	безвластный	музкыттан
балагуро	ляпарьяско	безвластной	тертенид
балавайка	домбогто	безводной	вунтенид
балахонд	шоддеренид	безвластной	курдастенид
балучо	шудыско	беззрышной	селыктенид
башный	муркюленд		
башня	муркю		

Приложение II. Страница фотокопии рукописи
«Словарь языка вотского». [Словарь 1820: 1]

видной	адцканд	внутренний	пукканд
визу	адиско	внутрь	пуккагэ
визну	циреждаско	везде	бодсесканд
визуко	циреждась	вода	вэ
визго	цирежданд	водооборот	вупортетэ
визли	самикэ	вошки	дильдосы
вика, визматэ		вокру дика	цумльско
	хлбтши	возвращаю	берактоско
вико	кльбесе. аракон	возвращения	берактонэ
виковатин	хлбтши	возвращаю	вплотитесь
виконку	позыртоско		
визмиза	аманд	вогери	зотронэ
визмилникэ	аманэ	возерный	зотровиссэ
визко	пензотко	воздух	дусэ
визсе	пуксанд	воздушный	дудисекэ
визора	мери	воздуха	мудзиско
визмивой	лешмекэ	вогерь	арми
визну	амискокска	волицкого	сураско
вко	криткало	волицкого	сураскопэ
вкрудэ	котирэ	воловяного	вилдоско
вкусной	шамэ	возрастэ	дудотэ
вкуд	шэмэ	воилокэ	двинэ
влага	мудкоитэ	воиловый	догисекэ
влаганище	тыронэ	война	акэ
владного	умиско	воилэ	оламаскисэ
владный	мудкоитэ	воиско	офмаркотэ
власто	мери	воливый	млазэмэ
виста	мкстэ	волеску	илвзиско
вистастэ	одазимэ или	валдырватин	пуксакисэ
	црце	валдурэ	пукотэ
визну	улонэ	валовина	контаскисэ
визко	уле	волкэ	китонэ
вство	вмисэ		

Приложение 12. Страница фотокопии рукописи
«Словарь языка вотского». [Словарь 1820: 6]

Отъ Іоанна Свѣтос Благовѣствованіе.	Іоанно Лѣт Свѣтос Благовѣствованіе.
Глава I.	Глава I.
1. Въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и божѣ бѣ Слово.	1. Слово начавъше = и = Къмо всидѣвъ, Къмо къ всидѣвъ Имѣяръ дѣиѣвъ, Къмо къ всидѣвъ Имѣяръ.
2. Сѣмъ бѣ Цепомъ къ Богу.	2. Сѣмъ къ всидѣвъ = = = Главо = Имѣяръ дѣиѣвъ.
3. Вся тѣла въ свѣтѣ, и бѣ въ Нѣво Никторѣ въ свѣтѣ, еше дѣиѣвъ.	3. Маѣ Кардѣиѣвъ вѣвъ, Сѣ тѣвъ Нолѣвъ, Кардѣиѣ дѣиѣвъ, Маѣ Кардѣиѣвъ дѣиѣвъ.
4. Въ Тѣмъ свѣтѣ бѣ, и Слово бѣ Свѣтѣ Сло вѣиѣвъ.	4. Сѣмъ дѣиѣвъ, Сѣмъ дѣиѣвъ къ всидѣвъ, Сѣмъ дѣиѣвъ къ всидѣвъ, Сѣмъ дѣиѣвъ къ всидѣвъ.
5. И Свѣтѣ во тѣмъ Свѣтѣ тѣмъ, и тѣмъ Ево не обдѣвъ.	5. Сѣмъ къ всидѣвъ, Сѣмъ къ всидѣвъ, Сѣмъ къ всидѣвъ, Сѣмъ къ всидѣвъ, Сѣмъ къ всидѣвъ, Сѣмъ къ всидѣвъ.
6. Обдѣвъ Свѣтѣмъ Нолѣмъ Отъ бѣвъ, тѣмъ Сѣмъ Іоаннѣвъ.	6. Сѣмъ Свѣтѣмъ, Сѣмъ Свѣтѣмъ, Сѣмъ Свѣтѣмъ, Сѣмъ Свѣтѣмъ, Сѣмъ Свѣтѣмъ, Сѣмъ Свѣтѣмъ, Сѣмъ Свѣтѣмъ.
7. Сѣмъ Нолѣмъ по Свѣтѣмъ Сло, да Свѣтѣмъ Свѣтѣмъ Сло, да Свѣтѣмъ Свѣтѣмъ, да Свѣтѣмъ Свѣтѣмъ Свѣтѣмъ.	7. Сѣмъ = Свѣтѣмъ, Сѣмъ Свѣтѣмъ, Сѣмъ Свѣтѣмъ, Сѣмъ Свѣтѣмъ, Сѣмъ Свѣтѣмъ, Сѣмъ Свѣтѣмъ, Сѣмъ Свѣтѣмъ.
8. Нѣво тѣмъ Свѣтѣмъ, но да Свѣтѣмъ Свѣтѣмъ Свѣтѣмъ Свѣтѣмъ.	8. Сѣмъ Сѣмъ Свѣтѣмъ, Сѣмъ Свѣтѣмъ, Сѣмъ Свѣтѣмъ, Сѣмъ Свѣтѣмъ, Сѣмъ Свѣтѣмъ, Сѣмъ Свѣтѣмъ, Сѣмъ Свѣтѣмъ.
9. бѣ Свѣтѣмъ Истинѣмъ, и не просвѣтъ, а тѣмъ	9. Сѣмъ Свѣтѣмъ, Сѣмъ Свѣтѣмъ, Сѣмъ Свѣтѣмъ, Сѣмъ Свѣтѣмъ, Сѣмъ Свѣтѣмъ, Сѣмъ Свѣтѣмъ, Сѣмъ Свѣтѣмъ.

Приложение 13. Страница рукописи «Отъ Іоанна святое
благовѣствованіе» [СПб. Филиал Архива РАН, ф. 94, оп. 1, № 244]

ГРѢХЪ, СМЕРТЬ И НАДЕЖДА ИЗБАВЛЕНІЯ.	СЕЛѢКЪ, КУЛОНЪ ОСКОНЪ НО МОЗМЪНЫ СОЛѢСЪ.
--	---

Прежде видимой разумной твари, то есть, чело-
вѣка, Богъ сотворилъ не-
видимую разумную тварь,
духовъ, которые назы-
ваются Ангелами.

Адземмылѣсь азъвѣлъ
то есть, визмѣ адямилѣсь,
Инмаръ ворд-изъ адзѣонъ
тѣмъ визмѣмѣ лулъ-ѣослѣзъ,
кудъ-ѣослѣнимзѣ Ангелъ-
ѣосъ.

Одинъ изъ сихъ свѣт-
лыхъ духовъ, съ нѣкото-
рыми подчиненными ему
духами, имѣлъ дерзость
выйти изъ послушанія все-
благой воли Бога Творца
своего: и чрезъ то ли-
шился дарованнаго ему
свѣта и блаженства, и сдѣ-
лался злымъ духомъ. Его
называютъ діаволомъ.

Од-иѣ та югыѣтъ лулъ
бонъ кѣняосынъкѣ со улѣзъ
вылѣмъѣѣослѣнъ, савѣпѣнымъ-
тѣ луизъ вордѣмъ Инмаръ-
лѣнъ дзѣцъ ѣрыкѣзлѣ:
сопѣнна бонъ берѣнъ талѣзъ
Инмаръ солѣсъ югыѣтъ свя-
той чинзѣ, озѣ вштысѣ чинзѣ
бонъ урѣдъ карнѣ малпѣсъ
лулъ луизъ со. Нимѣзѣ-но
солѣнъ соберѣ шайтанъ
луизъ.

Приложение 15. Страница книги «Азбука, составленная изъ Россійскихъ, церковной и гражданской печати, буквъ, для обученія вотскихъ дѣтей чтенію на ихъ нарѣчїи (По Сарапульскому)» [Азбука Сар. 22]

ОТЪ МАРКА

МАРКО-ЛѢСЬ

СВЯТОЕ

СВЯТОЙ

БЛАГОВѢСТВОВАНІЕ.

ДЗѢЦЬ ПВОРЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ПРЪ ОДЫГѢТИ.

Зач.
1

<p>(*) 1 Начало Евангелія Іисуса Христа, Сына Божія.</p> <p>2 Какъ написано у пророковъ: се, Я посылаю вѣстника Моего предъ лицемъ Твоимъ, который уготовитъ путь Твой предъ Тобого.</p> <p>3 Гласъ вопиющаго въ пустынь: приготовьте путь Господу, и справьте стези Ему.</p> <p>4 Явился Іоаннъ, крести въ пустынь, и проповѣдуя крещеніе покаянія для прощанія грѣховъ.</p> <p>5 И приходишъ къ нему, всл Іудейская страна, и Іерусалимляне;</p>	<p>1 * Кутсконъ Евангелія-лѣтъ Іисусъ Христосъ-лѣтъ, Иниаръ Пн-азъ-лѣтъ.</p> <p>2 Кечѣгожымѣнъ вѣтъ Пророка-госъ-лѣтъ, ува-либѣтодисыгѣсѣнѣ-танъ, Мѣнъ истыскѣ Воршудъ-лѣтъ Тывадъ бамъ-азѣдъ, кудѣзъ азѣлодаслатѣзъ Тывадъ спорсѣтъ.</p> <p>3 Кларазъ церектысъ - лѣтъ кырейтъ: даслѣзъ спорсѣтъ-сѣ Иниаръ-лѣтъ, тупатѣ вѣлонъ-зѣ Солѣ.</p> <p>4 Лыктѣзъ Іоаннъ, пыртысѣ кырейтъ, дышетысѣ-но селыкѣгѣсѣ-лѣсъ вшытонъ пыртонъ-зѣ, селыкѣгѣсѣ-лѣсъ думатскиныъ попѣ.</p> <p>5 Ветлымѣзъ-но сонѣ вицѣкѣ Іудѣл палѣгѣсѣ, Іерусалимѣнъ-но</p>
--	--

(*) Педѣла предъ просвѣщеніемъ.
Сіе же и на третѣмъ часѣ въ вѣ-
черю Боговоленія.
Глаз.

|| Кутсконъ *

Приложение 16. Страница Евангелия «Отъ Марка святое благовѣствованіе» [Еванг. Гл. Марк 1]

ОТЪ МАТѢЯ

МАТѢИ-ЛѢСЬ

СВЯТОЕ

СВЯТОЙ

БЛАГОВѢСТВОВАНИЕ.

ДЗѢЦЬ ПВОРЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ИРЪ ОДЫГѢТИ.

Зач.
1

ГЛАВА ПЕРВАЯ.	ИРЪ ОДЫГѢТИ.
(*) 1 Родословіе Исуса Христа, сына Давидова, сына Авраамова.	1 Книгѣ Исусъ Христосъ Выжи- лѣтъ , Давидъ пи-лѣтъ Авраамъ пи-лѣтъ.
2 Авраамъ родилъ Исаака; Исаакъ родилъ Иакова; Иаковъ родилъ Иуду и братьевъ его.	2 Авраамъ-лѣсь вордскіѣзъ Исаакъ; Исаакъ-лѣсь ношъ вордскіѣзъ Иаковъ ; Иаковъ - лѣсь вордскіѣзъ Иуда вынъѣоскіѣзъ-по со.лѣтъ.
3 Иуда родилъ Фареса и Зару отъ Тамари; Фаресъ родилъ Эсрома; Эсромъ родилъ Арама.	3 Иуда-лѣсь вордскіѣзъ Фаресъ Зарѣ-но Фамарайсь; Фаресъ-лѣсь вордскіѣзъ Эсромъ ; Эсромъ-лѣсь ношъ вордскіѣзъ Арамъ.
4 Арамъ родилъ Амипадава; Амипадавъ родилъ Наассона; Наассонъ родилъ Салмона.	4 Арамъ-лѣсь вордскіѣзъ Аминадавъ ; Аминадавъ-лѣсь вордскіѣзъ Наассонъ ; Наассонъ - лѣсь ношъ вордскіѣзъ Салмонъ.
5 Салмонъ родилъ Вооза отъ Ра-	5 Салмонъ-лѣсь вордскіѣзъ Воозъ

(*) Недѣля предъ Рождествомъ Христовымъ.

Приложение 17. Страница Евангелия «Отъ Матѣя святое благовѣствованіе» [Еванг. Гл. Мтф. 1]

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей работе исследованы материалы 21 памятника удмуртской письменности XVIII – первой половины XIX века, содержащие не только лексические данные по удмуртскому языку, но и некоторые грамматические сведения. Из этих источников 16 написано средствами кириллической графики, а 5 – буквами латинского алфавита. Три рукописных словаря первой трети XIX века подвергаются анализу впервые.

Анализ письменных памятников удмуртского языка исследуемого периода, позволил сделать следующие выводы:

1. Удмуртская письменность зародилась в первой трети XVIII столетия на основе латиницы: в 1726 году немецким ученым Д. Г. Мессершмидтом был составлен рукописный дневник, содержащий около 350 удмуртских слов; в 1730 году в г. Стокгольме вышла в свет книга Ф. Й. Страленберга «*Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia, In so weit solches Das ganze Russische Reich mit Siberien und den grossen Tataren in sich begreifet. . .*», в которой впервые в печатном виде увидели свет 29 удмуртских слов. Чуть позже, в 30-е гг. XVIII столетия, наряду с собиранием исторических, этнографических и географических данных о разных народах Сибири и Поволжья, в том числе об удмуртах, фиксацией словарного материала интенсивно занимались ученые-путешественники Г. Ф. Миллер и Й. Э. Фишер. Материалы первого были изданы в 1758 году (среди них 250 удмуртских слов) в книге «*Sammlung russischer Geschichte*», а лексические данные Й. Э. Фишера по удмуртскому языку были опубликованы в конце XX столетия.

Для максимально точного изображения на письме специфических звуков «чуждого» им удмуртского языка эти исследователи использовали различные способы при фиксации лексического материала – диакритические знаки над буквами (**â, ô, û**), сочетания букв (**öe, iö – ö; yi, ui – ы; sch – ш, sh – ж; dsh, ds, dsj – ӝ; tsch – Ӊ и ч**) в соответствии с латинской (точнее немецкой) орфографической нормой.

Кириллица впервые была использована для записи удмуртского стихотворения в четыре строки в 1769 году, спустя 39 лет после опубликования

первых удмуртских слов Ф. Й. Страленбергом на латинице. В 1775 году в Санкт-Петербурге была опубликована первая грамматика удмуртского языка под названием «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка», которая, будучи в свое время самым крупным и авторитетным изданием, включающим удмуртские языковые материалы, положила конец колебаниям в выборе между латинской и кириллической графическими системами в пользу последней. Эта грамматика является первым большим печатным памятником, где слова (около 1400 единиц) и некоторые грамматические сведения об удмуртском языке были написаны при помощи кириллицы. Графика, алфавит, а также некоторые элементы орфографии, заимствованные из русского письма того времени, послужили основой при составлении рукописных и печатных работ конца XVIII (удмуртско-русского словаря З. Кротова и грамматики М. Могилина) – первой половины XIX века (рукописных словарей и текстовых памятников – Азбук и переводов Евангелий).

2. Составленные нами алфавиты письменных памятников удмуртского языка, которые написаны на основе кириллической графики, состоят из 36–41 буквы. По своей конфигурации и строению буквы всех этих алфавитов подразделяются на следующие группы:

1) буквы русского алфавита, сохранившиеся в современном удмуртском языке до наших дней в неизменном виде: Аа, Бб, Вв, Гг, Дд, Ее, Жж, Зз, Ии, Йй, Кк, Лл, Мм, Нн, Оо, Пп, Рр, Сс, Тт, Уу, Фф, Хх, Цц, Чч, Шш, ь, Ыы, ы, Ээ, Юю, Яя;

2) специфические знаки, представляющие собой буквы кириллицы и латиницы (с диакритическими знаками или без таковых) или греческого алфавита: ê, î, Ĩ, Gg, ε, ξ;

3) сочетания букв первой и второй групп: Дж/дж, Дз/дз, îô (iô, iö, jô, jö, iü), нг (ng), Ув/ув, ье (ÿe).

Буквы двух последних групп не получили поддержки в современном удмуртском письме.

Графические особенности памятников письменности, написанных на основе кириллицы, в основном схожи. Разница состоит лишь в количестве букв алфавитов и способах обозначения звуков удмуртского языка. Так, например, в рукописном словаре З. Кротова и грамматике М. Могилина (в грамматике 1775 года их не было) для написания удмуртских слов впервые используются буквы латинского (j) и греческого (ε) алфавита, которые отсутствовали в грамматике 1775 года. Греческая буква ε уже не встречается в памятниках XIX века рассматриваемого периода, а латин-

ская *j* отсутствует в материалах рукописного словаря 1833 и текстовых памятников 1847 гг.

Латинская буква *g* (наряду с русской *г*) используется для обозначения удмуртской фонемы *z* в памятниках последней четверти XVIII – первой трети XIX века. Исключением являются русскоязычные материалы Г. Ф. Миллера (1791 год) и словарь Ф. А. Волегова 1833 года, в которых удмуртский *z* обозначается только русской буквой *г*. В текстовых памятниках *g* встречается только в самом начале Азбук (в алфавите и слогах – на первых 8 страницах), в языковых примерах, текстах Священной истории и кратком катехизисе, а также ни в одном из Евангелий, данная графема для фиксации удмуртских слов не использована. Поэтому можно заключить, что с 30-х гг. XIX века удмуртский согласный звук *z* в памятниках удмуртской письменности уже начинает обозначаться только русской буквой *г*.

Своеобразным является также развитие обозначения звукосочетания *йо* (совр. орф. *ё*). В памятниках, написанных на кириллице, оно впервые встречается в стихотворении 1769 года в виде буквосочетания *ьо*. В грамматике 1775 года это звукосочетание обозначается шестью способами – *io*, *iô*, *îo*, *ïo*, *iö* или *ьо*. В последующих памятниках письменности для передачи *йо* применяются два или три диграфа – *io*, *iö*, *jo*.

Особенностью графики текстовых изданий 1847 года является то, что в них впервые употребляются такие графические средства, как абзац, пробел, дефис, точка, запятая, двоеточие и проч.

3. В ранних памятниках удмуртской письменности вербально сформулированной орфографии еще не было. Однако была определенная система написания слов, которой придерживались авторы удмуртских письменных документов.

В памятниках, составленных на латинице, при написании удмуртских слов были применены некоторые элементы правописания немецкого языка. В частности, в трех (материалах Д. Г. Мессершмидта, Г. Ф. Миллера и Й. Э. Фишера) из пяти исследованных, в словах, оканчивающихся на гласный звук, последовательно встречается буква *h*, обозначающая в немецком языке долготу предшествующего гласного. Долгих гласных в удмуртском языке нет, но вышеупомянутые исследователи обычную гласную конца слова, находящуюся под ударением, возможно, приняли за долгую гласную.

Элементы удмуртской орфографии, заложенные в первом стихотворении, которое было написано кириллической графикой, были «утверждены» в книге «Сочинения принадлежащая къ грамматикѣ вотскаго языка»

1775 года. В ней орфографические правила не были сформулированы, но были предложены образцы написания слов, морфем и некоторых предложений. В этой грамматике можно выделить следующие элементы орфографии:

1) обозначение велярности согласных конца, а также середины слова – после первого компонента сложных образований – последующей буквой **ъ**;

2) письменная передача удмуртских звукосочетаний *жы, джы и шы* буквосочетаниями **жи, джи и ши**;

3) обозначение палатальности согласных последующим мягким знаком (**ь**), и или йотированными гласными **е, ю, я** и диграфами **іо, іѳ, ѳо, іѳ, іо, іо**.

Эти элементы орфографии во всех словарях, грамматиках и текстовых памятниках повторяются.

Однако принципы написания некоторых слов в памятниках второй половины XIX столетия начинают меняться в двух противоположных направлениях:

1) во первых, система написания приближается к современной удмуртской орфографии. В частности, лексемы с инициальной *ы-* во всех памятниках XVIII, а также в рукописных лексикографических работах первой трети XIX вв., за исключением словаря 1833 года, написаны через букву **и**. Уже в текстовых памятниках 1847 года подобные слова пишутся как через **и**, так и соответствующей буквой русского алфавита – **ы**.

2) во-вторых, «орфография», предложенная в грамматике 1775 года, ухудшается, о чем свидетельствуют следующие факты:

а) в обозначении фонемы *э* буквой **е** или **ѣ** после палатальных согласных и буквой *э* после велярных встречаются заметные перебои;

б) одно и то же слово, очень часто даже на одной странице, имеет несколько вариантов написания;

в) наблюдаются перебои в дефисном, слитном или раздельном написании в конструкциях с послелогоми, формах с притяжательными суффиксами и/или падежными морфемами, между основным и вспомогательным отрицательным глаголами и др.

4. В акцентированных письменных документах использована система постановки ударения русской скорописи XVIII века, то есть применены надстрочные знаки «акут» (´) и «графис» (˘). Первый тип ударения ставится, как правило (но не без исключений), над гласной закрытого слога; графисом обозначается конечный гласный открытого слога, т. е. данное ударение ставится в основном в словах, оканчивающихся на гласный

звук. В материалах исследованных памятников зафиксирована уже современная акцентная структура удмуртских слов. Некоторые случаи несоответствия ударения, в сравнении с акцентуацией современного удмуртского литературного языка, объясняются тем, что письменные памятники имели различную диалектную основу.

5. Общей чертой письменных документов является то, что все они составлены на основе какого-либо определенного диалекта, но с широким привлечением материала других. Даже в тех памятниках, которые имеют точный диалектный адресат – Азбуки и переводы Евангелий, наблюдается использование материалов различных диалектов. Переводчики и издатели в ходе многолетней работы над подготовкой этих памятников к изданию провели серьезную работу по созданию наддиалектности в их языке, которая выразилась в объединении в текстах разнодиалектных форм. Таким образом, уже с первой половины XIX века был взят правильный курс на формирование литературного языка за счет органического сочетания диалектной речи всех регионов проживания удмуртского населения.

6. Исследованные источники содержат, главным образом, самые необходимые слова основного лексического фонда удмуртского языка. В письменных памятниках отражены названия предметов, орудий, действий, способов, разных приемов, относящихся к основным видам хозяйства и т. д.

Кроме общеупотребительной лексики, в источниках обнаруживаются диалектные, религиозные, а также устаревшие слова, которые могут быть использованы в настоящее время для пополнения лексического богатства современного удмуртского литературного языка.

7. В становлении удмуртской графики и орфографии XVIII – первой половины XIX века величайшую роль, вне всякого сомнения, сыграла первая печатная грамматика 1775 года. Она эмпирически урегулировала употребление алфавита и некоторых правил правописания русского языка для записи удмуртских слов. Эта система графики и правописания, заимствованная от русской письменности XVIII столетия, в дальнейшем совершенствуясь в соответствии с изменением и развитием графики и орфографии русского и удмуртского языков, дошла до наших дней.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Названия языков и диалектов

- бавл.* – бавлинский говор (пю. диалект)
бес. – бесермянское наречие
бт. – буйно-таныпский говор (пю. диалект)
вч. – верхнечепецкие говоры (сев. наречие)
гл. – глазовский диалект (в Еванг. Гл. Мтф., Еванг. Гл. Марк, Азбука Гл.)
глаз. – глазовский диалект (сев. наречие)
грах. – граховские говоры (южн. диалект)
дѣб. – дѣбинский говор (сев. наречие)
кз. – коми-зырянский язык
ккм. – прикильмезские говоры (сред.)
кп. – коми-пермяцкий язык
кркм. – кырыкмасские говоры (южн. диалект)
круф. – красноуфимский говор (пю. диалект)
кукм. – кукморский говор (пю. диалект)
лит. – литературный удмуртский язык
мал. – малягуртский говор (сред.)
мар. – марийский язык
морд. – мордовский язык
нен. – ненецкий язык
нч. – нижнечепецкие говоры (сев. наречие)
пю. – периферийно-южный диалект удмуртского языка
сар. – сарапульский диалект (в Еванг. Сар., Азбука Сар.)
св. – средневосточные говоры (сред.)
сев. – северное наречие (северные говоры) удмуртского языка
севЮ. – северный говор д. Юски (Кезский район УР)
сред. – срединные говоры удмуртского языка
сч. – среднечепецкий диалект (сев. наречие)
татш. – татышлинский говор (пю. диалект)
ув. – увинско-вавожские говоры (сред.)

удм. – удмуртский язык
фин. – финский язык
шошм. – шошминский говор (пю. диалект)
юж. – южное наречие удмуртского языка
южБУ. – южный говор д. Бобья-Уча (Малопургинский район УР)
южК. – южный говор д. Куземаево (Алнашский район УР)
южМ. – южный говор д. Муважи (Алнашский район УР)
южн. – южное наречие удмуртского языка
G – глазовский диалект (в *Wihmann 1987*)
glaz. – глазовский диалект (в *Словарь 1820*)
jelab. – елабужский диалект (в *Словарь 1820*)

Названия населенных пунктов

E – с. Ежево (Юкаменский район УР)
УЛ – д. Усть-Лем (Юкаменский район УР)
Ш – д. Шамардан (Юкаменский район УР)

Иные сокращения

д. – дело
диал. – диалектный
иниц. – инициальный
мягк. – мягкий
напр. – например
оп. – опись
орф. – орфографический
с. – страница
см. – смотри
ср. – сравни
совр. – современный
согл. – согласный звук
ф. – фонд

ИСТОЧНИКИ

Азбука Гл. – Азбука, составленная изъ Россійскихъ, церковной и гражданской печати, буквъ, для обученія вотскихъ дѣтей чтенію на ихъ нарѣчїи (По Глазовскому). 174 с. [В книге: Первые печатные книги на удмуртском языке: Глазовское наречие / Сост. Л. М. Ившин, отв. за вып. Л. Л. Карпова. Предисл. – Л. М. Ившин. Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2003. (Памятники культуры: Лингвистическое наследие 3). С. 387–558].

Азбука Сар. – Азбука, составленная изъ Россійскихъ, церковной и гражданской печати, буквъ, для обученія вотскихъ дѣтей чтенію на ихъ нарѣчїи (По Сарапульскому). 192 с. [В книге: Первые печатные книги на удмуртском языке: Сарапульское наречие / Сост. Л. М. Ившин, отв. за вып. Л. Е. Кириллова. Предисл. – Л. М. Ившин. Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2003. (Памятники культуры: Лингвистическое наследие 4). С. 249–439].

Еванг. Гл. Мтф. – Отъ Матѳея святое Благовѣствованіе // Господа нашего Иисуса Христа Евангелїя отъ св. евангелистовъ Матѳея и Марка на русскомъ и вотяцкомъ языкахъ, глазовскаго нарѣчїа. Казань. 234 с. [В книге: Первые печатные книги на удмуртском языке: Глазовское наречие / Сост. Л. М. Ившин, отв. за вып. Л. Л. Карпова. Предисл. – Л. М. Ившин. Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2003. (Памятники культуры: Лингвистическое наследие 3). С. 17–250].

Еванг. Гл. Марк – Отъ Марка святое Благовѣствованіе // Господа нашего Иисуса Христа Евангелїя отъ св. евангелистовъ Матѳея и Марка на русскомъ и вотяцкомъ языкахъ, глазовскаго нарѣчїа. Казань. 135 с. [В книге: Первые печатные книги на удмуртском языке: Глазовское наречие / Сост. Л. М. Ившин, отв. за вып. Л. Л. Карпова. Предисл. – Л. М. Ившин. Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2003. (Памятники культуры: Лингвистическое наследие 3). С. 251–385].

Еванг. Сар. – Господа нашего Иисуса Христа Евангелїе отъ св. евангелиста Матѳея на русскомъ и вотяцкомъ языкахъ, сарапульскаго нарѣчїа.

Казань. 234 с. [В книге: Первые печатные книги на удмуртском языке: Сарапульское наречие / Сост. Л. М. Ившин, отв. за вып. Л. Е. Кириллова. Предисл. – Л. М. Ившин. Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2003. (Памятники культуры: Лингвистическое наследие 4). С. 11–248].

Кротовъ 1785 – З. Кротовъ. Удмуртско-русский словарь / РАН. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ. Ижевск, 1995 (= Краткой Вотской словарь съ російскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Еловскаго Троицкой церкви священникомъ Захаріею Кротовымъ, 1785 года). XX + 208 с. (Памятники культуры Удмуртии: Лингвистическое наследие: Памятники удмуртской филологии I).

Миллеръ 1791 – Миллеръ Г. Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков... (стр. I–VI, 1–101, илл. №№ 1–8) (репринт издания 1791 г.) // Г. Ф. Миллер и изучение уральских народов (материалы круглого стола): К 300-летию со дня рождения Г. Ф. Миллера / Herausgegeben von E. Helinski. Hamburg, 2005. S. 111–169.

Могилинь 1786 – М. Могилинь. Краткой отяцкія Грамматики опытъ = Опыт краткой удмуртской грамматики / Отв. ред. Л. Е. Кириллова; Слово к читателям – Л. Е. Кирилловой, Предисл. – К. И. Куликова; Прил. – Т. И. Тепляшиной. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. 203 с. (Памятники культуры: Лингвистическое наследие). Комм.: с. 121–191; Прил.: с. 192–201.

Могилин 1998 – см. *Могилинь 1786*.

Палласъ 1789 – Паллас П.-С. Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею Всевысочайшей особы. СПб. Т. 1. 1787. Т. 2. 1789.

Перв. кн. Гл. – Первые печатные книги на удмуртском языке: Глазовское наречие / Сост. Л. М. Ившин, отв. за вып. Л. Л. Карпова. Предисл. – Л. М. Ившин. Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2003. (Памятники культуры: Лингвистическое наследие 3). 560 с.

Перв. кн. Сар. – Первые печатные книги на удмуртском языке: Сарапульское наречие / Сост. Л. М. Ившин, отв. за вып. Л. Е. Кириллова. Предисл. – Л. М. Ившин. Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2003. (Памятники культуры: Лингвистическое наследие 4). 441 с.

Свод 1833 – Свод некоторых слов русских, пермяцких, зырянских, вотяцких и чувашских. Национальный Архив Республики Татарстан. Казань (ф. 10, оп. 5, № 886). Ксерокопия: Научно-отраслевой архив УИИЯЛ УрО РАН. Ижевск (ф. РФ, оп. 2-Н, № 1392).

Словарь 1816 – Словарь языка вотяков, собранный священником Степаном Сидоровым в Вотякой деревне Елова в Вятской губернии. В октябре 1816 года. С примечаниями профессора Цеплина в Казани. Научно-отраслевой архив УИИЯЛ УрО РАН. Ижевск (ф. РФ, оп. 2-Н, № 659).

Словарь 1820 – Словарь языка вотского. Научно-отраслевой архив УИИЯЛ УрО РАН. Ижевск (ф. РФ, оп. 2-Н, № 624).

Сочинения 1775 – Сочинения принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи наукъ 1775 года. 113 с. [В кн. Первая научная грамматика удмуртского языка / Удмуртский НИИ ист., экон., лит. и языка при Совете Министров Удм. АССР. Ижевск: Удмуртия, 1975].

Fischer – см. *Csúcs, 1983*

Messerschmidt 1726 – см. *Напольских, 2001*.

Miller 1759 – Vocabularium Harmonicum (Deutsch / Tatarisch / Tscheremissisch / Tschuwaschisch / Wotiackisch / Morduanisch / Permisch / Sirjämisch); Übersetzung des heiligen Vaterunsers in die Tscheremissische / Tschuwaschische Sprache (aus: Nachricht von dreyen im Gebiete der Stadt Casan wohnhaften heidnischen Völkern, den Tscheremissen, Tschuwaschen, und Wotiacken. – Sammlung Russischer Geschichte, 1759, Bd. III, 4. Stück, S. 382–412) (репринт издания 1791 г.) // *Г. Ф. Миллер* и изучение уральских народов (материалы круглого стола): К 300-летию со дня рождения Г. Ф. Миллера / Herausgegeben von E. Helinski. Hamburg, 2005. S. 170–186.

ЛИТЕРАТУРА

Акмаров А. М. Некоторые физические особенности гласных удмуртского языка // СФУ. 1970. № 4 (VI). С. 263–269.

Аксенова О. П. К вопросу о рукописных материалах XVIII – начала XIX века по вымершим диалектам коми-пермяцкого языка // Пермистика 6: Проблемы синхронии и диахронии пермских языков и их диалектов: Сб. статей / Удм. гос. ун-т. Каф. общ. и фин.-уг. языкозн. Ижевск: Изд. дом «Удм. ун-т», 2000. С. 15–19.

Алатырев В. И. Когда возникла удмуртская письменность? // Молот. 1956. № 6. С. 58–62.

Алатырев В. И. Введение [В кн. Первая научная грамматика удмуртского языка / Удмуртский НИИ ист., экон., лит. и языка при Совете Министров Удм. АССР. Ижевск: Удмуртия, 1975а]. С. 3–15.

Алатырев В. И. Примечания [В кн. Первая научная грамматика удмуртского языка / Удмуртский НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск: Удмуртия, 1975б].

Алатырев В. И. Первая научная грамматика 1775 года и развитие удмуртского языкознания // 200 лет удмуртской письменности / Удм. НИИ ист., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск, 1976. С. 15–36.

Алатырев В. И. Об авторстве первых чувашской, удмуртской и марийской грамматик // СФУ. 1977. № 3 (XIII). С. 208–215.

Алашеева А. А. Верхнечепецкие говоры I // Образцы речи удмуртского языка / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск, 1982. С. 91–105.

Алашеева А. А. Общие (северноудмуртские) и частные (местные) особенности в фонетике верхнечепецкого говора удмуртского языка // Материалы VI Междунар. конгресса финно-угроведов / АН СССР. УрО. Коми НЦ. Ин-т ЯЛИ. М.: Наука, 1990. Т. 2: Языкознание. С. 8–10.

Алексеев А. А. Ф. А. Волегов и его «Свод некоторых слов русских, пермяцких, зырянских, вотяцких и чувашских» 1835 г. // Вопросы истории и грамматики чувашского языка / НИИ языка, лит., истории и экон. Чебоксары, 1977. С. 133–145.

Амирова Т. А. К истории и теории графемики. М.: Наука, 1977. 192 с.
Амирова Т. А. Функциональная взаимосвязь письменного и звукового языка. М.: Наука, 1985. 286 с.

Архинов Г. А. Морфологические особенности среднеюжного диалекта удмуртского языка // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия: Сб. статей и материалов / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск, 1978. С. 3–46.

Атаманов М. Г. Граховские говоры южноудмуртского наречия // Материалы по удмуртской диалектологии: Образцы речи / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск, 1981. С. 45–96.

Атаманов М. Г. Удмурт кыл удысысь нырысетй синпельмет // Проблемы удмуртской и финно-угорской филологии: Межвуз. сб. науч. трудов / Удм. гос. ун-т. Каф. общ. и фин.-уг. языкозн. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1999. 78–86-тй б.

Атаманов М. Г. Песни и сказы ушедших эпох = Эгра кырза, Эгра вера. Ижевск: Удмуртия, 2005. 248 с.: вкл.

Атаманов М. Г. Роль православной церкви в формировании удмуртской печати // Журналистика Удмуртии: история и современность. К 100-летию удмуртской национальной периодической печати: Материалы Регион. межвузовской научно-практической конференции (15 февраля 2006 г., Ижевск) / Отв. ред. А. А. Вахрушев. Ижевск: Изд. дом «Удм. ун-т», 2006. 272 с.

Бабинцев А. С. Удмуртская орфография: Тезисы (в порядке обсуждения) // К первой удмуртской языковой конференции. Ижевск, 1937. 11 с.

Баталова Р. М. Коми-Пермяцкая диалектология / АН СССР. Ин-т языкозн.; Отв. ред. К. Е. Майтинская. М.: Наука, 1975. 252 с.

Бахрушин С. В. Г. Ф. Миллер как историк Сибири // Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. М.; Л., 1937. С. 3–55.

Белова Е. Б. Аффрикаты удмуртского языка (в экспериментальном освещении): Дис. ... канд. филол. наук / Удм. гос. ун-т. Ижевск, 2000. 149 с.

Белова Е. Б. Эволюция обозначения удмуртских аффрикат латиницей // Пермистика 8: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими: Сб. статей. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского ун-та, 2001. С. 53–59.

Белова Е. Б. Развитие кириллического изображения аффрикат // Первой удмуртской грамматике 225 лет: Сб. статей / РАН. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ. Ижевск, 2002. С. 98–105.

Блиновъ Н. Н. Лыдзонъ. Азбука для вотских дѣтей. Вятка, 1867. 24 с.

Блиновъ Н. Н. Грамота: Учебникъ для народныхъ школь Вятской губерніи. Вятка, 1872. 68 с.

Богатова Г. А. История слова как объект русской исторической лексикографии. М.: Наука, 1984. 256 с.

Бубрих Д. В. Историческая фонетика удмуртского языка (сравнительно с коми языком) / НИИ ист., языка, лит. и фольклора при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1948. 112 с.

Букварь 1875 – Букварь для крещенныхъ вотяковъ. Гожтеть тодыте. Казань, 1875. 37 с.

Букварь 1882 – Букварь для Вотяцкихъ дѣтей Сарапульскаго уѣзда. Казань, 1882. 23 с.

Булич С. К. Очерк истории языкознания в России // Записки историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета. СПб., 1904. Ч. LXXV. С. 149–1248.

Бушмакин С. К. Морфологические особенности средневосточных говоров удмуртского языка // СФУ. 1969. № 1 (V). С. 59–69.

Бушмакин С. К. Выпадение и вставка звуков в диалектах удмуртского языка // СФУ. 1970. № 2 (VI). С. 101–111.

Ванюшев В. М. Литература // Удмурты: историко-этнографические очерки / УИИЯЛ УрО РАН; Науч. ред. д-р ист. наук В. В. Пименов. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1993. С. 295–301.

Вахрушев В. М. Об особенностях говоров северного диалекта удмуртского языка // Записки / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1959. Вып. 19. С. 228–241.

Вахрушев В. М. Первая удмуртская грамматика и развитие удмуртской лингвистики // Вопросы удмуртского языкознания: Сб. статей; Вып. 3 / Отв. ред. В. М. Вахрушев. Ижевск: НИИ при СМ УАССР, 1975. С. 3–23.

Вахрушев В. М. Формирование и развитие удмуртского литературного языка // 200 лет удмуртской письменности: Сб. статей / Отв. ред. В. М. Вахрушев. Ижевск: НИИ при СМ УАССР, 1976. С. 37–43.

Верецагинъ Г. Е. О книгахъ на вотскомъ языкѣ. Вятка, 1895. 21 с.

Вессен Э. Скандинавские языки. Перевод со второго шведского издания и примечания С. С. Масловой-Лашанской. М., 1949. 168 с.

Вейтсо Т.-Р. Проблемы ударения в эстонском языке // СФУ. 1979. № 3 (XV). С. 136–152.

Волков А. А. – Грамматология и исследование массовой информации // Материалы научного семинара «Семиотика средств массовой коммуникации». Ч. 1–2. М., 1973. 386 с.

Воронцов П. И. Явления выпадения фонемы *ы* в удмуртских диалектах // Пермистика 4: Пермские языки и диалекты в синхронии и диахронии: Сб. статей / Удм. ун-т. Каф. общ. и фин.-уг. языкозн. Ижевск, 1997. С. 7–22.

Гавриловъ Б. Произведенія народной словестности, обряды и повѣрья вотяковъ Казанской и Вятской губерній. Казань, 1880. 190 с.

Гильмаев А. В. Татышлинский диалект I // Материалы по удмуртской диалектологии: Образцы речи / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск, 1981. С. 97–102.

Гордеев Ф. И. Историческое развитие лексики марийского языка. Йошкар-Ола, 1985. 144 с.

Грот Я. Филологические занятия Екатерины II // Русский архив. 1877. № 4. С. 425–442.

ГСУЯ 1962 – Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология / Удм. НИИ ист., экон., языка и лит.; Отв. ред. П. Н. Перевощиков. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1962. 376 с.

Денисов В. Н. Фонетическая характеристика ударения в современном удмуртском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Ленингр. гос. ун-т. Л., 1980. 21 с.

Денисов В. Н. К проблеме акцентуации в современном удмуртском языке // Вопросы фонетики и грамматики удмуртского языка: Сб. статей / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР. Устинов, 1986. С. 17–32.

Денисов В. Н. Типологические аспекты ударения в удмуртском и некоторых тюркских языках (На материале экспериментальных гласных) // Пермистика 2: Вихманн и пермская филология: Сб. статей / АН СССР. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ. Ижевск, 1991. С. 120–125.

Домокош П. История удмуртской литературы / Перевод с венгерского В. Власовчик. Ижевск: Удмуртия, 1993. 448 с.

Егоров В. Г. Первая печатная грамматика чувашского языка 1769 г. // Тюркологический сборник I. М., Л., 1951. С. 85–92.

Ермаков Ф. К. Характеристика дореволюционных удмуртских изданий // 200 лет удмуртской письменности: Сб. статей / Отв. ред. В. М. Вахрушев. Ижевск: НИИ при СМ УАССР, 1976. С. 83–87.

Загуляева Б. Ш. Прикильмезские говоры удмуртского языка: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Тартуский ун-т. Тарту, 1980а. 16 с.

Загуляева Б. Ш. Морфологические особенности прикильмезских говоров удмуртского языка // *Fenn-Ugristica*. Труды по финно-угроведению / Тартуский ун-т. Тарту, 1980б. Вып. 6: Специфические особенности лексики и грамматики уральских языков. С. 103–108.

Зверева Л. Е. Говоры Увинского и Вавожского районов // Образцы речи удмуртского языка / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск, 1982. С. 60–72.

Зиндер Л. Р. Очерк общей теории письма / АН СССР. Ин-т языкозн. Л.: Наука, 1987. 112 с.

Зиндер Л. Р., Строева Т. В. Историческая фонетика немецкого языка: Пособие для студ. пед. ин-тов. М., Л.: Просвещение, 1965. 192 с.

Иванов И. Г. К проблеме роли сознательного вмешательства в языковые процессы в период формирования литературных норм // Марийская филология. Межвузовский сборник научных трудов. Йошкар-Ола, 1986. С. 33–44.

Иванова В. Ф. Принципы русской орфографии. Л.: Изд-во ЛГУ им. Жданова, 1977. 230 с.

Ившин Л. М. Графические особенности удмуртско-русского словаря Захария Кротова // Проблемы удмуртской и финно-угорской филологии: Межвузовский сборник научных трудов / Удм. ун-т. Каф. общ. и фин.-уг. языкозн. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1998. С. 140–145.

Ившин Л. М. Некоторые графические особенности переводного евангелия 1847 года // Пермистика 8: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: Сб. статей / Сыктывкарский гос. ун-т. Каф. коми и фин.-уг. языкозн. Сыктывкар, 2001. С. 99–103.

Ившин Л. М. О некоторых диалектных особенностях Евангелия от Матфея 1847 года // Первой удмуртской грамматике 225 лет: Сб. статей / УИИЯЛ УрО РАН. Ижевск, 2002а. С. 153–158.

Ившин Л. М. Из истории изучения графики памятников удмуртской письменности // Материалы международной научной конференции «Актуальные вопросы финно-угроведения и преподавания финно-угорских языков», посвященной 30-летию преподавания венгерской и финской филологии на филологическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова / Культурный науч. и информационный центр Венгерской Республики. М.: Валанг, 2002б. С. 200–205.

Ившин Л. М. Об удмуртской орфографии XVIII века // Вордском кыл. 2002в. № 2. С. 57–62.

Ившин Л. М. Предисловие // Первые печатные книги на удмуртском языке: Глазовское наречие / РАН. УрО. Удмуртский институт истории, языка и литературы. Сост. Л. М. Ившин, отв. за вып. Л. Л. Карпова. Предисл. – Л. М. Ившин. Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. Ижевск, 2003а. С. 5–12.

Ившин Л. М. Предисловие // Первые печатные книги на удмуртском языке: Сарапульское наречие / РАН. УрО. Удмуртский институт истории,

языка и литературы. Сост. Л. М. Ившин, отв. за вып. Л. Е. Кириллова. Предисл. – Л. М. Ившин. Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. Ижевск, 2003б. С. 5–10.

Ившин Л. М. О русско-вотском словаре 1820 года // Формирование и развитие литературных языков Поволжья: Материалы V Международного симпозиума / Удм. гос. ун-т. Факультет удм. филологии. Каф. общ. и фин.-уг. языкозн. Ижевск: Изд. дом «Удм. ун-т», 2004. С. 91–95.

Ившин Л. М. Словарь языка вотяков ... 1816 года // XXI IFUSCO = Международная финно-угорская студенческая конференция: Тезисы / Удмуртский государственный университет; отв. ред. М. А. Самарова, Е. Г. Игнатъева, Силард Тот. Ижевск: Изд. дом. «Удм. ун-т», 2005а. С. 85–86.

Ившин Л. М. Удмуртский материал в «Своде некоторых слов...» 1833 года // Флор Васильев и современность: Материалы научно-практической конференции / Глазов. гос. пед. ин-т. Глазов: ГГПИ, 2005б. С. 135–136.

Ившин Л. М. Материал по пермским языкам в словаре начала XIX века // Национальные языки России: региональный аспект. К 50-летию коми-пермяцко-русского отделения филологического факультета Пермского государственного педагогического университета: Материалы Международ. науч.-практич. конференции (20–25 октября 2005 г., Пермь) / отв. ред. А. С. Лобанова; Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2005в. С. 170–172.

Ившин Л. М. Некоторые графические особенности Евангелия от Марка 1847 года (глазовского наречия) // Марийская филология: Ученые записки, посвященные 70-летию профессора И. Г. Иванова. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2005г. С. 118–121.

Ившин Л. М. Об орфографии первых печатных азбук удмуртского языка // Международная научная конференция «75 лет высшему образованию в Удмуртии»: Материалы конференции: Ч. 1. Гуманитарные науки. Ижевск, 2006а. С. 226–228.

Ившин Л. М. О некоторых орфографических особенностях первых печатных азбук удмуртского языка // Ашмаринские чтения: Материалы межрегиональной конференции. Чебоксары: Изд-во Чувашского ун-та, 2006б. С. 101–107.

Ившин Л. М. Язык лингвистических материалов Д. Г. Мессершмидта // Рукописные памятники как предпосылки создания национальной письменности: Материалы межрегиональной научной конференции, посвященной 170-летию со дня написания рукописной грамматики пермяцкого (совр. коми-пермяцкого) языка / Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2008а. С. 57–64.

Ившин Л. М. Об истории издания и орфографии первопечатного Евангелия от Марка 1847 г. на удмуртском языке // Письменная культура народов России: Материалы Всероссийской научной конференции 19–21 ноября 2008 г. / Под ред. *Б. И. Оситова*. Омск: Омск. гос. ун-т, 2008б. С. 39–44.

Ившин Л. М. Традиционное и диалектное в памятниках удмуртской письменности первой половины XIX века // Вестник Чувашского университета. 2008. № 1. Чебоксары, 2008в. С. 169–173.

Ившин Л. М. Удмуртские лингвистические материалы *Й. Э. Фишера* // Третьи Флоровские чтения: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию удмуртского поэта *Ф. И. Васильева*. Глазов: Глазов. гос. пед. ин-т, 2009а. С. 129–132.

Ившин Л. М. О рукописном удмуртско-русском словаре 1816 года // LU. 2009б. № 1 (XLV). С. 44–48.

Ившин Л. М. Материалы *Й. Э. Фишера* по удмуртскому языку: лингвистическая характеристика // Урало-Алтайские исследования. 2010. № 1 (2). С. 86–94.

Ильминский Н. Опыты переложения христианских вероучительных книг на татарский и другие инородческие языки в начале текущего столетия. Казань, 1885. 356 с.

История Удмуртии I – История Удмуртии: Конец XV – начало XX века / Под. ред. *К. И. Куликова*; введение *М. В. Гришкиной, Н. П. Лигенко*. Ижевск, 2004. 552 с.

Кайдалова А. И., Калинина И. К. Современная русская орфография. Изд. 4 испр. и доп. Учебн. пособие. М.: Высшая школа, 1983. 239 с.

Каракулов Б. И. Говор села Юски // Образцы речи удмуртского языка / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск, 1982. С. 106–115.

Каракулов Б. И. О диалектных особенностях памятников удмуртской письменности XIX века // Пермистика: Вопросы диалектологии и истории пермских языков: Сб. статей / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР; Удм. гос. ун-т. Ижевск, 1987а. С. 103–107.

Каракулов Б. И. Типы изучения ранних текстов (на материале удмуртского языка) // Типы коммуникации и содержательный аспект языка: Сб. научн. тр. / АН СССР. Ин-т языкозн. Совет ученых и специалистов. М., 1987б. С. 184–191.

Каракулов Б. И. Диалектная основа удмуртского литературного языка: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1987в. 201 с.

Каракулов Б. И. К истории создания письменных памятников марийского и удмуртского языка // Дооктябрьские истоки межлитературной

общности Урало-Поволжья: Сб. статей. Ижевск, 1991. С. 115–123.

Каракулов Б. И. Словари удмуртского языка в Кировском архиве // История и культура Волго-Вятского края: К 90-летию Вятской ученой архивной комиссии: Тезисы докл. и сообщ. к межрег. науч. конф. Киров: Волго-Вят. кн. изд-во. Киров. отд., 1994. С. 313–315.

Каракулов Б. И. Роль переводов евангелий издания 1847 года в истории удмуртского литературного языка // Духовная культура финно-угорских народов: История и проблемы развития: Материалы междунар. науч. конф. (Глазов, 19–21 ноября 1997 года). Ч. I: Языкознание. Фольклор и литературное краеведение. Библиотека – книга – читатель. Глазов, 1997. С. 3–8.

Каракулов Б. И. Язык удмуртского перевода Евангелий, изданных в 1847 году // Коренные этносы севера Европейской части России на пороге нового тысячелетия: История, современность, перспективы: Материалы научной конференции / Коми научный центр УрО РАН (Сыктывкар, 17–19 мая 2000 г.). Сыктывкар, 2000. С. 467–469.

Каракулов Б. И. Еще раз о вопросе строительства удмуртского литературного языка в 30-е годы XX века или забытая страница истории удмуртской лингвистики // *Permiek, finnek, magyarok: Írások Szij Emikő 60. születésnapjára* (= *Uralistikai Tanulmányok 14*). Budapest, 2004. С. 528–536.

Каракулов Б. И. Удмурт литературной кыллэн сюресэз: XVIII–XXI дауръёс = История удмуртского литературного языка: XVIII–XXI века. Ижевск: Удмуртия, 2006. 208 с. (На удм. и рус. яз.).

Карпова Л. Л. Некоторые фонетические особенности дёбинского и чурашурского говоров // *Пермистика: Вопросы диалектологии и истории пермских языков: Сб. статей / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР; Удм. ун-т. Ижевск, 1987. С. 109–111.*

Карпова Л. Л. О некоторых морфологических особенностях дёбинского говора // Вопросы диалектологии и лексикологии удмуртского языка: Сб. статей / АН СССР. УрО. Ин-т ИЯЛ. Ижевск, 1990. С. 66–84.

Карпова Л. [Л.] Особенности словесной акцентуации в среднечепецком диалекте удмуртского языка // *LU. 1994. № 1 (XXX). С. 28–34.*

Карпова Л. [Л.] Особенности употребления падежных форм в среднечепецком диалекте удмуртского языка // *LU. 1996. № 1 (XXXII). С. 36–42.*

Карпова Л. Л. Фонетика и морфология среднечепецкого диалекта удмуртского языка: Дисс. ... канд. филол. наук. Тарту, 1997. 224 с.

Карпова Л. Л. Глагольная система в удмуртских грамматиках XVIII в. // *Первой удмуртской грамматике 225 лет: Сб. статей / УИИЯЛ УрО РАН. Ижевск, 2002. С. 159–164.*

Карпова Л. Л. Среднечепецкий диалект удмуртского языка: Образцы речи. Ижевск, 2005. 581 с.

Карпова Л. Л. Об особенностях словесного ударения в североудмуртских диалектах // *Материалы Межд. научно-практической конференции, посвященной 450-летию добровольного вхождения Удмуртии в состав Российского государства.* Ижевск, 20–22 мая 2008 г. / Сост. и общ. ред. В. В. Пузанова и А. Е. Загребина. Ижевск: Изд. дом «Удм. ун-т», 2008. С. 943–950.

Карпова Л. Л. Североудмуртские диалектные особенности в первых переводных Евангелиях (на глазовском наречии) // *Материалы Всероссийской научной конференции «Финно-угры – славяне – тюрки: опыт взаимодействия (традиции и новации)»* (15–16 декабря 2009 г., Ижевск). Ижевск: Изд-во «Удм. ун-т», 2009. С. 712–719.

Кельмаков В. К. О некоторых специфических фонемах кукморского диалекта удмуртского языка // *СФУ.* 1968. № 3 (IV). С. 187–196.

Кельмаков В. К. Удмуртско-татарские языковые контакты и некоторые фонетические особенности периферийно-южного наречия удмуртского языка // *Советская тюркология.* 1974. № 3. С. 40–53.

Кельмаков В. К. Финно-угорская праязыковая особенность вокализма непервого слога и ее следы в пермских языках // *Вопросы удмуртского языкознания: Сб. статей / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР.* Ижевск, 1975. Вып. 3. С. 65–89.

Кельмаков В. К. К вопросу о периодизации истории удмуртского языка (на материале исторической фонетики) // *СФУ.* 1976. № 4 (XII). С. 283–288.

Кельмаков В. К. Краткая характеристика кырыкмасских говоров южноудмуртского наречия I // *Вопросы удмуртской диалектологии: Сб. статей и материалов / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР.* Ижевск, 1977. С. 26–61.

Кельмаков В. К. Еще раз об истории ударения в удмуртском языке // *Вопросы финно-угроведения. Тезисы докладов на XVI Всесоюзной конференции финно-угроведов.* Сыктывкар, 1979. С. 4–5.

Кельмаков В. К. Фонетическое варьирование слов в удмуртском языке I: Варьирование гласных непервых слогов // *Вопросы удмуртской диалектологии и ономастики: Сб. статей / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР.* Ижевск, 1983. С. 50–61.

Кельмаков В. К. Роль отпадения конечных гласных основы в развитии фонетического строя пермских языков // *Фонетика и письмо: Межвуз. сб. науч. тр. / Удм. гос. ун-т. Устинов,* 1986. С. 116–128.

Кельмаков В. К. К вопросу о диалектном членении удмуртского языка // Пермистика: Вопросы диалектологии и истории пермских языков: Сб. статей / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР; Удм. ун-т. Ижевск, 1987. С. 26–51.

Кельмаков В. К. Взаимодействие факторов различных уровней в истории пермских языков // Congressus Septimus Internationalis Fenno-Ugristarum. Debrecen, 1990. I A: Sessiones plenares: Dissertationes. С. 105–124.

Кельмаков В. К. У истоков удмуртской филологии // Пермистика [3]: Диалекты и история пермских языков: Сб. статей / КНЦ УрО РАН, Ин-т языка, литературы и истории. Сыктывкар, 1992а. С. 55–60.

Кельмаков В. К. Проблемы современной удмуртской диалектологии в исследованиях и материалах (= Удмурт вераськетъёс 1) / Удм. ун-т. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1992б. 176 с.

Кельмаков В. К. Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов: Препринт / Удм. ун-т. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1993. 58 с.

Кельмаков В. К. Еще раз к вопросу о губно-губном сонанте в удмуртских диалектах // Пермистика 4: Пермские языки и их диалекты в синхронии и диахронии: Сб. статей / Удм. ун-т. Каф. общ. и фин.-уг. языкозн. Ижевск, 1997. С. 52–75.

Кельмаков В. К. Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1998. 386 с.

Кельмаков В. К. Неизвестная страница истории удмуртского языкознания. Рукописный словарь удмуртского языка Владислава Ислентьева: Материалы к спецкурсу / МОПО РФ; Удм. ун-т; Каф. общ. и фин.-уг. языкозн. Ижевск: Изд-во удм. ун-та, 1999. 58 с.

Кельмаков В. К. Удмуртское языкознание: Зарождение. Этапы истории. Современное состояние: Препринт / Удм. гос. ун-т. Каф. общ. и фин.-уг. языкозн. Ижевск: Изд. дом «Удм. ун-т», 2001а. 140 с.

Кельмаков В. К. Очерки истории удмуртского языкознания (= Удмурт вераськетъёс 4) / Удм. гос. ун-т. Каф. общ. и фин.-уг. языкозн. Ижевск: Издат. дом «Удм. ун-т», 2001б. 232 с.

Кельмаков В. К. К истории удмуртского и пермского языкознания: Хрестоматия по курсу «История изучения удмуртского языка» / Удм. гос. ун-т. Каф. общ. и фин.-уг. языкозн. Ижевск: Изд. дом «Удм. ун-т», 2002а. 445 с.

Кельмаков В. К. Зарождение и развитие удмуртского языкознания // Первой удмуртской грамматике 225 лет: Сб. статей / РАН. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ. Ижевск, 2002б. С. 17–53.

Кельмаков В. К. Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка. Часть 1 / Удм. гос. ун-т. Каф. общ. и фин.-уг. языкозн. Ижевск: Изд. дом «Удм. ун-т», 2003. 276 с.

Кельмаков В. К. О языке и стиле первопечатного Евангелия от Матфея на «сарапульском наречии» удмуртского языка I // *Permieki, finnek, magyarak: Írások Szij Enikő 60. születésnapjára* (= *Uralisztikai Tanulmányok* 14). Budapest, 2004a. С. 537–546.

Кельмаков В. К. Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка. Часть 2 / Удм. гос. ун-т. Каф. общ. и фин.-уг. языкозн. Ижевск: Изд. дом «Удм. ун-т», 2004б. 395 с.

Кельмаков В. К. Об «орфографии» первопечатного Евангелия от Матфея на «сарапульском наречии» удмуртского языка // *Вестник удмуртского университета*. 2007. № 5. Ижевск: Изд-во Удм. гос. ун-та. С. 17–24.

Кельмаков В. К. Очерки истории удмуртского литературного языка: Учеб. пособие / Удм. гос. ун-т. Фак. удм. филол. Каф. общ. и фин.-уг. языкозн. (= *Удмурт вераськетьёс* 8). Ижевск: Изд. дом «Удм. ун-т», 2008. 420 с.

Кириллова Л. Е. Микротопонимия бассейна Валы (в типологическом освещении) / УИИЯЛ УрО РАН. Ижевск, 1992. 320 с.

Кириллова Л. Е. Микротопонимия бассейна Кильмези / РАН. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ. Ижевск, 2002а. 571 с.

Кириллова Л. Е. Географическая терминология в памятниках удмуртской письменности XVIII века // *Первой удмуртской грамматике 225 лет: Сб. статей / УИИЯЛ УрО РАН*. Ижевск, 2002б. С. 171–175.

Кондратов А. М. Статистические методы дешифровки некоторых письмен Древнего Востока и Средиземноморья: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1969. 23 с.

Кондратьева Н. В., Зверева Т. Р. О первых печатных книгах на удмуртском языке 1847 года издания // *Формирование и развитие литературных языков Поволжья: Материалы V Междунар. симп. / Удм. гос. ун-т. Фак. удм. филол. Каф. общ. и фин.-уг. языкозн. Ижевск: Изд. дом «Удм. ун-т», 2004. С. 322–326.*

Кузнецова А. Произойдет ли в XXI в. смена парадигмы в изучении уральских языков? // *Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum*. 7. – 13.8. 2000. Tartu, 2000. Pars I: *Orationes plenariae & Orationes publicae*. С. 93–108.

Куликов К. И. Удмуртъяслэн югдытйсьсы: нырысетй удмурт грамматикалы – 225 ар // *Кенеш*. 2000. № 4. 22–28-тй б.

Лаврентьев Г. И. Удмурт кылын гождьяськынын куд-ог ужпумъёс // *Молот*. 1971. № 9. 50–53-тй б.

Лупповъ П. Н. Христианство у вотяковъ въ первой половинѣ XIX вѣка. Вятка: Губернская типографія, 1911. XXII + XVI + 568 с. + XXXIV.

Лупповъ П. Н. Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX века / РАН. УрО. Удмуртский институт истории, языка и литературы. Отв. за выпуск М. В. Гришкина; предисловие, примечания и комментарии М. В. Гришкиной. Ижевск, 1999. 390 с.: фото, карта. (Памятники культуры. Памятники исторической мысли).

Лыткин В. И. Исторический вокализм пермских языков / АН СССР. Ин-т. языкозн. М.: Наука, 1964. 271 с.

Лыткин В. И. Проблема лексического ударения в финно-угорских языках // ALH. Budapest, 1970. Т. 2. С. 245–263.

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.: илл.

Майер В. А. Исторические и культурные предпосылки написания первой грамматики удмуртского языка // Вопросы удмуртского языкознания: Сб. статей / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск, 1975. Вып. 3. С. 24–34.

Миллеръ Г. Ф. Описание живущихъ в Казанской губерніи языческихъ народовъ, яко то черемись, чувашъ и вотяковъ <...>; приложеніемъ многочисленныхъ словъ на семи разныхъ языкахъ, какъ то Казанско-Татарскомъ, Черемисскомъ, Чувашскомъ, Вотяцкомъ, Мордовскомъ, Пермскомъ и Зырянскомъ, и приобщеннымъ переводомъ Господней молитвы *Отче нашъ* на Черемисскомъ и Чувашскомъ языкахъ. Сочиненное *Герардомъ Фридрихомъ Миллеромъ*, Императорской Академіи Наукъ Профессоромъ, по возвращеніи его въ 1743 году изъ Камчатской Экспедиціи. СПб., 1791. 101 с.

Напольских В. В. Дважды забытый (Д. Г. Мессершмидт – первый исследователь удмуртского языка и культуры) // Арт. 1998. № 4. С. 146–156.

Напольских В. В. Удмуртские материалы Д. Г. Мессершмидта. Ижевск: Удмуртия, 2001. 224 с., илл.

Напольских В. В. К вопросу о диалектной базе удмуртского словника Ф. И. фон Штралленберга // LU. 2002. № 1. С. 33–49.

Насибуллин Р. Ш. Наблюдения над языком красноуфимских удмуртов // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия: Сб. статей и материалов / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск, 1978. С. 86–151.

Новлянская М. Г. Даниил Готлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. Л., 1970. 184 с.

ОФУЯ I – Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М.: Наука, 1974. 484 с.

Паллас П.-С. Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею Всевысочайшей особы. СПб. Т. 1. 1787. Т. 2. 1789.

Патрушев Г. С. Из истории изучения марийского языка // Ученые записки МГПИ. Т. 16. Йошкар-Ола, 1958. С. 3–28.

Пекарский П. П. История Академии наук в Санкт-Петербурге. Т. 1. СПб, 1870.

Поздеев П. [К]. Удмуртъёслэн Кириллзы но Мефодийзы // Кенеш. 1991. № 5. 25–26-тй б.

Пономарев К. А. Двухсотлетие удмуртской письменности и развитие науки и культуры в Удмуртской АССР // 200 лет удмуртской письменности: Сб. статей / Отв. ред. В. М. Вахрушев. Ижевск: НИИ при СМ УАССР, 1976. С. 5–14.

Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2000. 624 с.

Сахарных Д. М. Возникновение удмуртской письменности: предварительный опыт датировки // XXVI итоговая студенческая научная конференция: Тезисы докладов. Ижевск. Изд-во Удм. ун-та, 1998. С. 11–13.

Сахарных Д. М. Изучение истории удмуртской письменности: предварительные итоги // Миромоделирование: гуманитарные и художественные процессы в общественной жизни: Сб. статей / Составитель и отв. редактор В. Б. Кошаев. Ижевск. Изд-во Удм. ун-та, 2009. С. 119–121.

Сергеев О. А. Краткая лингвистико-палеографическая интерпретация пермских памятников письменности: по материалам Центрального государственного архива Республики Татарстан // Пермистика 4: Пермские языки и их диалекты в синхронии и диахронии: Сб. статей / Удм. ун-т. Каф. общ. и фин.-уг. языкозн. Ижевск, 1997. С. 149–155.

Сергеев О. А. Истоки марийской письменности: Историко-лингвистический анализ рукописных памятников марийского языка XVIII–XIX веков. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 2002. 192 с.

Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. М., 1971. 315 с.

Солнцев В. Н. Язык и письмо (Вместо предисловия) // Амирова Т. А. Функциональная взаимосвязь письменного и звукового языка. М.: Наука, 1985. С. 3–17.

Сочиненія 1775 – Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи наукъ 1775 года. 113 с. [В кн. Первая научная грамматика удмуртского языка / Удмуртский

НИИ ист., экон., лит. и языка при Совете Министров Удм. АССР. Ижевск: Удмуртия, 1975].

Стариченок В. Д. Большой лингвистический словарь. Ростов на Дону: Феникс, 2008. 811[1] с.

Стеблин-Каменский М. И. История скандинавских языков / АН СССР. Ин-т языкозн.; Отв. ред. В. Ф. Шишмарев. М., 1953. 341 с.

СУЯ 1992 = Вахрушев В. М., Денисов В. Н. Современный удмуртский язык: Фонетика. Графика и орфография. Орфоэпия. Ижевск: Удмуртия, 1992. 144 с.

Сысоева М. В. Первые письменные сведения об удмуртах // Вопросы финно-угорского языкознания. Ижевск, 1967. С. 249–309.

Тараканов И. В. О первой научной грамматике удмуртского языка // Записки / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1959а. Вып. 19. С. 149–166.

Тараканов И. В. Об ударении в удмуртском языке // Известия АН ЭССР. Т. VIII. Серия: Общественные науки. № 2. Таллинн, 1959б. С. 170–177.

Тараканов И. В. К вопросу истории и развития неслогового *ў* в удмуртском языке // Вопросы финно-угорского языкознания: Грамматика и лексикология / АН СССР. Ин-т языкозн. Петрозавод. ин-т ЯИЛ. М.; Л.: Наука, 1964. С. 75–82.

Тараканов И. В. Первой грамматике удмуртского языка 190 лет // СФУ. 1965. № 3. С. 229–230.

Тараканов И. В. Удмурт лексикая очеркьёс. Ижевск: Удмуртия, 1971. 69 б.

Тараканов И. В. История изучения удмуртско-тюркских языковых контактов // СФУ. 1975. № 2 (XI). С. 135–141.

Тараканов И. В. Тюркизмы в удмуртских диалектах по письменным памятникам XVIII века // Вопросы удмуртской диалектологии: Сб. статей и материалов / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск, 1977. С. 85–100.

Тараканов И. В. Заимствованная лексика в удмуртском языке (Удмуртско-тюркские языковые контакты). Ижевск: Удмуртия, 1982. 188 с.

Тараканов И. В. Туала удмурт кыл: Лексикология. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1992. 140 с.

Тараканов И. В. Исследования и размышления об удмуртском языке: Сб. статей: Пособие для высших учебных заведений. Ижевск: Удмуртия, 1998а. 484 с.

Тараканов И. В. О старинных рукописных словарях удмуртского языка // Исследования и размышления об удмуртском языке: Сб. статей: Пособие для высших учебных заведений. Ижевск: Удмуртия, 1998б. С. 330–338.

Тараканов И. В. Об удареии в удмуртском языке // Исследования и размышления об удмуртском языке: Сб. статей: Пособие для высших учебных заведений. Ижевск: Удмуртия, 1998в. С. 69–77.

Тараканов И. В. О некоторых фонетических особенностях бавлинского диалекта удмуртского языка // Исследования и размышления об удмуртском языке: Сб. статей: Пособие для высших учебных заведений. Ижевск: Удмуртия, 1998г. С. 8–27.

Тараканов И. В. Из наблюдений над особенностями среднезападных говоров срединного диалекта удмуртского языка // Исследования и размышления об удмуртском языке: Сб. статей: Пособие для высших учебных заведений. Ижевск: Удмуртия, 1998д. С. 95–136.

Тараканов И. В. К вопросу истории и развития неслогового *ў* в удмуртском языке // Исследования и размышления об удмуртском языке: Сб. статей: Пособие для высших учебных заведений. Ижевск: Удмуртия, 1998е. С. 137–146.

Тараканов И. В. Памятники удмуртской письменности // Удмуртская Республика: Энциклопедия. Ижевск: Удмуртия, 2000. С. 539–540.

Тараканов И. В. История удмуртской графики // Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum 7.–13.8.2000 Tartu. Pars VI. Dissertationes sectionum: Linguistica III. Tartu, 2001. С. 297–301.

Тепляшина Т. И. Фонетическая характеристика тыловайского говора // Записки / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск, 1957. Вып. 18. С. 156–196.

Тепляшина Т. И. Из наблюдений над фонетическими особенностями шошминского диалекта удмуртского языка // Труды / Марийский НИИ языка, лит., ист. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1961. Вып. XV: Вопросы языка, литературы и фольклора. С. 125–139.

Тепляшина Т. И. Памятники удмуртской письменности XVIII века / АН СССР. Ин-т языкозн. М., 1965а. Вып. 1. 324 с.

Тепляшина Т. И. О рукописных памятниках коми-пермяцкого языка // СФУ. 1965б. № 1. С. 60–61.

Тепляшина Т. И. Из истории удмуртской графики // ВКФУ / Тезисы докладов и сообщений. Сыктывкар, 1965в. С. 111–114.

Тепляшина Т. И. Нижнечепецкие говоры севернудмуртского наречия // Записки / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск, 1970а. Вып. 21: Филология. С. 156–196.

Тепляшина Т. И. Язык бесермян // АН СССР. Ин-т языкозн. М.: Наука, 1970б. 288 с.

Тепляшина Т. И. Об удмуртско-русском словаре Захария Кротова // СФУ. 1971. № 2 (VII). С. 129–139.

Тепляшина Т. И. Морфологические диалектизмы в словаре З. Кротова // Вопросы удмуртского языкознания / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск, 1973. Вып. 2: Сб. статей и материалов. С. 224–226.

Тепляшина Т. И., Лыткин В. И. Пермские языки // Основы финно-угорского языкознания: Марийский, пермские и угорские языки / АН СССР. Ин-т языкозн. М.: Наука, 1976. С. 97–228.

Тепляшина Т. И. О новых удмуртских падежах // Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum. Turku 20.–27.VIII. 1980. Turku, 1981. Pars VI: Dissertationes sectionum: Phonologica et morphologica, syntactica et semantica. С. 285–292.

Тепляшина Т. И. Об удмуртско-русском словаре З. Кротова // Кротовъ З. Удмуртско-русский словарь / РАН. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ. Ижевск, 1995 (= Краткий Вотской словарь съ російскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Еловскаго Троицкой церкви священникомъ Захарією Кротовымъ, 1785 года). XX + 208 с. (Памятники культуры Удмуртии: Лингвистическое наследие: Памятники удмуртской филологии I). С. VII–XX.

Терентьев В. Т. Еще раз о первой грамматике чувашского языка // Вопросы языкознания. М., 1959. № 3. С. 139.

Токарев С. А. История русской этнографии (Дюктябрьский период) / АН СССР. Ин-т этнограф.; Отв. ред. Э. В. Померанцева. М., 1966. 456 с.

УРС 1983 – Удмуртско-русский словарь: Ок. 35 000 слов / А. С. Белов, В. М. Вахрушев, Н. А. Скобелев, Т. И. Тепляшина; Под. ред. В. М. Вахрушева; НИИ при Сов. Мин Удм. АССР. М.: Русский язык, 1983. 592 с.

УРС 2008 – Удмуртско-русский словарь: Ок. 50 000 слов / РАН. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ; Сост. Т. Р. Душенкова, А. В. Егоров, Л. М. Ившин, Л. Л. Карпова, Л. Е. Кириллова, О. В. Титова, А. А. Шибанов; Отв. редактор Л. Е. Кириллова. Ижевск, 2008. 925 с.

Ушаков Г. А. Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков. Ижевск: Удмуртия, 1982. 121 с.

Федотов М. И. Ворцинский говор бесермянского наречия // Образцы речи удмуртского языка / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск, 1982. С. 116–130.

Феоктистов А. П. Очерки по истории формирования мордовских письменно-литературных языков (Ранний период). М.: Наука, 1976. 260 с.

Хауген Э. Лингвистика и языковое планирование // Новое в лингвистике. Вып. 7. М.: Прогресс, 1975. С. 441–472.

Хелимский Е. А. Г. Ф. Миллер и венгерская этимологическая традиция // Хелимский Е. А. Компаративистика, уралистика: Лекции и статьи. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 221–229.

Шутов А. Ф. Первым удмуртским книгам – 150 лет // LU. 1997. № 3 (XXXIII). С. 215–217.

* * *

Adelung I. H. Mithridates oder allgemeine Sprachenunde, t. I. Berlin, 1806. S. 547–548.

Amhoff T. G. Votjakin äänne- ja muoto-opin luonnos // JSFOu (Helsinki) 1896. № 2 (XIV). S. 1–48.

Csúcs S. Egy 18. századi votják nyelvemlék // NyK. 1983. № 2 (85). 311–320. old.

Csúcs S. A votják nyelv a 18. században // NyK. 1984. № 1 (86). 63–80. old.

Csúcs S. Chrestomathia Votiaca. Budapest: Tankönyvkiadó, 1990. 224 l.

Gulya J. XVIII. századi etimológiák: Mutatvány J. E. Fischer «Vocabularium Sibiricum»-ának készülő kiadványából // Urálistikai tanulmányok 1: Haidú Péter 60. születésnapja tiszteletére. Budapest, 1983. 163–172. old.

Gulya J. Vocabularium Sibiricum: (1747); der etymologisch-vergleichende Anteil / Johann Eberhard Fischer. Bearb. und hrsg. von Janos Gulya. Frankfurt am Main; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien: Land, 1995 (= Opuscula Fenno-Ugrica Göttingensia; Bd. 7). 252 S.

Itkonen E. Zur Geschichte des Vocalismus der ersten Silbe in Tscheremissischen und in den permischen Sprachen // FUF. (Helsinki) 1953–1954. № 3 (XXXI). S. 149–345.

Itkonen E. Über die Betonungsverhältnisse in den finnisch-ugrischen Sprachen // ALH. (Budapest) 1955. № 1–2. (V). S. 21–34.

Karjalainen K. F. Suomalais-ugrilaisia käsikirjoituksia Pietarin kirjastoissa // SUS. Helsinki, 1906. S. 1–12.

Kel'makov V. K. Der bilabiale Sonant in den udmurtischen Dialekten // Lappomica et Uralica: 100 Jahre finnisch-ugrischer Unterricht an der Universität Uppsala: Vorträge am Jubiläumssymposium 20–23. April 1994. Uppsala, 1996. S. 211–224.

Kel'makov V., Saarinen S. Udmurtin murteet (= Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen julkaisuja 47). Turku – Iževsk, 1994. 368 s.

Lakó Gy. A permi nyelvek szövégi magánhangzói. NyK XLVIII. Budapest, 1934. 65 l.

Messerschmidt I–V – Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727. Tagebuchaufzeichnungen. Hrsg. von E. Winter, G. Uschmann, G. Jarosch. Teile I–V. Berlin, 1962–1977.

Miller G. F. Sammlung russischer Geschichte. T. III. SPb, 1759.

Munkácsi B. Votják nyelv tanulmányok I: Idegen elemek a votják nyelvben // NyK. (Budapest) 1884. XVIII. 35–155, 428–477 old.

Munkácsi B. A votják nyelv szótára. Budapest, 1896. XV + 758 l.

Penttilä A. Die Vertretung des urpermischen inlautenden *η im heutigen syrjänischen und wotjakischen // FUF. (Helsinki) 1927. XVIII. S. 108–115.

Rédei K. A permi nyelvek első szótagi magánhangzóinak a történetéhez // NyK LXX. Budapest, 1968. 35–45. old.

Strahlenberg Ph. J. Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia, In so weit solches Das ganze Russische Reich mit Sibirien und den grossen Tataren in sich begreiffet... Stokholm, 1730. 431 S.

Uotila T. E. Zur Geschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen. Helsinki, 1933. XVIII + 446 S.

Wichmann Y. Wotjakische Sprachproben I. Lieder, Gebete und Zaubersprüche. Helsingfors, 1893. XX + 200 S.

Wihmann Y. Wotjakische Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjo Wihmann. Bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen (= Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXI). Helsinki, 1987. XXIII + 421 S.

Wiedemann F. J. Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterhuche. Reval, 1851. 390 S.

Wiedemann F. J. Zur Dialektenkunde der wotjakischen Sprache // Bulletin de l' Classe des Sciences Historiques, Philologiques et Politiques de l' Académie Imperiale des Sciences de St.-Peterbourg. St.-Petérbourg, 1858. S. 240–256.

Winkler E. Zum Göttinger Vocabularium Sibiricum // JSFOu. 1997. 87. P. 281–308.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
Введение	6
0.1. Предпосылки появления памятников удмуртской письменности.....	6
0.2. Из истории изучения и выявления ранних памятников удмуртской письменности.....	10
Глава первая	
ПАМЯТНИКИ УДМУРТСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XVIII ВЕКА, НАПИСАННЫЕ НА ОСНОВЕ ЛАТИНИЦЫ	13
1.1. Письмо и письменность. Графика. Орфография	14
1.2. Возникновение удмуртской письменности	17
1.3. История изучения удмуртской графики	20
1.4. История изучения удмуртской орфографии.....	25
1.5. Памятники удмуртской письменности на основе латинской графики	27
1.5.1. Удмуртские материалы Д. Г. Мессершмидта	27
1.5.1.1. Графика языковых данных	29
1.5.1.2. Элементы орфографии.....	31
1.5.2. Словник Ф. Й. Страленберга.....	32
1.5.3. Удмуртские материалы в словаре Г. Ф. Миллера.....	34
1.5.3.1. Особенности графики	35
1.5.3.2. Элементы орфографии	39
1.5.4. Материалы Й. Э. Фишера по удмуртскому языку.....	39
1.5.4.1. Особенности графики	41
1.5.4.2. Элементы орфографии.....	44
1.5.5. Удмуртский перевод молитвы «Отче наш»	44
1.5.6. Обозначение специфических удмуртских звуков средствами латиницы	46

Глава вторая

ПАМЯТНИКИ УДМУРТСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ НА ОСНОВЕ КИРИЛЛИЦЫ (XVIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА)	48
2.1. Словари Г. Ф. Миллера, П.-С. Палласа, П. Фалька и первые стихотворения на удмуртском языке.....	50
2.1.1. Графические особенности	51
2.1.2. Обозначение удмуртских звуков средствами кириллицы в лексических материалах Г. Ф. Миллера, П.-С. Палласа, П. Фалька и первых стихотворениях	55
2.1.3. Элементы орфографии.....	56
2.2. «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка»	58
2.2.1. Графические особенности	59
2.2.2. Элементы орфографии	64
2.3. Удмуртско-русский словарь З. Кротова	66
2.3.1. О графике словаря	67
2.3.2. Элементы орфографии	72
2.4. Грамматика М. Могилина	73
2.4.1. Особенности графики	74
2.4.2. Элементы орфографии	79
2.5. Графическая система грамматик и словаря З. Кротова.....	79
2.6. Памятники удмуртской письменности первой половины XIX века	81
2.6.1. Рукописные словари.....	81
2.6.1.1. Словарь языка вотяков 1816 года.....	82
2.6.1.2. Словарь языка вотского 1820 года	83
2.6.1.3. Свод некоторых слов ... 1833 года.....	84
2.6.1.4. Графические особенности словарей.....	85
2.6.1.5. Обозначение удмуртских звуков в словарях	90
2.6.1.6. Элементы орфографии словарей.....	91
2.6.2. Текстовые памятники.....	91
2.6.2.1. Переводы Евангелий	92
2.6.2.2. Азбуки.....	96
2.6.2.3. Графические особенности Евангелий и Азбук	97
2.6.2.4. Обозначение удмуртских звуков в текстовых памятниках	116
2.6.2.5. Элементы орфографии	117

Глава третья

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА ПАМЯТНИКОВ ПИСЬМЕННОСТИ

XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА.....	135
3.1. Становление и развитие графики.....	135
3.2. Становление и развитие «орфографии».....	139
3.3. Ударение.....	142
3.4. Диалектные особенности письменных памятников.....	154
3.4.1. Диалектная принадлежность памятников.....	154
3.4.2. Некоторые диалектные явления.....	159
3.4.2.1. Фонетические особенности.....	160
3.4.2.1.1. В области вокализма.....	160
3.4.2.1.2. В области консонантизма.....	163
3.4.2.2. Фонетические явления на морфологическом уровне.....	172
3.4.2.3. Наддиалектность в текстовых памятниках.....	178
3.5. Характеристика лексического состава.....	184
3.5.1. Общая характеристика лексики.....	184
3.5.2. Диалектная лексика.....	200
3.5.3. Этнографическая лексика.....	201
3.5.4. Редкие и устаревшие (забытые) слова.....	201
3.5.5. Религиозно-мифологическая лексика.....	203
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	205
УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ.....	210
ИСТОЧНИКИ.....	212
ЛИТЕРАТУРА.....	215

Научное издание

ИВШИН ЛЕОНИД МИХАЙЛОВИЧ

**СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ
УДМУРТСКОЙ ГРАФИКИ И ОРФОГРАФИИ
В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА**

Рекомендовано к изданию ученым советом
Удмуртского института истории, языка и литературы
и НИСО УрО РАН

Редактор и корректор – *И. В. Широбокова*
Компьютерный набор – *Л. М. Ившин*
Компьютерная верстка – *И. В. Широбокова*
Дизайн обложки – *В. Е. Романов*

НИСО УрО РАН № 14(10).

Подписано в печать 20.04.2010. Формат 60x84/16.
Бумага офсетная № 1. Гарнитура типа Таймс. Печать офсетная.
Уел. печ. л. 14. Уч.-изд. л. 13,5.
Тираж 200 экз. Заказ № 5121.

Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения Российской академии наук.
426004 Ижевск, ул. Ломоносова, 4.

Отпечатано в ОАО «Ижевская республиканская типография».
426057 Ижевск, ул. Пастухова, 13.

Л.М. Ившин

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ УДМУРТСКОЙ ГРАФИКИ И ОРФОГРАФИИ В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

В книге содержится историко-лингвистическая и палеографическая интерпретация рукописных и печатных памятников письменности удмуртского языка XVIII – первой половины XIX века. Монография адресована широкому кругу читателей: студентам, работникам науки, образования, печати и всем, кто интересуется вопросами истории удмуртского языка и письменности.